

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

Т о м I.
Р о к 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

ВЕСНИК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 44, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: Д.А. Кондаков, А.И. Корсак.
Редактор С.Е. Рясова.

Подписано к печати 07.10.2020. Бумага офсетная 70 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 17,2. Уч.-изд. л. 20,73. Тираж 100 экз. Заказ 535.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.3:398.1:398.87:930.23:908

ШТРИХИ К БИОГРАФИИ ЯНА БАРЩЕВСКОГО: «ДУБИНА НАРОДНОЙ ВОЙНЫ»

д-р биол. наук, проф. Д.О. ВИНОХОДОВ
(Санкт-Петербургский государственный технологический институт,
Санкт-Петербургская ассоциация белорусистов)
vinokhodov@list.ru

Рассмотрен исторический контекст стихотворения Яна Барщевского «Рабункі мужыкоў». Приведён полный текст документа, позволяющего установить подлинные имена действующих лиц произведения, а также истинную последовательность событий и места их действия, в том числе, оставшиеся за рамками ныне известных фиксаций. Выявлены причины, вызвавшие быстрое подавление крестьянского бунта в окрестностях Нещерды. Установлены некоторые подробности о лицах, причастных к указанным событиям. Проанализирован эпизод биографии Барщевского, связанный с бегством семейства его отца от опасности.

Ключевые слова: Ян Барщевский, война 1812 года, крестьянский бунт, историческая основа литературного произведения, «Рабункі мужыкоў».

*«Потребовалось воинство,
Сам государев посланный
К народу речь держал,
То руганью попробует
И плечи с эполетами
Подымет высоко,
То ласкою попробует
И грудь с крестами царскими
Во все четыре стороны
Повёртывать начнёт»*

Некрасов Н.А., «Кому на Руси жить хорошо»

*«Бедные, бедные мятежники!
Вы цвели и шумели, как рожь.
Ваши головы колосьями нежными
Раскачивал июльский дождь»*

Есенин С.А., «Пугачёв»

Введение. В полоцком периоде жизни Яна Барщевского существенное место занимают события, произошедшие во время Отечественной войны 1812 г. Они нашли отражение по меньшей мере в двух его произведениях. В «Шляхтиче Завальне» автор описывает сцену на берегу реки Дриссы, где семья его отца укрывалась от опасности во время Клястицкой битвы [1, s. 2–3], а в стихотворении «Рабункі мужыкоў» рассказывается о крестьянском бунте, спровоцированном французскими мародёрами.

Как известно, Р.А. Подберезский включил отрывок [2, s. XXVII–XXXII] из этого стихотворения в предисловие к упомянутой книге, указав, что написано оно «по случаю известного в окрестностях события, произошедшего в имении пана Малиновского в Шнитовках, что в 50 верстах от Полоцка»:

*Як пранцуская сіла
Из за Дзвіны наступіла,
Нам стала карціць
Чтоб парадак пріўраціць.*

*Аднакаж сядзелі ціха,
Аш тут пріносіць ліха
Пранцузоў у наш двор,
І нутка дзелаць здор.*

*Клеці паразбівалі
Паноў шашых загналі,
Нас казалі пазбіраць*

І гарэлку піць і браць.
 Пранцузы нас пахвалялі
 Об нашым краю упоўнялі,
 І на мігі нас прасілі
 Каб мы с німі двор лупілі.

І мы доўга там гулялі
 Что хацелі пілі, бралі.

Тот брал плацья на вяроўку,
 Чым абшыць жонкі шнуроўку,
 Цыны, медзі сколько мог,
 Чым абліць дуду і рог...

Іншый быдло занімаець,
 Другі адзеньне хапаець,
 Іншый толькі есць і пьець,
 Другі шаблэй куры бьець.

.....
 Калі ўжо так гуляюць
 Пачулі, с пушэк стреляюць,
 “Галён! галён!” закрычалі
 І ўсе з двору, высыпалі

У Кляссіцах о дзве мілі
 Крвавую вайну чынілі.

Як пранцузы вышлі самі
 Мужыкі былі панамі.
 І калі так пагулялі
 Раду сабе укладалі.

Першый Мінка сеў за стол,
 У куты глядзіць як сакол,
 На крэсьлі гдзе сядзеў пан,
 Пуза як барабан.
 А ногі як разапнець
 Хоць с калёсамі праець.

– Помню я тые векі
 Як жылі паноў прэдкі,
 Нас у некруты ня бралі,
 Ах! што за паны бывалі!

Хаць на лбе валос і нет,
 Да ўжо ж усы на ўвесь сьвет!
 Два рукава мелі красных
 І ешчэ два з заду запасных,

З адней полы ў тых паноў
 Семёро пашыў ітаноў!
 А гэты і нас паелі,
 І самі ўжо згалелі.

Палы сабе набрэзалі
 Хвасты с заду падсекалі,
 І цяпер ужо ўсякай
 Кусай з заду.

.....
 Прыдзеш у двор, баішся
 Пакуль к пану зблізішся
 Долга галаву скрабеш...

.....
 Ешчэж гэта не канец
 Палажыш на стол яец,
 І тут ешчэ страх бярэць
 Ждаць што пан запяець...

.....
 Пусьць мне хоць пабьюць штаны,
 Да ўжо ж ня будуць паны!

В примечании Подберезский также даёт пояснение относительно личности одного из названных по имени персонажей стихотворения – Минки: «лакей пана Малиновского, который больше всех озоровал во время этих волнений, впоследствии повешенный в Шнитовках».

Из нескольких независимых фиксаций¹ данного стихотворения (тоже весьма отрывочных) известны иные действующие лица и иные подробности. Трудно сказать совершенно однозначно, в какой мере эти дополнительные сведения исходят от самого Барщевского, а в какой могут быть плодом народной переработки, поскольку текст стихотворения в процессе многократной устной передачи мог и должен был претерпевать трансформацию – вероятно, в некоторых случаях весьма значительную. И всё же мы считаем необходимым принять их во внимание, поскольку они могут отражать реальные исторические события².

Основная часть. В своей речи, помимо критики панов, Минка произносит ещё и следующий призыв: «Ну-тка, братцы, будзем жыць, // Пакінем прыгон службыць, // Зробім сабе вольну Рэч, // Не будзе нас ураднік сеч», и далее: «Нада нам за калы брацца, // А вольнасці старацца (вариант: Старой Польшчы дабівацца)». В результате собравшиеся приняли решение: «Гэта Мінка, як сказаў, // Усім ахвоты паддаў, // Прысягнулі: “Будзем біцца, // Хоць усім кроўю абліцца!”».

В поддержку Минки высказывается ещё один крестьянин – «Даніла, у каторага вялікая сіла» – именно он произносит фразу: «пусць мне хоць пабыюць штаны, // Да ужо ж ня будуць паны!». Далее в разговоре звучат и иные примечательные замыслы крестьян: «Калі гуляць, дык гуляць, // Будзем і мы двары рабаваць, // Дробную шляхту паабдзіраем, // Дай к чорту папраганяем, // Досьць нас бізунум сеч, // Цяпер мы іх будзем печ. // Наша пара жіць, гуляць, // А аканома ў саху запрагаць!»; «Не пастукаець у акно – // Мужык ці пан – усё раўно! // Прагнаць паноў, як сабак! // Будзець і ўсім шляхтам так!».

Из статьи Р.А. Подберезского можно заключить, что события, описанные Барщевским, были достаточно хорошо известны современникам, однако в литературоведческих публикациях мы почти не находим каких-либо подробностей этой истории. Лишь Р. Земкевич в своей известной брошюре указывает: «Верш адносіцца да 1812 году і французкай вайны. Калі селянам загадалі біць ўсіх французоў, якіе аставаліся за арміяй Наполеона, ўсе з гэтага ахвотна карысталі і нават злажылося колькі разбойніцкіх банд, каторыя нападлі на двары і грабілі іх. Напаткаўшы дзе пана або аканома, калі гэта былі іх крыўдзіцелі, распраўляліся з імі без міласці»; и далее: «Мінка – лёкай пана Маліноўскага з вёскі Шнітоўкі. Гэтаго Мінку, камандзера разбойніцкай банды, пасля злавілі і павесілі ў Шнітоўках» [5, с. 12]. Однако даже этот краткий комментарий, хотя и имеет отношение к событиям, происходившим на белорусских землях в целом, вряд ли может оказаться полезен для понимания разбираемого конкретного случая. Обратимся же за помощью к исторической литературе, к архивным документам и посмотрим, что происходило в северной Беларуси и в окрестностях Нещерды.

Итак, основные силы Наполеона из Вильно через Глубокое и Бешенковичи за метром метр шли на Витебск. Севернее, с некоторым отставанием, практически параллельным маршрутом, вдоль левого берега Двины от Динабурга к Полоцку двигался Второй армейский корпус французских войск под командованием маршала Удино. По правому же берегу реки, прикрывая от врага дороги на столицу Российской Империи, также параллельными путями следовал Первый пехотный корпус генерал-лейтенанта П.Х. Витгенштейна.

Утром 14 (26) июля передовые силы Удино переправились на пароме через Двину и заняли Полоцк. Прибыв в город, маршал встретился «с приором иезуитов³, французским эмигрантом, который сообщил ему сведения о русской армии» [8, с. 17]; в тот же день, он доложил в письме начальнику штаба Великой армии маршалу Л.-А. Бертье: «Монахи и помещики этой области протестуют против своих крестьян, которые восстали и предались грабежу, я хочу знать, какого образа действий следует придерживаться в этом отношении на правом берегу Двины» [8, с. 17]. Из процитированного донесения видно, что народные возмущения и бунты начались ещё до вступления французов на полоцкие земли. Казалось бы, благородные, просвещённые и цивилизованные европейцы должны были всецело поддержать крестьян и принести им освобождение от крепостной зависимости, как это было сделано в герцогстве Варшавском. Во всяком случае, существует мнение, согласно которому у Наполеона были такие планы.

Но свой вопрос Удино задал отнюдь не случайно. Полумиллионное французское воинство, в отличие от русской армии, не имело собственных продовольственных и фуражных запасов, и неизбежно было вынуждено добывать хлеб насущный на захваченных землях. «По пути между Вильно и Витебском каждый полк и отряд должен был уже сам заботиться о своём продовольствии [...] Едва достигали бивака, как армия рассыпалась в поисках провианта» [9, с. 45]. На левом берегу Двины, составлявшем тыл французской армии,

¹ Подробный анализ таких фиксаций приведён в работах [3; 4].

² Далее при цитировании иных вариантов стихотворения мы используем стереотекст, составленный Ю.В. Потнопо [4, таблица 2 на вклейке].

³ По-видимому, это был регент конвикта (директор пансиона) Полоцкой иезуитской академии Дидье Ришардо (1769–1849). Родился он во Франции, окончил Сорбонну, в 1789 г. бежал от Французской революции и в 1792 г. оказался в Полоцке, где прошёл двухлетний новициат, ещё 4 года изучал теологию, после чего в 1798 г. принял священнический сан [6, с. 5, 41; 7, с. 424–425].

новые власти были заинтересованы в сохранении организованного продуктивного хозяйства – поспевал урожай. И потому их политика была однозначной: «Все земледельцы и поселяне обязаны быть послушными своим панам, арендаторам имений или их экономам; обязаны ничем не нарушать хозяйскую собственность, отбывать работы и исполнять те повинности, которые предписаны им по инвентарям и которые они исполняли до сего времени. [...] Неисполняющие этого и плохо работающие по донесению владельцев имений должны быть урезонены, наказаны и принуждены к исполнению своих повинностей поветовыми властями, с использованием даже воинской силы, если этого требуют обстоятельства» [10]. Все случаи неповиновения крестьян своим хозяевам жесточайшим образом подавлялись экзекуционными отрядами⁴.

А вот правый берег Двины в основном оставался подконтрольным российским гражданским властям, потому и политика французов в этой местности была абсолютно иной. Судить о ней можно, в частности, по приказу, отданному Бертье командиру Шестого корпуса, находящегося в Бешенковичах, генералу Гувьону Сен-Сиру: «Высылать партии к Сиротино и производить регулярные реквизиции на правом берегу [...] Не извлекайте ничего для вашего армейского корпуса с левого берега» [8, с. 26]. Отряды провиантмейстеров и фуражиров добирались куда только могли и опустошали встретившиеся на пути хозяйства. При случае они грабили и друг друга, когда имели такую возможность [9, с. 53–56]. Дабы не столкнуться с сопротивлением крестьян – единственной силы, которая могла бы активно воспрепятствовать им – мародёры старались перетянуть их на свою сторону: распространяли слухи об объявлении вольности, подстрекали к бунтам против панов и вовлекали в свои грабежи. Таким образом, эпизод, описанный Яном Барщевским, находился в общем русле множества подобных событий.

Рисунок 1. – Христиан Вильгельм фон Фабер дю-Фор. Реквизиция

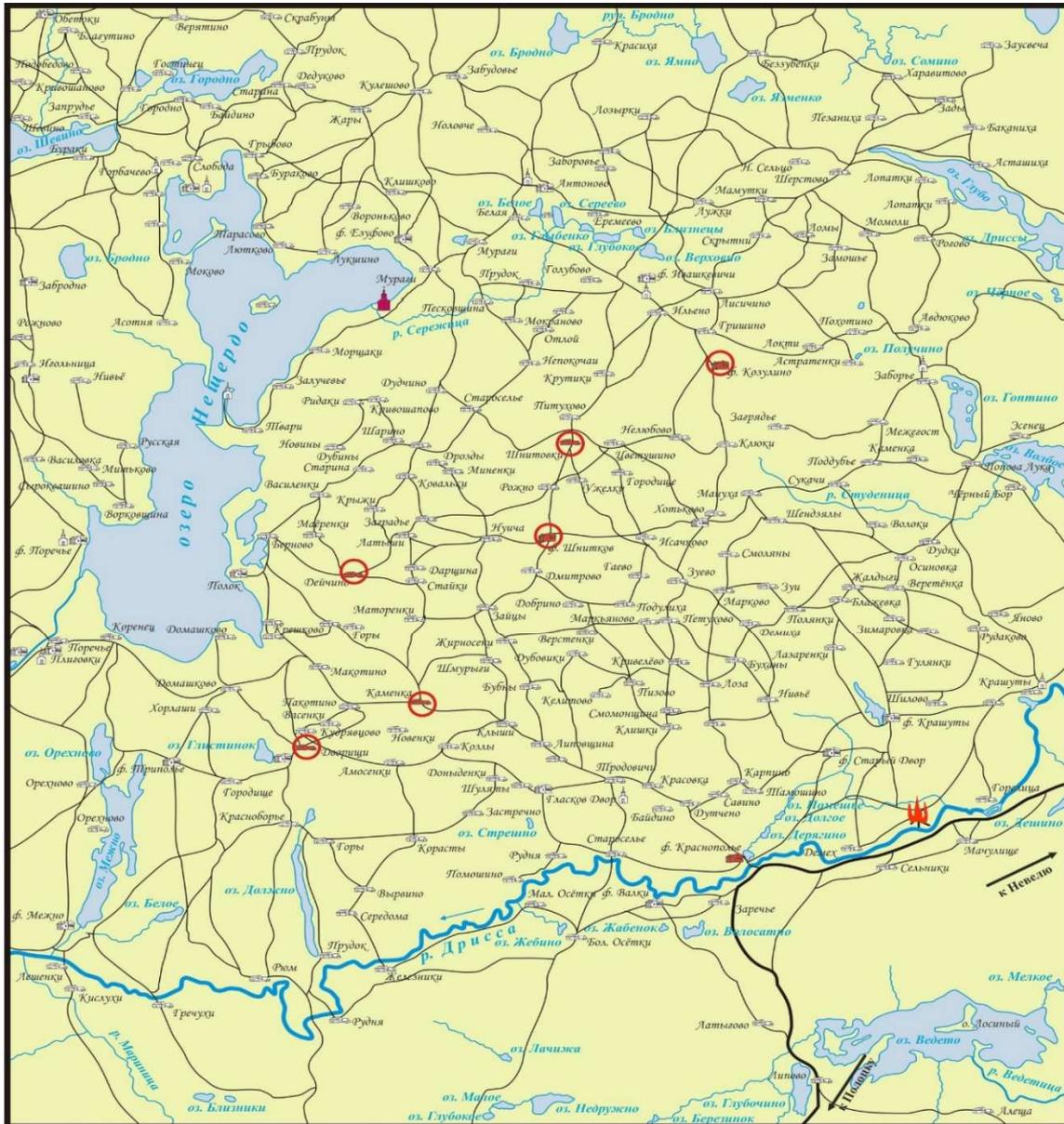
Из Полоцка Удино сразу же выслал разведку по Невельской и Себежской дорогам. Продвинувшись в этих направлениях на 5 лье (22 км), русских войск французы не встретили⁵. На следующий день, дождавшись переправы основных сил по наведённому за ночь мосту, маршал принял решение оставить в городе лишь один батальон и отдал приказ о выдвигании в сторону Себежа. 16 (28) июля лёгкая кавалерия французов подошла к броду через реку Дриссу возле Сивошино, днём позже туда стали подтягиваться пехотные части. В это время войска Витгенштейна шли наперерез французам из Росицы через Кохановичи.

Столкновение произошло возле Клястиц. Удино прибыл туда к полудню 18 (30) июля, его передовые силы, перейдя через реку Нищу, заняли позиции в деревне Якубово, где вскоре были атакованы гродненскими гусарами и егерями, шедшими в авангарде русских войск. Упорный бой шёл до ночи и возобновился с подходом основных русских сил в 3 часа утра следующего дня. Не выдержав атаки, французы отступили. Некоторое время они пытались удержаться на берегу Нищи, но были опрокинуты и бежали из Клястиц обратно к Полоцку, преследуемые отрядом генерал-майора Я.П. Кульнева «по дороге, усеянной бумагами и обломками обозов французских». К вечеру 19 (31) июля Удино был отброшен за сивошинский брод на Дриссе. Стремясь развить успех, Кульнев рано утром 20 июля (1 августа), не дожидаясь главных сил Витгенштейна, перешёл через Дриссу и продолжил наступление. Однако у деревни Боярщина, которая располагалась на перешейке между

⁴ Анализ подобных случаев приведён в работе [11, с. 88–89].

⁵ Здесь и далее последовательность военных действий от Клястицкой битвы до Первого Полоцкого сражения излагается по работе [8, с. 18–112].

озёрами Клетно и Лонье, он попал под огонь французской артиллерийской батареи, после чего на него бросилась в атаку пехота, и он был вынужден повернуть назад к Сивошино. На переправе через Дриссу генерал погиб, а его отряд отступил к Головчицам, куда уже успел дойти Витгенштейн. Здесь развернулось сражение, в котором Витгенштейн был ранен, но русские войска вновь отбросили Удино к Полоцку.

- Места бунтов и столкновений
- Мураговская церковь
- Место ночёвки семейства Барцевских

Рисунок 2. – Карта местности

В это самое время в 35 километрах к востоку от Клястиц, ближе к Невельской дороге, происходили события, описанные Яном Барцевским. Их подробности известны нам из рапорта [12, л. 41–42], составленного по итогам расследования и направленного три месяца спустя генерал-майором Фёдором Филипповичем Довре (к тому времени – уже начальником генерального штаба российской армии) военному министру генерал-лейтенанту князю Алексею Ивановичу Горчакову⁶. Поскольку события в этом документе излагаются не в хронологическом порядке, а в соответствии с логикой судебного заключения,

⁶ Данный документ был введён в научный оборот В.И. Бабкиным и цитировался в его статье [13]. Однако следует

мы приведём его здесь в виде отдельных выдержек, а полный текст поместим в конце статьи – для тех историков, которым он будет полезен.

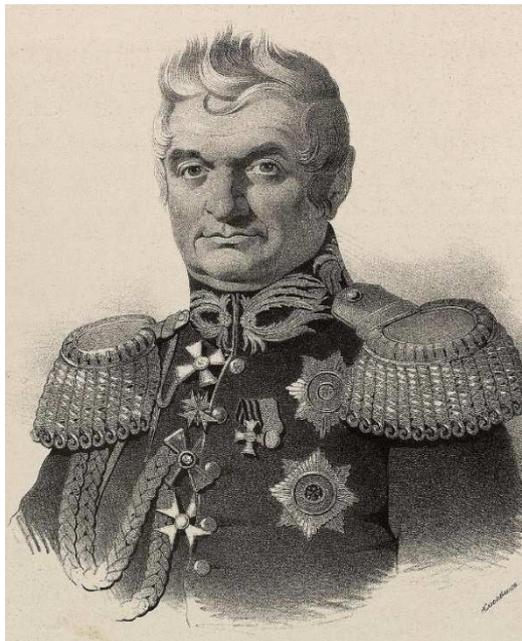

Рисунок 3. – Ф.Ф. Довре

Началось всё с того, что «шляхтич Леон Игнатовский, которой добровольно записавшись во французскую службу, июля 20го числа⁷ в День сражения бывшего под Клястицами, приехал в вотчину помещика Малиновскаго с 14^ю французами, объявил крестьянам вольность, приказывал им на господские пригоны не ходить и господина своего не слушать, позволил разграбить мызу онаго помещика Малиновскаго, и с того времени он Игнатовский провозглашая вольность, бунтовал разных помещиков крестьян, находился с ними в грабительстве».

К грабежу в Шнитовках присоединились крестьяне. «Дворовый человек Данила Макаров, услыша о вольности от Игнатовскаго, первой обрував своего помещика Малиновскаго стал грабить в мызе господские вещи, потом управлял во всё время бунтующимися крестьянами».

Далее беспорядки перекинулись на соседнюю деревню Дворище, где находился казённый магазин (продовольственный склад): «Крестьянин Семён Грачуха, привёл французских марадёров и бунтующих с ними крестьян в свою вотчину помещика Политики, взбунтовал крестьян, поощрил их на грабёж мызы своего помещика и при оной состоявшаго Казённаго провиантскаго Магази́на». Повторилось всё и в деревне Дейчино: «Крестьянин Ларион Куршонок, навёл французов и бунтующих крестьян в мызу своего помещика Рыпинскаго и ограбил оную ночным временем, искал случая убить Арендатора Рудинскаго». Затем бунт распространился и на иные близлежащие имения: «Полоцкаго Уезда около Краснополя помещиков: Отставнаго надворнаго Советника Малиновскаго, Полоцкаго поветоваго Маршала Рыпинскаго, отставнаго подполковника Снарскаго, Дворян: Политики, Драшковскаго и Богомолеца крестьяне [...] взбунтовавшись, вышли из повиновения у своих помещиков и соединясь с французскими марадёрами, разграбили Казённый Магази́н состоящий в деревне Дворище при мызе помещика Политики, потом все мызы ограбили ж и своих помещиков прогнали».

Между тем Витгенштейн, дабы иметь возможность сдерживать, помимо Удино, ещё и находящийся в Динабурге Десятый корпус французских войск под командованием маршала Э.-Ж. Макдональда, отказался от наступления на Полоцк и 23 июля (4 августа) отправился маршем в Росицу, куда прибыл через три дня. В тот же день, 26 июля (7 августа) Удино получил в подкрепление Шестой корпус Сен-Сира и предпринял второе наступление, на этот раз вдоль левого берега Дриссы на запад к Волынцам и далее на север на Кохановичи. Но 30 июля (11 августа) на берегах реки Свольны он потерпел очередное поражение и вернулся к Волынцам, а 1 (13) августа стал отходить к Полоцку, постоянно теснимый русскими

отметить, что, с одной стороны, цитирование это было фрагментарным, а с другой, вычитка документа была неточной. Впоследствии информация из статьи Василия Ивановича использовалась во многих работах других авторов – соответственно, с теми же ошибками. Отсутствие в научном обороте полного текста документа не позволяло до настоящего времени соотнести описанные в нём события со стихотворением Яна Барщевского.

⁷ 1 августа по новому стилю.

войсками. 5–6 (17–18) августа состоялась ожесточённая битва, известная как Первое Полоцкое сражение. Взять город Витгенштейну не удалось, и он отступил за реку Дриссу, начав строительство укрепленного лагеря возле Сивошино. Главная же квартира корпуса расположилась в Соколищах. На этих позициях русские войска оставались в течение двух последующих месяцев.

Вернёмся к событиям возле Нещерды. Грабежи в тамошних местах, продолжавшиеся без малого три недели, по какой-то причине настолько обеспокоили командование русской армии, что для усмирения взбунтовавшихся крестьян Витгенштейном «командирован был Московского Драгунского полка поручик Квятковский с 40 человеками конных драгун». Этот отряд, по всей видимости, вышел со стороны Полоцка по Невельской дороге на другой день после первого Полоцкого сражения и, соответственно, должен был прибыть в имение Снарского Краснополье к вечеру 7 (19) августа.

То, что произошло дальше, пожалуй, было не менее удивительным, нежели история, поведанная Адамом Мицкевичем в его знаменитой поэме «Пан Тадеуш». Приближение отряда не осталось незамеченным, его уже ждали. Когда поручик Квятковский, переночевав в Краснополье, утром 8 (20) августа направился в сторону Нещерды, «крестьяне помещика Рыпинского [...] собрались вооружённые ружьями, пистолетами, кольями, и выгнали его из деревни Каменки; потом соединясь других вотчин с крестьянами, составили толпу до пяти сот человек, преследовали онаго Квятковского по всем местам; а на конец при мызе Казулине августа 9го числа⁸ на разсвете обошли его со всех сторон та их толпа, бунтовщики с стрельбою и большим криком бросились на команду, смяли оную, убив до смерти двух человек драгун и столько же лошадей, поручика Квятковского и заседателя Ольшевского прибили безчеловечно, потом перевязав схваченных ими одного унтер офицера и одиннадцати человек рядовых драгунов с 38^ю лошадьми строевыми того же дня отвели в город Полоцк к французам». Предводительствовали восставшими крестьянами в этом бою Данила Макаров и Ларион Куршонок. При этом надо отдать им должное: они не стремились к кровопролитию. Из всего отряда драгун погибли лишь двое – вероятно те, что стояли на посту, охраняя сон товарищей, и успели схватиться за оружие при внезапном нападении.

Избитый и опозоренный поручик с избежавшими пленения драгунами, хотя и лишились лошадей, но всё же добрались до своего лагеря и сообщили командованию о произошедшем. «После сего поступка бунтующих крестьян, командирован был для усмирения их того ж Московского Драгунского полка майор Шокгоф со всем ескадроном, против котораго равным образом крестьяне во множестве собрались в Дейчине, но майор Шокгоф разными маневрами ескадроном показал им вид многочисленного войска, а потом всячески старался прекратить бунт и уговорил крестьян разойтись по своим местам, причём схватил самых главных их возмутителей и представил к командующему Армиию».

Закончилась эта история гораздо печальнее, нежели повествуют о том сохранившиеся фиксации стихотворения Яна Барщевского. Над арестованными «учреждён был военный суд при первом Отделённом Корпусе». Заседание суда проходило, по-видимому, в Соколищах; «по приговору онаго суда и по конфирмации вышеупомянутого Командующаго Армией Господина Генерала от Кавалерии и кавалера Графа Витгенштейна наказаны смертию в страх и к воздержанию других от подобных поступков: Шляхтич Леон Игнатовский [...] повешен при мызе Малиновскаго в деревне Снитковке. Дворовый человек Данила Макаров [...] повешен при мызе Казулина на том месте, где им разбита была та команда. Крестьянин Семён Грачуха [...] повешен [...] в деревне Дворище. Крестьянин Ларион Куршонок [...] повешен на месте его действий в деревне Дейчине. – Прочиеж соучастники их крестьяна, по мере каждого преступления наказаны все телесно и отданы их помещикам».

Сравнивая документальное описание этих событий со стихотворением Яна Барщевского, невозможно не обратить внимания на ряд несоответствий в изложении фактов. В художественном произведении не упоминается о роли шляхтича Леона Игнатовского. Напротив, французы, не имея переводчика, объясняются с местными жителями с трудом, в основном при помощи жестов, а к мыслям о свободе крестьяне приходят самостоятельно, без посторонних призывов. Вместо лакея Минки документ упоминает о другом мужицком вожде – дворежном человеке пана Малиновского по имени Данила Макаров. Возможно, это тот, кто в некоторых вариантах текста фигурирует под именем «Даніла, у которага вялікая сіла». Кроме того, в стихотворении имеется небольшая, но значимый временной сдвиг: отряд французов покидает имение, едва заслышав канонаду в Клястицах. Битва эта началась 18 (30) июля во второй половине дня. Однако на самом деле французские мародёры пришли в Шнитовки двумя днями позже – 20 июля (1 августа), когда бои уже сместились к берегам Дриссы. Неточно указано в стихотворении и расстояние от мест, где возник бунт, до Клястиц: «У Кляссіцах о дзве мілі // Крвавую вайну чынілі». Русская миля (а в тот период времени также и польская) равнялась семи верстам (7,4676 км), стало быть, расстояние составляло не две, а почти пять миль. Следует также отметить, что комментарий Р. Подберезского к стихотворению грешит многими неточностями – вероятно, по причине того, что со времени описанных событий до публикации «Шляхтича» прошло три с лишним десятилетия. Ещё менее соответствует фактам комментарий Р. Земкевича.

⁸ 21 августа по новому стилю.

В этой истории имеется ещё одно интересное обстоятельство. Подчеркнём ещё раз: бунт в Шнитовках не был единичным случаем, совсем напротив, подобные события происходили во множестве. А.Х. Бенкендорф, который в то время воевал в армейском партизанском отряде, действовавшем на двинском правом берегу восточнее Полоцка, впоследствии вспоминал: «Дворяне этих губерний Белоруссии, которые всегда были поддонками польского дворянства, дорого заплатили за желание освободиться от русского владычества. Их крестьяне сочли себя свободными от ужасного и бедственного рабства, под гнётом которого они находились благодаря скупости и разврату дворян; они взбунтовались почти во всех деревнях, переломали мебель в домах своих господ, уничтожили фабрики и все заведения и находили в разрушении жилищ своих мелких тиранов столько-же варварского наслаждения, сколько последние употребили искусства, чтобы довести их до нищеты» [14, с. 78–79]. Витебский вице-губернатор И.Л. Сушко, пребывающий в Луге, 8 (20) августа написал Витгенштейну письмо, в котором, в частности, сообщил: «В поветах Полоцком, Городецком и Невельском, по внушениям неприятельскими войсками необузданной вольности и независимости, не только многочисленные крестьяне вышли из повиновения своих помещиков, но оных ограбив и изгнав, достигли высочайшей степени буйства и возмущения, так что и земския полиции не в силах укрепить их. То по сим причинам неужгодно ли будет признать ваше сиятельство нужным обратиться на столь опасный предмет особенного внимания вашего, сколько и к пресечению сего зла, приведению в спокойствие возмущившихся, сколько и к охранению командированных чиновников, назначить приличный отряд, который бы в случае надобности и действие своё производил по мере требования тех же чиновников» [15, с. 35–36]. Об этом же позднее писал Витгенштейну из Великих Лук и витебский губернатор И.Ф. Лешерн, прося отрядить «эскадрон конницы и к нему ещё 200 казаков» [16, с. 310]. Однако командующий корпусом отказал в посылке военной команды. Возникает вопрос: почему же в обсуждаемом случае он отреагировал при первой же возможности – сразу, едва лишь окончилось сражение под Полоцком?

Причин для этого могло быть несколько. Во-первых, Шнитовки находились относительно недалеко от его военного лагеря в Соколищах. Во-вторых, был разграблен казённый продовольственный магазин, от которого зависело снабжение русских войск. В-третьих, существенное значение для русской армии имел полный контроль над Невельской дорогой, и беспорядки на её протяжении были недопустимы.

Рисунок 6. – П.Х. Витгенштейн и А.С. Витгенштейн

Однако было и четвёртое обстоятельство. Дело в том, что женой Петра Христиановича была Антуанетта Станиславовна (Антония-Сесилия) Снарская, дочь маршала (предводителя дворянства) Полоцкого наместничества Станислава Адамовича Снарского. А Краснополе, в непосредственной близости от которого бушевал бунт, принадлежало её брату, Константину Станиславовичу Снарскому [17, с. 56]. По всей видимости, в решении о командировании отряда драгун сыграли роль в том числе и семейные связи.

О Полоцком поветовом маршале (предводителе дворянства) Иосифе (Юзефе) Михайловиче Рьпинском (Рипинском) тоже кое-что известно [18, с. 219, 255; 19, с. 422]. Был он двоюродным дядей писателя А.Ф. Рьпинского. Землями на восточном берегу Нещерды его предки владели с первой половины XVIII в. В 1812 г. за старательную и активную свою службу и за содействие русской армии по представлению Витгенштейна он был награждён орденом Св. Анны II степени. Не исключено, что эта милость была оказана ему в некой связи с подавлением мятежа. Имена и подробности биографий прочих местных помещиков,

в имениях которых происходили описанные события, – отставного надворного советника Малиновского, дворян Политики (Поветики?), Драшковского, Богомольца и арендатора Рудинского, – мы пока не знаем.

Остаётся сказать ещё несколько слов об офицерах, подавлявших крестьянский бунт, и об их воинской части [20, с. 115–116, VIII–IX, XXXIII–XXXVII]. Московский драгунский полк состоял во Втором кавалерийском резервном корпусе Западной армии и участвовал в Бородинском сражении. В корпусе же Витгенштейна находился лишь резервный эскадрон этого полка, он входил в состав сводного драгунского полка Девятой кавалерийской дивизии генерал-майора князя Н.Г. Репнина-Волконского. Эскадрон участвовал в сражениях под Клястицами, на реке Свольне, а также в Первом и во Втором Полоцких сражениях. Командовал эскадронам майор Александр Мартынович Шокгоф. Служил он с 1793 г., в офицеры был произведён в 1799 г., чин капитана получил в 1809 г., а майора – в апреле 1812 г. В апреле 1813 г. он был награждён золотым оружием с надписью «За храбрость» [21, с. 135], в августе 1820 г. произведён в подполковники, а в феврале 1823 г. за выслугу 25 лет в офицерских чинах, награждён орденом Св. Георгия IV степени [22, с. 101]. В эскадроне под его началом служили поручики Казанцев, Цеханович 1-й, Квятковский, прапорщики Янковский и Скрынский, а также 15 унтер-офицеров и 98 рядовых. Квятковский – совсем молодой человек, произведённый в поручики лишь в апреле – погиб во Втором Полоцком сражении 7 (19) октября 1812 г. Имя его увековечено на мраморной плите 18-й стены храма Христа Спасителя в Москве.

А теперь посмотрим, что происходило в то же самое время с самим Яном Барщевским. Об этом он сам повествует в своей книге «Шляхтич Завальня» в главе «Воспоминания о посещении родного края» [1, с. 2–3]. Мы видим семейство его отца, а также его знакомых и соседей где-то на лесистом берегу реки Дриссы, на краю соснового бора, где они «прятались в лесах от бури наполеоновской войны»; дело происходит перед самой Клястицкой битвой, до того как послышались первые оружейные залпы – то есть, вечером 18 (30) июля.

«Вечер был погожий, на западе румянились облака. На песчаном берегу Дриссы готовили ужин; горели сухие сосновые поленья; в тихой воде отражалось пламя. Знакомые и соседи, собравшись в круг, сидели у костра, говорили о вступлении французской армии в Полоцк, о стычках в разных местах Белой Руси; то радость, то печаль, то надежда слышались в их беседе. Меня тем временем занимала серебристая рыбка, что подсакивала над чистою водой, крики птиц в бору и белка, которая, взобравшись на дерево и прыгая с ветки на ветку, манила меня в лесную чашу. Когда я погнался за этим зверьком, неожиданно вдалеке за бором, где румянился закат, раздался будто гром. Грохотало безостановочно и гулко, словно из-под земли. Удивлённый, бегу я к старшим и спрашиваю, что это значит. Верно, надвигается буря?»

Мой отец прервал молчание и молвил: "Это буря в Клястицах, на Петербургской дороге. Из дальних стран пришла она сюда, сея свинцовым градом. Но напрасно стремится она на север: встретят её там сильные ветра и морозы".

На лицах у всех была заметна тревога. Испуганные женщины со слезами на глазах шептали молитвы, им думалось, что там каждый залп посылает на тот свет несколько десятков человек. Они дрожали, будто перед Страшным Судом, и вся эта бессонная ночь прошла в разговорах. Старики вспоминали минувшее, задумывались о будущем; какая-то надежда теплилась в их мыслях. Я ж на крыльях хотел бы лететь туда, чтоб увидеть тот театр войны и смелых воинов».

Попробуем уточнить, где располагалось это место. Барщевский описывает его, рассказывая о своей поездке в Полоцк: «Вот шумит быстротечная река Дрисса, спешит к Двине через густые леса и песчаные боры: хорошо её помню; на том берегу было некогда кострище, сейчас оно уже заросло травой; время стёрло с лица земли ту памятку, но она осталась в моей душе». Далее он указывает, что «недалеко от этих мест, над рекою Дриссой, стоит имение Краснополь, окружённое со всех сторон лесом». Взглянув на карту, легко понять, что ехал Барщевский из Невеля и смотрел на памятное место с левого, противоположного, берега реки, на том её участке, что прилегал к невельской дороге, то есть, не далее пяти километров выше по течению от Краснополя.

Возникает вопрос: а почему отец писателя, священник Мураговской церкви Иван Фёдорович Барщевский, решил оставить свой храм, свой приход и вместе с соседями отправиться в леса аж за 20 км к юго-востоку? Русская армия была достаточно далеко на западе, главные силы французов в Полоцке. Основные же боевые действия разворачивались на себейской дороге, ведущей к столице. От кого же он был принуждён спасаться? Возможен лишь один ответ: семейство отца Барщевского скрывалось вместе с местными панями, загнанными в лес французскими мародёрами и бунтующими крестьянами, среди которых находились его же прихожане. Перепадало от тех, видимо, не только помещикам, но и священникам – всем, у кого имелись хоть сколь-нибудь существенные продовольственные запасы. И опасность явно заключалась не только в возможной утрате имущества. Как бы то ни было, для родни писателя всё окончилось более или менее благополучно. В клировой ведомости за 1813 г. И.Ф. Барщевский отмечает: «Хотя и были неприятельские нападения и внутри прихода разорении церковь и мой дом Бог сохранил» [23, л. 107об].

Заключение. Вот, пожалуй, и всё, что удалось узнать на сегодняшний день о данном эпизоде биографии Яна Барщевского и об исторической основе его стихотворения «Рабункі мужыкоў». Возможно, данная информация окажется бесполезной при поиске ранее не идентифицированных фрагментов стихотворения и при дальнейших попытках его реконструкции.

Рапорт начальника генерального штаба российской армии Ф.Ф. Довре военному министру генерал-лейтенанту князю Алексею Ивановичу Горчакову от 1 (13) ноября 1812 г.

Управляющему военным Министерством Господину Генерал Лейтенанту и кавалеру князю Горчакову I^{му}!
Начальника Генерального штаба
Генерал Маиора Довре

Рапорт

Полоцкого Уезда около Краснополя помещиков: Отставного надворного Советника Малиновского, Полоцкого поветового Маршала Рыпинского, отставного подполковника Снарского, Дворян: Политики, Драшковского и Богомолеца крестьяне в прошлом июле месяце взбунтовавшись, вышли из повиновения у своих помещиков и соединясь с французскими марадёрами, разграбили Казённой Магазиен состоящий в деревне Дворище при мызе помещика Политики, потом все мызы ограбили ж и своих помещиков прогнали. Для усмирения оных, командирован был Московского Драгунского полка поручик Квятковский с 40 человеками конных драгун, о прибытии коего в Краснополе крестьяне помещика Рыпинского осведомившись, собрались вооружённые ружьями, пистолетами, коляями, и выгнали его из деревни Каменки; потом соединясь других вотчин с крестьянами, составили толпу до пяти сот человек, преследовали онаго Квятковского по всем местам; а на конец при мызе Казулине августа 9го числа на развете обошли его со всех сторон та их толпа, бунтовщики с стрельбою и большим криком бросились на команду, смяли онаю, убив до смерти двух человек драгун и столько же лошадей, поручика Квятковского и заседателя Ольшевского прибили безчеловечно, потом перевязав схваченных ими одного унтер офицера и одиннадцати человек рядовых драгунов с 38^ю лошадьми строевыми того же дня отвели в город Полоцк к французам. После сего поступка бунтующих крестьян, командирован был для усмирения их того ж Московского Драгунского полка маиор Шокгоф со всем ескадроном, против котораго равным образом крестьяне во множестве собрались в Дейчине, но маиор Шокгоф разными маневрами ескадроном показал им вид многочисленного войска, а потом всячески старался прекратить бунт и уговорил крестьян разойтися по своим местам, причём схватил самых главных их возмутителей и представил к командирующему Армиию. – Над коими учреждён был военный суд при первом Отделённом Корпусе, по приговору онаго суда и по конфирмации вышеупомянутаго Командующаго Армией Господина Генерала от Кавалерии и кавалера Графа Витгенштейна наказаны смертию в страх и к воздержанию других от подобных поступков: Шляхтич Леон Игнатовский, которой добровольно записавшись во французскую службу, июля 20го числа в День сражения бывшаго под Клястицами, приехал в вотчину помещика Малиновского с 14^ю французами, объявил крестьянам вольность, приказывал им на господские пригоны не ходить и господина своего не слушать, позволил разграбить мызу онаго помещика Малиновского, ис того времени он Игнатовский провозглашая вольность, бунтовал разных помещиков крестьян, находился с ними в грабительстве, повешен при мызе Малиновского в деревне Снитковке. Дворовый человек Данила Макаров, услыша о вольности от Игнатовского, первой обругав своего помещика Малиновского стал грабить в мызе господские вещи, потом управлял во всё время бунтующимися крестьянами, напал с оными на команду драгун при деревне Казулина, как начальник бунтовщиков, отвёл в плен к французам двенадцать человек российских драгун и тридцать восемь строевых лошадей, повешен при мызе Казулина на том месте, где им разбита была та команда. Крестьянин Семён Грачуха, привёл французских марадёров и бунтующих с ними крестьян в свою вотчину помещика Политики, взбунтовал крестьян, поощрил их на грабёж мызы своего помещика и при оной состоявшаго Казённаго провиантскаго Магазиена, повешен при той мызе в деревне Дворище. Крестьянин Ларион Куршонок, навёл французов и бунтующих крестьян в мызу своего помещика Рыпинского и ограбил онаю ночным временем, искал случая убить Арендатора Рудинского и начальствовал во время разбоя военной команды, повешен на месте его действий в деревне Дейчине. – Прочиеж соучастники их крестьяна, по мере каждого преступления наказаны все телесно и отданы их помещикам. О чём вашему Сиятельству на основании Устава военного судопроизводства Действующей Армии 2^й гл. 2го Отделения §76го, честь имею донести.

Генерал маиор Довре
№ 331^й Местечко Чашиники Ноября 1го Дня 1812го года [12, л. 41–42].

ЛИТЕРАТУРА

1. Barszczewski, J. Szlachcic Zawalnia czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach. Tomik drugi / J. Barszczewski. – Petersburg : K. Kraj, 1845. – 113 s.
2. Barszczewski, J. Szlachcic Zawalnia czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach. [Т. 1] / J. Barszczewski. – Petersburg : Kraj, 1844. – XLI–95 s.
3. Хаўстовіч, М.В. «Рабункі мужыкоў» Яна Баршчэўскага // М.В. Хаўстовіч / Даследаванні і матэрыялы: Літаратура Беларусі канца XVIII–XIX стагоддзя. Т. 4. – Warszawa : Katedra Białorutenistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2018. – С. 49–100.
4. Пацюпа, Ю.В. Беларускія вершы Яна Баршчэўскага: праблемы рэканструкцыі, атрыбуцыі і эдыцыі / Ю.В. Пацюпа. – Мінск : Беларуская навука, 2019. – 136 с.

5. Земкевіч, Р. Ян Баршчэўскі: Першы беларускі пісьменнік XIX стагоддзя (Успамін у 60-летнюю гадаўшчыну сьмерці) / Р. Земкевіч. – Вільня : Друкарня Марціна Кухты, 1911. – 12 с.
6. Catalogus sociorum et officiorum Societatis Jesu in Imperio Rossiaco ex anno 1811 in annum 1812. – Polocia: [s.n.]. – 48 p.
7. Морошкин, М.Я. Иезуиты в России, с царствования Екатерины II и до нашего времени. Ч. 1 / М.Я. Морошкин. – СПб. : Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. – 501 с.
8. Попов, А.И. Первое Полоцкое сражение (боевые действия на Западной Двине в июле-августе 1812 г.) / А.И. Попов. – М. : Книга, 2010. – 120 с.
9. Французы в России: 1812 г. по воспоминаниям современников-иностранцев / сост. А.М. Васютинский [и др.]. – М. : Задруга, 1912. – Ч. I. – 200 с.
10. Do wszystkich Zwierzchności Departamentowych, Powiatowych, Muncypalnych i Wieyskich! // Kurjer Litewski. – 1812. – 15 lipca. – № 52. – S. 2.
11. Семевский, В.И. Волнения крестьян в 1812 г. и связанные с Отечественной войной / В.И. Семевский // Отечественная война и русское общество: 1812–1912 : в 7 т. – Юбил. изд-е. – М. : Т-во И.Д. Сытина, 1912. – Т. 5. – С. 74–113.
12. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 1. Оп. 1. Т. 2. Д. 2584.
13. Бабкин, В.И. Новые материалы о классовой борьбе крестьян в 1812 г. / В.И. Бабкин // Вопросы военной истории России: XVIII и первая половина XIX веков / отв. ред. В.И. Шунков. – М. : Наука, 1969. – С. 343–350.
14. [Бенкендорф, А.Х.] Записки Бенкендорфа / [А.Х. Бенкендорф] // Харкевич, В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. II / В.И. Харкевич. – Вильня : Тип. Штаба Виленского военного округа, 1903. – С. 53–138.
15. Отечественная война 1812 года. – СПб. : Воен.-учен. ком. Гл. штаба, 1900–1914. – Отдел I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Том XVI. Боевые действия в 1812 г. (Август месяц). – 1911. – 283 с.
16. Отечественная война 1812 года. – СПб. : Воен.-учен. ком. Гл. штаба, 1900–1914. – Отдел I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Том XVII. Боевые действия в 1812 г. (Журналы военных действий и переписки – июнь – декабрь). – 1911. – 374 с.
17. Декабристы: Биографический справочник / Изд. подг. С.В. Мироненко; под ред. М.В. Нечкиной. – М. : Наука, 1988. – 448 с.
18. Хмяльніцкая, Л.У. Лёс інсургента: дакументальная апавесць аб Аляксандру Рыпінскім і ягоным часе / Л.У. Хмяльніцкая. – Мінск : Лімарыус, 2019. – 287 с.
19. Месяцослов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1812 : в 2 ч. – СПб. : Имп. Академия наук, 1812. – Ч. 2. – 519 с.
20. Гуров, В.П. Московские драгуны в Отечественной войне 1812 г. / В.П. Гуров. – М. : Типография Штаба Московского военного округа, 1912. – LXIV – 128 с.
21. Исмаилов, Э.Э. Золотое оружие с надписью «За храбрость»: Списки кавалеров 1788–1913 / Э.Э. Исмаилов – М. : Новая Басманная, 2007. – 541 с.
22. Степанов, В.С. В память столетнего юбилея Императорского Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия (1769–1869) / В.С. Степанов, П.И. Григорович. – СПб. : Типография В. Д. Скарятина, 1869. – LXXXVI – 229 с.
23. Российский государственный исторический архив. – Ф. 823. Оп. 3. Д. 1313.

Поступила 06.05.2020

STROKES TO JAN BARSZCZEWSKI'S BIOGRAPHY: «THE CUDGEL OF THE PEOPLE'S WAR»

D. VINOKHODOV

*The article considers the historical context of Jan Barszczewski's *The Peasants' Robbery*. The full text of the document, allowing establishing the true names of the poem actors, the authentic sequence of events and their places of action, including those left beyond the known fixed forms, is given. The reasons of quick suppression of the peasants' rebellion near Lake Neshcherdo are revealed. Some details about the persons involved in these events are found out. The episode of Jan Barszczewski's biography, associated with the flight of his father's family from danger, is analyzed.*

Keywords: Jan Barszczewski, War of 1812, peasants' rebellion, historical context of literary work, *The Peasants' Robbery*.

УДК 82.0+821.161.3

БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» КАК СРЕДСТВО ВНЕДРЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО МИФА В БЕЛОРУССКИХ РОМАНАХ О КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ*канд. филол. наук, доц. М.М. ИОСКЕВИЧ**(Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, Минск)
marioskevich@yandex.ru*

Цель статьи – проследить особенности внедрения социального мифа в художественный текст на уровне системы персонажей через полюса бинарной оппозиции «свой – чужой» (на материале белорусских произведений о коллективизации). Мифологический пласт произведений о коллективизации включает архаический героический миф, а также миф о врагах, оказывающихся помехой на пути достижения идеального общественного устройства. В произведениях о коллективизации на уровне сюжета героический миф трансформируется в повествование о «своих» – людях, проводящих коллективизацию, чья деятельность конструктивна и вызывает положительный модус читательского восприятия. Враги всеми силами пытаются маскироваться с целью нанести вред советскому обществу. Данное противопоставление отражало требования социального заказа и способствовало оправданию преследования «чужих».

Ключевые слова: *социальный миф, коллективизация, бинарная оппозиция «свой – чужой», «Язэп Крушыньскі» З. Бядулі, «Сцежкі зведанья і нязведанья» А. Кулаковского, трилогия «Палеская хроніка» І. Мележа.*

Введение. Социальная мифология является одним из актуальных направлений исследования гуманитарных наук, таких как философия, политология, социология, находящемся в стадии становления. «Энциклопедия социологии» дает следующее определение социальной мифологии – это «мифологическое сознание, эмоционально окрашенное, чувственное представление о социальной деятельности, замещающее и вытесняющее реальное представление о ней и ее подлинное знание, подменяющее объективное его субъективным восприятием, внешним и вымышленным» [1]. П.С. Гуревич рассматривает социальный миф как особого вида духовную деятельность «по созданию, распространению и поддержанию политических иллюзий, умышленно вырабатываемых правящей элитой для воздействия на массы» [2, с. 9].

Как известно, художественный текст может выступать одним из средств внедрения социального мифа, оказывать идеологическое воздействие на читательское сознание, что неоднократно отмечалось учеными [3; 4]. Однако до сих пор не раскрыты авторские механизмы, которые обуславливают это воздействие. Как мы полагаем, в художественном произведении на уровне системы персонажей установки социального мифа реализуются с помощью бинарной оппозиции «свой – чужой».

Бинарная оппозиция «свой – чужой» является «базовым и дискуссионным концептом» [5, с. 164] для целого ряда гуманитарных наук, в частности, филологии, культурологии, философии, политологии, этнологии, социологии, психологии и др., и определяется как одно из древнейших архетипических представлений человека, которое пронизывает всю культуру и лежит в основе «коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [6, с. 126].

Как утверждает Т.А. Корниенко, «актуализация архетипических моделей создания политического мифа обеспечивает эффект “заражения” и порождает определенный тип действия людей, в частности специфическую модель сознания и поведения, которая противопоставляет рациональной идее однородного и универсального политического мира дихотомическую систему межличностных ориентаций: “наши – не наши”, “справедливый политический порядок – несправедливый политический порядок”» [7, с. 51]. Данная дихотомическая система находит отражение в системе персонажей произведений, испытавших влияние социального мифа, организуя четкое разделение героев на положительных и отрицательных, «своих» и «чужих».

Эта оппозиция обладает естественно-историческими предпосылками и возникла еще на ранних стадиях социогенеза, проистекая из дифференциаций агрессивных и альтруистических форм поведения. Исследователи полагают, что данное противопоставление существует с эпохи палеолита, где солидарность общины обеспечивалась в связи с существованием врага. Чтобы испытывать чувство защищенности, изолированному сообществу необходимо противопоставление «своего» и «чужого» [8, с. 47]. Как отмечает С.В. Иванова, «чужой несет в себе что-то устрашающее или угрожающее. Ибо все, что характеризуется свойством чужой, – это не просто “не свой”, не связанный родственными или близкими отношениями, не совпадающий по духу, взглядам, интересам и потому далекий, но и нечто смыкающееся с чужим и иноподобным, а потому неестественное, непривычное и отторгаемое своим собственным существом, то есть непонятное, странное, противоположное, противостоящее и даже враждебное» [9, с. 23].

Между тем, социальная и культурологическая оппозиция «свой – чужой» является проекцией древней мифологической оппозиции «живой – мертвый», соотносимой с основными антропологическими

категориями бытия. В.С. Иванов и В.Н. Топоров отмечают в качестве одной из реализаций функционирования оппозиции «свой – чужой» ее интерпретацию по принципу «человеческое – нечеловеческое»: «“свой” обозначает принадлежность к человеческому, а “чужой” – к нечеловеческому, звериному, колдовскому» [10, с. 96]. Эта проекция соответствует структуре социального мифа, в которой, как утверждают исследователи, «над архаическим пластом надстраивается социальный, или конъюнктурный компонент» [11, с. 26].

Проследить особенности внедрения социального мифа в художественный текст на уровне системы персонажей через полюса оппозиции «свой – чужой» представляется возможным с помощью анализа произведений о коллективизации. Материалом исследования послужили белорусские романы «Язэп Крушынскі» З. Бядули, «Сцежкі звезданья і нязвезданья» А. Кулаковского, трилогия «Палеская хроніка» И. Мележа. Тема коллективизации, как известно, стала одной из основных тем социального заказа в советской литературе. В произведениях данной тематики перед авторами стояла задача изобразить жизнь в единоличной деревне в негативном ключе, заставить читателя почувствовать необходимость перемен, которые принесла коллективизация. Архаическую мифологическую основу данных произведений составляют мессианский миф – о герое, который призван преобразовать существующий порядок, а также миф о «чужих» (врагах). Как утверждает О. Эдельман, пролетариат стремился утвердить гегемонию по отношению к крестьянству, полностью подчинить его себе, поскольку аграрное начало соотносится с женской и хтонической плодородной сутью земли, враждебной силой. Именно поэтому особенно важной и трудной задачей стала коллективизация, «упорядочение ненавистникам большевикам крестьянского хаоса, который сопротивлялся изо всех сил» [12]. Отсюда, полагает исследовательница, и причины жесткого отношения большевиков по отношению к крестьянству, стремление разорвать связь аграрного населения с землей путем ее огосударствления, введения коллективного хозяйствования и механизации крестьянского труда.

Основная часть. В романах о коллективизации оппозиция «свой – чужой» раскрывается, в первую очередь, по отношению к герою, несущему перемены, противопоставленному крестьянскому обществу. В трилогии «Палеская хроніка» таким героем является комсомолец Миканор Дятел, младший командир Красной Армии, который после демобилизации возвращается в родную деревню. Миканор является «чужим», прежде всего, в собственной семье, потому что начинает бороться с вековыми традициями и обычаями. Сам герой принадлежит к «миру живых», что пугает пассивных односельчан, и они сперва не решаются поставить его во главе строительства гребли: «Кеб не выбраць халеру – гарачы не ў меру!» [13, с. 157]. Но побеждает кандидатура Миканора, ведь, по словам Апейки, «Гарачы – не бяда! Не быў бы халодны! Гарачы – значыць, дабра людзям хоча, неабякавы! Значыць, справу павядзе добра» [13, с. 157].

В романе З. Бядули рабфаковец Микола Яремчик также ощущает себя «чужим» в семье, которая относится к нему как к гостю. Соседи поглядывают на первого комсомольца с интересом. Мать старается приготовить еду повкуснее, что вызывает негодование Миколы. Отец желает приобщить парня к хозяйству, но тот с горечью осознает, что единственная мечта отца-бедняка – стать богаче. Старый Цыпрук также разочарован в сыне, ведь он рассчитывал, что с его «комсомольством» жизнь изменится к лучшему. Крестьянин-активист Антошь Драчик, всегда и везде говорящий правду, также принадлежит к «миру живых». Идея коллективизации вдохновляет его, преобразует его телесность, превращая в мифологического героя, отдающего жар своего сердца людям: «Ён увесь як бы новым, іншым чалавекам стаў. Вочы наліваліся полымем рэвалюцыі. Іскры сыпаліся з яго вачэй ва ўсе бакі, на ўвесь гайдачанскі сход. Людзі гарэлі. Тупаліся ў цеснай хаце і таксама рваліся гаварыць» [14, с. 307].

Авторы демонстрируют, что в 1920–30-е гг. принадлежность к «своему» определяется, прежде всего, через социальное положение. «Чужими» в советском обществе являются враги – кулаки и представители интеллигенции, так называемые национал-демократы, которые успешно маскируются под честных граждан. Интересы кулаков-хуторян диаметрально противоположны интересам обычных крестьян, что выдает их вражескую сущность: «Не было ніводнага выпадку, каб вяскоўцы з хутаранамі разам радаваліся б альбо разам сумавалі. Калі хочаш ведаць, хто з кім у прыязні, якія людзі злучаны ў адну масу, глядзі, хто з кім разам радуецца, хто з кім разам сумуе» [14, с. 310].

Основные «чужие» трилогии И. Мележа принадлежат семейству Глушаков. Образ старого Глушака воплощает все типичные черты, приписываемые властью кулаку. Это жадный человек, поступающий моральными принципами, не останавливающийся ни перед чем в целях накопления богатства: женится из-за богатого приданого, скупает у бедняков землю, по сути, держит под своей властью всю деревню. Из-за жадности кулака гибнет дочка Ганны, происходит разрыв с младшим сыном Степаном. Глушак пытается приспособиться, маскироваться, для того чтобы выжить и дожидаться избавления от большевиков: «Сіла трэба! На сілу – сіла! Падтрымка трэба! Вайна! Адна надзея – вайна!» [15, с. 126]. Подлость, двойственность кулаков проявляется даже в межличностных отношениях. Приятель Глушака Хрол заявляет, что их, кулаков, надо давить как пиявок. Сам Глушак решает ради спасения изменить отношение к людям, быть спокойней, мягче, наладить общение со свояками Чернушками.

«Свои» превращаются в «чужих» при смене точки зрения, из-за иной системы ценностей. Так, Миканор утрачивает лучшего друга и помощника Хоню, который решает повенчаться с Хадоськой в церкви

и выписаться из колхоза. Хоня рассчитывает сперва перевоспитать девушку, а затем всей семьей вступить в колхоз, но Миканор не желает идти на компромиссы, окончательно порывая с другом. Знакомясь с Ганной, Башлыков не знает, что она бывшая жена кулака, следовательно, человек с запятнанной репутацией. Описывая день венчания Ганны и Евхима, автор вводит такую деталь: повозки, везущие молодых в церковь, попадают в грязь, из которой, оказывается, так трудно выбраться. «Грязь», жизнь в кулацкой семье, оставит след в судьбе Ганны, очернит ее в глазах Башлыкова. Признание Ганны в своем прошлом навсегда зачеркнет возможность их совместного будущего.

«Чужими» могут стать прежние «герои», избравшие неверный путь единоличного хозяйствования, отрекшиеся от своих убеждений. Так, в романе З. Бядули красноармеец Федор после женитьбы обзаводится новой хатой, гумном, отдалается от своих друзей, занятых делами коммуны. Герой «перерождается», изменяется на внешнем и внутреннем плане изображения. Исчезает такая «живая» черта героя как «хлопцоўская вёрткасць», претерпевает изменения телесность: «тыднямі не галіўся», «бровы яго заўсёды цяпер насупленыя, вочы накіраваны ў адзін пункт», «нават голас яго змяніўся, пасталеў: няма лішніх неабмеркаваных выкрыкаў». В разговоре Федор становится другим человеком, что подчеркивает его новый социальный статус успешного хозяина: «слышыць павольна, тоненькім шнурком, нібы праводзіцца роўнячкая, але глыбокая баразна. Не кідае Хвёдар слоў на вецер. Кожнае слова выпешчана, вынашана ў думках; выцягвае Хвёдар яго, нібы па кропельцы мёду з поўных сотаў» [16, с. 175], «гмыканне прышчэпілася да яго гутаркі, стала патрэбным, як восі да колаў» [16, с. 176].

Коммунары предупреждают Федора об опасности отрыва от «живой» общественной жизни: «Глядзі, Хвёдар, каб ты тут гаспадарчай шэрсцю не абрастаў» [16, с. 176], «праз некаторы час зробішся воўкам, мядзведзем у бярозе» [16, с. 179]. Исчезает искренность в разговоре друзей, которых охватывает грусть при посещении бывшего товарища, превращающегося в «мертвого» члена общества. Описание застолья скорее напоминает тризну по усопшему: «Не клеілася ў іх гутарка. Гарэлка і закуска не памаглі. Моўчкі елі і пілі. Часта спыняліся, забываліся пра ежу. Змітрок глядзеў у новую сцяну сумным позіркам» [16, с. 178].

Лишь на минуту проступают в Федоре черты «живого» человека: «Хвёдар зноў як-бы стаў ранейшым (да наладжвання ўласнай гаспадаркі): руплівым, гарачым, вёрткім, шчырым і натуральным. Ранейшы голас, ранейшы блеск у вачах» [16, с. 178]. Он пытается донести до товарищей свою точку зрения, оправдаться: «усе гады пражыў у беднаце, у гразі, у цемнаце. Дык ці-ж не маю права і я, г-м-м... наладзіць сваё жыццё? Хачу трохі на ногі падняцца. Няўжо-ж гэтым раблю злоўчынак перад бядняцкаю грамадою?», «Вы-ж сапраўды лічыце мяне злачынцам. За што? За тое, што я чытаю газеты і кніжкі і хачу суседзям паказаць розніцу паміж маёй гаспадаркай і іхняй?» [16, с. 179]. Эта точка зрения, с одной стороны, раскрывает трагедию крестьянства, которое действует в рамках дозволенного законодательством. С другой стороны, автор упорно проводит линию осуждения подобных «перерожденцев». Комсомолец Федор превращается в настоящего кулака: тайно крестит ребенка в церкви, заводит дружбу с Крушинским, за бесценок забирает сенокос у больного односельчанина. Как результат, он «адчувае за сваёй спіною неспагдлівыя вочы пасялкоўцаў. Яны перасталі яго паважаць» [16, с. 192].

Задумывается о своем статусе «чужого» и главный герой романа, кулак Крушинский, понимая, что его все глубже захватывает преступная деятельность: «Кіну! Раз назаўсёды буду займацца адной чыстай справай – культурнай сельскай гаспадаркай. Курганішча зробіцца цудоўным садам, куды будуць прыязджаць дзівавацца з усіх краін Саюза. Калі ўвесь аддамся гэтай справе, тады не тое будзе, што цяпер. І ўсе страхі згінучь. Раз пакончу з гэтымі паганымі хованкамі! Наркамзем будзе мяне хваліць. Трактар у нагароду прышлюць» [14, с. 227]. Однако жажда наживы, власть, которую дают деньги, не дают Крушинскому сойти с неверного пути.

В трилогии «Палеская хроніка» «чужим» для власти становится и Василь Дятел – самый близкий для И. Мележа персонаж, демонстрирующий сознание крестьянина в переломный для Беларуси период 1920-х гг. Для Василя характерна психологическая двойственность и противоречивость, которая отражена как во внешнем облике героя (автор не случайно наделяет Василя глазами разного цвета), так и в его внутренних изменениях, прослеженных в трилогии. В «Людзях на балоце» Василь еще фактически юноша, взявший на себя бремя хозяйских забот. Все его мечты связаны с достатком, с хорошим наделом земли. В «Подыхе навалыніцы» Василь – это уже хозяин, достигнувший желанного достатка, вытянувший семью из нищеты. Во втором романе образ Василя представлен во всей психологической глубине. Отношение Василя к Ганне, их тайные встречи символизируют «идеальное» в противопоставлении «материальному» – любви Василя к земле. Эта оппозиция была истолкована самим автором: «Жаніцьба з Маняю – гэта перамога матэрыяльнай стыхіі, спатканні з Ганнаю – шкадаванне аб ідэальным, імкненне да яго. У несумяшчальнасці гэтых абедзвюх стыхій – зерне Васілёвых трагедый, яго жыццёвых пакут» [17, с. 137].

Василь женится на Мане, но как будто выбирает в жены не женщину, а землю. Любопытно, что и внешний вид, и характер Мани дают основание отождествлять ее со стихией земли: это полная неповоротливая женщина, неумелая в работе. Любовь Василя к земле отражает мифологическое отношение к ней белорусов как к «живой истоце, якая нясе ў сабе жаночы пачатак» [18, с. 201]. Перед самым переделом земли

в пользу колхоза Василь намеренно засеивает свой участок, как будто подтверждая этим процессом, символизирующим осеменение, право владельца как право мужа. Земля-«женщина», как и Ганна, просит защиты: «адступіўся ад яе, не памог выбавіцца, кінуў адну ў бядзе» [15, с. 402]. Однако Василь не в состоянии ни помочь Ганне, ни отстоять свою землю.

Таким образом, трилогия раскрывает, как власть активно превращает в «чужих» крестьян, не поддерживающих ее линию. К Василю, который выбился из бедности, укрепил свое хозяйство, отношение такое же, как и к кулацкому сыну Евхиму. У Василя забирают его лучший надел земли, который должен теперь принадлежать колхозникам, угрожают дать твердое задание. Статус «чужого» невозможно изменить, за ним может следовать только наказание. Башлыков удивлен, что Игната, который схватился с каморником при переделе земли, отпустили из-за того, что он отец большой семьи. К врагу не должно быть жалости и прощения. Напротив, народная мудрость, библейский завет братской любви звучит в словах матери Миканора, которая осмеливается высказать свое мнение перед партийным руководством: «Не можно – штоб брат на брата» [19, с. 125]. Она заступается за Глушака: «Які ён цяпер элемент! – Толькі званне асталося – што багацей!» [19, с. 125]. Она искренне верит в силу родственных связей, в единство семьи, необходимость защищать «своих» от «чужого»: «Мало таго, што налагамі. Дак і ў калгас не пускаюць! Свет чалавеку завязалі. Так ето трэба?» [19, с. 125].

Трагедию Василя автор объяснял в полном соответствии с представлениями своего времени: в социальном аспекте трагедия Василя, как и тысяч других крестьян, обусловлена тем, что он не видит верного пути, в то время как «гуманнасць новага часу – што ён дае ўпершыню магчымасць такім гаротным Василям злавіць і сініцу на зямлі, і жураўля ў небе» [17, с. 137]. Однако время дает возможность иначе истолковать один из центральных образов трилогии. Как мы полагаем, трагизм образа Василя в том, что советская власть, которая была объявлена властью трудящихся, призванной защищать интересы именно таких людей, как Василь, на самом деле видит в нем не цель, а только средство проведения социалистических преобразований в стране. Василь, объявленный властью хозяином («Цяпер жа ўласць усё для такіх стараецца!..» [13, с. 31]), на самом деле остается для нее не более чем «мурашкой», обреченной на безропотное подчинение.

В ментальном и психологическом аспекте трагедия Василя обусловлена его приверженностью к материальному, земному, его нерешительностью, непониманием происходящего. По словам Апейки, Василь – «крот», который уверенно себя чувствует только в привычной для него стихии – земле; столкнувшись с иной средой, он обнаруживает редкостную слепоту. Поэтому Василь просто не в состоянии осознать расхождение между декларациями и реальной политикой сталинской власти. Противостояние Василя вхождению в колхоз ставит его в один ряд с кулаками, грозит получением твердого задания.

«Чужими» для власти становятся также дети кулаков. Степану Глушаку запрещено вступать в колхоз из-за социального происхождения. Юноша сбивается с ног, пытается найти «правду» и доказать, что он и его отец – не одно и то же. Очевидна трагедия детей, вынужденных отвечать за дела отцов. В романе «Язэп Крушынскі» дети отказываются играть с дочками Крушинского, потому что они, как и их отец, «сволачы і кулак» [16, с. 276]. Лживость высказывания И. Сталина о том, что «сын за отца не отвечает», характеризует сущность советской идеологии, расхождение на официальном и повседневном уровнях, когда с трибун заявлялось одно, а на деле вершилось противоположное.

В «Подыхе навалініцы» возникновение в Курнях колхоза приводит к разделению деревни, к появлению приверженцев старого и нового уклада жизни, то есть к формированию оппозиции «колхозники – единоличники», которая является проекцией оппозиции «свой – чужой». Единоличники продолжают жить по старым «звериным» законам, не веря в положительный результат создания колхозов. Тем больше их удивление, когда они замечают, что колхозники действительно становятся одной семьей, семьей «новой», где все делается сообща. Эта «новая семья» противопоставляется семье обычной, в которой не редки разлад и несогласие: «Калгасаўцы нібы ўстанаўлівалі сваё сваяцтва, асобнае ад таго даўняга, ад веку, ад Бога» [15, с. 152]. Сам Миканор считает себя «бацькай» этой новой колхозной семьи. Более того, колхозники действительно гордятся своим положением, чувствуя собственную причастность к новой жизни. Борьба за лучшую землю представляется Миканору «нейкай пазіцыяй, адваяванай у тых, хто несумленна захапіў яе, хто думаў утрымацца на дарозе» [15, с. 437]. Кульминацией конфликта в контексте данной оппозиции является сцена перераспределения земельных участков в пользу колхоза. Социальная война, которая разъединяет жителей одного села, разгорается и на просторах всей страны. Авторы показывают, как расхождение мнений по поводу коллективного хозяйствования рушит семьи. Многие молодые люди поддерживают новые начинания советской власти, оказываясь в глубоком конфликте со старшим поколением: «– Дык давай дзяліцца! – крыкнуў ён. І голас яго стаў падобным да бацькавага. – Я са сваёй часткай перахаджу ў калгас! – Не сын ты мне! – А ты мне не бацька!» [16, с. 177]. В подобном конфликте раскрывается аллюзия на библейскую цитату: «Предаст же брат брата на смерть, и отец – сына; и восстанут дети на родителей» (Матф. 10:21-42). Поддержка советской власти как «новой религии» приводит к ценностному конфликту, отчуждает отцов и детей, мужей и жен: «Наўрад ці знойдзецца ў вёсцы хоць адна незаможная сям'я з поўным ладам і згодай у адзін бок ці ў другі» [20, с. 66]. В третьей книге трилогии Башлыков замечает, что в хате

Миканора вместо прежних икон, за которые так заступалась мать, висят портреты вождей революции. Ценности молодого поколения побеждают, и «новая религия» упрочивается, как кажется, навсегда.

Трагизм событий, изображенных в трилогии, заключается в том, что для государства оппозиция «колхозники – единоличники» является устойчивой, более того, оно расценивает всех единоличников как врагов. Между тем их состав неоднороден. Единоличниками объявляются как бедняки, так и кулаки. По словам Башлыкова, «з ім, з ворагам, заадно фактычна колькі такіх, што павінны быць з намі. Толькі з-за дурной сялянскай глухаты, з-за чапляння за старое, з-за нежадання бачыць і разумець новае» [19, с. 159]. Апейка замечает: «і заможныя і беднякі не ўсе былі на адзін капыл. Былі сярод заможных багацеі-кулакі, п'яўкі, што толькі і жылі з чужой крыві, з чужога поту, а былі і такія заможнікі, дзе дастатак увесь набываўся тым, што сям'я ўся – з падрослых, працавітых дзяўчат ды хлопцаў, якімі правіць суровы, бязлітасны камандзір-бацька. <...> Былі бедныя, што век у працы, у клопаце, і бедныя, што чухаліся і то з лянотаю; былі век цвярозыя і век п'яныя» [15, с. 177].

В период оттепели оппозиция «свой – чужой» обозначается также при изображении сюжетной линии партийного руководства, осуществляющего коллективизацию, и заключается в противопоставлении «ленинского» и «сталинского» стиля руководства. Миканор, Башлыков действуют в соответствии со сталинскими методами. Для них важно быстрое достижение поставленных целей, количество созданных колхозов, т.е. внешнее проявление успехов коллективизации. Они жестки и непреклонны по отношению к людям. Апейка следует ленинским принципам, ратуя за качество аграрной политики, за разумный подход к делу. Именно Апейка воплощает тот гуманный подход к делу коллективизации, который на языке крестьян обозначается «па-доброму» и так часто упоминается в тексте трилогии.

С одной стороны, обе стороны ратуют за единое дело, за успех коллективизации, что, казалось бы, не предполагает между ними конфликта. С другой стороны, конфликт между ними, причем конфликт глубокий, существует. Он был назван «сутычкай светапоглядаў, канфліткам прынцыповым» [21, с. 198], столкновением двух идеологий – «партыйна-дэмакратычнай і злачынна-бюракратычнай» [22, с. 233]. Уже в 1990-е гг. трагизм этого конфликта видится в том, что, по словам В. Локун, «працаваць па-ленінску – таксама быў міф, добрая казка» [22, с. 230]. Как результат этого конфликта, в разряд врагов, «чужих» попадают честные и преданные партии люди.

Так, оказывается, Миканор – троюродный брат Евхима Глушака, у Апейки также брат – кулак, а брат Башлыкова женится на дочке нэпмана. Беда нависает не только над кулаками, которым угрожает депортация в Сибирь. Башлыков решает призвать к ответственности Миканора и Гайлиса за либерализм, потворство врагу: «Гайліс за ўсё тое, што учыніў, бяспрэчна, заслугоўвае выключэння з партыі. Строгае спаганне варта даць і Глушаку. Абодвух, вядома, належыць вызваліць ад пасада. Бесхрыбетным згоднікам не месца на такіх адказных пасадах, дзе патрэбны рашучасць і цвёрдасць» [19, с. 157]. Апейку, про которого люди говорят, что он – воплощение советской власти, настоящий большевик, внимательный к людям, Башлыков считает безнадежным оппортунистом.

Однако авторы не скрывают, что и советская власть становится «чужой» для крестьян, действуя обманом и насилием. Крестьяне участвовали в революции, так как им обещали землю. Однако не прошло и двадцати лет, как землю отбирают, убеждая, что она по-прежнему останется в их пользовании, только станет общей. Но общая – это не твоя, это, по сути, ничья. Крестьянин беспомощен перед властью, которая им безжалостно манипулирует. Отсюда – подозрительность, сопротивление и ненависть крестьян к руководящим работникам. Это видно на сходе, при посещении партийной верхушкой крестьянских домов. Исконно гостеприимные люди ведут себя враждебно, не желают разговаривать с агитаторами.

Оппозиция «свой – чужой» взаимодействует с социальным мифом через социальную мифологию «правда», добиться которой в трилогии пытаются и крестьяне, и руководители района. В романе демонстрируется официальная «правда», звучащая с трибун съездов и страниц газет, обличающая врагов – «чужих», к которым при желании может быть причислен каждый, вызывая неприятие в душах здравомыслящих людей: «колькі ў любога чалавека, асабліва з тых, хто на кіруючай рабоце, такога, к чаму можна пры ахвоце прычапіцца! Прычапіцца, крыва расталкаваць, перавярнуць усё да гары нагамі» [15, с. 383]. Официальная «правда» отличается от правды реальной, которая раскрывается через диалоги персонажей, внутренние монологи. Как полагает автор, только время может расставить все по своим местам: «Час пакажа, чья праўда! Праўда скажа сваё!» [15, с. 298].

Заключение. Мифологический пласт произведений о коллективизации включает архаический героический миф, а также миф о врагах, оказывающихся помехой на пути достижения идеального общественного порядка. На уровне сюжета героический миф трансформируется в повествование о людях, проводящих коллективизацию, чья деятельность конструктивна и вызывает положительный модус читательского восприятия. Враги всеми силами пытаются маскироваться с целью нанести вред советскому обществу. Данное противопоставление отражало требования социального заказа и способствовало оправданию преследования «чужих» в читательском восприятии.

Роман «Язэп Крушынскі» создавался непосредственно во время проведения коллективизации, был напрямую обусловлен социальным заказом, из-за чего на внешнем уровне образ кулака соответствовал

идеологическим требованиям, а процесс раскулачивания представлялся исторически оправданным и закономерным. Здесь оппозиция «свой – чужой» заявлена предельно четко, где «чужим» безоговорочно присваивается статус врага («чужие» – кулачество и национал-демократы; «свои» – партийные руководители, передовая молодежь, сельские активисты и т.д.). «Чужие» стремятся выдать себя за «своих», что соответствует утверждению социального мифа о присутствии в государстве внутренних врагов, подлежащих уничтожению. Данная оппозиция персонажей соблюдается и в романах «оттепели», которые тем не менее подходят к ее раскрытию более глубоко. «Свои» с легкостью могут быть объявлены «чужими» советской властью, что свидетельствует об авторской попытке обозначить двойные стандарты советской эпохи, манипулирование людьми, трагедию репрессий. Это, в свою очередь, делает саму советскую власть «чужой» для народа. Авторы послевоенной поры глубже подходят к раскрытию психологии персонажей, исторической оценке раскулачивания, которое в их изображении предстает не как вынужденная ликвидация внутреннего врага, а как одна из самых трагичных страниц в истории белорусского крестьянства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социальная мифология [Электронный ресурс] // Энцикл. социологии. – Режим доступа: https://sociology_dictionary.academic.ru/4428/. – Дата доступа : 22.07.2018.
2. Гуревич, П.С. Социальная мифология / П.С. Гуревич. – М. : Мысль, 1983. – 175 с.
3. Козинец, С.Б. Реализация топоса «общественный долг превыше личных интересов» в литературе соцреализма / С.Б. Козинец // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2011. – С. 325–329.
4. Круглова, Т.А. Героический миф в постсоветском пространстве: рецепция соцреализма в современной России (на примере произведений А. Гайдара) / Т.А. Круглова // Вестник ТГГПУ. – 2011. – № 2 (24). – С. 189–193.
5. Юдалбашев, А.Ф. Особенности выражения концепта свой-чужой в современных англоязычных фильмах / А.Ф. Юдалбашев // Науч. ведомости БелГУ. Сер. Гуманит. науки. – 2011. – № 18 (113). – С. 164–170.
6. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М. : Академ. проект, 2001. – 990 с.
7. Корниенко, Т.А. Сущность и структура политического мифа / Т.А. Корниенко // Власть. – 2009. – № 10. – С. 49–53.
8. Волков, Ю.К. Естественноисторические предпосылки оппозиции «свой – чужой» на ранних стадиях социогенеза / Ю.К. Волков // Философия и общество. – 2006. – № 3. – С. 46–60.
9. Иванова, С.В. Телесные корни лингвокультурологической категории «свой – чужой» / С.В. Иванова // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2010. – № 5. – С. 20–31.
10. Иванов, В.С. К вопросу о реконструкции плана содержания древней славянской системы / В.С. Иванов, В.Н. Топоров // Славянские языковые моделирующие семиотические системы. – М. : Наука, 1965. – С. 63–218.
11. Иванов, А.Г. Социальная мифология в политике / А.Г. Иванов // Logos et praxis. – 2017. – Vol. 16, № 3. – С. 23–31.
12. Эдельман, О. Легенды и мифы Советского Союза [Электронный ресурс] / О. Эдельман. – 2015. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_05/1999_5_15.htm. – Дата доступа: 26.01.2016.
13. Мележ, І. Людзі на балоце : раман з «Палескай хронікі» / І. Мележ. – Мінск : Маст. літ., 1999. – 399 с.
14. Бядуля, З. 36. тв. : у 5 т. / З. Бядуля. – Мінск : Маст. літ., 1987. – Т. 4. – К. 1 : Язэп Крушынскі : раман. – 375 с.
15. Мележ, І. Подых навалніцы : раман з «Палескай хронікі» / І. Мележ. – Мінск : Маст. літ., 1999. – 510 с.
16. Бядуля, З. 36. тв. : у 5 т. / З. Бядуля. – Мінск : Маст. літ., 1987. – Т. 4. – К. 2 : Язэп Крушынскі : раман. – 571 с.
17. Мележ, І. Эпістальярная спадчына (1945–1976) / І. Мележ // Летапіс жыцця і творчасці : зб. тв. у 10 т. – Мінск : Маст. літ., 1985. – Т. 10. – 496 с.
18. Крук, І. Зямля / І. Крук, У. Лобач, Я. Сахута // Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўн. – Мінск : Беларусь, 2006. – С. 200–202.
19. Мележ, І. Завей, снежань : раман з «Палескай хронікі» / І. Мележ. – Мінск : Маст. літ., 1999. – 238 с.
20. Кулакоўскі, А. Спежкі зведання і нязведання / А. Кулакоўскі. – Мінск : Маст. літ., 1974. – 304 с.
21. Куляшоў, Ф. Апошні раман Івана Мележа / Ф. Куляшоў // Польшча. – 1980. – № 8. – С. 190–210.
22. Локун, В. Вялікі свет маленькіх Куранёў / В. Локун // Польшча. – 1994. – № 3. – С. 225–237.

Поступила 09.03.2020

THE BINARY OPPOSITION «FRIEND – FOE» AS A MEANS OF INTRODUCING A SOCIAL MYTH IN BELARUSIAN NOVELS ABOUT COLLECTIVIZATION

M. IOSKEVICH

The purpose of the article is to trace features of introduction of a social myth in a literary text at the level of the system of characters through poles of the binary opposition «friend – foe» (based on the material of Belarusian literary works about collectivization). The mythological layer of literary works about collectivization includes an archaic heroic myth, as well as a myth about enemies who are an obstacle to achieving an ideal social order. In literary works about collectivization at the plot's level heroic myth is transformed into a narrative about people who conduct collectivization, whose activities are constructive and cause a positive mode of reader's perception. Foes try to disguise themselves in order to harm Soviet society. This contrast reflected requirements of the social myth and helped to justify persecution of «foes».

Keywords: social myth, collectivization, binary opposition «friend – foe», «Jazep Kruszyński» by Z. Biadula, «Roads Known and Unknown» by A. Kulakovskiy, «The Polessie Chronicle» by I. Melezh.

УДК 821.161.3

**ВОБРАЗЫ СЯРЭДНЯВЕЧЧА І РЭНЕСАНСУ
Ў РАМАНЕ У. КАРАТКЕВІЧА «ХРЫСТОС ПРЫЗЬЯМЛІЎСЯ Ў ГАРОДНІ»****М.С. ЛАППО****(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск)
job.medialinks@gmail.com**

Вобраз гістарычнага часу, створаны У. Караткевічам у рамане «Хрыстос прызямліўся ў Гародні», у артыкуле разглядаецца ў кантэксце трансфармацый уяўленняў пра Сярэднявечча і Рэнесанс у сучаснай гістарыяграфіі. У першай частцы работы падрабязна аналізуецца вобразы Сярэднявечча і Рэнесансу ў рамане, прыводзяцца адпаведныя звесткі з біяграфіі аўтара, які дзяліўся сваімі творчымі задумамі ў ліставанні і эсэ. Даюцца спасылкі на гісторыка-культурныя работы, у якіх Сярэднявечча і Рэнесанс апісваюцца такім жа чынам, як і ў творы (даследаванні У. Эка, А. Гурэвіча, Дз. Ліхачова). Другая частка артыкула прысвечана сучаснай трансфармацыі ўяўленняў пра Сярэднявечча і Рэнесанс у навуцы і грамадскай свядомасці, на якую звяртаюць увагу даследчыкі Г. Косікаў і Т. Кашамчук, а таксама неадпаведнасці вобразаў твора сённяшнім уяўленням пра рэчаіснасць XVI ст. Выяўляецца сувязь вобразаў, створаных пісьменнікам, з гістарыяграфіяй і грамадска-палітычнай думкай 1960-х гг.

Ключавыя словы: У. Караткевіч, раман «Хрыстос прызямліўся ў Гародні», Сярэднявечча, Рэнесанс.

Уводзіны. Дзеянне рамана У. Караткевіча «Хрыстос прызямліўся ў Гародні» адносіцца да пачатку XVI ст. Так, у рэцэнзіі М. Улашчыка адзначаецца: «настоящая работа ... посвящена событиям, происшедшим в Западной Белоруссии в конце 30-х гг. XVI ст.» [1]. Гэты час прадстаўлены як Позняе Сярэднявечча, якому на змену заступае Рэнесанс. Перад чытачом разгортваецца супрацьпастаўленне эпох: на змену цёмным, цемрашальскім сярэднім вякам прыходзяць новы час, новая свядомасць. Такое ўяўленне пра Сярэднявечча і Рэнесанс трывала замацавалася ў грамадскай свядомасці – праз школьныя падручнікі, сродкі масавай інфармацыі і творы мастацтва. Аднак сённяшняе медыявістыка сцвярджае іншы погляд на згаданыя эпохі: Сярэднявечча было не толькі «цёмным», а Рэнесанс – не толькі сцвярджаў гуманістычныя ідэалы. З улікам гэтай асаблівасці раман мусіць успрымацца і сённяшнімі чытачамі.

Мэтай дадзенага артыкула не з'яўляецца папракнуць У. Караткевіча у адступленні ад гістарычнай праўды: у сваёй працы пісьменнік абапіраўся на гістарычныя даследаванні і імкнуўся праўдзіва ўзнавіць эпоху. Мэта – звярнуць увагу, што творца падаваў звесткі ў святле сутыкнення дзвюх супрацьлеглых эпох і ідэалогій – састарэлай, антычалавечнай і новай, прагрэсіўнай; і што гэтая асаблівасць можа быць абумоўлена тагачаснай ідэалогіяй і тэндэнцыямі ў гуманітарнай навуцы. Такім чынам, задачы работы – дэталёва прааналізаваць вобраз гістарычнага часу ў рамане «Хрыстос прызямліўся ў Гародні», абапіраючыся на тэкст твора, біяграфію аўтара і культуралагічныя даследаванні; разгледзець названы вобраз у кантэксце сённяшніх гістарыяграфічных даследаванняў; паспрабаваць асэнсаваць, чаму Сярэднявечча і Рэнесанс прадстаўлены ў творы як канфліктуючыя і ідэалагічна несумяшчальныя эпохі.

Прастора і чалавек у рамане «Хрыстос прызямліўся ў Гародні». Эпохі Сярэднявечча і Рэнесансу паказаны ў творы на ўзроўні апісанняў побыту, арганізацыі прасторы, палітычнага ладу, таксама яны маюць ацэначныя аўтарскія характарыстыкі. Нягледзячы на тое, што раман з'яўляецца мастацкім творам і не прэтэндуе на навуковую дакладнасць, пісьменнік грунтоўна рыхтаваўся да яго напісання і вывучаў адпаведныя матэрыялы, каб праўдзіва ўзнавіць асноўныя рысы паказаных эпох. Па сцверджанні літаратуразнаўцы А. Русецкага, «у беларускай літаратуры не знойдзеш іншага твора, які так аб'ектыўна, так шматпланаво адлюстравваў бы жыццё беларусаў у сярэднія вякі, як раман “Хрыстос прызямліўся ў Гародні” У. Караткевіча» [2, с. 102].

Л. Прашковіч у артыкуле «Беларускае Сярэднявечча ў кантэксце рамана У. Караткевіча “Хрыстос прызямліўся ў Гародні”» звярнула ўвагу, што вялікая роля ў стварэнні вобраза Сярэднявечча ў рамане належыць этнаграфічна-побытаваму кампаненту [3, с. 53]. У творы падрабязна апісваюцца гродзенскі замак, Машкаўскі манастыр, тагачасная зброя, вогнішчы інквізіцыі, рытуалы правядзення суда рымска-каталіцкай царквой, паказаны адзенне, ежа, звычкі самых розных слаёў насельніцтва.

Раман адлюстроўвае такую рысу сярэднявечнай эпохі, як моцная знітаванасць царкоўнага і грамадскага жыцця. У руках служак царквы, паводле твора, сканцэнтраваная ўся ўлада над звычайным чалавекам, а рэлігійнае вучэнне ператвараецца ў ідэалогію, з дапамогай якой арганізаванае грамадскае жыццё. Сярэднявечча характарызуецца наступным чынам: «паколькі святая царква ў тыя змрочныя часы лічыла, што даносу аднаго чалавека верыць нельга...» [4, с. 149], «Яны былі проста дзеці свайго часу, няшчаснага, хворага, гнойнага, сагнутага, калі чалавек быў амаль жывёлай і толькі сям-там выбіваліся наверх парасткі скарлючанага, але ўпартага і моцнага жыцця» [4, с. 25].

У процівагу Сярэднявеччу Рэнесанс – час станаўлення «новага чалавека», больш дасканалы: «Цёмныя і брудныя, нават фізічна, яны не думалі, што плаванне Калумба і выданне Скарынам Бібліі на зразумелай мове – ёсць два ўдары з серыі смяротных удараў, якія наносіць іхнай догме новы Чалавек. Але інстынктыўна яны адчувалі, што гэта в а р о ж а, што гэта баламуціць, непакоіць, што гэта асвятляе бязлітасным і смертаносным святлом тую ўтульную і цёмную гнойную жыжку, у якой яны кішэлі» [4, с. 25]. У супрацьпастаўленні Сярэднявечча і Рэнесансу аўтар паказвае драматызм гістарычнага адрэзку ў беларускай мінуўшчыне, калі ў непрамерных супярэчнасцях сутыкнуліся застарэла-ваяўнічая схаластычная дагматыка, што выспела на прынцыпах сацыяльнай няроўнасці, фізічнага і духоўнага здэку з чалавека, і ідэі гуманізму, асветы, сацыяльнай роўнасці, рэлігійнай верацярпімасці.

Першыя раздзелы рамана У. Караткевіча поўняцца тыповымі для Сярэднявечча вобразамі-сімваламі, якія прадвясчаюць трагічныя падзеі. Сярэднявечныя летапісцы-наратары апісваюць таямнічыя відзязы ў небе: «Плылі ў небе караблі пад крывавымі ветразямі», «І ўставалі ў небе гарады, так буйна, што хыхароў можна было пазнаць у твар, і адзін пазнаў у гэтым д’ябальскім горадзе сябра, а за гэта яго звалалі ў горадскую цямніцу» [4, с. 12]. Галоўным сімвалам становіцца з’яўленне цмока, у вачах якога «было нейкае страшнае прароцтва»: «За адну ноч на водмелях тых яшчараў, тых цмокаў знайшлі сорака, да слова таго хісталася на фалях, які плаваючыя выспы <...> А яшчэ праз ноч усплыў самы вялікі. Адзін. ... Каб таго дзікага і страхавобразнага звера ўбачыць» [4, с. 10]. Названыя вобразы-сімвалы адпавядаюць уяўленням навукоўцаў пра забабоны сярэднявечнай эпохі. У. Эка ў кнізе «Гісторыя вычварэнства» адзначае, што «класічны свет быў вельмі чуйны да розных цудаў, якія ўспрымаліся як прадвеснікі немінучых бедаў. Мяркуючы па Кнізе цудаў Юлія Абсеквенса (у IV ст. н.э. ён апісаў усе цудоўныя падзеі, якія адбыліся ў Рыме за папярэднія гады), гэта былі такія нябачаныя з’явы, як крывавыя дажджы, трывожныя падзеі, агнявыя сполахі ў небе, нараджэнне вырадкаў, двухполых дзяцей» [5, с. 107]. Падобныя трывожныя сімвалы-папярэджанні апісваюцца і ў раманах У. Караткевіча: «І ад жаху, а можа, і па волі божай, які ўсё гэта наслаў, людзі ў той год нядужалі. І пацелі ўначы, і ў грудзях іхніх ціснула і раўло, а ў некаторых валасы лезлі. І надзіва мала ў той год нарадзілася дзяцей, можа, таму, што быў голад і пошасць, а можа, па волі божай, каб не пакутавалі бязвінныя» [4, с. 10]. Трывожныя сімвалы становяцца прадвеснікамі галоднага года і, як вынік, – пратэстных сялянскіх выступленняў. Акрамя гэтага, названыя сімвалы паказваюць свядомасць сярэднявечнага чалавека (у першым раздзеле твора дзівацтва апісваюцца ад імя летапісца Андроніка Лагафіла) як уразлівую і напоўненую эсхаталагічнымі чаканнямі свядомасць, у якой уяўленні пра рацыянальнае і ірацыянальнае суіснуюць нароўні.

У аўтарскіх каментарых пісьменнік прыводзіць некаторыя характарыстыкі Сярэднявечча навукова-папулярнага характару – каб чытач займеў больш яскравае ўяўленне пра апісваемы час. Так, напрыклад, калі Юрась Братчык захоплена апісвае пейзаж, а Жаба і Балвановіч нават не могуць зразумець, пра што ён гаворыць, аўтар удакладняе: «Уся гісторыя старажытнасці і сярэдніх вякоў калі і ведала захапленне прыродай, дык толькі фізічна. Захапляцца прыродаю на паперы ці на словах лічылася справай падазронай, дарэмнай і пустой ... на працягу дваццаці сямі стагоддзяў еўрапейскай літаратуры мы не сустрэнем у ёй нават такой колькасці пейзажаў, колькі іх, скажам, у “Вайне і міры”» [4, с. 101]. Радаснае захапленне прыродай, любаванне яе прыгажосцю становяцца ў творы рысамі рэнесанснага чалавека, які можа радавацца жыццю.

Сацыяльна-гістарычны час, паказаны ў творы, – неадназначны і супярэчлівы. А. Мальдзіс у эсе «Жыццё і ўзнясенне Уладзіміра Караткевіча» піша, што ў раманах перад чытачом «паўстае беларускае сярэднявекое з яго рэзкімі сацыяльнымі кантрастамі, барацьбой за ўладу, інквізіцыяй, засіллем схаластыкі, праз якую квола прабіваюцца парасткі Рэнесансу і гуманізму. Паміраюць ад голаду сяляне, а побач па дарозе цягнуцца вазы, грузаныя збожжам, якое па Нёмане будзе сплаўляць у Заходнюю Еўропу <...> Трагічнае, жahlівае, пачварнае суседнічае з будзённым, смешным, ідылічным» [6, с. 99]. Асабліва акцэнтуюцца ўвага на такіх адмоўных з’явах, як абскурантызм рэлігіі, раскоша і маральная распуста царкоўных служкаў, кантраст багацця кіруючай верхушкі і беднасці, голаду, бяспраўя гарадскіх і сялянскіх мас, фізічнае вынішчэнне непакорных, на схаластыцы як сярэднявечнай філасофіі, якая стварыла сістэму штучных, чыста фармальных і лагічных аргументаў для тэарэтычнага абгрунтавання дагматаў царквы. Найбольш абсурднымі сцэнамі бяспраўнасці царкоўнікаў як носбітаў улады з’яўляюцца гратэскныя эпізоды пакарання званоў і анафемы і выгнання з горада мышэй, а таксама продаж індульгенцый (раздзел XIX) і дзейнасць інквізіцыі (раздзел XXIV).

У раздзеле «Голад, і пошасць, і мор» звяртаецца ўвага на рэзкія сацыяльныя кантрасты: вышэйшае духавенства Гародні, «у рабізне залатых карбовак, эмалі, золата, рубінаў, ажурных накладак» [7, с. 16], прыезджае ў вёску, дзе хаты – «падобныя на гнойныя сумёты» [7, с. 17]. Такі гіпербалічна-антытэтычны паказ сацыяльнай няроўнасці мае даўнюю традыцыю ў беларускай літаратуры, якая асабліва яскрава выявілася ў творчасці Ф. Багушэвіча і Я. Купалы. Карціна, створаная У. Караткевічам, напрыклад, перагукаецца з паказам жыцця беларускай вёскі XIX ст. у вершы Ф. Багушэвіча «Бог не роўна дзеле»: «Адзін ходзе ў саце, у золаце з плеч да ног, а другому, каб прыкрыцца хоць анучай – велькі труд <...> Адзін мае хатаў многа, а вялікіх – касцёл моў <...> У другога ў сцяне дзюры, вецер ходзе, дым і снег <...> Аднаму дзясяткі служак зарабляюць сотні сот <...> другі ж сам, аж за дзясятка працуючы, лье свой пот» [8, с. 43–44].

У сярэднявечнай культуры час разглядаўся як адлюстраванне вечнасці, прычым уяўленне пра яго мела пераважна эсхаталагічны характар: час пачынаецца з акту тварэння і завяршаецца «другім прышэсцем» (што і назіраецца ў раманах) [9, с. 108]. Аднак пачынаючы з Рэнесансу ў культуры і навуцы зацвярджаецца эвалюцыйнісцкая тэорыя часу: асновай яго руху становяцца прасторавыя падзеі. Час разумеецца ўжо не як застылая вечнасць, а як сіла, «што рухаецца і рэалізуецца ў кожнай імгненнай сітуацыі» [10], – менавіта такое адчуванне часу маюць станоўчыя героі твора, носыбіты рэнесанснага мыслення – Юрась Братчык, некаторыя гараджане (разьбяр Кляонік, каваль Кірык Вястун, мечнік Турай і яго сын Марка, залатых спраў майстар Ціхон Вус), былы прыёр францусканскага кляштару брат Альбін з Арэты, а ў ранейшым жыцці Альбін-Рагвал-Алэйза Крыштофіч з Дубатынны, юнак Кашпар Бекеш, асуджаны, як і Крыштофіч, членамі Святога трыбунала. Гэтыя героі, паводле рамана, стваралі славу гродзенскай зямлі. Прычым калі апошнія – людзі адукаваныя і свядома змагаюцца з рымска-каталіцкай навалай, то словы, выказаныя Кляонікам, – выяўленне народнага вальнадумства, непрымання народам рэлігійнага падману: «– Няма і не трэба лепшых і горшых у дзяржаве, царкве і касцёле, і ў багацці. <...> Не павінна быць розніцы ў законе, розніцы між каралём і народам, між тым, хто царуе, і тым, хто арэ, між плебеям і шляхціцам, а павінна быць усё для ўсіх, агульнае і роўнае, і воля павінна быць і на зямлі, і на небе, а веруй, як хто хоча» [4, с. 52–53].

Трэба адзначыць, што эпоха Адраджэння была вельмі натхняльнай для У. Караткевіча. Яшчэ ў 1956 г., за дзесяць год да стварэння рамана «Хрыстос прыязмліўся ў Гародні», у лісце да М. Танка пісьменнік выказаў сваё захапленне паэмай «Люцыян Таполя» і сярод іншага пісаў: «эпоха Рэнесансу на Беларусі. Здарылася дзіўнае: маленькі агенчык засвяціўся ў цемры, дух чалавечы імкнуўся вызваліцца да сонца і жыцця», «І ў скульптуры быў Рэнесанс. Замест драўляных шкілетаў, абцягнутых драўлянаю скурай, з’яўляецца пад разцом разьбяр паўнакроўны жывы чалавек», «Я яшчэ таму думаю, што гэта эпоха добрая, што на яе прыкладзе будучы пісьменнік можа даць добрага стусана рэлігіі, прыгнёту, фанатызму і мілітарызму, пуштацвету і забабонам, ханжаству, – усім аматарам крычаць пра залаты век, гальванізаваць труп мінулага, прырабляць новыя ручкі да скіній, шукаць каўчэгі з новымі мошчамі» [11, с. 604–605].

Суадносіны мастацкіх вобразаў рамана і гістарычных даследаванняў. Вобразы Сярэднявечча і Рэнесансу з’яўляюцца пэўнымі сацыякультурнымі канцэптамі – уяўленнямі, замацаванымі ў грамадскім жыцці, агульнымі для вялікай колькасці людзей. Па азначэнні А.Я. Гурэвіча, «канцэпт сярэднявечча ў сучаснай культурнай свядомасці ўключае ў сябе часавыя межы, якія яго вызначаюць, ідэалогію і спецыфічныя “элементы” мастацкай карціны свету. Сярэднявечча тлумачыцца як паняцце не столькі храналагічнае (“культурны перыяд”), колькі змястоўнае (і амбівалентнае: адсталае, з аднаго боку, – рамантычнае, маральна цэласнае, з іншага)» [12, с. 8]. Як адзначае гісторык Г. Сагановіч, паняцце «сярэдня вякі» з моманту з’яўлення мела пэратыўнае значэнне: гуманісты ўкладалі ў яго ўласнае адмоўнае стаўленне да папярэдняй эпохі – на іх думку, часу невуцтва і застою, у адрозненне ад іх часу, названага Адраджэннем. «Ужо Пётрака ахрысціў Сярэднявечча “цёмным”, “варварскім”» [13].

Аднак з цягам часу сэнсавае напаўненне пэўных канцэптаў змяняецца – асабліва ў гуманітарнай навуцы, якая часта займаецца “пераапісаннем” існуючых аб’ектаў з улікам кантэксту эпохі. Сёння Сярэднявечча ўспрымаецца гісторыкамі як «нармальна», паўнаватарская эпоха ў развіцці чалавечай цывілізацыі, якая ведала напружаныя сацыяльныя і светапоглядныя супярэчнасці і канфлікты, барацьбу кансерватыўных і наватарскіх тэндэнцый, царкоўны дагматызм, фанатызм, ерасі, рэлігійнае вольнадумства, народныя рухі і інш. Разам з тым яна дала свету выбітных мысляроў, паэтаў, мастакоў, выпрацавала самастойныя і арыгінальныя ўяўленні пра ісціну, дабро і прыгажосць, абгрунтавала каштоўнасці, якія сцвярджалі далучанасць індывіда да звышасабістых ідэалаў, да ўсёй светабудовы ў цэлым. Гэтая каштоўнасная мадэль дагэтуль «спрачаецца» з індывідуалістычнымі каштоўнасцямі новаеўрапейскай цывілізацыі, якая ўзвышае асобнага індывіда. Што тычыцца Рэнесансу, у сучаснай медыевістыцы сцвярджаецца думка, што названая эпоха не была цэласнай, «сцэменатаванай» гуманістычнымі ідэаламі, а ўяўляла сабой дастаткова разнародны час, калі часова меў месца культурны рух Адраджэння. Рэнесанс быў прасякнуты мноствам рознаскіраваных тэндэнцый, якія часта не мелі з гуманізмам нічога агульнага ці нават крытыкавалі яго. Пра негатыўныя праявы эпохі расказвае А.Ф. Лосеў у раздзеле «Адваротны бок тытанізму» кнігі «Эстэтыка Рэнесансу» (1978). Па сцверджанні некаторых медыевістаў, уяўленні пра суадносіны Сярэднявечча і Рэнесансу як супрацьстаянне двух светапоглядных маналітаў («новага»/«старога», «жывога»/«аджыўшага») у пэўнай ступені з’яўляюцца «легендай», створанай асветнікамі XVIII ст. і ліберальна-буржуазнымі гісторыкамі XIX ст. [14].

Такім чынам, сёння складана вызначыць асноўныя, вызначальныя рысы Сярэднявечча або Рэнесансу, адназначны набор сістэмаўтваральных элементаў. Вобразы гэтых эпох (як і іншых гістарычных перыядаў, пра якія мы маем уяўленне) з’яўляюцца пэўнымі канструктамі, што ствараюцца наоў кожнай эпохай у залежнасці ад яе ўласных праблем. Таму дыскусію варта пераносіць у іншую плоскасць – не шукаць вызначальныя характарыстыкі эпохі, а разглядаць сукупнасць яе вобразаў у розныя часы.

Змяненне сэнсавага напаўнення паняццяў Сярэднявечча і Рэнесансу пацягнула за сабой і пытанне пра тое, ці быў нейкі выразны пераход ад адной эпохі да другой. Што тычыцца тэрыторыі Беларусі, Г. Сагановіч адзначае, што тут не адбылося рэзкай змены: «Усё тое, што было зместам Сярэднявечча як эпохі,

у Беларусі ад XVI да XVII ст. толькі нарастае. У прынцыпе тут і ў XVIII ст. грамадства заставалася ва ўладзе традыцыі, той самай “старыны”, да якой так настойліва апелывала і якім жыло беларускае мяшчанства далёкага XVI ст. Гэта значыць, практычна ўсім членам грамадства ў той ці іншай ступені была ўласціва так званая “народная культура” Сярэднявечча – комплекс уяўленняў пра свет, разумовых устаноў і стэрэатыпаў паводзін, прасякнутых народнай рэлігіянасцю і архаізмам» [15].

Хацелася б выказаць гіпотэзу, што ў 1960-я гг. Сярэднявечча і Рэнесанс сапраўды ўяўляліся даследчыкам як эпоха неувцтва, на змену якой прыйшоў час росквіту і дасягненняў. У прыватнасці, такое апісанне можна ўбачыць у працах М.М. Бахціна, якія выходзілі ў тых жа гады, што і раманы У. Караткевіча – 1960–1980-я. Як адзначае Т. Кашамчук, «міф пра цемрашальства Сярэднявечча (цалкам савецкі) Бахцін у поўнай меры падтрымлівае і творча развівае, не выпадкова некаторыя еўрапейскія крытыкі прама гавораць, што Бахцін нічога не зразумеў ні ў Сярэднявеччы, ні ў Адраджэнні. Так, Бахцін – і для яго гэта галоўнае – прапаведуе ўваскрэсенне з гэтай, сярэднявечнай, цемры – да новага рэальнага жыцця праз далучэнне да сферы “піцця, палавога жыцця і далучаных да іх цялесных праяў” ТФР, 344» [16, с. 154].

Можна меркаваць, што пры напісанні рамана «Хрыстос прыязміўся ў Гародні» У. Караткевіч апісваў Сярэднявечча і Рэнесанс, абаліраючыся на дасягненні і набыткі тагачаснай гістарыяграфіі, у якой не маглі не знайсці адлюстраванне падзеі XX ст. – рэвалюцыя і класавая барацьба, Першая і Другая сусветныя войны. Супрацьстаянне царкоўных служак і простага народа, барацьба двух лагераў (класаў) цалкам упісваюцца ў гэтую гістарычную парадыгму. Яшчэ адной акалічнасцю, чаму пісьменнік выбраў выразнае супрацьстаянне эпох, можа быць яго арыентацыя на такі ўзор літаратуры, як так званы “вальтэрскаўскі» гістарычны раман, дзе героі выразна падзелены на станоўчых і адмоўных, эпохі апісваюцца ў рамантычным духу, а для герояў ўласцівыя высокія ідэалы.

Заклучэнне. Такім чынам, у рамана «Хрыстос прыязміўся ў Гародні» паказаны сацыяльна-гістарычны час пераходнай эпохі ад Сярэднявечча да Рэнесансу, напоўнены супярэчнасцямі і кантрастамі. Паводле аўтарскай канцэпцыі, у гэты перыяд адбываліся змены ў чалавечай свядомасці, у выніку якіх прыгнечаны народ пачаў усведамляць сваю годнасць. Сярэднявечча і Рэнесанс ўвасабляюць антанімічныя каштоўнасці і характарызуюць прынцыпова розныя мадэлі чалавечага існавання: першая эпоха выступае ў якасці сістэмы, якая цалкам «зжыла» сябе, другая атаясамліваецца з прагрэсам і верай у чалавечыя магчымасці.

Твор адлюстроўвае многія найбольш тыповыя асаблівасці перыяду пачатку XVI ст., што цалкам супадносяцца са сведчаннямі такіх даследчыкаў, як У. Эка, А.Я. Гурэвіч. У прыватнасці, раман паказвае знітанасць царкоўнага і грамадскага жыцця, эсхаталагічнасць сярэднявечнага ўспрымання часу. Акрамя гэтага, пісьменнікам па-мастацку пераканаўча «ўваскрашаюцца» гістарычныя рэаліі – асаблівасці тагачаснага вясковага і гарадскога побыту (рынкі, жылыя дамы); сацыяльныя феномены, тыповыя для сярэднявечча (продаж індульгенцый, дзейнасць інквізіцыі); згадваюцца рэальныя гістарычныя асобы (Кашпар Бекеш).

Сёння канцэпты Сярэднявечча і Рэнесансу – прынамсі, у гістарыяграфіі – зазналі трансфармацыю: даследчыкі больш не характарызуюць названыя эпохі як цэласныя і маналітныя, не надзяляюць іх наборам статычных прыкмет. Можна меркаваць, што выбар У. Караткевічам такой мадэлі апісання згаданых эпох, пры якой яны прэзентаваны як супрацьпастаўленыя адна адной, можа быць абумоўлены рознымі фактарамі: панаваннем такога погляду ў тагачаснай гуманітарнай навуцы (што пацвярджае такі ж пункт гледжання ў работах М.М. Бахціна), уплывам на тагачасную гуманітарную навуку, і гісторыю ў тым ліку, грамадска-палітычных падзей XX ст. – войнаў, рэвалюцыі і класавай барацьбы, уяўленні пра якія працыраваліся і на ранейшыя гістарычныя перыяды; арыентацыя пісьменніка на жанр гістарычнага рамана “вальтэрскаўскага” тыпу, у якім сутыкаюцца два супрацьлеглыя варожыя лагеры, станоўчыя і адмоўныя героі. Нарэшце, такі выбар можна патлумачыць і проста асабістымі прыхільнасцямі пісьменніка, занатаванымі ў ліставанні з Максімам Танкам, або сукупнасцю ўсіх названых фактараў.

ЛІТАРАТУРА

1. Цэнтральная навуковая бібліятэка НАН Беларусі. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. зах. 1099.
2. Русецкі, А. Уладзімір Караткевіч: праз гісторыю ў сучаснасць : нататкі літаратурнай творчасці / А. Русецкі. – Мінск: Маст. літ., 2000. – 300 с.
3. Прашковіч, Л.І. Беларускае Сярэднявечча ў кантэксце рамана У. Караткевіча «Хрыстос прыязміўся ў Гародні» / Л.І. Прашковіч // Вобразна-эстэтычны аспект нацыянальнай мастацкай свядомасці : зб. навук. арт. / Мазыр. дзярж. пед. ун-т. – Мазыр, 2009. – Вып. 5. – С. 45–55.
4. Караткевіч, У. Хрыстос прыязміўся ў Гародні / У. Караткевіч // Зб.тв. : у 8 т. – Мінск : Маст. літ., 1990. – Т. 6. – 494 с.
5. Эка, У. История уродства / У. Эка. – М. : СЛОВО/SLOVO, 2007. – 456 с.
6. Мальдзіс, А. Жыцце і ўзнясенне Уладзіміра Караткевіча: партрэт пісьменніка і чалавека / А. Мальдзіс. – Мінск : Літ. і маст., 2010. – 206 с.
7. Караткевіч, У. Збор твораў : у 25 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 2012–... – Т. 9 : Хрыстос прыязміўся ў Гародні: Евангелле ад Іуды. – 2015. – 733 с.
8. Багушэвіч, Ф. Творы / Ф. Багушэвіч. – Мінск : Маст. літ., 2001. – 206 с.

9. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.
10. Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. – М. : Наука, 1979. – 352 с.
11. Караткевіч, У. Выбраныя творы / У. Караткевіч. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2005. – 669 с.
12. Гуревич, А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А.Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1990. – 396 с.
13. Сагановіч, Г. У пошуках Сярэднявечча [Электронны рэсурс] / Г. Сагановіч // Беларус. гіст. агляд. – 1997. – Т. 4, сш. 1/2. – Рэжым доступу: http://www.data.minsk.by/bhr/bel/6-7/67_1.html. – Дата доступу: 15.08.2018.
14. Косиков, Г.К. Средние века и Ренессанс. Теоретические проблемы / Г.К. Косиков // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000–2000 : учеб. пособие / под ред. Л.Г. Андреева. – М. : Высш. шк., 2001. – С. 8–39.
15. Сагановіч, Г. Перыядызацыя беларускай гісторыі [Электронны рэсурс] / Г. Сагановіч // Жыве Беларусь : б-ка гіст. арт. – Рэжым доступу: <http://jivebelarus.net/history/gistografia/periodisation-of-belarusian-history.html>. – Дата доступу: 15.08.2018.
16. Кошемчук, Т.А. О Бахтине, карнавализации, Рабле и Достоевском / Т.А. Кошемчук // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – № 2. – С. 151–156.

Паступіў 23.04.2020

IMAGES OF MIDDLE AGES AND RENAISSANCE IN THE NOVEL “CHRIST LANDED IN HRODNA” BY U. KARATKIEVICH

M. LAPPO

The article discusses the historical time image created by U. Karatkievich in the novel "Christ landed in Hrodna" in the context of the contemporary historiographic ideas about the Middle Ages and the Renaissance. In the first part of the work the images of the Middle Ages and the Renaissance in the novel are analyzed in detail, the relevant information from the author's biography is provided. The historical and cultural works in which the Middle Ages and the Renaissance are described in the same way as in the novel are mentioned (studies by U. Eco, A. Gurevich and D. Likhachev). The second part of the article is devoted to the contemporary transformation of the Middle Ages and the Renaissance representations (in science and public consciousness), on which such researchers as G. Kosikov and T. Koshemchuk point out. In addition, attention is drawn to the discrepancy between these representations and historical time described in the novel. The author of the article points out to the connection between the images created by the writer and the 60s of the XXth century historiography and socio-political thought.

Keywords: Uladzimir Karatkievich, “Christ landed in Hrodna”, Middle Ages, Renaissance.

УДК 821.161.3

**ФАКТ И ОБРАЗ В ВОЕННОЙ ПРОЗЕ С. АЛЕКСИЕВИЧ
(НА ПРИМЕРЕ КНИГИ «У ВОЙНЫ НЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО»)**

канд. филол. наук, доц. О.Н. ГУБСКАЯ
(Белорусский государственный экономический университет, Минск)
o_gubskaya@mail.ru

Статья посвящена специфике авторской работы с фактом как признаком литературы non-fiction в книге С. Алексиевич «У войны не женское лицо». Жанр книги определен автором как документальная проза, в ней нетипично для классической советской литературы показаны события Второй мировой войны. Основным сюжетобразующим элементом произведения является факт, который писательница использует в особенной манере. Нарратив автора представляет военный дискурс, имеющий гендерный акцент. Факт в тексте градуируется и выполняет определенную функцию: одна категория фактов, как правило, отражающих «женскую историю», демонстрирует стремление нарратора к «суверенности»; другая категория фактов, демонстрирующих реальный исторический дискурс, подчиняет текст диктату действительности.

Ключевые слова: литература non-fiction, антитеза, контекст, нарратор, медиатор, реципиент, интертекст, факт, образ.

Введение. Тема Великой отечественной войны – одна из самых популярных тем советского литературного пространства. Однако интерес к военной тематике не спадает и в постсоветской литературе. Почему так происходит? Очевидно, потому что в размышлениях на тему войны мы касаемся глубоких философских понятий, затрагиваем серьезные бытийные проблемы: добра и зла, своих и чужих, любви и ненависти, жизни и смерти, идеи и идеологии, большого и маленького человека, роли человека в истории. И если в советский период идеология еще довлела над писателем, то после распада СССР литераторы смогли более открыто проявлять свою творческую индивидуальность в освещении этой проблемы. Среди таких писателей можно уверенно назвать имя Светланы Алексиевич – лауреата Нобелевской премии 2015 г., русскоязычной писательницы из Беларуси, которая представила миру собственную картину советской и постсоветской действительности.

Очевидно, что для переосмысления советской идеологии требовался пересмотр сформированного бинарного, даже в некоторой степени поляризованного восприятия действительности бывшим советским человеком. Вот как о таком мировосприятии говорила С. Алексиевич в своей Нобелевской лекции: «Что с нами произошло, когда империя пала? Раньше мир делился: палачи и жертвы – это ГУЛАГ, братья и сестры – это война, электротат – это технологии, современный мир. Раньше наш мир еще делился на тех, кто сидел и кто сажал, сегодня деление на славянофилов и западников, на национал-предателей и патриотов. А еще на тех, кто может купить и кто не может купить...» [1]. На этот способ восприятия действительности обратил специальное внимание антрополог, профессор Калифорнийского университета в Беркли Алексей Юрчак. Он утверждает, что в основе мировосприятия советского человека лежит «невероятно упрощенная, бинарная модель власти, согласно которой власть может функционировать только двумя способами – либо убеждением, либо принуждением. Эта упрощенная модель власти доминирует и в исследованиях социализма, появившихся в бывшем Советском Союзе после его развала. В них почти всегда советская культура делится по принципу бинарных оппозиций на официальную и неофициальную, “конформистскую” и “нонконформистскую”, “официоз” и “андеграунд”» [8, с. 40]. Причину такого взгляда на советскую действительность ученый объясняет «особым расположением исследователя по отношению к советской системе как объекту анализа», а именно нахождением за пределами пространственно-временных рамок описываемого исторического периода, которое исследователь называет «внешним расположением». Именно по этой причине, считает А. Юрчак, «исследования советской реальности осуществляются и распространяются в контекстах, где политический, нравственный и культурный смысл понятия “советский субъект” приобретает заведомо негативный оттенок, а понятие “сопротивление”, наоборот, заведомо романтизируется. То, что многие исторические исследования в постсоветский период проводятся именно под этим углом, безусловно сказывается и на их выводах» [8, с. 41]. Таким образом, А. Юрчак выступает против экстраполяции бинарной мировоззренческой модели на исследовательскую практику и методологию исследований истории культуры, литературы и быта последних десятилетий СССР.

Стоит упомянуть, что русскоязычное издание книги А. Юрчака вышло в 2014 г., всего на несколько месяцев опередив вручение С. Алексиевич Нобелевской премии. Эта награда пришла к писательнице именно благодаря тому, что в ее книгах бинарный мир персонажей-повествователей оказался в разомкнутом, принципиально не-бинарном кругозоре автора-повествователя. «С точки зрения искусства, и палач и жертва

одинаково интересны. У нас заходи в любой дом – и вы найдете жертву. Напротив, для меня было проблемой вытащить человека из этой культуры жертвы и плача, чтобы он начал рефлексировать. Потому что культура жертвы и плача у нас такая тотальная, что вырваться из нее – это самое трудное. Мне нужно не желание поплакаться, а хотя бы попытка рефлексии, почему наши страдания не конвертируются в свободу? Какой смысл просто в страданиях?» – говорила С. Алексиевич в одном из своих выступлений [3]. Полноценная картина прошлого создается лишь автором, способным преодолеть инерцию стереотипов в мышлении.

Особенность литературных произведений Светланы Алексиевич заключается в том, что основным сюжетообразующим элементом своих книг она делает факт (что не удивительно само по себе, ибо многие писатели отгалкивались от реального факта), но использует его в особенной авторской манере. Анализ этой специфической авторской манеры работы с фактом и будет посвящено наше исследование. Несмотря на то, что изучением особенностей творчества С. Алексиевич активно занимаются как литературоведы Беларуси (среди них важно назвать Л.Д. Синькову, которая посвятила изучению творчества писательницы серию статей в книге «Белорусская “сверхлитература”»), так и России (особое внимание изучению творчества писательницы уделял Л.А. Аннинский), еще не поставлена итоговая точка в исследованиях. Работа с фактом у писательницы настолько особенна, что еще долго будет интриговать сознание читателей и ученых. Целью нашего исследования будет изучение авторской специфики в работе с фактом как признаком литературы non-fiction для создания литературного произведения; определение приемов, которыми писательница пользуется для отображения «женской» войны на материале документальной повести «У войны не женское лицо».

Основная часть. Стоит отметить, что факт в произведениях С. Алексиевич фиксирует не сам писатель, а его персонаж – непосредственный участник события, рассказывая читателю свою историю. Автор же в такой ситуации выступает только слушателем. В тексте произведения он превращается в нарратора, который задает вопросы рассказчику. Таким образом, Светлана Алексиевич создает роман-ораторию, в котором множество голосов рассказывают свою историю страдания, историю жизни. Как отмечалось ранее, «жанр романа-оратории был профессионально прочувствован писательницей... Факт – как основа сюжета, стал одновременно и “брендом”, и основой ее творческой стратегии» [5, с. 318].

Именно в стилистике жанра романа-оратории была написана первая, вышедшая в печать книга Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо». Основанная на интервью с советскими женщинами, участвовавшим в Великой Отечественной войне, она впервые была опубликована в журнале «Октябрь» (1984), ещё несколько глав вышли в том же году в журнале «Неман». В 1985 г. произведение вышло отдельным изданием. Учитывая, что книга сразу же получила большое количество престижных премий, таких как Литературная премия имени Николая Островского Союза писателей СССР (1984), Премия журнала «Октябрь» (1984), Литературная премия имени Константина Федина Союза писателей СССР (1985), Премия Ленинского комсомола (1986), становится понятно, что она пришлась по душе как советскому читателю, так и представителям государственного сектора. И это неудивительно, ведь читателю книги кажется, что писатель отсутствует, а говорят о личном только его герои – живые свидетели военных событий, да к тому же не мужчины, а женщины.

Нельзя сказать, что в произведении С. Алексиевич история женщины на войне, основанная на реальном личном опыте, впервые попадает в центр внимания. В 1984 г. были изданы «Записки блокадного человека» Л.Я. Гинзбург – воспоминания о пережитом во время войны. Уникальность «Записок...» не только в том, что речь идет о беспрецедентном событии в истории войны – блокаде Ленинграда, но и в том, что эта история, написанная женщиной, свидетельствует о человеке в принципе, без учета гендерного разделения. Л.Я. Гинзбург создала образ условно-биографического героя: «Мне нужно было показать не только общую жизнь, но и блокадное бытие одного человека. Это человек суммарный и условный (поэтому он именуется Эн), интеллигент в особых обстоятельствах» [4, с. 311]. По мнению Э.И. Коптевой, «автора вовсе не интересуют здесь гендерные различия, важен общечеловеческий смысл свершающегося, а значит, фигура повествователя – особенная. Это условно-биографическое лицо, вбирающее в себя конкретное и всеобщее, свидетель блокады и очевидец, наблюдающий собственное сознание в катастрофических исторических обстоятельствах. Голос времени и одновременно стоящий над временем. Это первое лицо, подобное повествователю “Былого и дум” А.И. Герцена, книге, столь важной для самой Гинзбург как для учёного и как для человека» [6, с. 41].

Внимание С. Алексиевич было направлено к иной военной действительности. Ее задача как раз-таки заключалась не в передаче рефлексии интеллигента о войне, не в размышлениях о духе и теле в период глобальной катастрофы, а в осознании нового смысла, нового знания о войне благодаря вслушиванию в полифонию голосов обычных советских женщин.

В 1977 г. вышла книга А. Адамовича (совместно с Я. Брылем и В. Колесником) «Я из огненной деревни», в которой впервые в белорусской литературе заговорили «живые голоса», повествующие о войне и о том, как люди уцелели в тех «огненных деревнях», сожженных фашистами. Именно А. Адамовича С. Алексиевич называет своим вдохновителем и учителем: «Однажды попала в руки книга “Я – из огненной деревни” А. Адамовича, Я. Брыля, В. Колесника. Такое потрясение испытала лишь однажды, читая

Достоевского. А тут – необычная форма: роман собран из голосов самой жизни. Из того, что я слышала в детстве, из того, что сейчас звучит на улице, дома, в кафе, в троллейбусе. Так! Круг замкнулся. Я нашла то, что искала. Предчувствовала. Алесь Адамович стал моим учителем» [2, с. 9]. Возможно, именно поэтому в качестве названия для своей первой книги она взяла цитату из романа А. Адамовича «Война под крышами»: «У войны не женское лицо. Но ничто на этой войне не запомнилось больше, резче, страшнее и прекраснее, чем лица наших матерей». По сути, эта мысль А. Адамовича и стала концепцией произведения С. Алексиевич: показать женскую историю войны, открыто, честно, без стеснения, в реалистичной манере.

В дневниковых заметках к книге она пишет: «Все, что нам известно о войне, мы знаем с «мужского голоса». Мы все в плену «мужских» представлений и «мужских» ощущений войны. «Мужских» слов. А женщины молчат. Никто же кроме меня не расспрашивал мою бабушку. Мою маму. Молчат даже те, кто были на фронте. Если вдруг начинают вспоминать, то рассказывают не «женскую войну», а «мужскую». Подстраиваются под канон» [2, с. 9]. Становится очевидным, что творческая задача С. Алексиевич – этот канон разрушить. Задача нашего небольшого исследования – проследить, какими приемами пользуется писательница для отображения «женской» войны, чем женские факты войны отличаются от мужских?

Для решения поставленной задачи важно понять, какое значение вкладывает писательница в понятие «женская война», «женская память о войне». Обратимся к фрагменту текста, в котором автор пытается дать этому объяснение: «В оптике есть понятие «светосила» – способность объектива хуже-лучше зафиксировать увиденное изображение. Так вот женская память о войне самая «светосильная» по напряжению чувств, по боли. Я бы даже сказала, что «женская» война страшнее «мужской». Мужчины прячутся за историю, за факты, война их пленяет как действие и противостояние идей, различных интересов, а женщины захвачены чувствами» [2, с. 17]. Очевидно, что для вербальной реализации своей концепции писательница использует принцип контраста, антитезу, по сути, подбирает контекстуальные антонимические пары: мужская-женская, факты-чувства. Это принцип поддерживается и в названиях глав. Например, «*Подрастайте, девочки, вы еще зеленые*», «*О запахе страха и чемодане конфет*», «*О куклах и винтовках*», «*О лошадях и птицах*», «*О мужских сапогах и женских шляпках*», «*О девичьем дисканте и матросских сувенирях*», «*О безмолвии ужаса и красоте вымысла*», «*О маленькой жизни и большой идее*» и т.д. Стоит отметить, что этот приём подчёркивает журналистское образование С. Алексиевич. Писатель начинает контактировать с читателем уже с первых строчек, написанных заглавными буквами. Заголовки в ее книге выполняют прагматическую (экспрессивную) функцию: демонстрируют личностные приоритеты автора, его мировоззренческие установки; достаточно наглядно отражают картину внутреннего и внешнего мира действующего героя повествования, а также оригинально, интригуяще преподносят действительность. Можно сказать, что такие заголовки выполняют роль медиатора между текстом и реципиентом (читателем), используя объем его фоновых знаний о жизни и войне, воздействуя при этом на эмоции читателя.

При этом такие эмоциональные, образные заголовки окунают нас в достаточно жесткую реальность войны, изложенную через факт, зафиксированный в памяти героев книги. Но весь секрет заголовка в том, что читатель ищет в тексте те ключевые слова (слова-знаки), которые были в нем обозначены, и на которые делала акцент (а лучше сказать, делала ставку) автор. Эти слова-знаки скорее всего должны останавливать внимание читателя и возвращать к названию, переосмысление которого после прочтения текста должно вызвать рефлексии.

Для примера (в силу небольшого объема исследования) обратимся только к одной серии историй, объединенных названием «О запахе страха и чемодане конфет». Безусловно, словом-знаком здесь будет выступать «чемодан конфет», хотя и синестезия «запах страха» не менее эмоциональна. Итак, что мы видим в тексте? Факты о войне, зафиксированные в памяти женщин, с ранних лет ушедших на фронт. Надежда Васильевна Анисимова, санинструктор пулеметной роты, рассказывает, как на нейтральной полосе нашла раненого солдата и тащила его восемь часов, привязав ремнем за свою руку. В результате получила за этот поступок сначала пять суток ареста за самовольную отлучку, а затем медаль «За отвагу». «В девятнадцать лет у меня была медаль «За отвагу». В девятнадцать лет посела. В девятнадцать лет в последнем бою были прострелены оба легких, вторая пуля прошла между двух позвонков. Парализовало ноги... И меня посчитали убитой...», – рассказывала участница войны [2, с. 66]. Жуткая история, а в заголовке вынесен «чемодан конфет»! Читатель ищет слово-знак дальше. А дальше – история Альбины Гантимуровой, старшего сержанта, разведчицы. Она получила свою первую медаль «За отвагу» за то, что в начале боя смогла поднять из укрытия растерявшихся солдат: «Начался бой. Огонь шквальный. Солдаты залегли. Команда: «Вперед! За Родину!», а они лежат. Я сняла шапку, чтобы видели: девчонка поднялась... И они все встали, и мы пошли в бой» [2, с. 69]. Затем мы читаем рассказ шифровальщицы Любове Чарной, которая, забеременев в самом начале войны, вынуждена была избавиться от ребенка, а потом ушла на фронт, чтобы отомстить за нерожденного. Далее читателя ждет еще одна женская история партизанской связной Марии Савицкой-Радюкевич, которая бегала на задания через немецкие посты с маленьким ребеночком. А затем еще несколько: о летчице Анне Дубровиной; командире взвода автоматчиков Любове Любчик; партизанке Анне Струмилиной, которая, по причине еврейского происхождения жила в гетто, а потеряв

родителей, ушла в партизаны. И практически в конце серии историй читатель встречает рассказ фельдшера Марии Тихомировой, в котором она повествует о чемодане конфет: «Мне там, в деревне, куда меня после училища распределили, дали подъемные. Деньги были, и я на эти деньги купила целый чемодан шоколадных конфет. Я знала, что на войне деньги мне не понадобятся» [2, с. 81].

Именно этот механизм поиска ключевого слова концентрирует все читательское внимание на тексте – читатель будет знакомиться с фактами войны, а его сознание будет искать «чемодан конфет», возможно, даже будет пытаться представлять обертку. И этот «чемодан конфет» будет не просто фактом реальной истории (таким он является только для рассказчицы), а художественным образом, символизирующим наивную молодость и отнятую у девочек мирную жизнь с ее почти детскими радостями. Здесь мы можем констатировать процесс изменения реального факта в художественный образ – это особенность художественной манеры письма С. Алексиевич. Как отмечает Л.Д. Синькова, «точно зафиксированный реальный факт начинает проявлять себя как художественный образ, и, таким образом, жанрообразующим фактором следует считать именно эту смену функциональной роли документа в художественном целом» [7, с. 95].

Почему происходит изменение роли факта в произведении? Это связано с особенностью восприятия факта самой писательницей, ее творческой концепцией. «Мне интересно не само событие, а событие чувств. Скажем так – душа события. Для меня чувства – реальность», – пишет С. Алексиевич [2, с. 16]. Именно это событие чувств и визуализируется в художественный образ. Острота женского взгляда например, на униженное собственное тело, рожденное быть привлекательным, олицетворять красоту и созидать жизнь, сближает некоторые образы книг С. Алексиевич и Л. Гинзбург.

Женская война – это история борьбы не только с врагом, но и с самим собой, преодоление собственных страхов и стереотипов. Со страхом, голодом приходилось бороться всем, и «Записки блокадного человека» Л.Я. Гинзбург это прекрасно демонстрируют. В произведении дается обобщенный образ человека, который стремится выжить в нечеловеческих условиях, в ситуации, где система ценностей стала менее определена, чем раньше: «Месяцами люди – большая часть жителей города – спали не раздеваясь. Они потеряли из виду свое тело. Оно ушло в глубину, замурованное одеждой, и там, в глубине, изменялось, перерождалось. Человек знал, что оно становится страшным. Ему хотелось забыть, что где-то далеко – за ватником, за свитером, за фуфайкой, за валенками и обмотками – есть у него нечистое тело. Но тело давало о себе знать – болями, чесоткой. Самые жизнеспособные иногда мылись, меняли белье. Тогда уже нельзя было избежать встречи с телом. Человек присматривался к нему со злобным любопытством, одолевающим желание не знать. Оно было незнакомое, всякий раз с новыми провалами и углами, пятнистое и шершавое. Кожа была пятнистым мешком, слишком большим для своего содержимого» [4, с. 315].

Женщины в произведении С. Алексиевич выражают такие желания и переживания, о которых не принято было говорить в традиционных произведениях о войне: поспать на простынях, а не на земле; съесть целый белый батон; походить на каблуках; вымыть волосы; надеть женское нижнее белье. И все эти бытовые для мирного времени понятия, зафиксированные как факты военной жизни в произведениях С. Алексиевич, превращаются в художественные образы-символы отнятой мирной жизни. Писательница прекрасно это понимает, объясняя природу такого превращения следующим образом: «Воспоминания – это не страстный или бесстрастный пересказ исчезнувшей реальности, а новое рождение прошлого, когда время поворачивается вспять. Прежде всего – это творчество» [2, с. 11].

С. Алексиевич талантливо фиксирует «рождение нового прошлого», спустя годы переосмысленного участницами войны. Это переосмысление изображает правду войны яркими красками: смешивает кирзовые сапоги с туфлями на каблуках, шум пшеницы и звуки немецкого автомата, грубые гимнастерки и тонкий хлопок женского белья. В этом проявляется стремление сделать факт независимым от заидеологизированного военного дискурса. Образ повествователя раскрывается в сопереживании и соединении писателя с «душой» рассказчика. Историю читателю рассказывают медсестра, летчица, партизанка, но читатель слышит не чистую правду участника военных событий; как минимум она опосредована голосом того нарратора (слушающего и передающего), который адаптирует рассказанное в соответствии с авторской художественной концепцией. «Мы вместе пишем книгу времени. Каждый кричит свою правду. Кошмар оттенков. И надо все это слышать, и раствориться во всем этом, и стать этим всем. И в то же время не потерять себя. Соединить речь улицы и литературы. Сложность еще и в том, что о прошлом мы говорим сегодняшним языком. Как передать им чувства тех дней?» – задается вопросом С. Алексиевич [2, с. 16].

Если использовать термины Я.И. Явчуновского, который писал, что «особую роль повествователя в документальной литературе определяют две тенденции: стремление к “суверенности” и подчинение диктату действительности» [9, с. 178], то автор, а вместе с ним и нарратор, удачно сочетают «стремление факта к суверенности» и в достаточной степени «подчинение диктату действительности». Диктат действительности проявляется в истории практически каждого персонажа через один авторский прием – включение в рассказ своеобразного интертекста в виде политических лозунгов предвоенного и военного времени: «С детства, со школы мы слышали: “Девушки – за руль трактора!”, “Девушки – за штурвал самолета!”» [2, с. 59]; «Когда училась еще в седьмом классе, к нам прилетел самолет. Это в те годы, представляете,

в тридцать шестом году. Тогда это была диковинка. И тогда же появился призыв: «Девушки и юноши – на самолет!» Я, конечно, как комсомолка была в передовых рядах. Сразу в аэроклуб записалась» [2, с. 60]; «А тут репродуктор заиграл: “Вставай, страна огромная...”. Впервые я тогда услышала эту песню. “Вот выздоровлю, – думаю, – и сразу уйду на фронт”» [2, с. 71]; «Нас воспитали, что Родина и мы – это одно и то же» [2, с. 81]. Очевидно, что данная интертекстуальность не только перемещает читателя в историческое время, но и подчеркивает характер этого времени: разнообразие возможностей для каждого, динамичное развитие общества, а самое главное – доминанту «лозунговой» формы общения, когда некто обращается к массам, скрыто управляет ими. Этот факт реальности, имплицитно представленный автором, не только достаточно ярко характеризует предвоенное время, но и авторское восприятие действительности и писательские установки.

Здесь будет уместно вернуться к работе А. Юрчака, в которой он размышляет не только о стереотипах «бинарного социализма», но и о постсоветской ностальгии по идеологическим ритуалам: «Простые советские граждане активно наполняли свое существование новыми, творческими, позитивными, неожиданными и не продиктованными сверху смыслами – иногда делая это в полном соответствии с провозглашенными задачами государства, иногда вопреки им, а иногда в форме, которая не укладывается в бинарную схему за–против. Эти положительные, творческие, этические стороны жизни были такой же органичной частью социалистической реальности, как и ощущение отчуждения и бессмысленности. Одной из составляющих сегодняшнего феномена “постсоветской ностальгии” является тоска не по государственной системе или идеологическим ритуалам, а именно по этим важным смыслам человеческого существования» [8, с. 45]. В рассказах героинь С. Алексиевич зафиксирована не только собственно-советская реальность, наполненная идеологическими ритуалами. Есть еще ответ естественной жизненной позитивности, которая передана в речи героинь в моменты воспоминаний о предвоенном или военном прошлом, глубокой рефлексии, оценки прошлой жизни. Формально высказывания героинь мирного времени в книге «У войны не женское лицо» (особенно в редакции 1984 г.) могут не иметь протестных или депрессивных коннотаций, они, как правило, наполнены жизненной энергией, целеустремлены, оптимистичны. Однако читатель понимает, что эта жизнерадостность не всегда настоящая. В чем причина такого ощущения? Безусловно, оно продиктовано нашим позднейшим жизненным опытом, знанием о событиях конца XX в. Читателя интересует авторское послание – мы понимаем больше, чем рассказывает очередная героиня книги. Еще раз обратимся к работе А. Юрчака: «Дискурс перестройки и гласности вскрыл множество неизвестных фактов и критически окрасил множество явлений советского прошлого, которые до этого не могли быть публично обсуждены и, тем более, проанализированы» [8, с. 43].

Эта мысль А. Юрчака важна для понимания своеобразного «эффекта Алексиевич». В своём произведении писательница сопоставляет дискурсы расцвета советской эпохи и периода ее увядания. В одной и той же истории рассказчица совмещает два типа дискурсов: советский для описания мирного прошлого, и, назовем его «поздний советский», для рефлексии на тему войны, для выражения тех мыслей, которые в раннюю советскую пору даже не озвучила бы. Например: «...Любила, хотела жить. И, конечно, боялась. Но шла... *Не ради Сталина шла, а ради своих детей*» [2, с. 80]; «*Может быть, мы были слепые, и даже не буду отрицать, многого мы тогда не знали и не понимали, но были слепые и чистые одновременно. Мы были из двух частей, из двух жизней...*» [2, с. 81]; «*Теперь я понимаю, что убивала. Думаю об этом...* Потому что старая стала. О своей душе молюсь. Наказала дочери, чтобы после смерти *все мои ордена и медали не в музей, а в церковь отнесла. Отдала батюшке...*»; «*Уезжала на фронт материалисткой. Атеисткой. Хорошей советской школьницей уехала, которую хорошо учили. А там. Там я стала молиться...*» [2, с. 90]. Именно сочетание в одном тексте дискурсов раннего и позднего советского периодов позволяет читателю сформировать те чувства скептицизма и сопереживания восторгу советских девушек, собирающихся на войну. И это еще одна особенность творческой манеры С. Алексиевич, основанная на множественности точек зрения на предмет повествования.

Заключение. Таким образом, завершая размышления о способе обработки факта Светланой Алексиевич, отметим следующее. Несмотря на то, что документальную повесть «У войны не женское лицо» принято относить к литературе non-fiction, в ней достаточно ярко проявляется художественное начало. Факт в тексте градуируется и выполняет определенную функцию: одна категория фактов, как правило, отражающих «женскую историю», демонстрирует стремление нарратора к «суверенности»; другая категория фактов, демонстрирующих реальный исторический дискурс, подчиняет текст диктату действительности. Рождается яркий и многоуровневый реалистический стиль.

Многоуровневость стиля С. Алексиевич продиктована еще и процессом переосмысления советской идеологии, который сформировал у писательницы многогранное восприятие советской действительности. Трактовка исторического события, в данном случае Великой Отечественной войны, через сопоставление дискурсов, работа в тексте с принципом контраста, антитезой, подбор контекстуальных противоречивых образов свидетельствуют о глубокой трансформации журналистских приемов при создании художественного произведения.

Светлана Алексиевич создает свою литературу, «историю – через рассказ никем не замеченного свидетеля и участника всеобщего бытия» [1, с. 15]. На фоне реальных исторических событий «маленький» человек «пишет свою жизнь», превращаясь в персонаж, через маленькие, памятные, дорогие и понятные только ему детали. В результате создается эксклюзивный авторский материал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексиевич, С.А. Нобелевская речь [Электронный ресурс] / С.А. Алексиевич. – Режим доступа: <https://www.colta.ru/articles/literature/9487-nobelevskaya-rech-svetlany-aleksievich>. – Дата доступа: 12.06.2020.
2. Алексиевич, С.А. У войны не женское лицо / С.А. Алексиевич. – М. : Время, 2019. – 352 с.
3. Алексиевич, С.А. Я занимаюсь историей чувств [Электронный ресурс] / С.А. Алексиевич. – Режим доступа: <https://press-club.by/kanspekty/svetlana-aleksievich-ya-zanimayus-istoriey-chuvstv>. – Дата доступа: 12.06.2020.
4. Гинзбург, Л.Я. Проходящие характеры: Проза военных лет. Записки блокадного человека / Л.Я. Гинзбург ; сост., подгот. текста и примеч. и статьи А. Зорина и Э. Ван Баскирк. – М. : Новое издательство, 2011. – 600 с.
5. Губская, О.Н. Специфика восприятия русскоязычной литературы Беларуси (на примере книги С. Алексиевич «Время секунд хэнд» / О.Н. Губская // Язык и межкультурная коммуникация: современные векторы развития : сб. науч. ст. по материалам I Междунар. науч.-практ. конф., Пинск, 12 апреля 2019 г. / редкол.: К.К. Шебеко [и др.]. – Пинск : ПолесГУ, 2019. – Вып. 1. – С. 316–322.
6. Коптева, Э.И. «Записки блокадного человека» Л.Я. Гинзбург как философская проза / Э.И. Коптева // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2016. – № 4 (26). – С. 41–43.
7. Синькова, Л.Д. Становление документально-художественного жанра в журналистике Светланы Алексиевич / Л.Д. Синькова // Вестн. Белорус. гос. ун-та. Сер. 4: Филология. Журналистика. Педагогика. – 2009. – № 3. – С. 93–96.
8. Юрчак, А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / А. Юрчак. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 664 с.
9. Явчуновский, Я.И. Документальные жанры: образ, жанр, структура произведения / Я.И. Явчуновский. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1974. – 232 с.

Поступила 12.06.2020

**FACT AND IMAGE IN MILITARY PROSE BY SVETLANA ALEXIEVICH
(ON THE EXAMPLE OF WAR'S UNWOMANLY FACE)**

V. HUBSKAYA

The article deals with peculiarities of working with the fact as a feature of non-fiction in Svetlana Alexievich's book War's unwomanly face. The book genre is defined by the author as documentary prose. The work provides an outlook of the events of the Second World war which is atypical for classical Soviet literature shows. The main plot-forming element of the book is a fact that the writer uses in a special manner. The author's narrative is a military discourse with a gender emphasis. The fact in the text is graded and performs a certain function: one category of facts, usually reflecting "women's history", demonstrates the narrator's desire for "sovereignty"; another category of facts demonstrates the real historical discourse and subordinates the text to the dictates of reality.

Keywords: non-fiction, antithesis, context, narrator, mediator, recipient, intertext, fact, image.

УДК 821.161.3.09(092)

ІНТЭРТЭКСТУАЛЬНЫЯ ЭЛЕМЕНТЫ Ў ТВОРЧАСЦІ Э. АКУЛІНА

канд. філал. навук Т.А. АЛЯШКЕВІЧ
(Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Я. Купалы)
oleshkevich_ta@grsu.by

Артыкул прысвечаны аналізу інтэртэкстуальных элементаў у паэзіі Эдуарда Акуліна. Навізна працы заключаецца ў тым, што аўтар артыкула ўпершыню аналізуе дыялагічны характар паэтычнага слова Э. Акуліна, які свядома ўводзіць у тэкст сваіх твораў інтэртэкстуальныя элементы. Ва ўводзінах абгрунтаўваецца выбар тэмы, апісваецца стан тэорыі па вывучаемым пытанні. Вызначаюцца асноўныя напрамкі ў вывучэнні інтэртэксту і інтэртэкстуальнасці ў паэтычнай творчасці Э. Акуліна. У асноўнай частцы аўтар ажыццяўляе аналіз інтэртэкстуальных элементаў у творчасці беларускага паэта. Сярод іх – алюзіі, рэмінісцэнцыі, цытаты, кампазіцыйныя сувязі тэкстаў. Аўтар артыкула звяртаецца да даследавання аўтарскай прыроды катэгорыі інтэртэкстуальнасці. У заключэнні аўтар прыходзіць да высновы, што інтэртэкстуальныя элементы ў паэзіі Э. Акуліна адрозніваюцца разнастайнасцю і прысутнічаюць на розных узроўнях мастацкага твора, пачынаючы ад кампазіцыйнага (архітэкстуальнасць), праз паратэкстуальныя адносіны (адносіны тэксту да сваёй пэўнай часткі), да непасрэдна інтэртэкстуальнасці.

Ключавыя словы: інтэртэкст, алюзія, рэмінісцэнцыя, цытата, паэзія.

Уводзіны. Для многіх пісьменнікаў айчыннай літаратуры канца ХХ – пачатку ХХІ стст. інтэртэкстуальнасць стала адным з механізмаў стварэння ўласных сэнсаў і нават болей: наяўнасць у паэтычным тэксце інтэртэкстуальных элементаў можна разглядаць як адзін з прыёмаў фарміравання аўтарскага стылю. У сучасным літаратуразнаўстве тэрмін “інтэртэкстуальнасць” вельмі распаўсюджаны. Алюзія, пародыя, адаптацыя, перайманне і інш. – шэраг паняццяў, што ўтвараюць аб’ём паняцця інтэртэкстуальнасці. Сам жа тэрмін выкарыстоўваецца поруч з тэрмінамі “чужое маўленне” і “аўтарскае слова”, “феномен прэцэдэнтнасці”, “межтэкставыя сувязі”. Насамрэч, дакладна вызначыць, што ёсць інтэртэкстуальнасць, не так лёгка (змест і межы паняцця інтэртэкстуальнасці яшчэ канчаткова не вызначаны), нягледзячы на празрыстую этымалогію гэтага тэрміна – яно ўзыходзіць да дзеяслова “intertexere” (лат.) у значэнні “пераплятаць”.

Колькасць прац замежных навукоўцаў (Р. Барт, Н. П’егэ-Гро, Ж. Жэнет, М. Рыфатэр і інш.) і рускіх даследчыкаў (М.М. Бахцін, Н.А. Фацеева) па пытаннях катэгорыі інтэртэкстуальнасці даволі прадстаўнічая. Таму, каб акрэсліць стан тэорыі ўзнятай ў загалуюку артыкула праблемы, мы абмяжуемся аглядам магістральных прац, што носяць агульны характар па пытаннях інтэртэкстуальнасці, а таксама звернемся да тых напрацовак, якія дазваляць убачыць стан вывучанасці і спецыфіку рэалізацыі катэгорыі інтэртэкстуальнасці ў мастацкіх тэкстах і непасрэдна пытанне інтэртэксту ў прасторы паэзіі Эдуарда Акуліна.

Тэарэтычная база па пытаннях інтэртэкстуальнасці была закладзена ў ХХ ст. М.М. Бахціным, Ю.М. Тынянавым, В.У. Вінаградавым, А.М. Весялоўскім, В.М. Жырмунскім, Б.М. Эйхенбаумам і іншымі. Па сутнасці, менавіта М.М. Бахцін без выкарыстання самога тэрміна “інтэртэкстуальнасць” вызначыў канцэпцыю дыялагічнасці тэксту, якая легла ў падмурак літаратуразнаўчага падыходу да вытлумачэння названай катэгорыі. Ён выдвінуў палажэнне аб тым, што зразумець любы тэкст можна пры ўмове яго суаднясення з іншымі тэкстамі: “Два выказванні, аддаленыя адзін ад другога і ў часе і ў прасторы ... пры сэнсавым супастаўленні выяўляюць дыялагічныя адносіны, калі паміж імі ёсць хоць якая-небудзь сэнсавая канвергенцыя” [1, с. 303]. М.М. Бахцін разумеў дыялагічнасць у шырокім значэнні: яна як бы абдымае і паглынае ўсю тэкставую прастору, робячы яе маркіраванай на самых розных узроўнях, пачынаючы ад жанру ці кампазіцыі (архітэкстуальнасць), праз паратэкстуальныя адносіны (адносіны тэксту да сваёй пэўнай часткі), да непасрэдна інтэртэкстуальных, прадстаўленых у выглядзе інтэртэкстэм (інтэртэкстуальных элементаў).

Навуковая тэорыя М.М. Бахціна была праз пэўны час пераасэнсавана Ю. Крысцевай. Яна трактавала дыялагізм пераважна як перакрываванне, узаемадзеянне, дыялог менавіта паміж тэкстамі і прапанавала для гэтага выкарыстоўваць тэрмін “інтэртэкстуальнасць” (быў уведзены Ю. Крысцевай ў 1967 годзе). Тым самым даследчыца акрэсліла мажлівасць тэкстаў спасылацца адзін на аднаго відавочнымі або няўнымі спосабамі, у той час як камунікатыўны дыялог, пра які гаварыў М.М. Бахцін, быў значна шырэйшы і ўключаў самыя розныя культурныя алюзіі і асацыяцыі. Ідэі інтэртэкстуальнасці былі працягнуты Р. Бартам, Н. П’егэ-Гро, Ж. Жэнетам і іншымі.

Кожнае выказванне скіравана на пэўны прадмет думкі. Таму яго прысутнасць у творы “абцяжарана” іншымі, чужымі акцэнтамі, якія міжволі праступаюць у тэксце. Менавіта інтэртэкстуальнасць, на думку І.У. Арнольд, выступае тым “аптычным шклом”, якое дапамагае чытачу ўбачыць тое, што “залезыць ад першапачатковага кантэксту, з якога цытата бярэцца, і ад таго, у які яна змешчана, у якой ступені яна

маркіравана і трансфармавана фармальна і семантычна; усё гэта звязана з тэзаўрусам рэцыпіента, залежыць ад яго ўмення быць чытачом” [2, с. 13]. Думка М.М. Бахціна і І.У. Арнольд дэманструе, што з’ява інтэртэкстуальнасці вымагае трох чыннікаў – аўтара, пратэксту, чытача. Пры чым адносіны паміж гэтымі складнікамі нагадваюць будову атама, дзе ядром выступае аўтарскі тэкст, а электронамі, што круцяцца вакол яго, – папярэднія і сучасныя элементы культуры ў выглядзе пратэкстаў. Поле, у якім знаходзіцца ядро-тэкст і электроны-пратэксты, з’яўляецца пазатэкставым кантэкстам, у якім здзяйсняецца дыялог паміж аўтарам (тэкстам) і пратэкстам, паміж аўтарам (тэкстам) і чытачом. Апошні, у сваю чаргу, павінен прачытаць, успрыняць і зразумець тэкст: без глыбокага ўсведамлення межтэкставай інфармацыі такі працэс немагчымы.

Асноўная частка. Творчасць папулярнага сучаснага беларускага паэта Эдуарда Акуліна, які вядомы таксама як бард і перакладчык, уяўляе сабой разнастайную карціну свету са шматслойным кантэкстам. Безумоўна, сучасная паэзія мае даволі вялікую колькасць паэтаў, чыёй творчасці ўласцівыя інтэртэкстуальныя сувязі. Яны дапамагаюць творцам-сучаснікам актыўна выпрацоўваць сваю індывідуальную манеру пісьма, свой непаўторны голас у шматлікім паэтычным ансамблі. Сярод іх імёны Андрэя Хадановіча, Ляаніда Дранько-Майсюка, Віктара Вабішчэвіча, Алеся Разанава, Аляксандра Скарынкіна, Віктара Шніпа і многіх іншых. Наш зварот да творчасці Эдуарда Акуліна абумоўлены яшчэ і тым, што мастацкае слова паэта не толькі з пункту гледжання інтэртэкстуальнасці, але ўвогуле цягам доўгага часу застаецца амаль па-за ўвагай даследчыкаў. Сустрэкаюцца спарадычныя артыкулы, прысвечаныя пэўным аспектам яго творчасці. Так, напрыклад, Н. Смірнова [3] звярнулася да жанру бардаўскай песні ў арсенале творчасці паэта, а Т. Барысюк [4], Н. Кузьміч [5], А. Ваньковіч [6] асвятлілі тэматычныя абсягі паэзіі Э. Акуліна. У 2016 г. выйшла кніга А. Бяляцкага “Бой з сабой” [7], у якой аўтар стварыў творчы партрэт паэта і барда Э. Акуліна.

Як паказвае першае набліжэнне да паэзіі Э. Акуліна, яе тэкставая “манада” вельмі яскрава дэманструе самыя розныя праявы катэгорыі інтэртэкстуальнасці, пачынаючы з разумення характару культурнага дыялогу, рэакцыі на папярэднія тэксты да асаблівасцей выкарыстання паэтам “чужога слова”, спосабаў яго перакадзіравання. Характар інтэртэкстуальных сувязей, што ўзнікаюць у творах Э. Акуліна, даволі рознабаковы. Сярод акулінаўскіх інтэртэкстэм вылучаюцца: *цытаты* (яўныя – маркіраваныя і прыхаваныя – немаркіраваныя); *алюзіі*; *эпіграфы*; *рэмінісцэнцыі*; *кампазіцыйныя сувязі тэкстаў*.

Самы багаты пласт інтэртэкстэм звязаны з асобай і імем Максіма Багдановіча, з яго творчасцю, яе жанравай разнастайнасцю. Менавіта яго, поруч з Я. Купалам і Я. Коласам, Э. Акулін лічыў сваім духоўным настаўнікам. Доўгі час Э. Акулін працаваў у філіяле музея Максіма Багдановіча “Беларуская хатка”, праводзіў экскурсіі, паказваў батлеечныя спектаклі. Рабіў усё гэта з-за духоўнай неабходнасці. У прадмове да зборніка “Малітва воч” Л. Дранько-Майсюк пісаў: “Максім Багдановіч – гэта скразная тэма паэзіі Эдуарда Акуліна! Дастаткова прачытаць некалькі яго вершаў – і вы зразумеце, што гэта так!” [8, с. 7].

Так, у паэзіі Э. Акуліна знаходзім розныя паэтычныя формы – рандо, актава, трыялет, тэрцыны, віланэль, рытуэрнэль, канцона, газэля, туюг. Калі параўнаць са спадчынай М. Багдановіча, які ўводзіў розныя новыя жанры і “прышчапляў” іх да беларускай глебы, дэманструючы тым самым, што беларуская паэзія таксама прыдатная да ўсялякага шэрагу новаўвядзенняў, няма тых формаў, якія б не былі ўласцівыя нашай нацыянальнай літаратуры, то Э. Акулін, хутчэй, аддае даніну памяці М. Багдановічу, выкарыстоўваючы іх у сваёй творчасці. Большасць трыялетаў Э. Акуліна маюць інтымныя матывы, што збліжае яго з класічным трыялетам. Напрыклад, “Трыялет”: “Каб толькі бачыць Вашы вочы, // Каб толькі Вас адну любіць. // Гатоў ахвяраю я быць, // Каб толькі бачыць Вашы вочы. // Каб толькі іх бяздонне піць, // Я пачынаюся штоночы. // Каб толькі бачыць Вашы вочы, // Каб толькі Вас адну любіць...” [9, с. 10].

Вельмі паказальным у плане інтэртэкстуальных сувязей выступае верш “Анёл-Страцім”:

Мне прысьніўся Максім Багдановіч –
 беларускі Анёл-Страцім
 у біблейскім вянку цяроўным,
 у пражылках густых крыві...
 Мовіў ён, і паўночны вецер
 яго словы між хмар разьнёс:
 – Ні на тым, ні на гэтым сьвеце
 не лічыце валошак-сьлёз,
 не чытайце чужыя пісьмы,
 не давайце сьвятыні псам...
 І растаў у нябеснай высі,
 там, дзе зьніклі сьляды Хрыста [10, с. 35].

Ён утрымлівае алюзіі на асобу і творы М. Багдановіча – *Страцім*, *валошкі*, *сьляды Хрыста*, а таксама маркіраваную графічна цытату “не давайце сьвятыні псам...”. Яна ўзятая Э. Акуліным з верша У. Караткевіча “Багдановічу”. Даследчыкамі ўжо даўно вызначана прырода гэтых слоў. У. Караткевіч пазычыў іх з Евангелія, а Э. Акулін, як запавет, пераняў іх, уклаўшы ў вусны М. Багдановіча.

Адным з прыярытэтных паказчыкаў міжтэкставага дыялогу з'яўляецца *эпіграф*, які, як правіла, уяўляе сабой цытату з якой-небудзь крыніцы. Сярод крыніц, на якія спасылаецца Э. Акулін, можна вылучыць рэлігійныя крыніцы (Евангелле), творы класічнай літаратуры – беларускай і рускай, творы паэтаў-сучаснікаў. Іх выкарыстанне ўказвае чытачу шлях да інтэрпрэтацыі тэксту. Так, да свайго верша “Ткачы” Э. Акулін выкарыстаў у якасці *эпіграфа* цытату з верша М. Багдановіча “*І тчэ забыўшыся рука...*”:

Пакліканья Голасам з вышынь
на месячным развесненым утоку
ткуць словы закаханыя ткачы,
каб Той, хто клікаў – радваўся звысоку.
Літую нітку з срэбраных аблок
снуюць у кроў паранення рукі,
ды ні адзін прымусіць з іх не змог
душу адмовіцца ад рабскае прынукі...
І тчэцца верш з чырвонага радка,
як шлях-рушнік да боскага парога...
І тчэцца боль – ад церняў да «Вянка».
І тчэцца Бог... Дакладней – вера ў Бога [8, с. 29].

Гэты верш напісаны па матывах верша “Слудкія ткачыкі”, асноўныя вобразы якога – жанчыны-ткачыкі, адданыя сваёй справе, сваёй краіне. Так, семантыка вобразу ткачоў ў аднайменным вершы лёгка распазнаецца – гэта паэты, апантаныя сваім прызваннем, пакліканья Богам. Вобраз, створаны пры дапамозе перыфразы, багата насычаны паралелямі. Напрыклад, у Э. Акуліна – “ды ні адзін прымусіць з іх не змог // душу адмовіцца ад рабскае прынукі...” – сугучна Багдановічу – “І тчэ, забыўшыся, рука // Заміж персідскага узора // Цвяток радзімы васілька”. Аднак у Э. Акуліна верш насычаецца дадатковымі рэмінісцэнцыямі і алюзіямі, тым самым дэманструе свой культурна-гістарычны дыскурс. Вобраз *церняў* адсылае нас да Евангелля, з якога ведаем, што з церневых галінак Хрысту быў сплечены вянок. Таму вобраз самога “вянка” мае ў творы двайную кадзіроўку: назва багдановічаўскага зборніка *Вянок*, выкарыстоўваючыся ў вершы ў сваім прамым значэнні, з’яўляецца і агульнай назвай любога мастацкага твора, а па-другое, выступае знакам невыноснага болю, які выпаў на лёс Хрыста. Бачым, што ў дадзеным вершы інтэртэкстуальны дыялог выконвае найперш генератыўную функцыю: “чужое слова” – цытата “*І тчэ забыўшыся рука...*”, алюзіі *вянок*, *церні* – генерыруе новы дадатковы сэнс. Менавіта ў тэксце Э. Акуліна названыя інтэртэкстымы прымуюць нашу свядомасць, спасылаючыся на тэксты Евангелля і творчасць М. Багдановіча, генерыраваць новыя вобразы-сэнсы.

У “Баладзе сустрэчы з Купалам”, што мае *эпіграфам* словы з верша Я. Купалы “А хто там ідзе?” Э. Акулін уступае ў часавы дыялог з “паэтам неба”. *Эпіграф* актывізуе чытацкую думку, завастрае галоўную ідэю твора. Купалавы словы апелююць да паэтычных радкоў паэта: “А хто там ідзе, а хто там ідзе // У агромністай такой грамадзе? // – Беларусы”. Цягам гадоў Э. Акулін адказвае на купалаўскае пытанне, і адказ не спраўджае надзеяў-мараў беларускага песняра. І быццам падсвядомае купалаўскае, у якое, аднак, яму так не хацелася верыць, гучыць з вуснаў Э. Акуліна: “Нас няма, беларусы! Не было і няма!” [10, с. 38].

Эпіграфам да верша Э. Акуліна “Было...” паслужыла цытата з верша М. Багдановіча “Калісь глядзеў на сонца я”. Выкарыстоўвае Э. Акулін *эпіграфы* з твораў іншых аўтараў – А. Сыса “Магіла – чорныя вошы” (верш “Вошы, або маналог Анатоля Сыса” [8, с. 107]), Р. Барадуліна “Трэба дома бываць часцей” (верш “Дома” [8, с. 127]), Л. Дранько-Майсюка “Прыгожая жанчына побач – // Я забываю пра сям’ю” (верш “Прыгожая” [8, с. 56]), А. Грыбаедава “И дым отечества нам сладок и приятен” (верш “Дым айчыны – чарнобыльскі дым” [9, с. 37]), Я. Купалы “А хто там ідзе?” (верш “Балада сустрэчы з Купалам” [10, с. 38]), М. Багдановіча “Раяль цалуе тонкая рука” (верш “Памяці музыканта” [11, с. 26]), з Евангелля – “А Бог сказаў: – Не спакушай // сябе святлом агню чужога” (верш “О, як ты, грэшная душа” [9, с. 78]), В. Мандэльштама “Бессонница. Гомер. Тугие паруса. Я список кораблей прочел до середины...” (верш “Максіміяну Валашыну” [8, с. 31]). Дыялагічная функцыя *эпіграфа* ў паэзіі Э. Акуліна навідавоку. Найперш, *эпіграф* інфармуе нас аб крыніцы, на якую трэба спасылацца для таго, каб пашырыць дыскурсную прастору твора. Функцыя *эпіграфа* як інтэртэкстуальнага элементу і крэатыўная. Дзякуючы *эпіграфу* ствараюцца рознага кшталту алюзіі – найперш знакавыя.

Выкарыстоўвае ў сваёй творчасці Э. Акулін і няўныя рэмінісцэнцыі. Самым яркім прыкладам выступае акрапаэма “Шлях да Радзімы”, якая, складаючыся з 15 частак, нагадвае па форме вянок санетаў: апошні радок папярэдняй часткі з’яўляецца пачатковым для наступнай. Да таго ж, апошняя частка складаецца з першых радкоў папярэдніх (такое правіла вытрымліваецца ў апошнім санеце з вянка санетаў). Праўда, Э. Акулін не вытрымлівае да канца такое архітэктанічнае кальцо: ён двойчы адступае ад канону вянка санетаў. Таксама рыфмоўка, характэрная для італьянскага ці то французскага санету, не вытрымана. Таму часткі акрапаэмы толькі на першы погляд могуць падацца санетамі. Пры чытанні згаданы твор апелюе да жанравай формы вянка санетаў. Такое адчуванне ўзмацняецца яшчэ і тым, што ў якасці першых радкоў

узяты словы з санету М. Багдановіча “Паміж пяскоў Егіпецкай зямлі...”. Аўтар ніяк у тэксце не маркіруе “чужое слова”. А толькі прысвячэннем – “Светлай памяці Максіма Багдановіча” – пазначае дыялагічную крыніцу. Такім чынам, інтэртэкстуальныя сувязі дадзенага твора прасочваюцца на кампазіцыйным ўзроўні (алюзія на вянок санетаў) і праз няўныя рэмінісцэнцыі.

У творах Э. Акуліна вельмі багата вершаў, якія могуць быць аб’яднаныя ў асобны кластар вершаў-прысвячэнняў: “Лён” (ахвярую Алесю Бяляцкаму), “Арда” (Вользе Іпатавай), “Памаліся” (ахвярую Веры Мікута), “Я вас любіў!” (памяці А.С. Грачанікава), “Шлях да Радзімы” (Светлай памяці Максіма Багдановіча), “Сьпяшайма жыць” (Міхасю Скобл), “Плашчаніца” (Барысу Пятровічу), “Выбар” (Раісе Баравікавай), “Тут Зніч уваскрос” (Галіне Дзягілевай), “На Палессе – услед за песняй” (Л. Дранько-Майсюку) і інш. У пераважнай большасці гэта спасылкі на знакавых у лёсе Э. Акуліна асобаў. У сваім змесце вершы-прысвячэнні ўтрымліваюць нейкі прадметны вобраз, які адсылае нас да асобы, фактаў з яе жыцця, пазначанай у прысвячэнні. Так, верш “Тут Зніч уваскрос” прысвечаны мастацкаму кіраўніку паэтычнага тэатра аднаго актара “Зніч” Галіне Дзягілевай. Згадвае ў творы Э. Акулін і тэатральную назву Зніч, і саму з’яву тэатра, яго паэтычную сцэну:

У лёхах касьцёла Сымона й Алены,
якім любавалася калісьці Максім,
Драўляны алтар – паэтычную сцэну –
ахутаў біблейскага вогнішча дым...
Тут Зніч уваскрос – нашай марай аб Волі,
якой ні разьбіць, ні спыніць, ні стрымаць!” [10, с. 12]

Аднак акулінаўскі *Зніч* знакавы: ён сягае ў міфалагічныя глыбіні і перадае архетыпічнасць дадзенага вобраза – святога агню, боскага вогнішча. Уступаючы ў інтэртэкстуальны дыялог з Я. Коласам, Э. Акулін перафразуе класіка беларускай літаратуры. Першы радок яго верша сугучны Я. Коласу: “*Мой родны ліфт, як ты мне мілы...*” [10, с. 38]. У дадзеным выпадку такая графічна маркіраваная цытата нясе адценне камізму і не выконвае той эстэтычнай нагрукі, якой надзелены словы Я. Коласа. Таму, лічым, дадзены інтэртэкстуальны элемент заснаваны на чыста гульнёвым прынцыпе.

Заклучэнне. Тэкст Э. Акуліна фарміруецца на аснове папярэдняй тэкставай прасторы: ён убірае ў сябе ўвесь назапашаны культурны багаж і аздабляецца новымі, прыўнесенымі ў пэўнай хранатопнай сістэме каардынат, сэнсамі. Прысутнасць “чужога слова” ў творах Э. Акуліна выглядае вельмі натуральна, не заўважаецца наўмыснасці і “абцяжаранасці” паэтычнай думкі. Наадварот, інтэртэкстуальныя элементы, што прысутнічаюць у тэкставай тканіне акулінаўскага паэтычнага слова, выконваюць генератывную функцыю і цалкам апраўданы творчай задумай паэта. Характар інтэртэкстуальных сувязей, што ўзнікаюць у творах Э. Акуліна, разнастайны. Сярод акулінаўскіх інтэртэкстэм вылучаюцца: *цытаты, алюзіі, эпіграфы, рэмінісцэнцы, кампазіцыйныя сувязі тэкстаў*. Інтэртэкстуальныя элементы актуалізуюць пэўныя грані сэнсу тэксту-папярэдняга, мадыфікуюць і ўзбагачаюць новымі сэнсамі творы паэта.

Інтэртэкстуальны аналіз дыскурснай прасторы Э. Акуліна патрабуе ад рэцыпіента дасведчанасці і высокай эрудыцыі. Каб расказзіраваць сэнсы, якімі шчыльна напоўнены акулінаўскі тэкст, трэба ведаць тэксты папярэдняй культуры і культуры акаляючай. У тэкстах Э. Акуліна ў вялікай колькасці прадстаўлены ўласныя імёны паэтаў, музыкаў, філосафаў, ваенных постацей, вобразы хрысціянскай і паганскай міфалогіі. Сярод іх – Каін, Іуда, Бэтлэем, Понцій Пілат, Сатана, Варава, Марыя Магдалена, Ной, Радэн, Арфей, Ду Фу, Війён, Верлен, Бетховен, Паганіні, Шапэн, Вердзі, Гарацый, Янка, Максім, Ясон, Грааль, Мамай і інш. Іх прысутнасць у тэкстах Э. Акуліна пашырае межы зашыфраваных знакавых вобразаў і імёнаў, тым самым адкрываючы перспектыву інтэртэкстуальнага досведу.

ЛІТАРАТУРА

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
2. Арнольд, И.В. Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика / И.В. Арнольд // Интертекстуальные связи в художественном тексте: межвузовский сб. науч. трудов. – СПб. : Образование, 1993. – С. 12–20.
3. Смірнова, Н.В. Жанр бардаўскай песні ў творчасці Эдуарда Акуліна / Н.В. Смірнова // Актуальныя праблемы філалогіі : сб. науч. ст. / Гомельскі гос. ун-т ім. Ф. Скарыны – Гомель : 2013. – Вып. 6. – С. 75–79.
4. Барысюк, Т.П. Паэтычнае крэда Л. Дранько-Майсюка, В. Шніпа, Л. Рублеўскай і Э. Акуліна / Т.П. Барысюк // Выяўленча-мастацкія, арганізацыйныя і ідэалагічныя праблемы сучаснай беларускай літаратуры ў яе сувязях з грамадскімі практыкамі : матэрыялы Рэспубліканскай навукова-гэрэтыч. канф., Мінск, 19–20 мая 2009 г. ; рэдкал.: М.А. Тычына [і інш.]. – Мінск : Права і эканоміка, 2009. – С. 300–303.
5. Кузьміч, Н.Л. Покуль ляцім... (Тэматычныя абсягі паэзіі Э. Акуліна) / Н.Л. Кузьміч // Хрысціянскі гуманізм і яго традыцыі ў славянскай культуры : сб. науч. ст., посвящ. 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя / Гомельскі гос. ун-т ім. Ф. Скарыны ; редкол.: Т.Н. Усольцева (гл. ред.) [і др.]. – Гомель, 2009. – С. 163–164.
6. Ваньковіч, А. Мастак у паэзіі: паэтычныя акварэлі Э. Акуліна / А. Ваньковіч // Рэгіянальнае, нацыянальнае і агульначалавечае ў літаратуры : Міжнар. навук. чытанні, прысвеч. памяці Івана Навуменкі: зб. навук. арт. /

- М-ва адукацыі РБ, УА “ГДУ імя Ф. Скарыны” ; рэдкал.: І.Ф. Штэйнер (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель: ЦДІР, 2009. – С. 236–240.
7. Бяляцкі, А. Бой з сабой: творчы партрэт паэта Эдуарда Акуліна: [успаміны] / А. Бяляцкі. – Мінск : Регистр, 2016. – 188 с.
 8. Акулін, Э. Малітва воч : вершы, пераклады / Э. Акулін. – Мінск : Медысонт, 2012. – 139 с.
 9. Акулін, Э. Крыло анёла : вершы, акрапаэмы / Э. Акулін. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1995. – 174 с.
 10. Акулін, Э. Непрычалены човен : вершы і балады / Э. Акулін. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2003. – 95 с.
 11. Акулін, Э. Святая ноч : выбранас / Э. Акулін. – Мінск : Медысонт, 2013. – 542 с.

Паступіў 07.02.2020

INTERTEXTUAL ELEMENTS IN THE WORKS OF E. AKULIN

T. ALIASHKEVICH

The article is devoted to the analysis of intertextual elements in the poetry of E. Akulin. The novelty of the work is that the author of the article for the first time analyzes the dialogical nature of the poetic word of Eduard Akulin, who consciously introduces intertextual elements into the text of his works. The introduction justifies the choice of topics, describes the state of the theory on the issue under study. The main directions in the study of intertext and intertextuality in the poetic work of E. Akulin are determined. In the main part, the author analyzes intertextual elements in the work of the Belarusian poet. Among them are allusions, reminiscences, quotes, compositional connections of texts. The author of the article turns to the study of the copyright nature of the category of intertextuality. In conclusion, the author concludes that the intertextual elements in the poetry of E. Akulin are diverse and present at different levels of a work of art, ranging from compositional (architextuality), through paratextual relations (the relationship of the text to its specific part), to directly intertextuality.

Keywords: *intertext, allusion, reminiscence, quote, poetry.*

УДК 821.112.2

**СПЕЦИФИКА ЭПИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
В «ПЕСНИ О ХИЛЬДЕБРАНДЕ», «ВАЛЬТАРИИ» И «ПЕСНИ О НИБЕЛУНГАХ»**

*канд. филол. наук Е.В. ЛУШНЕВСКАЯ
(Полоцкий государственный университет)
k.lushneuskaya@psu.by*

Рассматриваются особенности средневекового мировоззрения, выявленные в памятниках героического эпоса. Эпосы «Песнь о Хильдебранде», «Вальтарий» и «Песнь о Нибелунгах» объединены общими героями, тесно связаны сюжетно. Сравнительный анализ сказаний позволяет утверждать, что все они отражают средневековое мировоззрение, изображают честь, славу, вассальную верность, побратимство как ценности западноевропейской средневековой культуры. Ради славы и чести эпические герои бросают вызов судьбе. Герои эпоса вынуждены делать выбор между долгом вассала и побратимством. Ни судьбоносные знамения, ни кровные узы не уступают законам чести. Императивом поведения эпического героя, как правило, выступают сражение за честь господина, свою собственную честь или месть за честь убитого.

Ключевые слова: героический эпос, эпическое сознание, честь, слава, месть, вассальная верность, побратимство.

Введение. Средние века в немецком литературном наследии стали отражением периода, полного противоречий как в политическом, так и в культурном плане. Время военных походов и крестьянских волнений, политической раздробленности и синкретической культуры вызвало к жизни появление песен, прославляющих храбрых героев. Это были героические песни, подсказанные самими событиями этой бурной эпохи [1, с. 5]. По форме это были как устные, так и письменные памятники, созданные на древнегерманском и латинском языках. Вместе с тем особенности германской культуры в полной мере «проявлялись в устной словесности ярче и полнее, чем в латинской письменности», – отмечал Г.В. Шатков [2, с. 17]. Церковь вела активную борьбу против древнегерманских памятников язычества. В отдельных случаях увлечение монахов эпическими произведениями позволило сохранить единичные образцы героического эпоса на прокладочных листах богословских книг, написанных на латыни, иногда героическая песнь могла дойти до нас благодаря передаче древнего сюжета на латинском языке, в иных случаях песнь продолжала бытовать в устной форме, пока столетиями позже не приобрела окончательное оформление в руках талантливой мастера.

Большинство сюжетов древнегерманского эпоса образуют циклы, объединенные не только значимыми фигурами, например, Дитриха (Теодориха) Бернского, но и нескольких других исторических и, кроме того, эпически значимых фигур Атиллы, Хильдебранда, Вальтария и Гунтера. Речь идет, прежде всего, о таких эпических сказаниях, как фрагментарно сохранившаяся в латинском трактате «Песнь о Хильдебранде» (*Hildebrandslied*, начало IX века [3]), написанный на латинском языке о событиях германского прошлого «Вальтарий»¹ (*Waltharius*, середина IX века [4]) и значительная по объему и записанная многим позже отраженных в ней событий «Песнь о Нибелунгах» (*Das Nibelungenlied*, ок. 1200 [5]). Несмотря на различия, эти эпосы объединены не только общими эпическими героями, но и отраженным в них эпическим сознанием, основанным на общей картине мира германских народов.

Основная часть. Историческая и эпическая действительность не тождественны друг другу. Вместе с тем эпическая история является источником ценных сведений, отсутствующих или частично отраженных в документах. Ярким примером древнейших текстов германской эпической поэзии раннего средневековья служит анонимная «Песнь о Хильдебранде», сохранившаяся на лицевой стороне первой и на обороте последней страницы латинской богословской рукописи монастыря Фульда и обнаруженная в 1841 г. в Мерзебургском соборе. Главным героем «Песни» является храбрый воин Хильдебранд, история которого становится понятной из содержания эпоса. Хильдебранд изгнан Одоакром вместе с Теодорихом из Италии и находит приют и защиту у короля гуннов Атиллы (Этцеля). Вместе с тем сюжетная основа «Песни о Хильдебранде» не находит соответствия в реальной истории эпохи «великого переселения народов». Несмотря на идентичность эпических и исторических имен, в эпосе присутствует иная трактовка исторических событий. В действительности король Теодорих (Дитрих) отнял у германского военачальника Одоакра корону и державу, а самого его приказал казнить. Такого рода погрешности характерны для эпоса. Эпос

¹ Известно о существовании более ранней версии сказания о Вальтере Аквитанском – древнеанглийском памятнике «Вальдере», созданном не позже X в. и дошедшем до нас в двух отрывках.

может служить своеобразным отражением сознания повествователя, что в определенной степени противоречит высказанной Г.В. Шатковым мысли, согласно которой сознание создателей эпической поэзии «еще не способно было охватить происходящие исторические события сколько-нибудь полно» [2, с. 15]. Данный факт, однако, не отрицает того, что эпические сказители описывали события такими, какими они их видели или, по крайней мере, хотели их видеть. Задача медиевистов состоит в том, чтобы выяснить, какой была историческая действительность по мнению создателей героических песен.

Дошедшая до нас рукопись «Песни о Хильдебранде» начинается непосредственно с описания ситуации: *Я вести внимал, что поведала, / как витязи кликали клич: / на бой, в поединке сразиться, / вызывали друг друга они – / то Хильдебранд с Хадубрандом / меж войск повстречались своих* [3, с. 405]. Характерный для устной словесности эпический зачин указывает на все еще прочную связь с устной поэзией древнегерманского периода, временем кровопролитных сражений, битв и междоусобиц кровных родичей. Зачин «Песни» позволяет нам понять, что дальнейшее повествование пойдет о битве двух храбрых воинов. Существовавшие в средние века героические песни дают представление о судьбе главного героя эпоса – Хильдебранде. Согласно им Теодорих (Дитрих) во главе собранного им войска отправляется отвоевывать свое государство у Одоакра с помощью своего наставника Хильдебранда. На границе двух государств старый воин Хильдебранд встречает молодого воина, служившего в войске короля Одоакра, противника Теодориха, и спрашивает о его происхождении. С одной стороны, Хильдебранд следовал средневековому этосу² уважения к противнику, а с другой стороны, на его пути – былая родина, где остались супруга и сын. Отцовские чувства и мудрость старого воина не позволяли ему начать сражение с возможным родичем. Услышав исполненный гордости за своего отца рассказ Хадубранда: *«Дитриха воин любимый / в битву водил дружину, / в сече всегда был первым, / славен меж храбрых мужей»* [3, с. 406], Хильдебранд с грустью и радостью осознает, что перед ним – его родной сын. Хильдебранд испытывает противоречивые чувства: радость от встречи с сыном и скором возвращении на родину; грусть от осознания своей миссии – военный поход и предвещающий его поединок с сыном. Это напряжение характерно как для самого жанра героической песни, так и для исторического периода в целом.

Такое напряжение характерно и для «Песни о Нибелунгах». Во время первой встречи Зигфрида с бургундами виден его решительный настрой. Напряжение, характерное для данной сцены, немного ослабляется благодаря рассказу Хагена о храбром воине. Данный прием соответствует правилам эпического повествования, когда история эпического героя рассказывается другим персонажем. В эпоху «великого переселения народов» сказания о храбрых героях кочевали вместе с народами, как следствие, о героях и их подвигах знали и за пределами их родины.

В обоих случаях герои стоят перед выбором: начать бой или заключить перемирие. Мудрость и расчетливость Хагена позволяет избежать сражения, однако молодость и горячность Хадубранда вызывают необратимые последствия. Его слова: *«Тот презреннейший трус / из восточных земель, / кто от битвы теперь уклонится»* [3, с. 407] – становятся началом трагического конца. Оскорбленная честь вызывает необратимые последствия. Хильдебранд не способен стерпеть обиду от сына, и отцовские чувства позволяют лишь отсрочить неминуемый бой. Очевидна более архаичная природа эпоса, в эпоху создания которого кровные узы имели весомое значение.

Подобная ситуация наблюдается в «Вальтари»: побратимство, заключенное с Вальтером, не позволяло Хагену нарушить клятву и вступить в бой. Все меняет убийство кровного родича. Принятые в героическом эпосе долгие разговоры перед боем свидетельствуют о следовании средневековому этосу: *«Что так внезапно, скажи, изменило столь верного друга? / Ты лишь недавно, когда расставались с тобой мы, как будто / Вырваться долго не мог из дружеских наших объятий. / Чем ты так оскорблен, что на нас ты поднял оружие?» (1240–1243) <...> «Как ты можешь забыть наши частые верности клятвы? / Я умоляю тебя: не вступай в незаконную битву, / Пусть на все времена нерушим наш союз пребывает! / Если согласен – вернешься домой с дорогими дарами, / Щит твой наполню сейчас же я грудью золота яркой» (1255–1260)* [4, с. 82–83]. Предложение откупиться от боя – характерный элемент, предшествующий конфликту героического эпоса. Но и Хадубранд из «Песни о Хильдебранде» не отказывается от боя взамен на дары гуннского воина: *«Тут Хильдебранд снял с руки / ковки отменной запястье, / дар золотой, что пожаловал / гуннов властитель ему: / “Прими в знак приязни его”»* [3, с. 406]. Ни Хаген, ни Хильдебранд не принимают дар, ведь принятие подарка означало подчинение дарящему. Более детально данный этос описан в «Песни о Нибелунгах».

Во время битвы в пиршественной зале тяжелый выбор предстоит сделать Рюдигеру Бехларенскому, гуннскому вассалу и будущему тестю бургундского короля. Связанный побратимством с бургундами и находясь на службе у гуннского короля, он разрывается между клятвой и долгом чести. Участие в битве ставит

² М.П. Оссовская рассматривает этос как «стиль жизни какой-то общественной группы, общую ориентацию какой-то культуры, принятую в ней иерархию ценностей» [6, с. 26].

его перед непростым выбором. Он просит освободить его от присяги вассальной верности и предлагает королю возратить пожалованные ему владения: «Сказалъ царю отважный / боець: “Мой государь! // Возмите все обратно, / что дали вы мнѣ встарь // Край съ бургами! Я должень / теперь оставить ихъ // Пойду я на чужбину / въ изгнанье на своихъ двоихъ”» (2157) [5, с. 408]. Долгая беседа с господами еще больше оттягивает решение Рюдигера. Но, когда один из гуннов осмеливается упрекнуть его в бездействии: «Кому и край подвластенъ / и множество людей: // Что бурговъ Рюдигеру / дано! Что даль мужей // Въ его распоряженье / царь мужу своему! // Въ бою здѣсь не нанесть онъ / еще удара никому» (2139) [5, с. 405], – Рюдигер убивает гунна. Рюдигер находится на службе гуннского короля, но публичное оскорбление, нанесенное гуннским воином, оскорбило честь маркграфа и, несмотря на свой вассальный долг, он защищает собственную честь, а не честь короля. Реакция господ не заставила долго ждать. Он слышит упрек Кримхильды: «Что вы бѣды прибавить / рѣшились мнѣ съ царем? // Вы намъ досель, Рюдигерь, / твердили все о томъ. // Что жизнью, честью рады / всегда рискнуть для насъ. // И многіе (слыхала я) / такъ ставили высоко васъ» (2148) [5, с. 406]. Этими словами Кримхильда напоминает Рюдигеру как о вассальном долге, так и о клятве, данной им во время сватовства Этцеля³. Тогда Рюдигер бросается в бой, чем вызывает радость у бургундов. М.П. Оссовская отмечает: «Недостаток мужества – самое тяжелое обвинение, боязнь быть заподозренным в трусости вела к нарушению элементарных правил стратегии», что очень часто «кончалось гибелью рыцаря» [6, с. 83]. Рюдигер Бехларенский не столько связан клятвой побратима, сколько обещаниями, данными своей дочери. Кровные узы и отцовские чувства не позволяют ему выступить против будущего зятя и оскорбить честь дочери. Обвинение в слабости служит спусковым механизмом для дальнейших трагических событий, подобно тому, как в «Песни о Хильдебранде» верно несущие службу воины, никак не связанные побратимством, готовы отстаивать свою честь, как и честь господина, и лишь отцовские чувства некоторое время сдерживают их от роковой ошибки.

Героический эпос скуп на изображение отцовских чувств, как и любых других чувств, выходящих за рамки этоса. В то же время эпос о Нибелунгах – новая веха в истории развития героического эпоса. Его автор, трансформируя сказание об Атли, согласно которому Кримхильда убивает мужа в отместку за братьев, в приоритет ставит честь героя и супружеские отношения, а не кровные узы. Эта временная дистанция, несмотря на общих героев, отличает «Песнь о Нибелунгах» от предшествующих памятников и позволяет расширить эпическую картину мира такими понятиями, как месть за убитого и супружеская верность. Несомненно, любовь в супружестве вошла в эпос более позднего периода, периода одновременного расцвета куртуазного романа и позднего миннезанга. В более ранних эпосах речь шла о любви к родине и сражениях во имя родины и государя.

Однако и в данном отношении имеются отличия. Несмотря на упоминание в «Песни о Хильдебранде» его верной службы у Этцеля, Хильдебранд сражается во имя собственной чести, а не короля. Тогда как в латинском эпосе «Вальтарий», Хаген, негодующий от несправедливости быть пленным вместо королевского наследника, возвращается к своему королю и, более того, вступает в битву со своим другом Вальтером: «И за тебя лишь, король, я иду на опасное дело» (1111) [4, с. 75]. Здесь явно усматривается связь с образом Рюдигера Бехларенского, а также Хагена из «Нибелунгов». Так, Хаген подстрекает Гунтера нарушить обет побратимства, а Рюдигер вступает в бой, руководствуясь долгом службы и пренебрегая клятвой побратима. Для них вассальная верность оказывается важнее дружественного союза. Яркими примерами западноевропейского эпоса являются песни о Роланде и о Сиде Кампеадоре. Несмотря на то, что это более поздние эпосы, верная служба королю – основной мотив, на котором строится сюжет эпоса. Любовь к своему господину подкреплялась щедрыми дарами. В то же время выбор между службой королю и супружеским долгом характерен для куртуазных романов Гартмана фон Ауэ «Ивейн» и «Эрек».

В германском эпосе наряду с понятием вассальной верности упоминаются и другие, связанные с древнегерманскими представлениями о воинской доблести. Возможность избежать сражения имела несколько форм. Хильдебранд предлагает дорогую сбрую Хадубранду, Гунтер Зигфриду – побратимство, а Этцелю из латинского эпоса выдаются заложники. Кроме того, наделение дарами, дорогой сбруей и пленными обязывало и принявшего дар. Так, Хадубранд отказывается от подарков Хильдебранда, чем неминуемо вызывает сражение. Отказ Вальтария отдать золото рассматривается как вызов. Иногда герои лишаются земель в ходе военных действий, как произошло в случае с Хильдебрандом. В «Вальтарии» франки, бургунды и аквитанцы, чтобы не лишиться земель, заключают союз с гуннами, заплатив Аттиле дань и вручив ему заложников. Как правило, принятие даров могло означать подчинение дарящему и признание его превосходства. В «Песни о Нибелунгах» автор несколько раз дает этому объяснение. Так, принявший дары Гунтер оказывает немалую честь маркграфу Рюдигеру. Несмотря на то, что Рюдигер был благородного

³ Уговаривая Кримхильду стать женой Этцеля, Рюдигер Бехларенский обещает заступаться за нее. Кримхильда принимает это и берет с него обет: «Дайте / мнѣ клятву, что тому, // Кто причинилъ мнѣ горе, / вы первый за меня // Отмстите». Ответь чаль ей / маркграфъ: «На то согласенъ я»³ (1257,2–4) [5, с. 292].

происхождения, в «Песни о Нибелунгах» он представлен вассалом: его маркграфство принадлежало Этцелю. «Он Гунтеру, лихому / бойцу, тут подарил // (Дар этот с честью знатный / король потом носил, // Хоть редко брал подарки) / кольчугу. За такой // Подарок сделал Гунтер / поклон пред Рюдгера рукой» (1695) [5, с. 346]. Примером «нетипичного» одаривания служит заключительная сцена приезда бургундов ко двору Этцеля, когда на вопрос Кримхильды о подарках (в данном случае она имела в виду клад Нибелунгов) Хаген с иронией воспринимает требование королевы: «“Знай я про то”, стал Гаген / в ответ ей говорить. // “Что витязи подарки / должны вам приносить, // Будь я богат настолько, / я-б не забыл тогда // Про это и подарок / привез бы вам с собой сюда”» (1740) [5, с. 352]. Бургундский вассал не понимает (или не желает понять) требований своей прежней госпожи, поскольку они не соответствуют принятым правилам.

Для Кримхильды Нибелунгов клад – не дар от Хагена, а символ власти, служащий напоминанием об убитом Зигфриде. По мнению Ф. Ноймана, «мысли о храбром Зигфриде связаны и с его средствами власти» [7, S. 129]. Кримхильда желает получить клад Нибелунгов в качестве «утреннего подарка» («*morgengâbe*»), который, вопреки распространенному мнению, предназначался не как дар невесте после брачной ночи, а вдове, причем право на подарок не терялось даже после повторного замужества [5, с. 275]. Несмотря на связь «утреннего подарка» с придворным обычаем одаривания, своими корнями он уходит в древнегерманскую старину.

В жизни германцев материальные ценности зачастую играли символическую роль: они были не только признаками благородства и щедрости господ, но и атрибутами счастья. Везение, удача героя часто вызвали желание обладать, по крайней мере, их частью, что особенно характерно для древнегерманских представлений. А.Я. Гуревич объяснял это так: «Свое благополучие можно приумножить, получив в дар от вождя драгоценный подарок (меч, гривну, кольцо, плащ), ибо в этих предметах материализуется “везенье” “богатого удачей” вождя» [8, с. 18]. В «Песни о Хильдебранде» указывается на обычай, согласно которому сбруя павшего в битве доставалась победителю: «Ты же сможешь, однако, / коль силы достало, / старца доспехи добыть, / павшего панцирь получить, / коли право свое утвердишь» [3, с. 407]. В «Вальтарии» также есть сцена, в которой король Аквитанский после боя собирает с убитых доспехи и ценные украшения. Вряд ли их обладатели были удачливы в последнем бою, но здесь имеет силу обычай, согласно которому ценности убитого переходили к победителю как награда.

Символическим значением наделялась и смерть. В данном отношении существенным является отмщение за убитого в бою. В «Вальтарии» Хаген вступает за убитого родственника, напротив, в «Песни о Нибелунгах» в свой предсмертный час Зигфрид оплакивает участь сына. Это еще один из аспектов отношения к кровным родичам. Судьба сына удручает Зигфрида, в его словах слышится упрек и ненависть к бургундам, совершившим бесчестный поступок – предательское убийство мужа сестры: «Наделали вы этим / не мало бед своей родне. // И всех потомков ваших / позор, бесчестье ждет: // За ваше злое дело / их всякий упрекнет» (989,4–990,2) [5, с. 258]. Драматизм ситуации усиливается осознанием того, что бургундский род несет клеймо позора за предательское убийство родственника и побратима. Быть убитым в сражении являлось подтверждением чести и славы героя. Тот, кто убит не в бою и не отомщен, не мог считаться истинным героем. Поэтому Кримхильда, пренебрегая кровными узами, решает на мсть за убитого супруга. Если в «Песни о Хильдебранде» родственные связи уступают чести, а в «Вальтарии» родственные узы важнее клятвы побратима, то в «Песни о Нибелунгах» вопрос чести – это выбор между родством, побратимством и супружеской верностью. Вместе с тем в эпических сказаниях изображена типичная для того времени ситуация: служащий гуннскому королю Хильдебранд вступает в бой со своим кровным родичем, а недавние друзья и побратимы Вальтарий и Хаген в вооруженной схватке наносят друг другу увечья. Роковое стечение обстоятельств вынуждает героев сделать решающий выбор. Трагическая кончина ожидает и Рюдигера из «Нибелунгов». Лишь Хагену из латинского эпоса удастся закончить бой перемирием, лишившись, однако, глаза. Несмотря на отсутствие трагического финала, «Вальтарий» служит отражением дохристианских нравов: только храбрые воины эпохи «великого переселения народов» смогли бы испить примирительную чашу после кровопролитного боя.

Мотивы примирения и побратимства тесно связаны и взаимообусловлены. В обоих случаях участниками «договора» соблюдаются взаимовыгодные условия. Нарушение обязательств влечет за собой роковые последствия. В глубокой древности клятва побратима скреплялась не только данными обещаниями, но и каплями крови участников договора, которые после совершения ритуала становились кровными родственниками. Со временем стало достаточно устного обещания. Однако скрепление кровью или испытание единой чаши уходит своими корнями в дохристианскую эпоху, во времена языческих богов. Дары, приносимые богам в качестве жертвы, и окропление жертвенного алтаря кровью имели символическое значение. Вместе с тем в «Песни о Нибелунгах» символ крови приобретает иное значение. Кровь обличает Хагена в вероломном убийстве, как во время самого совершения преступления, так и в момент погребения Зигфрида. Ср.: *Ужъ Зигфридъ нидерландскій / склонился надъ ключомъ, // Какъ Гагенъ, в крестъ намгътась, / пустиль въ него копьемъ. // Кровьъ брызнула изъ сердца / на Гагена тогда. // Никто столь злого дѣла / еще не дѣлалъ никогда!* (981) [5, с. 257] и *Вещь дивная понынь / случается не разъ: // Когда передъ убитымъ / убійца глазъ на глазъ // Предстанеть, кровьъ изъ раны / внезапно побъжитъ. // Так и теперь: узнали, / что Зигфридъ*

Гагеномь убитъ (1044) [5, с. 266]. Библейский мотив обличения преступника, равно как и иные упоминания имени Божьего, в различной степени включены в героический эпос. Часто воля Бога противопоставляется злему року, неумолимой судьбе, решающей участь воинов: «*Боже всесильный, поистине злая / ныне вершится судьба...*» [3, с. 407]. Данный пример из «Песни о Хильдебранде» позволяет утверждать, что Бог и судьба в средневековом сознании воспринимались независимо друг от друга как самостоятельные понятия. По всей вероятности, упоминание Бога включено намеренно, уже при переписывании оригинала, поскольку во время создания рукописи христианство в германских племенах было довольно распространено, но процесс христианизации еще не был завершен. Возможно, именно благодаря такого рода элементам рукопись «Песни о Хильдебранде» и сохранилась на страницах богословского трактата.

Смешение собственно христианских терминов с прежними языческими представлениями обнаруживает «Вальтарий» – латинский эпос на народный сюжет. Однако здесь действуют другие законы: «Вальтарий», написанный на языке христианской церкви, по содержанию восходит к событиям дохристианской эпохи. Как отмечает М.Л. Гаспаров, «Вальтарий» – это «древнегерманская героическая песнь, одетая в вергилианские стихи», «по содержанию поэма принадлежит германскому фольклору эпохи переселения народов; по форме она представляет собой имитацию <...> лучших образцов унаследованной от античности латинской поэзии» [10, с. 442]. Результатом такого взаимодействия стало включение в поэму христианских понятий, тогда как эпические герои проявляют непокорность и мстительность, характерную для воинственных язычников. Вместе с тем при сопоставлении «Вальтария» и героического эпоса «Песнь о Хильдебранде», объединенных темой борьбы германских племен с гуннами, латинский эпос также представляется не свободным от языческого мировидения.

В сюжет «Вальтария» включены христианские понятия. Так, перед встречей с бургундами Вальтер уповает на Божью помощь: «*Если с помощью Божьей искусство мое будет выше, / Жизнь я свою сохранию для тебя, для моей нареченной*» (569–570) [4, с. 50], – обращается он к возлюбленной Хильдегунде. Но это сражение велось не во имя Господа Бога, а из-за сокровищ. «*Здесь, перед этой тесниной, я гордо даю обещанье: / Пусть из франков никто, вернувшись, жене не расскажет, / Будто из наших сокровищ он взял безнаказанно долю!*» / *Но, произнесши такие слова, упал он на землю / И умолял о прощенье за столь надменные речи* (560–564) [4, с. 49–50]. Как Хильдебранду из «Песни о Хильдебранде», так и Вальтарию известны законы древнего германца: отнятые сокровища будут обязательно разысканы хозяином. Но Вальтарий не мог позволить себе оставить врагу богатства своей страны. Подобный мотив встречается и в «Нибелунгах» в эпизоде, когда Хаген спрятал клад в Рейне: *Тем временем взял Гаген / скорей несметный клад // И погрузил у Лохс⁴ / в Рейн весь: он мнил потомъ // Воспользоваться кладомъ, / но выйти не могло по немъ* (1137,2–4) [5, с. 278].

Создается впечатление, что эпическими героями руководят честь и желание славы. В англосаксонском «Беовульфе» (Beowulf, ок. 1000) главный герой эпоса, умирая, говорит напутственные слова народу и державе, отдав за них свою жизнь. Свою гибель он не считает напрасной, поскольку имеет реальное тому подтверждение – сокровища дракона: «... и я, увидев казну издревнюю, насытив зренья игрой самоцветов и блеском золота, возлягу рядом и без печали жизнь покину и власть земную» (2746–2750) [11, с. 202]. Одновременно с этим Беовульф вверяет себя Божьей воле: «*Я мирно властил и ждал урочного срока и жребия: не жаждал распрей и живыми клятвами не осквернял, чему сегодня, смертельно раненный, я радуюсь в сердце, ибо Создатель не попрекнет меня убийством родичей – так пусть же изыдет душа из тела!*» (2735–2742) [10, с. 201–202]. Более древний по своей природе англосаксонский эпос снова отсылает к используемому в «Песни о Хильдебранде», «Вальтарии» и «Песни о Нибелунгах» мотиву убийства кровного родича.

Заключение. Таким образом, героический эпос стал своеобразным откликом на события прошлого в устах народа. Сегодня не является секретом, что эпические произведения включают в себя ценные сведения о Средневековье и могут раскрыть особенности средневекового сознания. Так, на примере анализа ключевых понятий средневекового мировоззрения, нашедших отражение в «Песни о Хильдебранде», «Вальтарии» и «Песни о Нибелунгах», были сделаны следующие выводы. В большинстве случаев эпическим героем движут честь и слава, ради которых он готов умереть. Выбор между долгом вассала, клятвой побратима и кровными узами часто совершается в пользу чести короля. Побратимство играло не меньшую роль, чем родство, что уходит своими корнями в более древние времена. Все указанные особенности позволяют утверждать, что героический эпос Средних веков вобрал в себя нравственные и мировоззренческие ценности дохристианской эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жирмунский, В.М. Германский героический эпос в трудах Андреаса Хойслера / В.М. Жирмунский // Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах / А. Хойслер. – М.: Иностранная литература, 1960. – С. 5–47.
2. История немецкой литературы: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Балашова [и др.]. – М.: АН СССР, 1962–1976. – Т. 1: История немецкой литературы IX–XVII вв. / редкол. Б.И. Пуришев, Р.М. Самарин, И.М. Фрадкин. – 1962. – 470 с.

⁴ Существует предположение, что под «Лохом» в «Песни о Нибелунгах» имелось в виду самое глубокое место Рейна вблизи Лохгейма (более 20 метров глубиной), которого лодочники боялись не менее утеса Лорелеи [9, S. 232].

3. Песнь о Хильдебранде / пер. Т.Я. Сулиной // Зарубежная литература средних веков : Хрестоматия / сост. Б.И. Пуришев. – 3-е изд. испр. – М. : Высш. шк., 2004. – С. 404–407.
4. Вальтарий // «Двойной венец» : Эпос и драма латинского Средневековья в переводах М.Л. Гаспарова / сост. М.Л. Андреев. – М. : РГГУ, 2012. – С. 19–94.
5. Песнь о Нибелунгах / пер. М.И. Кудряшев. – СПб. : Типография Н.А. Лебедева, 1889. – 440 с.
6. Оссовская, М.П. Рыцарь и буржуа : Исслед. по истории морали / пер. А. А. Гусейнова; общ. ред. А.А. Гусейнова; вступ. ст. А.А. Гусейнова и К.А. Шварцман. – М. : Прогресс, 1987. – 528 с.
7. Neumann, F. Schichten der Ethik im Nibelungenlied / F. Neumann // Festschrift für Eugen Mogk zum 70. Geburtstag. – Halle : Max Niemeyer, 1924. – S. 119–145.
8. Гуревич, А.Я. Диалектика судьбы у германцев и древних скандинавов / А.Я. Гуревич // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев / отв. ред. Т.А. Михайлова. – М. : Индрик, 2005. – С. 12–22.
9. Oberste, J. Der Schatz der Nibelungen: Mythos und Geschichte / J. Oberste. – Gladbach : Bastei Lübbe, 2008. – 304 S.
10. Вальтарий // Памятники средневековой латинской литературы, VIII–IX века / отв. ред. М.Л. Гаспаров; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. – М. : Наука, 2006. – С. 442–463.
11. Беовульф : Эпос / пер. с др.-англ. В. Тихомирова. – СПб. : Азбука-классика, 2006. – 288 с.

Поступила 23.06.2020

FEATURES OF EPIC CONSCIOUSNESS IN HILDEBRANDSLIED, WALTHARIUS AND NIBELUNGENLIED

E. LUSHNEVSKAYA

The features of the medieval worldview reflected in the monumental examples of the national heroic epos are considered. The eposes «Hildebrandslied», «Waltharius» and «Nibelungenlied» are connected by the same heroes and closely interrelated. The comparative analysis of eposes suggests that they all reflect the medieval worldview, represent honor, glory, vassal fidelity, twinning as the values of Western European medieval culture. Epic heroes take on fate to get glory and honor. The heroes of the epos have to make a choice between vassal fidelity and twinning. Neither the fateful signs, nor the blood bonds are inferior to the laws of honor. Generally as an imperative of behavior of the epic hero is a fight for the honor of the lord, his own honor or revenge for the honor of the murdered.

Keywords: *heroic epos, epic consciousness, honor, glory, revenge, vassal fidelity, twinning.*

УДК 821.113.1

СРОДКИ МАСТАЦКАЙ ВЫРАЗНАСЦІ Ў ЭДЫЧНАЙ ПАЭМЕ “ПРАРОЦТВА ВЁЛЬВЫ”

канд. філал. навук, дац. Я.А. ПАПАКУЛЬ
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)
j.parakul@psu.by

У артыкуле аналізуецца сродкі мастацкай выразнасці ў паэме “Прароцтва вельвы” са старажытнаісландскага зборніка другой паловы XIII стагоддзя “Паэтычная Эда”. Дэталёва разглядаюцца прыклады хэйці і кенінгаў, а таксама канструкцыі, якія маюць агульныя з імі рысы. Вялікая ўвага ўдзяляецца эпітэтам, а таксама перадачы рэаліяў, у тым ліку, у перакладах паэмы на розныя мовы. Артыкул суправаджаецца вялікай колькасцю цытат на старажытнаісландскай, шведскай, англійскай і рускай мовах.

Ключавыя словы: эдычная паэзія, форнірдзіслаг, тып апавядання, хэйці, кенінг, эпітэт, рэаліі.

Уводзіны. Адным з найбольш знакамітых паэтычных твораў старажытнай скандынаўскай літаратуры з’яўляецца “Прароцтва вельвы” (*Völuspá*), у якім ад імя вельвы (вясчунні) расказваецца пра стварэнне свету, яго структуру, насельнікаў, канец і перараджэнне. Менавіта з гэтай паэмы пачынаецца зборнік, вядомы ў нас пад назвай “Старшая Эда”. Варта адзначыць, што ў традыцыі замежнага літаратуразнаўства зборнік прынята называць “Паэтычная Эда”, у той час як твор, напісаны Сноры Стурлусанам – “Празаічная Эда”, ці “Эда Сноры” (замест звыклага для нас “Малодшая Эда”).

Непасрэдна сам тэкст “Прароцтва” захаваны ў двух варыянтах: у “Каралеўскім кодэксе” (“*Codex Regius*”) 1270-х гг. і “Кнізе Хаўка” (“*Hauksbók*”) пачатку XIV ст. Абодва варыянты вельмі блізкія, але маюць розную колькасць частак і шэраг іншых адметных адрозненняў [1, с. 21]. За аснову для аналізу была ўзята рэдакцыя Г. Ёўнсана 1954 г. [2], бо яна аб’ядноўвае абодва вядомыя варыянты паэмы і, такім чынам, з’яўляецца найбольш поўнай версіяй “Прароцтва”, што ўключае 66 частак.

Асноўная частка. У адрозненне ад многіх эдычных песень, якія не маюць устойлівай паэтычнай схемы, “Прароцтва вельвы” напісана адмысловым, даволі строгім па структуры вершам – форнірдзіслагам (*fornyrdislag*), пры якім большасць частак складаецца з васьмі радкоў, у кожным па два асноўныя націскі. Націскным звычайна з’яўляецца першы (радзей – другі) і перадапошні склад у радку. Пры гэтым націскныя складаны аб’яднання алітэрацыяй, часам – асанансам.

Нягледзячы на строгую паэтычную схему, паэма мае няўстойлівы, даволі спецыфічны тып апавядання. Да 21-й часткі аповед ідзе ад першай асобы (“я” – “*ek*”), але далей ён амаль увесь час працягваецца ад трэцяй (“яна” – “*hon*”). Займеннік “яна”, акрамя часткі 21, ужываецца яшчэ ў частках 27–30, 35, 38, 39, 59, 64 і 66. Ад першай асобы апавядаецца ў частцы 31. У той жа час зразумела, што апавядальнік у паэме не мяняецца. Гэтая асаблівасць можа ўказваць на нейкую адмысловую страчаную паэтычную традыцыю чаргавання тыпу апавядання з першай на трэцюю асобу і наадварот.

Найбольш характэрнымі для эдычнай паэзіі стылістычнымі прыёмамі з’яўляюцца хэйці і кенінгі. Гэтым прыёмам прысвечаная асобная частка “Мова паэзіі” ў “Эдзе” ісландца Сноры Стурлусана 1222–1225 гадоў [3]. Па меркаванні М.І. Сцебліна-Каменскага, “хэйці (*heiti*, літаральна “назва”) – гэта адначленны заменнік назоўніка звычайнай мовы” [4, с. 101]. То бок гэта своеасаблівы паэтычны сінонім, які выкарыстоўваецца для наймення бога ці іншага персанажа не праз звычайнае імя, а апісальна (“*Hár*” – “*Высокі*”, хэйці Одзіна). “Кенінг (*kenning*, літаральна “абзначэнне”) – гэта замена назоўніка звычайнай мовы двума назоўнікамі, з якіх другое вызначае першае, то бок перыфраз тыпу “конь мора” (карабель)” [4, с. 102]. Па меркаванні Лаша Лённрота, ганаровага прафесара скандынаўскай літаратуры і параўнальнага літаратуразнаўства ўніверсітэта Гётэборга, “пад хэйці маюцца на ўвазе простыя перыфразы тыпу “князь” замест героя Сігурда або “Грымотнік” замест бога Тора. Кенінгі – больш доўгія перыфразы, часта – але не заўсёды – метафарычныя, у выглядзе двух альбо некалькіх назоўнікаў, напрыклад, “конь мора” для карабля, “сястра месяца” для сонца альбо “хмызняк твару” для барады”¹

У той жа час бачыцца не зусім мэтазгодным размяжоўваць хэйці і кенінгі, грунтоўчыся выключна на колькасці слоў, з якіх яны складаюцца, бо ў такім выпадку не зусім зразумела, як быць з канструкцыямі кшталту *Брат Бюлейста* (*bróðir Byleists*), то бок Локі. Гэты выраз цалкам пазбаўлены метафарыкі і выражае выключна сваяцкія сувязі. Нягледзячы на тое, што гэта двухчленная канструкцыя, яна ўяўляе сабой моўны штамп, звычайную намінацыю, што набліжае яе менавіта да хэйці, у адрозненне ад якога кенінг – не проста

¹ “Med heiti avses enkla omskrivningar av typ ”fursten” i stället för hjälten Sigurd eller ”Dundaren” i stället för guden Tor. Kenningar är längre omskrivningar, ofta – men inte alltid – metaforiska, i form av två eller flera substantiv, till exempel ”havets häst” för ett skepp, ”månens syster” för solen eller ”ansiktets buskskog” för skägget” [1, s. 102].

намінацыя ці ўстойлівы моўны абарот, а больш складаная структура. У “Прароцтве вэльвы” можна знайсці яшчэ некалькі такіх прыкладаў: *сужэнка Ода (Óðs mey)* – Фрэя; *сурта сваяк (Surtar sefi)* – Фэнрыр; *забойца Бэлі (bani Belja)* – Фрэйр; *нашчадак Хлодзюн (mögr Hlóðunjar)*, *Мідгарда ахоўнік (Míðgarðs véurr)*, *сын Ф’эргюн (Fjörgunjar burr)* – Тор; *сын Хвэдрунга (megi Hveðrungs)*. Такім чынам, вышэйзгаданыя хэйці найчасцей апісваюць кроўнае сваяцтва, часам – учынкi, дзякуючы якім праславіўся той ці іншы персанаж (Фрэйр – *забойца Бэлі*, Тор – *Мідгарда ахоўнік*).

Калі казаць пра “эталонныя” хэйці, найчасцей у паэме яны выкарыстоўваюцца ў дачыненні да Одзіна і яго галоўнага антаганіста ваўка Фэнрыра. Так, у тэксце ўжываецца пяць хэйці Одзіна: *Бацька забітых (Valföðr)*; *Бацька перамогі (Sigföður)*; *Высокі (Hár)*; *Магутны бог (Fimbultýr)*; *Мудры (Hroft)*. Фэнрыр апісваецца наступным чынам: *воўк (vargr)*; *Фрэкі (Freki)*; *ётун (jötunn)*; *звер здыхліны (valdýri)*. На хэйці *Фрэкі* варта спыніцца больш падрабязна. Дадзены хэйці звычайна выкарыстоўваецца ў дачыненні да ваўка ўвогуле. Але яго выбар для абазначэння Фэнрыра можа падацца даволі незвычайным, бо *Фрэкі* – імя аднаго з ваўкоў Одзіна (разам з *Гэры*), то бок сябра Одзіна, але ніяк не ворага. У той жа час выкарыстанне гэтага імя для абазначэння Фэнрыра можна растлумачыць тым, што сярэднявечны аўтар хацеў акцэнтаваць увагу на не проста непасрэднай, а лёсавызначальнай для ўсяго свету сувязі паміж Одзінам і Фэнрырам, назваўшы галоўнага ворага Одзіна імем яго надзейнага спадарожніка.

Двойчы ў паэме выкарыстоўваюцца хэйці сусветнага змея Ёрмунганда: *змея (orm)* і *рэмень зямлі (moldþinur)*. Па адным хэйці ўжываецца ў дачыненні да Ігдрасіля (*ясень – mjötvið*), Нідхэга (цмока, які грызе карані Ігдрасіля: *Нідфэль – Niðfölr*) і Локі (*Хвэдрунг – Hveðrungr*).

Што датычыцца кенінгаў, яны ў паэме сустракаюцца толькі тройчы. У 27-й частцы гаворыцца:

Хэймдаля рог я
бачу, схаваны,
пад каранямі
дрэва святога;
ёсць там крыніца –
Одзін ахвяру
кінуў у воды.

Дык мне працягваць? [5, с. 54]².

Ахвяра, якую Одзін пакінуў – уласнае вока. Пасля гэтага ён змог выпіць вады з крыніцы мудрасці Міміра (*Mimir*). Адкрытым застаецца пытанне, што ж Хэймдаль схваў пад каранямі Ігдрасіля. У арыгінале выкарыстоўваецца слова *hljóð*, якое можна перакласці як *гук (слых)*. То бок ён, як і Одзін, мог ахвяраваць адной са сваіх здольнасцяў дзеля атрымання мудрасці. У той жа час *гук Хэймдаля (Heimdallar hljóð)* можна разглядаць як кенінг (двайную метафару) рога Г’ялархорн, які абвясціць пра пачатак Рагнарока. Гісторыя пра ахвяру Одзіна адлюстроўваецца і ў наступнай частцы, дзе для абазначэння крыніцы Міміра выкарыстаны кенінг *заклад Бацькі забітых (veði Valföðrs)*. Яшчэ адзін кенінг сустракаецца ў 52-й частцы паэмы: “Сурт прыйдзе з поўдня / з *ліхам галінаў*” [5, с. 57]³. Такім чынам, у паэме “Прароцтва вэльвы” заўважна пераважае ўжыванне хэйці, што можа сведчыць пра традыцыйнасць тэксту і яго архаічнасць. Кенінгі – з’ява, характэрная ў большай ступені для скальдычнай паэзіі, то бок з’ява аўтарская, якая шмат у чым будуюцца на ўстойлівых моўных канструкцыях, штампах і прадугледжвае, у першую чаргу, аўтарскі ўнёсак.

Значную ролю ў стылістычным афармленні паэмы займаюць эпітэты. Самы распаўсюджаным з’яўляецца *mæran* (або *mæri*), то бок “славыты, знакамiты, вядомы”, які выкарыстоўваецца тройчы ў тэксце: у дачыненні да ясеня Ігдрасіля (*mjötvið mæran*), Тора (*mæri mögr Hlóðunjar*) і Мідгарда (*Míðgarð mæran*). Для апісання Ігдрасіля ўжываюцца таксама эпітэты *grænn* (зялёны) і *helgum* (святые). Найбольшая колькасць эпітэтаў выкарыстана для апісання асаў: акрамя згаданага *mæri* гэта *ginnheilög* (найсвятыя), *öflgir ok ástkir* (магутныя і жыццярэдасныя), *mikli* (магутны, выкарыстаны для апісання Відара), а таксама *blóðgum* (крывавы). Апошні эпітэт ужыты ў цікавым кантэксце. Прыметнікам “крывавы” апісаны Бальдр – светлы бог, сын Одзіна і Фрыг. У дадзеным кантэксце “крывавы” – не характарыстыка Бальдра, а намёк на ягоны няшчасны лёс, калі ён праз хітрыкі Локі быў ненаўмысна забіты ўласным братам Хэдам.

У тэксце сустракаюцца і эпітэты для іншых істотаў. Так, тры дзевы з роду турсаў называюцца *ámáttkar*, то бок магутнымі (гэта ўжо трэці сінонім са значэннем “магутны, моцны” ў паэме разам з *mikli* і *öflgir*). Таксама магутным называюць невядомага ўладара з перадапошняй часткі паэмы (*regindómi öflugr*). Пастух веліканкі, якога завуць Эгтэр, называецца *gláðr* (вясёлым), певень Ф’ялар – *fagrrauðr* (прыгожага чырвонага колеру), а цмок Нідхэг – *dimmi* (цёмным).

² “Veit hon Heimdallar // hljóð of folgit // und heidvönum // helgum baðmi, // á sér hon ausask // aurgum forsi // af veði Valföðrs. // Vituð ér enn — eða hvat?” [2].

³ “Surtr ferr sunnan // með sviga lævi...” [2]. *Ліха галінаў* – агонь.

Эпітэты для людзей у паэме сустракаюцца толькі аднойчы: жонкі, якія жадаюць нашкодзіць сваім мужам, называюцца *illrar* (зласлівымі). У той жа час можна знайсці некалькі эпітэтаў пры апісанні прыроды: хвалі *svalar* (халодныя), зоркі *heiðar* (яркія), а новы свет, які ўзнікне пасля Рагнароку, *iðjagræna* (незвычайна зялёны). Калі казаць пра прасторавы складнік, то акрамя ўжо згаданага “славутага Мідгарда” ў паэме гаворыцца і пра “Віндхэйм шырокі” (*vindheim víðan*).

Яшчэ адна група эпітэтаў датычыцца неадусаўлёных прадметаў. Дроцік, зроблены з парастка амялы, якім Хёд забіў Бальдра, апісваецца як *hættlig* (небяспечны). Руны, якія асы ўзгадаюць пасля Рагнароку, *formar* (старыя, старадаўнія, старажытныя), а таўлеі – *undrsamligar* (незвычайныя). Палац на Гімле, дзе абраныя ўратаюцца ад пагібелі, называецца *sólu fegra* (прыгожы, бы сонца). Апошні прыклад можна разглядаць як адзіны ўзор параўнання ў паэме.

Паэма “Прароцтва вельвы” каштоўная не толькі тым, што з’яўляецца ўнікальнай крыніцай ведаў па скандынаўскай міфалогіі, але і тым, што праз своеасабліваю мастацкую інтэрпрэтацыю знаёміць сучаснага чытача з рэаліямі таго часу: побытам і вераваннямі людзей. Так, частка 38 дае некаторае ўяўленне пра асаблівасці жытла тагачасных ісландцаў:

Бачу я залу
вельмі далёка,
Настранд там побач,
дзверы на поўнач;
капаюць кроплі
атруты са столі,
сплечены сцены
залы са змеяў [5, с. 56]⁴.

У традыцыйных ісландскіх пабудовах XIV–XV стагоддзяў не было комінаў, таму ў арыгінале тэкста выкарыстоўваецца слова *ljóra*, то бок адтуліна ў столі (даху), праз якую вонкі выходзіў дым ад вогнішча. Акрамя гэтага, у частках 8 і 61 згадваецца гульня пад назвай таўлеі (*töflur*) – старажытнаскандынаўская настольная гульня, якая мае некаторае падабенства з шахматамі і шашкамі. Другая назва гульні – хнэфа-тафль. Паводле паэмы, асы – вялікія аматары гэтай гульні, якая, згодна з тэкстам, будзе першым прадметам, знойдзеным багамі новага пантэону пасля Рагнароку. У 48-й частцы, дзе апісваецца самы пачатак Рагнароку, гаворыцца, што асы сабраліся на цінгу (“... *æsir ro á þingi*”). Цінг (*þing*) – старажытнаскандынаўскі народны сход, які меў вышэйшую заканадаўчую ўладу. Менавіта на цінгу прымаліся галоўныя рашэнні для грамадства, напрыклад, прыняцце хрысціянства. Пры гэтым гарантыяй дэмакратычнасці цінга быў прынцып усеагульнасці, які называўся *allsþerjarting* [6, с. 56]. Адметна, што і асы ў “Прароцтве вельвы” вырашаюць галоўныя пытанні менавіта на цінгу.

Пра магільныя абрады ў старажытнай Ісландыі можна знайсці згадку ў 28-й частцы:

“Неяк, калі я
звонку сядзела,
Одзін спыніўся
побач маўкліва” [5, с. 54]⁵.

Сядзець звонку – адмысловы магільны абрад (ст.-ісл. *útisetá*), які заключаўся ў свайго кшталту медытацыі ў адпаведных адасобленых месцах з мэтай гадання, прадбачання будучыні, кантактаў са злымі духамі ці душамі памерлых [7, с. 205]. У дадзеным выпадку варта звярнуць увагу на тое, што ў ніводным з перакладаў на рускую мову гэтая асаблівасць не захаваная. У перакладзе А.І. Корсуна першыя радкі перададзены наступным чынам: “Она колдовала / тайно однажды...” [8, с. 186]. Аднак абрад сядзення звонку не прадугледжваў актыўных дзеянняў, ён болей нагадваў медытацыю, таму “колдовала” ў гэтым кантэксце скажае сутнасць таго, што рабіла вельва. Сэнс абраду губляецца і ў перакладах С. Свірыдзенка (“Одна я была...”) [9, с. 100] і Е.М. Меляцінскага (“Одна осталась...”) [10]. Бліжэй за ўсё да арыгінала вяртае У.Г. Ціхамірава (“Сидела не в доме...”) [11], аднак ці наўмысна, ці выпадкова быў прапанаваны такі пераклад – пытанне адкрытае. У той жа час многія пераклады на іншыя мовы захоўваюць гэтую рэалію: апошні пераклад на шведскую мову Лаша Лёнрота 2016 г. (“Адна сядзела яна звонку...”)⁶, пераклад на ангельскую Бэнджаміна Торпа 1866 г. (“Адна яна сядзела звонку...”)⁷. Аднак пераклад на ангельскую мову, выкананы Генры Адамсам Белаўзам ў 1936 г., гэты момант абмінуў (“Адна я сядзела...”)⁸.

⁴ “Sal sá hon standa // sólu fjarri // Náströndu á, // norðr horfa dyrr; // falla eitdropar // inn um ljóra, // sá er undinn salr // orma hryggjum” [2].

⁵ “Ein sat hon úti, // þá er inn aldni kom // yggjungur ása // ok í augu leit” [2].

⁶ “Ensam satt hon ute...” [1, s. 28].

⁷ “Alone she sat without...” [12, p. 7].

⁸ “Alone I sat...” [13, p. 14].

Заклучэнне. Такім чынам, можна вылучыць шэраг асаблівасцей мастацкай выразнасці паэмы “Прароцтва вэльвы”. Па-першае, гэта устойлівая паэтычная схема твора, але ў той жа час неаднародны тып апавядання, які характарызуецца чаргаваннем аповеду ад першай і трэцяй асобы пры нязменнасці апавядальніка. Па-другое, гэта пераважнае ўжыванне хэйці і амаль поўная адсутнасць кенінгаў, што можа сведчыць пра традыцыйнасць тэксту і яго архаічнасць з мінімальным аўтарскім унёскам у “эталонны” ўзор паэмы. Па-трэцяе, твор у першую чаргу прысвечаны лёсу багоў, таму ў тэксце пераважаюць эпітэты, якія апісваюць асаў, і амаль не ўжываюцца эпітэты ў дачыненні да людзей. У той жа час даволі развітая сістэма эпітэтаў для апісання іншых істотаў скандынаўскай міфалогіі, а таксама неадушаўлёных прадметаў (зброя, руны, настольныя гульні і жыллё). І, нарэшце, праз своеасаблівую мастацкую інтэрпрэтацыю ў тэксце захаваліся згадкі пра рэаліі таго часу (побыт, гульні і вераванні), якія, аднак, не заўжды адэкватна перадаюцца пры перакладзе на іншыя мовы.

ЛІТАРАТУРА

1. Den poetiska Eddan / översättning med inledning och kommentar av L. Lönnroth. – Stockholm : Atlantis, 2016. – 528 s.
2. Völuspá (древнеисландский текст, ред. Guðni Jónsson) – Старшая Эдда – Тексты – Северная Слава. – Режим доступа: <http://norgoen.info/src/edda/voluspa/on.html>. – Дата доступа: 17.06.2020.
3. Стурлусон, Снорри. Младшая Эдда / Снорри Стурлусон ; изд. подгот. О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. – Л. : Наука, 1970. – 138 с.
4. Петров, С.В. Поэзия скальдов / С.В. Петров, М.И. Стеблин-Каменский. – Л. : Наука, 1979. – 184 с.
5. Папакуль, Я.А. “Прароцтва вэльвы” : са старажытнаісландскай на беларускую / Я.А. Папакуль // Маладосць. – 2020. – № 4. – С. 50–63.
6. Лебедев, Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: историко-археологические очерки / Г.С. Лебедев. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. – 288 с.
7. Кораблёв, Л.Л. Древнегерманский мифологический словарь / Л.Л. Кораблёв. – М. : АСТ, 2019. – 496 с.
8. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / под общ. ред. С.Е. Шлапоберской. – М. : Худ. лит-ра, 1975. – 770 с.
9. Эдда. Скандинавский эпос / пер., предисл. и коммент. С. Свириденко. – М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1917. – 383 с.
10. Прорицание вэльвы [Электронный ресурс] ; пер. Е.М. Мелетинского. – Режим доступа: <http://norgoen.info/src/edda/voluspa/ru2.html>. – Дата доступа: 18.06.2020.
11. Прорицание вэльвы [Электронный ресурс] ; пер. В.Г. Тихомирова. – Режим доступа: <http://norgoen.info/src/edda/voluspa/rut.html>. – Дата доступа: 18.06.2020.
12. The poetic Edda / translated by B. Thorpe. – Lapeer, MA : Northvegr Foundation Press, 2004. – 424 p.
13. The poetic Edda : in 2 vol. / translated from the Icelandic with an introduction and notes by H.A. Bellows. – New York : Princeton University Press, 1936. – 536 p.

Паступіў 18.06.2020

THE MEANS OF ARTISTIC EXPRESSION IN THE EDDIC POEM “VÖLUSPÁ”

Y. PAPAUL

This article analyzes the means of artistic expression in the poem “Völuspá” from the ancient Icelandic collection of the second half of the XIII century “The poetic Edda”. The examples of heiti and kennings, as well as the structures that have common features with them, are considered in detail. Much attention is paid to the epithets, as well as the reflexion of realities, including in the translations of the poem into different languages. This article is accompanied by a large number of quotations in Old Icelandic, Swedish, English and Russian.

Keywords: Eddic poetry, fornyrdislag, type of narration, heiti, kenning, epithet, reality.

УДК 821.111 (73) – 32

МОТИВ ТРУДОЛЮБИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. ТОРО И Н. ГОТОРНА

канд. филол. наук, доц. Е.И. БЛАГОДЁРОВА

(Белорусский государственный технологический университет, Минск)

blagodyorova@belstu.by

В статье рассматривается мотив трудолюбия в работах Г. Торо и Н. Готорна для более глубокого понимания феномена американского романтизма. Автор акцентирует внимание на том, что сходство взглядов Н. Готорна с этической системой трансценденталистов в целом и Г. Торо в частности возможно объяснить их пуританским наследием. Особое внимание уделяется влиянию пуританской традиции на обоих писателей, поскольку лейтмотив трудолюбия встречается в сочинениях, созданных пуританскими авторами в первой половине XVII в., и связан с образованием первых колоний на территории Нового света. На основании проанализированного материала делается вывод о сходствах и различиях интерпретации мотива трудолюбия в произведениях Г. Торо и Н. Готорна.

Ключевые слова: мотив трудолюбия, пуритане, трансцендентализм, Г. Торо, Н. Готорн, американский романтизм.

Введение. Американский романтизм сыграл важнейшую роль в становлении национальной литературы США. Творческих людей Америки объединяло стремление создавать собственную литературу, не подражая даже самым достойным образцам мирового литературного наследия. По этой причине «история американского романтизма содержит примеры неподражаемой новизны, когда затруднительным является поиск хотя бы приблизительных параллелей в литературе <...> по другую сторону Атлантики» [1, с. 15]. Именно специфика исторического пути и художественных традиций обусловили национальное своеобразие американского романтизма.

На наш взгляд, при рассмотрении творчества представителей американского романтизма представляется более верным приводить не только хронологическое деление на этапы, но и географическое¹. В доказательство такого подхода приведем цитату американского поэта и эссеиста XIX века, Джеймса Рассела Лоуэлла: «Ситуация с американской литературой не является стандартной. У нее нет центра. ... Она разделена на множество систем, каждая из которых вращается вокруг своих солнц... Бостон, Нью-Йорк, Филадельфия, в каждом из городов существует своя литература, даже более отличающаяся друг от друга, нежели литература на различных диалектах Германии»² [3, р. 651–652]. С помощью такой красочной метафоры американский поэт продемонстрировал своеобразие литературы каждого из регионов Америки, а также уникальность каждого писателя того или иного региона периода американского романтизма. Однако именно в этом многообразии и заключается сложность их классификации.

Так, учитывая только хронологическую классификацию, легко упустить из вида сходные черты, которые прослеживаются в творчестве Н. Готорна и Г. Торо. Сходство взглядов Н. Готорна с этической системой трансценденталистов в целом и Г. Торо в частности, как и схожие литературные приемы, возможно объяснить пуританским наследием писателей. Больше всего данное наследие проявилось в особенностях их творческого метода, к которым, в первую очередь, относятся аллегоризм; частое использование таких тропов, как метафора, олицетворение, метонимия, ирония; включение риторических вопросов; склонность к написанию эссе и очерков, ведению дневниковых записей; пристальное внимание к внутреннему миру человека; включение цитат из Священного Писания, аллюзий и реминисценций к библейским текстам; схожесть некоторых произведений с пуританской иеремиадой. При всем многообразии литераторов периода американского романтизма, своеобразии творческого метода каждого, учет региональной составляющей позволяет выявить гораздо больше сходных черт между ними, чем представляется на первый взгляд.

Цель данной статьи – рассмотреть один из основных мотивов, встречающихся в работах раннеамериканских писателей – мотив трудолюбия – в творчестве Н. Готорна и Г. Торо, для более глубокого понимания феномена американского романтизма.

¹ Регионализм был учтен при составлении трехтомной «Литературной истории США» под редакцией Р. Спиллера [2], частично при составлении многотомника «Истории литературы США» под редакцией Я.Н. Засурского [1] и лишь косвенно во втором томе «Истории американской литературы» под редакцией С. Берковича [3].

² «The situation of American literature is anomalous. It has no center. ... It is divided into many systems, each revolving round its several suns... Boston, New York, Philadelphia, each has its literature almost more distinct than those of the different dialects of Germany». Здесь и далее при отсутствии ссылки на русский источник перевод наш – Е. Б.

Основная часть. Российская исследовательница К.М. Баранова выделяет семь основополагающих тем, которые были характерны, прежде всего, для раннеамериканских писателей³, но также встречались и в литературе более позднего периода, в частности, американского романтизма. К ним она относит мотивы предопределения (providence), трудолюбия (industry), свободы (freedom), негреховности (innocence), достоинства и избранности (worthiness), равенства (equality), диких просторов (wilderness) [4, с. 2]. Лейт-мотив трудолюбия встречается в сочинениях пуританских авторов, созданных в 1620–1640 гг., и связан с образованием первых колоний на территории Нового света. Как справедливо отмечает исследовательница, «данная тема звучит у большинства авторов-пуритан как идея прославления труда на благо общего дела с целью процветания своей страны и ради обеспечения собственного благополучия» [5, с. 243].

В современных словарях одно из определений слова 'industry' трактуется как «the fact of working hard» [6, р. 783] 'факт тяжелой работы'; «the quality of regularly working hard» [7] 'качество регулярной напряженной работы'; «diligence in an employment or pursuit» [8] 'усердие (прилежание, трудолюбие) в работе или занятии'. Значение слова 'labour' приблизительно такое же: «work, especially physical work; to work hard» [6, р. 848] 'работа, особенно физический труд; усердно трудиться'.

По наблюдению К.М. Барановой, пуритане, первыми освоившие земли Нового света, для описания своей деятельности использовали именно эти существительные, характеризующие тяжелый труд, работу, требующую усилий и усердия, необходимую для создания и обустройства нового места жительства [5].

Следует отметить, что труд являлся одной из главных добродетелей пуританского общества. Считалось, что трудиться нужно не только ради личной выгоды, но и на благо и процветание всего общества. Так, первый губернатор колонии Массачусетского залива, Джон Уинтроп, в своем дневнике пишет: «... мы должны стремиться ограничивать себя в излишествах для того, чтобы удовлетворить нужды остальных. <...> Мы должны восхищаться успехами друг друга, быть в одинаковых условиях, радоваться вместе, горевать вместе, трудиться и терпеть невзгоды вместе, всегда видеть рядом трудящихся членов нашей общины и осознавать, что они части одного организма»⁴ [9, р. 91]. Таким образом, существование общины, ее процветание напрямую зависело от труда на общее благо всех ее членов. Пуритане верили в то, что жизнь каждой отдельной личности неотделима от группы. «Маленький человек может совершить много плохих дел. Точно так же, маленький человек может совершить много хороших дел! Вполне вероятно, что мудрость небогатого человека позволит внести предложение, которое может спасти город, служить на благо нации!»⁵ [10, р. 546] Один-единственный человек может сотворить много как добрых, так и злых дел, оказывающих влияние на все общество. Отсюда и стремление пуритан изгнать из своей общины тех, кто отличался инакомыслием, не вписывался в привычные устои и порядки их общества и грозил нарушить целостность и здоровье всего «организма». «Как только один единственный грешник либо еретик появлялся в обществе святых, этот человек представлял такую же опасность как ведьма или Энн Хатчинсон⁶, поскольку он мог распространить смертельную инфекцию среди них»⁷ [3, р. 205–206].

Согласно пуританской этике любой труд был важен и достоин. Не имело значения происхождение человека, его социальный статус, успешность рода занятий, главное – чувствовать свое призвание в этом виде деятельности. «Труд монахов и священников, каким бы праведным и тяжелым он ни был, пред взором Господа не отличается ни на йоту от изнурительного сельского труда в поле или женской работы по хозяйству»⁸ [10, р. 544]. При этом человек должен был отрешиться от гордыни, быть смиренным и готовым выполнять любую работу вне зависимости от статуса. Пуритане акцентировали внимание на равенстве всех людей перед Всевышним, а также на достоинстве труда. «Каждый человек, любого сословия, и богатый, и бедный, и могущественный, и не имеющий власти, и аристократ, и простолюдин, должен знать, что

³ К ним, в первую очередь, относятся общественные и религиозные деятели новоанглийской колонии в США в XVII веке, такие как Уильям Брэдфорд, Джон Смит, Джон Уинтроп, Эдвард Джонсон, Коттон Мэзер и др.

⁴ «... we must be willing to abridge ourselves of our superfluities, for the supply of others' necessities. <...> We must delight in each other, make others' conditions our own, rejoice together, mourn together, labor and suffer together, always having before our eyes our commission and community in the work, our community as members of the same body».

⁵ «A little man may do a great deal of hurt. And then, why may not a little man, do a great deal of good! It is possible the wisdom of a poor man, may start a proposal, that may save a city, serve a nation!»

⁶ Энн Хатчинсон (1591–1643) – жительница колонии Массачусетского залива, выступавшая за равноправие женщин в религиозных и общественных вопросах. Ее взгляды противоречили существовавшим на тот момент пуританским устоям, которые она могла нарушить в силу своей популярности среди членов пуританской общины. За это ее судили, отлучили от церкви и отправили в изгнание.

⁷ «Once even a single sinner or hypocrite entered the body of saints, that individual was as dangerous as a witch or an Anne Hutchinson and capable of spreading a fatal infection among them».

⁸ «The works of monks and priests, be they never as holy and arduous, differ no whit in the sight of God from the works of the rustic toiling in the field or the woman going about her household tasks».

он рожден для труда на благо своих собратьев, если он признает, что является частью, а не опухолью, организма человечества»⁹ [10, p. 546].

Учитывая все вышесказанное, вполне закономерно, что мотив трудолюбия выходит на первый план в сочинениях пуритан XVII в. (особенно тех, кто основал колонии в Новой Англии), так как без постоянного, упорного и зачастую изнурительного труда они просто не смогли бы выжить в тех суровых условиях, с которыми им пришлось столкнуться. Таким образом, труд для пуритан Нового света являлся необходимым условием их существования, однако отношение пуритан к работе не было негативным. Пуритане «делали культ из упорного труда; но объяснялось это не только тем, что они и впрямь должны были работать, чтобы устроиться на довольно-таки скудной земле и в условиях холодного климата, но и тем, что они действительно любили тяжелый труд» [11, с. 71]. Таким образом, они воспринимали труд не как бремя, а как то, без чего немислима жизнь истинного пуританина.

Мотив трудолюбия найдет отражение и в работах писателей периода американского романтизма. В особенности, он нередко встречается в сочинениях сторонников трансцендентализма (Р.У. Эмерсон, Г.Д. Торо, Ф.Г. Хедж и др.), что возможно объяснить «преемственностью трансцендентализма от пуританской традиции, прежде всего – этической» [1, с. 180]. Близость к природе и физический труд занимали важное место в этической системе трансценденталистов. Их духовный лидер Р.У. Эмерсон в лекции «Реформатор» (*Man the Reformer*, 1841) акцентирует внимание на физическом труде как важной части человеческой культуры, как необходимом элементе для сохранения сильного духом, здорового (с физической и нравственной точек зрения) человека: «Применение ручного труда никогда не устареет и подходит для каждого. Человек должен владеть фермерским хозяйством либо ремеслом для поддержания своей культуры. Физический труд должен стать основой для наших высших достижений, наших нежных увлечений поэзией и философией. В нашем суровом мире должно существовать некое противодействие всему тому разнообразию духовных возможностей, иначе они не появятся на свет. Физический труд – это изучение внешнего мира»¹⁰ [12]. Такого рода положениями руководствовались основатели и участники колоний трансценденталистов, самыми известными среди которых были коммуны Брукфарм и Фрутлендс.

Ученик Р. Эмерсона Г. Торо стремился осуществить на практике многие из идей трансценденталистов, в том числе, имеющее отношение к физическому труду. Несмотря на полученное в Гарвардском университете образование, писатель не гнушался любыми видами работ. После непродолжительной преподавательской деятельности он зарабатывает себе на жизнь разного рода подработками: «ставит заборы, чинит крыши, окучивает картофель, измеряет участки» [1, с. 249], преследуя при этом одну цель – быть свободным большую часть дня для прогулок, созерцания природы, размышлений, для того, в чем он усматривал смысл своей жизни. Для Г. Торо самым драгоценным ресурсом было время, которое он стремился провести с наибольшей пользой для себя и своего духовного развития, а не деньги, как для многих его соотечественников. По мнению писателя, в развитом обществе у людей может появиться больше свободного времени в том случае, если они уменьшат свои материальные запросы и будут держать их под контролем. И наоборот, если позволить своим материальным запросам бесконтрольно расти, тогда в погоне за удовлетворением своих возросших потребностей свободного времени будет оставаться все меньше, даже несмотря на рост достатка и развитие технологий. В эссе «Жизнь без принципа» (*Life Without Principle*, 1863) Г. Торо отмечает, что «если мои потребности увеличатся, труд, необходимый для их удовлетворения, превратится в тяжелую и нудную работу. Если я запродам все утренние и дневные часы обществу, как делает большинство, то мне не для чего будет жить. Думаю, я никогда не продам право первородства за чечевичную похлебку. Я бы сказал, что человек может быть очень трудолюбивым и все же проводить время не лучшим образом... Нет на свете большего глупца, чем тот, кто расходует значительную часть жизни, чтобы заработать на жизнь» [13]. Со стороны писателя эти идеи не были просто безосновательными размышлениями. В ходе своего эксперимента – добровольного отказа от благ цивилизации и почти отшельнической жизни на берегу Уолденского пруда в течение двух лет и двух месяцев – Г. Торо доказал, что для простой жизни, без излишеств, достаточно хорошо потрудиться всего шесть недель в году [14, с. 72]. Писатель критически относился к царившей в его стране власти доллара, стремлению получить хорошую должность и заработать как можно больше. В упомянутом выше эссе он пишет о том, что, по его мнению, «на свете нет ничего (включая преступление) более чуждого поэзии, философии, да и самой жизни, чем эти бесконечные дела»¹¹ <...> Пути, которыми можно заработать на жизнь, почти все без исключения ведут вниз. Что бы вы ни делали ради заработка самого по себе, вы не работали, а просто-напросто

⁹ «Every man, of every degree, as well rich as poor, as well mighty as mean, as well noble as base, must know that he is born for some employment to the good of his brethren, if he will acknowledge himself to be a member, and not an ulcer, in the body of mankind».

¹⁰ «The use of manual labor is one which never grows obsolete, and which is inapplicable to no person. A man should have a farm or a mechanical craft for his culture. We must have a basis for our higher accomplishments, our delicate entertainments of poetry and philosophy, in the work of our hands. We must have an antagonism in the tough world for all the variety of our spiritual faculties, or they will not be born. Manual labor is the study of the external world».

¹¹ Здесь следует уточнить значение слова «business», которое можно перевести не только как «дело», но и как бизнес; работа; предпринимательская деятельность и др.

бездельничали или того хуже» [13]. Г. Торо считал, что для любого человека приоритетом должны стать хорошее выполнение своей работы и любовь к своему делу, а не желание денег и славы. Мыслитель полагал, что, если человек в своем труде руководствуется только желанием заработать и/или сделать карьеру, то он духовно деградирует. Г. Торо соглашался с Р. Эмерсоном в том, что физический труд благотворно действует на интеллектуальные и духовные аспекты развития личности. Так, в произведении «Уолден, или Жизнь в лесу» он пишет: «В том, что человек сам строит свое жилище, есть глубокий смысл, как в том, что птица строит свое гнездо. Как знать, быть может, если бы люди строили себе дома своими руками и честно и просто добывали пищу себе и детям, поэтический дар стал бы всеобщим: ведь поют же все птицы за этим занятием» [14, с. 48–49].

Таким образом, можно заметить определенное сходство между пониманием труда пуританами новоанглийской колонии XVII века и мыслителями Новой Англии XIX столетия. Первые воспринимали труд не просто как необходимость для выживания в суровых условиях, но и получали удовольствие от того, что занимаются богоугодным делом. Любой труд был достоин того, чтобы считаться праведным, не было разграничения на более и менее престижную работу, главное – чувствовать свое призвание в этом виде деятельности. Вторые рассматривали физический труд как необходимую составляющую культуры человека, способствующую развитию физического и нравственного здоровья личности. Однако акцент делается на любви к своему делу, а не труду, как способу заработать состояние и достичь определенного статуса в обществе. В противном случае, значение трудовой деятельности нивелируется и даже способствует деградации личности. Как видно, в обоих случаях фигурирует любовь к труду, удовольствие от выполнения своей работы, отношение к ней не как к тяжелой повинности, но как к своему призванию.

Понимание труда Н. Готорном также во многом совпадало с идеями пуритан Новой Англии. Несмотря на то, что данный мотив не является одним из основных в его произведениях, он встречается чаще, чем можно предположить. В рассказах «День сборщика налогов» (*The Toll-Gatherer's Day*, 1837), «Резьба по камню» (*Chippings with a Chisel*, 1838), «Великий каменный лик» (*The Great Stone Face*, 1850) встречаются описания простых, скромных людей, посвятивших жизнь определенному виду деятельности, которую они считали своим призванием. Так, главным действующим лицом в произведении «Резьба по камню» является «пожилой мужчина, потомок старинной пуританской семьи Уигглзворт, отличающийся определенной простотой и чистотой сердца и разума <...> Его единственная задача и обязанность <...> заключалась в создании надписей на надгробиях <...> И каким бы мрачным ни казалось его призвание, он был настолько жизнерадостным старым весельчаком, насколько позволяли здоровье, добросовестность и беззаботность. Зачастую он приступал к работе по изготовлению той или иной скорбной надписи в том состоянии духа, которое побуждает людей петь в процессе труда»¹² [15, р. 617]. Резчик по камню видит свое предназначение в данном ремесле и счастлив от того, что занимается любимым делом. В рассказе Н. Готорна «Великий каменный лик» можно увидеть отражение взглядов пуритан на предназначение человека, а также идей трансценденталистов, касающихся взаимосвязи человека и природы и его отношения к труду. Библия гласит: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. <...> Смиритесь пред Господом, и вознесет вас» [16, Иаков 4:6; Иаков 4:10]. Именно так поступает главный герой произведения Эрнест. Он не стремится к богатству, славе, признанию. С рождения и до старости он живет в родной долине и ведет простую жизнь без излишеств: «... из счастливого, хотя временами и задумчивого ребенка, он превратился в кроткого, спокойного и скромного юношу <...> Эрнест был трудолюбивый, добрый человек и хороший сосед <...> он работал ради куска хлеба и оставался таким же чистым душой, как всегда. <...> Не проходило и дня без того, чтобы не умножалось добро на земле, и только оттого, что на ней жил такой простой и скромный человек. Он никогда не сбивался со своего пути и учил людей благу» [17, с. 369; 372; 375–376]. Эрнеста характеризуют такие качества как отсутствие гордыни, смирение, трудолюбие, любовь к людям. Свободные часы он посвящает размышлениям о благе человечества и старается улучшить жизнь людей не только мудрыми советами, но и добрыми делами. Н. Готорн в данном произведении не единожды акцентирует внимание на том, что размышления на природе приводят к развитию пронизательности, мудрости, обогащают человека духовно: «... именно из этого безмолвного созерцания возрастет впоследствии мудрость, которая будет много выше той, что черпается из книг, и жизнь более возвышенная, чем та, которая берет себе за образец неправедную жизнь других людей» [17, с. 372]. Следует отметить, что идея взаимосвязи природы и духовного развития личности сближает Н. Готорна с последователями трансцендентализма. Духовный лидер трансценденталистов Р. Эмерсон рассматривал природу как нечто возвышенное, на чем челе «не бывает написана низость» [18, с. 180], и указывал на то, что природа – это место, способствующее духовному очищению и возрождению личности. В то же время, к идее благотворного воздействия физического труда на интеллектуальные и духовные аспекты развития личности, поддерживаемой Р. Эмерсоном, Г. Торо и другими трансценденталистами, Н. Готорн относился с изрядной долей скептицизма.

¹²«an elderly man, a descendant of the old Puritan family of Wigglesworth, with a certain simplicity and singleness, both of heart and mind <...> His sole task and office <...> was to label the dead bodies <...> And lugubrious as his calling might appear, he was as cheerful an old soul as health, and integrity, and lack of care, could make him, and used to set to work upon one sorrowful inscription or another with that sort of spirit which impels a man to sing at his labor».

Во многом это объясняется тем фактом, что в 1841 году писатель принял участие в утопическом эксперименте, присоединившись к коммуне Брукфарм, вложив туда свои средства и прожив там несколько месяцев. Впоследствии этот опыт стал для Н. Готорна одним из доказательств неосуществимости идеала трансценденталистов об облагораживающем физическом труде и его благоприятном воздействии на интеллектуальную деятельность на практике. Роман «Счастливые доли» (*The Blithedale Romance*, 1852) во многом отражает опыт проживания Н. Готорна в указанной коммуне. Интерес представляет следующий отрывок из данного произведения, где писатель в ироничной манере повествует о невозможности совместить творческую деятельность и тяжелый физический труд: «Пока замысел наш существовал только в теории, мы услаждали себя мечтами об одухотворенном труде. Труд должен был сделаться для нас своего рода богослужением, религиозным обрядом. Каждый удар мотыги будет открывать нам некий благоуханный корень мудрости, сокрытый доселе от солнца. Прерывая на время работу <...> мы будем устремлять взор ввысь, проникая им на мгновение в далекую душу истины. Но все обстояло не совсем так, как мы предполагали. <...> Тяжелые комья земли, которые я обрабатывал, ворочая их снова и снова, так и не обрели воздушность мысли. Мысли же наши, напротив, становились, как эти комья, все более и более тяжеловесными. Наш труд ничего собой не знаменовал, и с наступлением сумерек мы превращались в вялых тугодумов. Умственная деятельность не совместима с постоянными физическими усилиями» [19, с. 284]. Хотя Н. Готорн и признает необычайную красоту природы, ее непривычность и новизну, когда в перерывах между тяжелым трудом смотришь на окружающий мир, но на этом все преимущества физической работы для него заканчиваются. В этом заключается существенное различие между пониманием физического труда трансценденталистами и писателем.

Заключение. Таким образом, Г. Торо (как и другие последователи трансцендентализма) и Н. Готорн вслед за пуританами соглашались с тем, что любой труд является достойным, скромность и отсутствие гордыни лишь украшают человека, и главное – следует найти свое призвание в выбранном виде деятельности и получать удовольствие от своей работы. Что касается тяжелого физического труда, то для пуритан он был необходимым условием для выживания, они принимали его как одно из испытаний, посланное Всевышним. Для жителей XIX в. физический труд уходит на второй план, нет больше потребности самим строить жилище или возделывать землю. Именно этот фактор вызывает беспокойство у последователей трансцендентализма в целом и Г. Торо в частности, убежденных в том, что физический труд просто необходим для поддержания физически и духовно развитой личности. Особое внимание они уделяли существующей, по их мнению, взаимосвязи труда и развитию творческих способностей у человека. Н. Готорн, в свою очередь, придерживался мнения, что тяжелая физическая работа и интеллектуальная деятельность несовместимы, основывая свои суждения на личном опыте.

ЛИТЕРАТУРА

1. История литературы США : в 7 т. / редкол.: Я.Н. Засурский (гл. ред.) [и др.]. – М. : ИМЛИ РАН : «Наследие», 1997–2009. – Т. 2 : Литература эпохи романтизма / А.М. Зверев (отв. ред.) [и др.]. – 1999. – 463 с.
2. Литературная история США : в 3 т. / редкол.: Р. Спиллер (гл. ред.) [и др.]. – М. : Прогресс, 1977–1979.
3. *The Cambridge History of American Literature* : in 8 vol. / ed. S. Bercoitch. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – V. 2 : *The Cambridge History of American Literature (1820–1865)*. – 881 p.
4. Баранова, К.М. Основные идейные и сюжетно-образные мотивы в литературе Новой Англии XVII–XVIII веков. Становление традиций в литературе США : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.03 / К.М. Баранова ; МГОУ. – М., 2011. – 44 с.
5. Баранова, К.М. Истоки лейтмотива трудолюбия в американской литературе колониального периода / К.М. Баранова // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2008. – Вып. 11 (67). – С. 242–247.
6. *Longman Exams Dictionary*. Harlow, UK : Pearson Education Limited, 2007. – 1834 p.
7. *Cambridge Dictionary* [Electronic resource]. – Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/industry>. – Date of access: 16.04.2020.
8. *Merriam-Webster* [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/industry>. – Date of access: 16.04.2020.
9. *The Puritans in America. A Narrative Anthology* / ed. by A. Heimert, A. Delbanco. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1985. – 438 p.
10. Constantin, Ch. The Puritan Ethic and the Dignity of Labor: Hierarchy vs. Equality / Ch. Constantin // *Journal of the History of Ideas*. – October–December 1979. – Vol. 40, № 4. – P. 543–561.
11. Литературная история США : в 3 т. / редкол.: Р. Спиллер (гл. ред.) [и др.]. – М. : Прогресс, 1977–1979. – Т. 1. – 1977. – 603 с.
12. Emerson, R. *Man the Reformer* [Electronic resource]. – Mode of access: <https://emersoncentral.com/texts/nature-addresses-lectures/lectures/man-the-reformer/>. – Date of access: 16.04.2020.
13. Торо, Г.Д. Жизнь без принципа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psylib.org.ua/books/_torog02.htm. – Дата доступа: 16.04.2020.
14. Торо, Г.Д. Уолден, или Жизнь в лесу / Г.Д. Торо. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 352 с.
15. Hawthorne, N. *Tales and Sketches* / N. Hawthorne. – New York : Literary Classics of the United States, 1982. – 1493 p.
16. Библия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://allbible.info/bible/sinodal/jas/4/>. – Дата доступа: 16.04.2020.

17. Готорн, Н. Избранные произведения : в 2-х т. / Н. Готорн. – Л. : Худож. лит., 1982. – Т. 2 : Рассказы и очерки. – 512 с.
18. Эмерсон, Р.У. Природа / Р.У. Эмерсон // Эстетика американского романтизма / Ред. кол.: М.Ф. Овсянников [и др.]. – М. : Искусство, 1977. – с. 178–246.
19. Готорн, Н. Избранные произведения : в 2-х т. / Н. Готорн. – Л. : Худож. лит., 1982. – Т. 1 : Алая буква. Счастливый дол. – 456 с.

Поступила 04.05.2020

THE MOTIF OF INDUSTRY IN LITERARY WORKS OF H. THOREAU AND N. HAWTHORNE

E. BLAGODYOROVA

The article deals with the motif of 'industry' in literary works of H. Thoreau and N. Hawthorne with a purpose to understand better the phenomenon of American Romanticism. The author emphasizes the fact that similarity of N. Hawthorne's views with the ethical system of Transcendentalists, in general, and H. Thoreau's views, in particular, can be explained by their Puritan legacy. Special emphasis is put on the Puritan tradition influence on both of these writers, since the leitmotif of industry is found in the works of Puritan authors written in the first half of the 17th century and is associated with the formation of the first colonies in the New World. Taking into consideration the analyzed material, a conclusion is drawn about the similarities and differences in the interpretation of the industry' motif in the literary works of H. Thoreau and N. Hawthorne.

Keywords: *the motif of industry, Puritans, Transcendentalism, H. Thoreau, N. Hawthorne, American Romanticism.*

УДК 82(091)+ 821.111(73)

**СТУПЕНЬ ДАСЛЕДАВАНАСЦІ АМЕРЫКАНСКОЙ ЛІТАРАТУРЫ
ПРА ПЕРШУЮ СУСВЕТНУЮ ВАЙНУ Ў СУЧАСНЫМ ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВЕ**

*канд. філал. навук, дац. З.І. ТРАЦЦЯК
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)
zoia.tretyak@rambler.ru*

Праводзіцца агляд асноўных навуковых даследаванняў, прысвечаных амерыканскім творам пра Першую сусветную вайну. Увага скіравана на канцэптually значныя працы, выдадзеныя за апошнія трыццаць гадоў. Прасочваюцца розныя падыходы да ваеннай літаратуры, якая разглядаецца на розных узроўнях: тэматычным, структурным, параўнальным, матыўным і г.д. Адзначаецца, што паняцце «страчанае пакаленне» як набытак амерыканістыкі за час свайго існавання набыло шматсэнсаў: іх сістэматызацыя і інтэрпрэтацыя займаюць адно з цэнтральных месцаў у сучасных навуковых росшуках.

Ключавыя словы: амерыканская літаратура, ваенная літаратура, Першая сусветная вайна, «страчанае пакаленне», канон.

Уводзіны. Вывучэнне амерыканскай прозы і паэзіі, прысвечаных Першай сусветнай вайне, мае багатую гісторыю. Даследчыкі з розных краін свету ўсведамлялі, што такія адмысловы літаратурна-мастацкі матэрыял за час свайго існавання загучаў надзвычай поліфанічна. Спадчына Т. Бойда, Дж. Дос Пасаса, А. Зігера, М. Каўлі, У. Кэзер, Л. Столінгса, Д. Трамба, Э. Уортан, У. Фолкнера, Э. Хемінгуэя і інш. спалучыла ў сабе і аўтабіяграфічны, і гістарычны, і «метафарычны» планы, бо ваенныя падзеі прыадкрывалі «нешта надзвычай глыбіннае ў чалавечай прыродзе і створаных чалавекам інстытутах» (*something deeper about human nature and human institutions*) [1, р. 29], што, у сваю чаргу, патрабавала разнастайных сродкаў мастацкага ўвасаблення. У такіх умовах навуковы аналіз і інтэрпрэтацыя толькі ўскладняліся, бо даследчык улічваў гісторыка-культурны кантэкст, жыццьяпіс канкрэтнага пісьменніка, разгалінаваную сістэму ўласна-літаратурных уплываў у асобным творы, яго рэцэпцыю шараговым чытачом, крытыкам ці навуковай супольнасцю.

Асноўная частка. У 1975 г. свет пабачыла манаграфія П. Фасэла «Вялікая вайна і сучасная памяць», якая дастаткова хутка стала бэстсэлерам, культывым даследаваннем, прысвечаным прозе і паэзіі, тэматычна звязаным з падзеямі Першай сусветнай вайны. Абапіраючыся на мастацкую спадчыну еўрапейскіх літаратараў (у асноўным брытанцаў), аўтар выявіў шэраг значных заканамернасцей, якія ў свой час дапамаглі адэкватнай інтэрпрэтацыі твораў пра 1914–1918 гг. Адначасова П. Фасэл дазволіў сабе шэраг правакацыйных выказванняў, якія непакоюць даследчыкаў па сённяшні дзень. Напрыклад, навуковец пісаў: «пры адсутнасці шэрагу значных паэтаў-“філосафаў”, чыя дзейнасць узыходзіць да чатырнаццатага стагоддзя, у вакууме, дзе няма Чосэраў, Спэнсэраў, Шэкспіраў, Мільтанаў, Кітсаў, Вордсвартаў, Тэнісанаў, Браўнінгаў, Арнальдаў, дзе няма ні Мэлары, ні Бэньяна, амерыканскія допісы пра вайну выглядаюць сціпла і аднастайна» [2, р. 158]. Праз дваццаць пяць год пасля першага выдання кнігі выйшла яе абноўленая версія. П. Фасэл зноў падкрэсліў сваё асаблівае стаўленне да амерыканскай літаратуры пра Першую сусветную вайну. Навукоўца патлумачыў, што, паводле яго назіранняў, 1914–1918 гг. не пакінулі вялікага следу ў прозе і паэзіі ЗША [2, р. 336–337]. Гэтая гіпотэза грунтавалася не столькі на ўласна літаратурным матэрыяле, колькі на агульнавядомых гістарычных фактах (амерыканцы ўдзельнічалі ў вайне толькі дзевятнаццаць месяцаў, а непасрэдна франтавы досвед іх экспедыцыйных войскаў зводзіўся да шасці месяцаў).

Адзначым, што некалькі пакаленняў амерыканскіх даследчыкаў так ці інакш аспрэчваюць пазіцыю П. Фасэла, сцвярджаючы самабытнасць і тэматычную разнастайнасць літаратуры ЗША, прысвечанай падзеям 1914–1918 гг. Высока ставячы бліскучае даследаванне творчасці брытанскіх паэтаў, сучасныя навукоўцы адзначаюць, што асобныя высновы П. Фасэла ў 1970-я гг. стрымлівалі вывучэнне пэўных лакун: жаночай прозы пра Першую сусветную вайну, саздацкага наратыву і г.д. Тэндэнцыйнасць назіранняў П. Фасэла становіцца яшчэ больш відавочнай, калі прыгадаць грунтоўнае выданне «Энцыклапедыя амерыканскай ваеннай літаратуры» [3], дзе знайшлося месца кароткім, але ёмістым артыкулам пра розныя творы на згаданую тэматыку ад часоў вайны за незалежнасць амерыканскіх калоній да вайны ў В’етнаме. Цікавай будзе і кніга «Першая сусветная вайна і Амерыка. Расказана амерыканцамі, што перажылі яе» [4]. Сярод успамінаў знакамітых людзей, прамой палітыкаў, разважанняў журналістаў у выданні знайшлося месца і ўрыўкам з мастацкіх і публіцыстычных твораў А. Зігера, М. Бордэн, Р. Фроста і інш. Іх спадчына арганічна ўваходзіла ў дыялог з іншымі творамі таго часу, пацвярджаючы, наколькі глыбока Першая сусветная вайна адбілася перадусім на адукаванай частцы амерыканскага грамадства.

Х. Хатчынсан паспрабавала вытлумачыць спецыфічнае месца амерыканскага прыгожага пісьменства пра Першую сусветную вайну ў шэрагу іншых нацыянальных літаратур. На яе думку, амерыканская літаратура «грэбавала шмат якімі сталымі культурнымі перавагамі і памылковымі ўяўленнямі пра вайну» [5, р. 2].

Даследчыца заўважыла, што ў 1960–70-я гг. сусветная навуковая супольнасць дастаткова насцярожана ставілася да амерыканскай літаратуры, бо аўтары большасці твораў – нонкамбатанты, якія адмыслова ўспрымалі падзеі 1914–1918 гг. Адначасова гэтыя аўтары – Дж. Дос Пасас, Э.Э. Камінгс, У. Фолкнер, Э. Хемінгуэй – распачалі эксперыменты з формай твора пра вайну, што адбіліся не толькі на амерыканскай літаратуры.

Даследчыкі, якія на сучасным этапе звярталіся да амерыканскай прозы і паэзіі пра Першую сусветную вайну, карысталіся рознай оптыкай, што дазволіла шматаспектна разгледзець гэты матэрыял. Адны навукоўцы засяроджваліся выключна на амерыканскіх творах пра 1914–1918 гг., падрабязна аналізуючы іх у культурным і літаратурна-мастацкім кантэкстах эпохі (Б. Бергонцы [6], С. Вотчэл [7], К. Гэндал [8], С. Куперман [9], Дж. Мэт’юз [10], К. Нэнк [11], К. Пайп [12], С. Сарджэнт [13], В. Сэнборн [14], Х. Хатчынсан [5], Дж. Хэйтак [15]); іншыя спрабавалі «ўпісаць» гэтыя кнігі ў шэраг уласна амерыканскіх ці замежных твораў на ваенную тэматыку, якія пабачылі свет напрацягу ўсяго XX ст. (А. Вернон [1], Ш. Кокер [16], Дж. Лайман [17]). У большасці выпадкаў спрацоўваў міждысцыплінарны падыход да ваеннай літаратуры, спецыфіка якой паўставала ў непасрэднай залежнасці ад грамадска-палітычных працэсаў; пад увагу браліся дасягненні медыцыны і псіхалогіі, якія дапамагалі дэшыфраваць асобныя вобразы і сюжэты ў кнігах пра Першую сусветную вайну.

У плыні амерыканскай «ваеннай літаратуры» А. Вернон вылучыў і «літаратуру, створаную ветэранамі» (*war and veteran literature*) [1, р. 19]. На думку навукоўца, менавіта пісьменнік-франтавік аб’ектыўна меў больш магчымасцей дэталёва ўвасобіць падзеі вайны без пасрэдніцтва аповедаў іншых: гісторыкаў, рэпарцёраў, фатографіаў, медыцынскіх служачых, бежанцаў, майстроў афіцыйнай прапаганды, палітычных дзеячаў. Сутыкненне з такім «наратывам» не замянала аўтару-сведку выкладкі аўтэнтычныя факты пра вайну. «Ваенная» і «ветэранская» плыні, паводле А. Вернона, яднліся, калі мастакі слова (незалежна ад іх вопыту) мелі ўніверсальную мэту – увасобіць трансфармацыі чалавечай прыроды пад жудасным уплывам вайны. Свае назіранні даследчык ілюстравалі прыкладамі з кніг, прысвечаных тром канфліктам, адрозным па маштабах і наступствах: Першая і Другая сусветныя, вайна ва В’етнаме.

Паказальна, што А. Вернон да «пісьменнікаў-ветэранаў» адносіць Э. Хемінгуэя, ваенны вопыт якога (асабліва пад час Першай сусветнай) значна адрозніваўся ад перажытага шараговымі амерыканскімі вайскоўцамі ў Еўропе. У дадзеным выпадку варта адзначыць даследаванне К. Гэндала «Вайна – не адзінае пекла: Новае прачытанне амерыканскай літаратуры пра Першую сусветную вайну» [8], дзе падаецца іншы погляд на «ветэранскую літаратуру». Калі А. Вернон успрымае яе ў шырокім сэнсе (ветэран – кожны ўдзельнік баявых дзеянняў незалежна ад яго вайсковага статусу), то К. Гэндал разважае пра неаднароднасць досведу непасрэдных відавочцаў падзей на фронце. Таму аўтар манаграфіі «Вайна – не адзінае пекла» вылучае групу пісьменнікаў-камбатантаў (Т. Бойд, Л. Столінгс) і аўтараў, якія маглі мець пэўныя вайсковыя пасады, незаўсёды звязаныя са знаходжаннем на полі бою, што не магло не адбіцца на ўспрыманні і асэнсаванні падзей вайны ў прыватных творах на тэматычным і ідэйным узроўнях (Дж. Дос Пасас, М. Каўлі, Э. Хемінгуэй; у больш радыкальных выпадках Ф.С. Фіцджэральд, У. Фолкнер).

Кніга В. Сэнборна «Амерыканскі ваенны раман» з’яўляецца даследаваннем, якое прэзентуе іншы падыход да праблемы. Мэтай працы было стварэнне сістэмы пэўных крытэрыяў, што дазволілі б класіфікаваць і аналізаваць амерыканскую ваенную прозу розных эпох. Ва ўводзінах аўтар падкрэсліў уласнае імкненне спалучыць храналагічны, філасофскі, структурны падыходы, каб эфектыўна правесці даследаванне [14, р. 1]. Навуковая канцэпцыя базавалася перш за ўсё на тэматычнай спецыфіцы амерыканскай ваеннай прозы¹, таму В. Сэнборн на прыкладзе 23 рамануў, створаных у другой палове XIX – XX ст. вылучае наступныя параметры: вайна як галоўнае дзеянне твора (*war as central action*); жорсткасць вайны (*the violence of war*); ваенная рыторыка (*the rhetoric of war*); ваенны рыштук і амуніцыя (*the equipage of war*); смерць таварышаў па службе (*death of fighting peers*); усюдыснасць смерці і разбурэнне (*omnipresent death and destruction*); ператварэнне мясцовага насельніцтва ў бежанцаў (*displacement of locals to refugees*); проціпастаўленне акупацыйных войскаў і мясцовага насельніцтва (*the oppositional dyad between occupying / invading forces and indigenous / local people*); проціпастаўленне кадравых вайскоўцаў і прызваных салдат (*the oppositional dyad between officers and enlisted men*); ландшафт і надвор’е як вораг (*the terrain / weather as enemy*); матыў агню (*the burning / fire motif*); прастытуцыя (*prostitution*); абсурд вайны (*the absurdity of war*).

Акрамя таго, В. Сэнборн вызначыў шэраг характарыстык, што вылучаюць амерыканскі ваенны раман першай паловы XX ст. на фоне іншых літаратурных твораў: наяўнасць адасобленага ад уласнай сям’і і сацыума персанажа; асаблівае стаўленне да гераізму ў індустрыяльную эпоху; прысутнасць аднаго апавядальніка; прота-экзістэнцыйныя матывы; аповед, заснаваны на гістарычных фактах; натуралістычныя замалёўкі [14, р. 2–7]. Пазней В. Сэнборн пералічвае рысы, якія характарызуюць амерыканскі ваенны раман XX ст.: вайна паўстае як галоўная падзея ў творы; гвалт – рэч сапраўдная, а не метафарычная, гэта перш

¹ Амерыканскія даследчыкі-папярэднікі В. Сэнборна ўжо звярталіся да тэматычнай класіфікацыі ваенных твораў. Так П. Джонс у кнізе «Вайна і пісьменнік» [18] вылучыў наступныя групы: ваенныя «раманы выхавання», творы, прысвечаныя камандаванню, кнігі, у якіх увасоблены сэксуальны гвалт, проза, што ўвасабляе псіхалогію бою і баявых дзеянняў. Тэматычныя прыцыпы пакладзены ў аснову культурнай анталогіі «Чалавек на вайне» [19], складзенай Э. Хемінгуэем і В. Казленка.

за ўсё фізічныя пакуты і псіхалагічны прэсінг, а не адцягнены сімвал; адмысловы моўны складнік (ад агульнапрынятай ваеннай тэрміналогіі да слэнгу); адлюстраванне звышдэструктыўнага патэнцыялу вайны, якая знішчае чалавека, жывых істот, плён працы некалькіх пакаленняў людзей [14, р. 12–19].

Адзначым, што не ўсе амерыканскія даследчыкі лічаць класіфікацыю амерыканскай ваеннай літаратуры паводле тэматычнага крытэрыя мэтазгоднай. А. Вернон, напрыклад, успрымае працы, падобныя да кніг П. Джона і В. Сэнборна, як адмысловыя бібліяграфічныя каталогі, пазбаўленыя глыбокага крытычнага аналізу саміх тэкстаў [1, р. 31].

Дж. Уолш у кнізе «Амерыканская ваенная літаратура ад 1914 да В'етнама» прапанаваў адмысловую сюжэтную схему, паводле якой будавалася большасць праявітых твораў на ваенную тэматыку: галоўны герой – добрасумленны малады амерыканец добраахвотна ідзе ў войска, трапляе на фронт, дзе знаёміцца з асобамі, якія прэзентуюць розныя сацыяльныя групы і адрозныя светапогляд. Гэты персанаж робіць адкрыццё за адкрыццём: уплыў ваеннай дысцыпліны і муштры на асобу, яе рэакцыя ў момант сутыкнення з гвалтоўнай смерцю, барацьба з адзінотай [20, р. 5]. На думку Дж. Уолша, гэта прыблізная схема ў аднолькавай ступені ілюстравала спецыфіку сюжэтаў у творах, прысвечаных розным узброеным канфліктам ХХ ст.

Асобным аб'ектам асэнсавання амерыканскіх літаратуразнаўцаў і мастакоў слова стаў змест і характарыстыкі такой з'явы як «страчанае пакаленне», бо за час свайго існавання яна атрымала практычна ўніверсальнае гучанне. На думку К. Монка, сам «шлях, па якім паняцце набывала новыя сэнсы, яшчэ не даследаваны» [21, р. 3]. Як вядома, першымі да адмысловай працы з гэтым паняццем падышлі амерыканскія літаратары. Э. Хемінгуэй і Г. Стайн па-рознаму тлумачылі эпізод нараджэння словазлучэння, якое пазней выклікала палеміку ў навуковых колах. Версія лаўрэата Нобелеўскай прэміі² ў кнізе «Свята, што заўжды з табой» не супала з успамінамі Г. Стайн. У «Аўтабіяграфіі кожнага» яна падкрэсліла, што моладзь, якая патрапіла на вайну, згубіла прыдатны для сацыялізацыі час. Г. Стайн адзначыла, што маладыя ветэраны – «страчанае пакаленне. Сапраўды, калі знаходзіцца на вайне, то ўплыў жанчын, бацькоў, [прафесійнай] падрыхтоўкі знікае» (*They were a lost generation. Naturally if they are at war they do not have the influence of women, of parents and of preparation*) [23, р. 53]. Да «страчанага пакалення» Г. Стайн пераважна адносіла маладых інтэлектуальна вытанчаных амерыканскіх «мадэрністаў, якім не давала спакою адчуванне здрады і спустошанасці, прынесенае ваенным разбурэннем» (*modernists haunted by a sense of betrayal and emptiness brought about by the war's destructiveness*) [24, р. 75]. Іх думкі і пачуцці былі выдатна знаёмымі пісьменніцы дзякуючы яе кантактам у шэрагах экспатрыянтаў з ЗША, якія шукалі сябе ў Еўропе.

Дж. Олдрыдж у склад «страчанага пакалення» таксама ўключыў маладых эстэтаў з ЗША. Будучыя літаратары «з безразважнасцю спартсменаў-паляўнічых вырашылі звязаць сябе з цяжкасцямі і небяспекай» (*they had made a sportsman's decision, committed themselves to hardship and danger with the recklessness of big-game hunters*), спазналі «ўзбуджэнне смерці без яе болю» (... *they wanted to experience the excitement of death without the pain of it*) [25, р. 4]. Паводле Г. Стайн і Дж. Олдрыджа, паняцце «страчанае пакаленне» характарызавала гістарычныя падзеі і рэальных твораў з ЗША. Пазней да іх пачалі далучаць прадстаўнікоў і іншых нацый, якія вызнавалі падобныя каштоўнасці і супрацьдзейнічалі састарэлым грамадскім канвенцыям. Ветэраны вайны, маладыя эстэты з Амерыкі, жыхары Старога Свету, што вытрывалі 1914–1918 гг., выступілі, напрыклад, прататыпамі герояў ў рамане «Фіеста».

Першыя спробы даследавання гісторыі «страчанага пакалення» звязаны з аўтабіяграфіямі амерыканцаў-эспатрыянтаў (А. Крэймборга, Г. Стайн, Г. Стэрнса і інш.). Летапісцам еўрапейскай адысеі стаў М. Каўлі: кнігі «Вяртанне выгнанніка» (1934, перавыдадзена з дадаткамі ў 1951 г.) і «Другі росквіт» (1973). М. Каўлі імкнуўся «занатаваць гісторыю ... страчанага пакалення пакуль яго прыгоды свежыя ў памяці, ... распавесці, як яно зарабіла сваё імя ..., як потым ... знайшло сябе» (*to set down the story of ... lost generation while its adventures are fresh in my mind, ... to tell how it earned its name ... and then ... it found itself*) [26, р. 12]. Ён падкрэсліў значнасць Першай сусветнай у фарміраванні асноў «страчанасці». У кнізе «Вяртанне выгнанніка» заўважана, што моладзь спачатку шукала на вайне «ключ да сусвету» (*a key to unlock the world*), бо адукацыя адкрыла перад імі толькі «спецыфічны свет навукі: па-за часам і прасторай» (*the special world of scholarship – timeless, placeless*) [26, р. 33]. Непрыманне бацькоўскіх каштоўнасцей (разам з прагай прыгод) падштурхнула да падарожжа ў Еўропу. На думку М. Каўлі, праца будучых літаратараў прыпадабнялася да павышэння кваліфікацыі пасля каледжу [26, р. 47]. Моладзь з ЗША не ўспрыняла ўсё трагізм падзей, разглядала іх выключна як «выдатнае відовішча» [26, р. 49]. Расчараванне ў «амерыканскай мары», якая кірвала жыццём папярэднікаў, стрэс, выкліканы знаёмствам з асобнымі рэаліямі Першай сусветнай, дапамог усвядоміць «страчанасць» для мінулага, а часам і для будучыні.

Калі ў кнізе «Вяртанне выгнанніка» разглядаліся гістарычныя, сацыяльныя, культурныя чыннікі, што паскорылі нараджэнне «страчанага пакалення», то яе працяг – «Другі росквіт» [27] – непасрэдна прысвечаны літаратуразнаўчаму разгляду феномена. Паводле М. Каўлі, дадзеную плынь прэзентавалі Т. Вулф,

² У размове з Э. Хемінгуэем Г. Стайн быццам бы адзначыла: «Вось вы хто! Усе вы такія. ... Уся моладзь, якая служыла падчас вайны. Вы – страчанае пакаленне. ... Вы нічога не паважаеце. Вы ўсе дап'еця да смерці» (*That's what you are. That's what you all are. ... All of young people who served in the war. You are a lost generation. ... You have no respect for anything. You drink yourselves to death*) [22, р. 21].

Дж. Дос Пасас, Э.Э. Камінгс, Х. Крэйн, Т. Уайлдэр, Ф.С. Фіцджэральд і Э. Хемінгуэй. Іх творчасць характарызувалася як другі кульмінацыйны момант развіцця амерыканскага прыгожага пісьменства (пасля ўсплёску, звязанага з творчасцю Н. Готарна, Г. Мэлвіла, Г. Торо, У. Уітмэна і Р. Эмерсана, якія прымусілі заходне-еўрапейскага чытача звярнуць увагу на сваю нацыянальную літаратуру). Канцэпцыя М. Каўлі выклікала ў навукоўцаў шэраг заўваг. Ф. Янг лічыў, што ўсім параметрам «страчанасці» адпавядалі Дж. Дос Пасас, Э.Э. Камінгс і Э. Хемінгуэй: «Калі я зразумеў «Вяртанне выгнанніка» правільна, то Каўлі меў на ўвазе, што людзі, пра якіх ён пісаў, страцілі свае карані, вызваліліся ад любой ... традыцыі, ... не прымалі старыя нормы паводзін ... А што рабіць, калі тыя ж заўвагі мажліва распаўсюдзіць на пакаленне бітнікаў ці безыменнае пакаленне амерыканскіх шасцідзясятых?» [28, р. 84–85].

Гісторыя «страчанага пакалення» паўстае на старонках успамінаў менш вядомых амерыканскіх літаратараў і грамадскіх дзеячаў. С. Путнэм (аўтар аўтабіяграфіі «Парыж быў нашым каханкам») выкарыстаў тэрмін «страчанае пакаленне» (lost generation) у дачыненні да ўсіх экспатрыянтаў незалежна ад іх нацыянальнасці, што спрабавалі самасцвердзіцца ў міжваеннай Францыі. Ён адзначаў: «Гэта ... кніга пра пакаленне ў *Парыжы*. Малаверагодна, што гэта пакаленне было б тым жа дзе-небудзь яшчэ» (*This is ... a book about a generation in Paris. That it would have been the same generation anywhere else is inconceivable*) [29, р. 6]. С. Путнэм вылучыў дзве хвалі амерыканцаў-экспатрыянтаў: першыя трапілі ў Стары Свет прыблізна ў 1921 г.; другія накіраваліся ў Францыю ў 1925–1930 гг. [29, р. 69]. Побыт першай групы ахарактарызуваны ў рамане «Фіеста» Э. Хемінгуэя. Што датычыцца выхадцаў з ЗША, якія апынуліся ў Францыі пасля 1925 г., то «на іх глыбокі след пакінула толькі ... звар'яцелая ад заможнасці Амерыка часоў Кэлвіна Куліджа, Амерыка да краху 1929 г.» [29, р. 69–70]. На думку С. Путнэма, гісторыя гэтай хвалі ўвасобілася ў «Вялікім Гэтсбі» Ф.С. Фіцджэральда і «Тропіку Рака» Г. Мілера. Аўтар аўтабіяграфіі «Парыж быў нашым каханкам» не выказаў ацэначных меркаванняў наконт згаданых кніг.

Дж. Валдмаер звярнуў увагу на асноўныя ідэалагічныя рысы «страчанасці», што значна паўплывалі на далейшае развіццё прозы ЗША на падобную тэматыку. Разважаючы пра тыповых «страчаных» (персонажаў і іх прататыпаў з рэальнага жыцця) Дж. Валдмаер адзначаў дэструктыўнасць іх крытыкі грамадскага ладу, абвостранае ўсведамленне такой характарыстыкі як 'nada' (вера не ва ўсемагутнае «нішто», а ў рэдукаванне літаральна ўсяго значнага для папярэдніх пакаленняў у «нішто»), цікавасць да прыватнай асобы (як адзінай больш-менш стабільнай і значнай адзінкі быцця) [30, р. 42].

Савецкая навука таксама займалася даследаваннем праблемы «страчанага пакалення». Як і ў замежных працах, паняцце «страчанае пакаленне» разглядаецца ў гістарычным і літаратуразнаўчым планах. У першым выпадку размова ідзе пра «маладых франтавікоў, якія былі цяжка траўмаваныя вайной і не змаглі знайсці ... месца ў пасляваенным свеце» [31, с. 706]. З савецкіх часоў укаранілася меркаванне, што «страчанае пакаленне» – «група замежных пісьменнікаў, якія ў 20-я гг. 20 ст. выступілі з шэрагам кніг, што ўвасобілі расчараванне ў капіталістычнай цывілізацыі, абвостранае трагічным вопытам 1-й сусветнай вайны» [32, с. 914]. Паводле гэтай дэфініцыі, «страчанымі» лічыліся не толькі экспатрыянтцы са Злучаных Штатаў, але ўсе мастакі слова, якія выступілі супраць Першай сусветнай. Вопыт узброенага канфлікту абсалютызаваліся, аднак, на наш погляд, пачуццё незадаволенасці цывілізацыяй было больш універсальным. Напрыклад, пісьменнікі з ЗША адчувалі, што яны супрацьстаялі «амерыканскай мары» яшчэ да пачатку вайны. Персонажы Р. Олдынтана разумелі, што іх агіда да поствіктарыянскага ладу ўзмацнілася пад уплывам франтавога вопыту.

Савецкая інтэрпрэтацыя паняцця засталася б маладоказнай без містыфікацый ці замоўчвання асобных фактаў. Яскравы прыклад – жыццёпіс Э. Хемінгуэя. Дзякуючы намаганням самога празаіка і манаграфіі Ф. Янга «Эрнэст Хемінгуэй» (1952), у замежным літаратуразнаўстве 1950–70-х гг. укаранілася «тэорыя раны» (*wound theory*). Так, 8 ліпеня 1918 г. успрымалася як самы значны момант у жыцці пісьменніка. Лічылася, што тады паранены «ганаровы лейтэнант» асэнсаваў ролю чалавека на вайне. Некаторыя спецыфічныя рысы яго творчасці тлумачыліся гэтым эпізодам біяграфіі (наяўнасць героя-індывідуаліста, што вызнаваў «стаічную непакіснасць»). Савецкія навукоўцы (з часоў І.А. Кашкіна [33]) трапілі пад уплыў дадзенай тэорыі, яна распаўсюдзілася і на постсавецкае літаратуразнаўства. У сярэдзіне 1980-х гг. замежныя спецыялісты перагледзелі жыццёвы шлях пісьменніка і прыйшлі да высновы, што Першая сусветная – не адзіны фактар, які ўплываў на станаўленне творчай індывідуальнасці Э. Хемінгуэя [34–36].

За некалькі дзесяцігоддзяў у савецкай і расійскай навуцы склаўся своеасаблівы канон літаратуры «страчанага пакалення». На думку А.С. Мулярчыка, дадзеная плынь прадстаўлена раманами Дж. Дос Пасаса «Тры салдаты», Э.Э. Каммінгса «Вялікая камера», У. Фолкнера «Салдацкая ўзнагарода», О. Хакслі «Жоўты Кром», Ф.С. Фіцджэральда «Вялікі Гэтсбі», Э. Хемінгуэя «Фіеста». Даследчык лічыў, што 1929 г. – апагей развіцця «страчанага» літаратуры (апублікаваны творы Р. Олдынтана «Смерць героя», Э.М. Рэмарка «На Заходнім фронце без перамен» і Э. Хемінгуэя «Бывай, зброя!») [37, слуп. 772–773]. Навукоўца пашырыў спіс з васьмі аўтараў, прапанаваны М. Каўлі, дадаўшы прозвішчы англійскіх і нямецкага пісьменнікаў. Зроблена было гэта на падставе асобных аналогій, што назіраліся ў кнігах празаікаў. М. Балонава пайшла далей, кажучы, што «ў рэчышчы ... паэтыкі літаратуры “страчанага пакалення” пісалі мастацкія творы англічанін Д.Г. Лорэнс, француз Жан Жыяно, немец Р.М. Рыльке» [38, с. 71], якія расчараваліся ў грамадстве, што заахвочвала масавае забойства.

У першай палове 1980-х гг. з'явіліся даследаванні П.М. Топера [39] і А.М. Зверава [40], у якіх адзначалася разнапланавасць феномена «страчанага пакалення». А.М. Звераў сцвердзіў плыткасць тэрміна ў дачыненні да заходнеёўрапейскага і амерыканскага пісьменства: «Тое, што здавалася літаратурным адзінствам, на самой справе было толькі аб'ектыўным супадзеннем пройдзеных у юнацтве шляхоў і натуральным падабенствам рэакцый на дадзены вопыт – у гэтым сэнсе амерыканскі раман вельмі блізкі еўрапейскаму, ад Барбюса да Рэмарка. Але існаваў яшчэ і агульны настрой думак. І тут амерыканская спецыфіка адбываецца надзвычай адчувальна. Вайну ўспрымалі ў непазбежнай суаднесенасці з “марай” ...» [40, с. 28]. Асаблівую актуальнасць гэты каментар набывае падчас разгляду раманаў Ф.С. Фіцджэральда «Па гэты бок раю» і «Вялікі Гэтсбі» і У. Фолкнера «Салдацкая ўзнагарода».

Сучасныя расійскія даследчыкі працягнулі рознабаковае вывучэнне твораў, якія яскрава прэзентавалі рысы літаратуры «страчанага пакалення». Перш за ўсё асноўныя тэарэтычныя дасягненні літаратуразнаўцаў папярэдніх дзесяцігоддзяў удакладнены ў шостым томе акадэмічнай «Гісторыі амерыканскай літаратуры». Зроблена гэта як у абагульняючых раздзелах, так і частках, прысвечаных жыццёваму і творчаму шляху асобных амерыканскіх мастакоў слова (Дж. Дос Пасаса, Ф.С. Фіцджэральда, У. Фолкнера, Э. Хемінгуэя). У выданні паслядоўна праводзіцца думка, паводле якой «буйным мастакам былі цеснымі межы “страчанага пакалення”, яны былі не толькі яго прадстаўнікамі, але і крытыкамі, а яго светаўспрыманне стала для іх матэрыялам, стымулам і нагодай для роздумаў пра месца чалавека ў свеце і гісторыі ..., для пошука абсалютных ... каштоўнасцей» [41, с. 16].

Робячы агляд амерыканскай літаратуры першай паловы ХХ ст., В.М. Талмачоў вылучыў некалькі канцэптуальных характарыстык «страчанасці», значных для інтэрпрэтацыі гэтага паняцця ў гістарычным і літаратуразнаўчым планах. Даследчык адзначае: «“страчанасць” сутыкнула асобу не толькі з канстатацыйнай крызісу, але і з неабходнасцю проціпаставіць яму індывідуальна сфармуляваную ідэю ўзора ... яна [«страчанасць» – З.Т.] заклікана супрацьпаставіць грамадскія каштоўнасці, быццам бы не закранутыя вайной, ... адчуванасці, універсальнасці безасабовых сіл індустрыяльна-бюракратычнага “дзіўнага новага свету”» [42, с. 345]. Навукоўца падкрэслівае, што генэзіс гэтага паняцця шчыльна звязаны з амерыканскай культурнай элітай, якая абрала экспатрыянцкі лёс, але паступова яно набыло ўніверсальнае (незалежнае ад пэўных нацыянальных меж) гучанне.

А.Я. Пахаленкаў адзначае ў нацыянальную спецыфіку твораў, аб'яднаных дадзеным паняццем (у працы прааналізаваны раманы Э.М. Рэмарка, Р. Олдынтана, Э. Хемінгуэя, А. Зурмінскага, А. Лебядзенка, В. Некрасава і інш.). Навукоўца адзначае, што «сэнсавым ядром рамана “страчанага пакалення” з'яўляецца адмова героя ад подзвіга, здзяйсненне якога характарызуецца абавязковым пераадоленнем прастарова-часавых межаў: герой вяртаецца дадому, але яго вяртанне характарызуецца ўнутранымі зменамі, што становяцца відавочнымі на прасторава-часавым узроўні – у адмаўленні “сваёй” прасторы (дома, роднага горада) і далучэнні сябе да “чужой” прасторы (фронту)» [43, с. 29].

У кандыдацкай дысертацыі «Духоўна-эстэтычныя асновы літаратуры “страчанага пакалення” і яе ўплыў на айчынную “ваенную прозу” 50–80-х гадоў ХХ стагоддзя» В.А. Беражная звярнула ўвагу на тыя спецыфічныя мастацкія прыёмы, якімі карысталіся мастакі слова, чыя проза адносілася да літаратуры «страчанага пакалення»: унутраны маналог (у кнігах Э. Хемінгуэя, Р. Олдынтана, Э.М. Рэмарка), спалучэнне розных часавых пластоў (творы У. Фолкнера, Т. Уайлдера), выкарыстанне «плыні свядомасці» [44, с. 11]. Далей у дысертацыі праводзілася параўнальна-тыпалагічнае даследаванне, вылучаліся рысы, што ядналі творы К. Сіманова, Ю. Бондарова, Г. Бакланова, М. Шолахава, К. Вараб'ева, А. Адамовіча, В. Быкава са знымі раманами А. Барбюса, Р. Олдынтана, Э.М. Рэмарка, Э. Хемінгуэя і інш. Паказальна, што сучасныя расійскія літаратуразнаўцы ўсё часцей робяць літаратуру «страчанага пакалення» аб'ектам кампаратывісцкіх росшукаў, спрабуюць прасачыць тыпалагічныя і генетычныя сувязі, што яднаюць рускую і савецкую ваенную літаратуру з сусветнай.

У беларускім літаратуразнаўстве словазлучэнне «lost generation» перакладаецца як «згубленае» [45–47], «страчанае» [48; 49], «пакінутае пакаленне» [50, с. 106]. Нягледзячы на варыятыўнасць, практыка сведчыць, што тэрміны ўзаемазамяняльныя. Іх канцэптуальнае напаўненне адпавядае сучасным амерыканскай, заходнеёўрапейскай і расійскай традыцыям. Е. Лявонова, напрыклад, характарызуе літаратуру «страчанага пакалення» так: «невыпадкова пісьменнікі “страчанага пакалення” часта спалучалі ў сваіх творах ваенную фактуру з пасляваенным вопытам – сваім і, адпаведна, сваім герояў. Таму вайна вырастала ў эмблему часу, усёй цывілізацыі, становілася сімвалам рэчаіснасці ў цэлым ... Па сутнасці, гэта было пакаленне, для многіх прадстаўнікоў якога вайна так і не скончылася» [48, с. 157].

Айчынным навукоўцы заўважаюць недахопы некаторых трактовак тэрміна. Л.Д. Сінькова адзначае, што даследчыкі нястомна паядноўваюць творы А. Цвэйга, Ж. Дзюамеля, Р. Олдынтана, Э. Хемінгуэя і нават І. Шоў, Н. Мэйлера, Дж. Джонса, Дж. Херсі, К. Вонегута і інш. [49, с. 368]. Асноўнае пытанне, што ўзнікае перад беларускай навукай – дачыненне некаторых пісьменнікаў-сведак і ўдзельнікаў Першай сусветнай вайны (З. Бядулі, А. Гародні, М. Гарэцкага і інш.) да дадзенай плыні.

Высновы. Асэнсаванне амерыканскай літаратуры пра Першую сусветную вайну звязана з паступовым пашырэннем аб'екта даследавання. У апошнія трэці ХХ – на пачатку ХХІ стст. у поле даследчыцкага

зроку траплялі не толькі творы Дж. Дос Пасаса, У. Фолкнера ці Э. Хемінгуэя, але і аповеды людзей, якія не былі прафесійнымі пісьменнікамі; аўтараў, творчасць якіх па шэрагу прычын пэўны час знаходзілася на перыферыі літаратуразнаўчых росшукаў. З нябыту вярталіся не толькі асобныя імёны (Т. Бойд, М. Бордэн і інш.), але і цэлыя пласты дакументальна-мастацкіх крыніц. Нараджалася цікавасць да жаночай прозы, салдацкага наратыву, аповедаў вайскоўцаў. Колькаснае і якаснае павелічэнне аналізуемых тэкстаў, поруч з пераглядам асобных рыс ваеннай літаратуры ў творах, што трывала ўвайшлі ў канон амерыканскай прозы і паэзіі («Ініцыяцыя аднаго маладога чалавека», «Тры салдаты» Дж. Дос Пасаса, «Бывай, зброя!», «Салдацкі дом» Э. Хемінгуэя), прысвечанай Першай сусветнай вайне, запатрабавала класіфікацыі назапашанага. Гэта выклікала да жыцця некалькі канцэптуальна адрозных падыходаў. Працы А. Вернона і К. Гэндала даюць класіфікацыю паводле экстралітаратурных фактараў (напрыклад, наяўнасць ці адсутнасць вайсковага вопыту ў прыватнага аўтара), а кнігі С. Вотчэл, К. Нэнка, В. Сэнборна, Х. Хатчынсан – у адпаведнасці з уласналітаратуразнаўчымі крытэрыямі (тэматыка, праблематыка твора, спецыфіка сюжэтабудовы і сістэмы персанажаў).

Паняцце «страчанае пакаленне» займае асаблівае месца ў сучаснай навуцы. Літаратуразнаўцы, гісторыкі, сацыёлагі з розных краін карыстаюцца ім, асвятляючы пераважна наступствы вайны. Усё часцей заўважаецца аморфны характар тэрміна. Павярхоўнае вывучэнне «страчанаці» прыводзіць да таго, што філолагі яднаюць ідэйна і тэматычна адрозную спадчыну творцаў з Еўропы і ЗША (Дж. Дос Пасаса, Р. Олдынтана, А. Барбюса, Э.М. Рэмарка і інш.). Шмат хто з навукоўцаў (Л.Р. Броер, Дж.Д. Волзэр, Е.А. Лявонава, К. Монк, Л.Д. Сінькова, В.М. Талмачоў, П.М. Топер, Ф. Янг) заўважыў разнапланавасць і пісьменніцкіх лёсаў, і кніг, якія, паводле іх апанентаў, утварылі тэматычнае адзінства.

ЛІТАРАТУРА

1. Vernon, A. *Soldiers Once and Still*. Ernest Hemingway, James Salter, and Tim O'Brien / A. Vernon. – Iowa City : University of Iowa Press, 2004. – 314 p.
2. Fussell, P. *The Great War and Modern Memory* / P. Fussell. – New York, London : Oxford University Press, 1989. – 363 p.
3. Jason, P.K. *Encyclopedia of American War Literature* / P.K. Jason, M.A. Graves, M. Schaefer. – Westport, CT : Greenwood Press, 2001. – 424 p.
4. *World War I and America. Told by the Americans who Lived It* / ed. by A. S. Berg. – New York : The Library of America, 2017. – 121 p.
5. Hutchinson, H. *The War that Used up Words. American Writers in a European Conflict, 1914–1918* / H. Hutchinson. – New York, London : Yale University Press, 2015. – 292 p.
6. Bergonzi, B. *Heroes' Twilight: a Study of the Literature of the Great War* / B. Bergonzi. – New York : Coward-McCann, 1966. – 235 p.
7. Watchell, C. *War No More. The Antiwar Impulse in American Literature, 1861–1914* / C. Watchell. – Baton Rouge : Louisiana State University Press, 2010. – 233 p.
8. Gandal, K. *War Isn't the Only Hell: A New Reading of World War I American Literature* / K. Gandal. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2018. – 274 p.
9. Cooperman, S. *World War I and the American Novel* / S. Cooperman. – Baltimore : The Johns Hopkins Press, 1969. – 271 p.
10. Matthews, J.T. *American writing of the Great War* / J.T. Matthews // *The Cambridge Companion to the Literature of the First World War* / ed. by V. Sherry. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – P. 217–242.
11. Nank, K. *World War I Narratives and the American Peace Movement, 1920–1936 : A Dissertation Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy* / K. Nank; Florida State University. – Florida, 2005. – 150 p.
12. Piep, K.H. *Embattered Homefronts: Politics and Representation in American World War I Novels* / K.H. Piep. – Amsterdam, New York : Rodopi, 2009. – XI–310 p.
13. Sergeant, S. *Mobilizing Sentiment: Popular American Women's Fiction of the Great War 1914–1922 : A Dissertation Presented in Partial Fulfillment of Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy* / S. Sergeant; University of Nebraska. – Lincoln, 2011. – 196 p.
14. Sanborn, W.R. *The American Novel of War. A Critical Analysis and Classification System* / W.R. Sanborn. – North Carolina : McFarland & Co, 2012. – 239 p.
15. Haytock, J. *At Home, at War. Domesticity and World War I in American Literature* / J. Haytock. – Ohio : Ohio State University Press, 2003. – 145 p.
16. Coker, C. *Men at War. What Fiction Tells Us About Conflict, from The Iliad to Catch-22* / C. Coker. – New York : Oxford University Press, 2014. – 325 p.
17. Limon, J. *Writing after the War. American War Fiction from Realism to Postmodernism* / J. Limon. – Oxford, New York : Oxford University Press, 1994. – 255 p.
18. Jones, P. *War and the Novelist: Appraising the American War Novel* / P. Jones. – Columbia : University of Missouri Press, 1976. – 260 p.
19. *Men at War: The Best War Stories of All Time* / Ed. by E. Hemingway and W. Kozlenko. – New York : Crown Publishers, 1942. – 1072 p.
20. Walsh, J. *American War Literature, 1914 to Vietnam* / J. Walsh. – New York : St. Martin's Press, 1982. – 218 p.
21. Monk, C. *Writing the Lost Generation. Expatriate Autobiography and American Modernism* / C. Monk. – Iowa City : University of Iowa Press, 2008. – 213 p.
22. Hemingway, E. *A Moveable Feast* / E. Hemingway. – New York : Dell Publishing Company, 1971. – 128 p.
23. Stein, G. *Everybody's Biography* / G. Stein. – Cambridge : Exact Change, 1993. – 319 p.
24. O'Brian, S.M. 'A, Also, Am in Michigan': Pastoralism of Mind in Hemingway's 'Big Two-Hearted River' / S.M. O'Brian // *The Hemingway Review*. – 2009. – Vol. 28, № 2. – P. 66–86.

25. Aldridge, J. *After the Lost Generation: a Critical Study of the Writers of Two Wars* / J. Aldridge. – New York : McGraw-Hill, 1951. – XV–263 p.
26. Cowley, M. *Exile's Return: A Literary Odyssey of the 1920-s* / M. Cowley. – New York : Penguin, 1994. – 354 p.
27. Cowley, M. *A Second Flowering: Works a Days of the Lost Generation* / M. Cowley. – New York : Penguin, 1973. – 276 p.
28. Young, Ph. 'The Lost Generation': War, Home, and Exile / Ph. Young // *Dancing Fools and Weary Blues: The Great Escape of the Twenties* / ed. by L.H. Broer, Jh.D. Walther. – Bowling Green, Ohio : Bowling Green State University Press, 1990. – P. 77–85.
29. Putnam, S. *Paris Was Our Mistress: Memoirs of a Lost and Found Generation* / S. Putnam. – New York : Viking Press, 1947. – 264 p.
30. Waldmeir, J. *American Novels of the Second World War* / J. Waldmeir. – The Hague, Paris : Mouton, 1969. – 180 p.
31. Старцев, А. Молодой Хемингуэй и «потерянное поколение» / А. Старцев // *Хемингуэй Э. Собр. соч. : в 4 т. – М. : Худож. лит., 1968. – Т. 1. – С. 705–716.*
32. Гиленсон, Б. «Потерянное поколение» / Б. Гиленсон // *Краткая литературная энциклопедия : в 8 т. / редкол.: А. Сурков и др. – М. : Сов. энцикл., 1968. – Т. 5. – С. 914–915.*
33. Кашкин, И.А. Эрнест Хемингуэй. Критико-биографический очерк / И.А. Кашкин. – М. : Худож. лит., 1966. – 295 с.
34. Ernest Hemingway in Context / ed. by D.A. Modellmog, S. del Gizzo. – Cambridge, New York : Cambridge University Press, 2013. – 479 p.
35. Lynn, K.S. *Hemingway* / K.S. Lynn. – Cambridge, MA, London : Harvard University Press, 1996. – 702 p.
36. Дирборн, М. Эрнест Хемингуэй. Обратная сторона праздника: первая полная биография / М. Дирборн. – М. : Эксмо, 2018. – 728 с.
37. Мулярчик, А. Потерянное поколение / А. Мулярчик // *Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А. Николокин. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – Стб. 772–773.*
38. Балонova, М.Г. Проблема героя в позднем творчестве Э. Хемингуэя (40–50-е гг.) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / М.Г. Балонova; Нижегородский гос. пед. ун-т. – Нижний Новгород, 2002. – 205 с.
39. Топер, П.М. Ради жизни на земле. Литература и война. Традиции. Решения. Герои / П.М. Топер. – М. : Сов. писатель, 1985. – 656 с.
40. Зверев, А.М. Американский роман 20–30-х годов / А.М. Зверев. – М. : Худож. лит., 1982. – 256 с.
41. Стеценко, Е.А. Литература США между двумя мировыми войнами / Е.А. Стеценко // *История литературы США. Литература между двумя мировыми войнами. Т. VI, кн. 1 / редкол.: Я.Н. Засурский (гл. ред.) [и др.]. – М. : ИМЛИ РАН, 2013. – С. 12–41.*
42. Толмачёв, В.М. Литература США между двумя мировыми войнами и творчество Э. Хемингуэя / В.М. Толмачёв // *Зарубежная литература XX века : учеб. для академ. бакалавриата : в 2 т. / под ред. В.М. Толмачёва. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2014. – Т. 1 : Первая половина XX в. – С. 336–380.*
43. Похаленков, О.Е. Мотивные комплексы и повествовательные стратегии романов «потерянного поколения» в контексте военной прозы XX века : автореф. ... д-ра филол. наук : 10.01.03 / О.Е. Похаленков. – Смоленск, 2019. – 34 с.
44. Бережная, В. А. Духовно-эстетические основы литературы «потерянного поколения» и её влияние на отечественную «военную прозу» 50–80-х годов XX века : автореф. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / В.А. Бережная; Адыгейский гос. ун-т. – Майкоп, 2005. – 22 с.
45. Баршчэўскі, Л. Беларуская літаратура і свет: ад эпохі рамантызму да нашых дзён : папулярныя нарысы / Л. Баршчэўскі, П. Васючэнка, М. Тычына. – Мінск : Радыёла-плюс, 2006. – 575 с.
46. Локун, В.І. Васіль Быкаў у кантэксте сусветнай літаратуры / В.І. Локун. – Мінск : Тэхнапрынт, 2005. – 228 с.
47. Тычына, М.П. Проза / М.П. Тычына // *Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. – Мінск : Беларуская навука, 1999–2015. – Т. 2 : (1921–1941 гг.). – 1999. – С. 62–133.*
48. Лявонава, Е.А. Беларуская мастацтва слова XX ст. у еўрапейскім мастацкім кантэксте: тыпалогія, рэцэпцыя, пераклад / Е.А. Лявонава. – Мінск : БДУ, 2014. – 319 с.
49. Сінькова, Л.Д. Беларуская проза ў люстэрку ідэй страчанага пакалення, рэмаркізму / Л.Д. Сінькова // *Слова ў кантэксте часу: да 80-годдзя доктара філал. навук, прафесара А.І. Наркевіча : зб. навук. пр. / пад агул. рэд. В.І. Іўчанкі. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2009. – С. 367–373.*
50. Марозава, Т.А. Кампазіцыя мастацкага твора / Т.А. Марозава // *Уводзіны ў літаратуразнаўства : вучэб. дапам. : у 2 ч. – Мінск : БДУ, 2012. – Ч. 2 : Паэтыка. Тэорыя літаратуразнаўчага працэсу / В.П. Рагойша, М.П. Кенька, Т.А. Марозава; пад рэд. В.П. Рагойшы. – С. 102–114.*

Паступіў 31.05.2020

RESEARCH OF AMERICAN LITERATURE ABOUT THE FIRST WORLD WAR IN MODERN LITERARY STUDIES

Z. TRATSIAK

The article reviews the main scientific works devoted to American prose and poetry about the First World War. The focus is on the conceptually significant works published over the past thirty years. There are different approaches to war literature which are considered at different levels: thematic, structural, comparative, motif ones, etc. It is noted that the concept of 'lost generation' as an acquisition of American cultural studies has acquired many meanings. Their systematisation and interpretation occupy one of the central places in modern scientific research.

Keywords: *American Literature, Literature about War, First World War, Lost Generation, canon.*

UDC 821.11(73)

LIGHT AND NOTHING. AN ANALYSIS OF HEMINGWAY'S A CLEAN, WELL-LIGHTED PLACE

L. VITACOLONNA
 (University of Chieti-Pescara, Italy)
 vitaco@libero.it

In this article I provide an analysis of one of the most well-known story by E. Hemingway A Clean, Well-Lighted Place. The analysis will try to focus on the one hand on the structure of the story, and on the other on the oppositions and analogies that provide the text with coherence. Furthermore some symbolic aspects of the story are put forth.

Keywords: analogy, dialogue, dichotomy, suicide, loneliness, nada, opposition.

«[...] light is a place»

Dylan Thomas

Introduction. In one of his letters to Maxwell Perkins, dated 7 December 1932, Hemingway told him that he had finished writing three new “excellent stories”: (i) *A Clean, Well-Lighted Place*, (ii) *Homage to Switzerland* e (iii) *Give Us a Prescription, Doctor* (later called *The Gambler, the Nun and the Radio*)¹ [1, p. 380]. The three stories were considered ‘safe’ by the author [2, p. 362], that is, they fitted a magazine (the *Scribner’s*) suited to families. A fourth story, entitled *The Light of the World* and dealing with the world of prostitution was rejected because it was too racy.

A Clean, Well-Lighted Place (from now on *CWLP*) was, in a sense, an autobiographical story, for «it offered a brief look into the underside of Ernest’s spiritual world, the nightmare of nothingness by which he was still occasionally haunted» [2, p. 362]. Actually, we can find in *CWLP* one of Hemingway’s most typical topics, insomnia, which is dealt with in other two well-known stories, *Now I Lay Me* (1927) and *A Way You’ll Never Be* (1932).

No doubt, *CWLP* is an example – maybe the most famous one – of that philosophy of despair, that lucid nihilism characterizing Hemingway’s literary production in almost its entirety, but which in this short story acquires a particular significance thanks to the ‘prayer of *nada*’. Moreover, *CWLP* is very difficult to interpret, due to the fact that the so called ‘theory of the iceberg’ is fully used in this story. Hemingway explains this ‘theory’ very clearly in *Death in the Afternoon*: «When writing a novel a writer should create living people; people not characters. A character is a caricature. [...] Prose is architecture, not interior decoration [...]. A good writer should know as near everything as possible. Naturally he will not. A great enough writer seems to be born with knowledge. But he really is not; he has only been born with the ability to learn in a quicker ratio to the passage of time than other men and without conscious application, and with an intelligence to accept or reject what is already presented as knowledge. [...] If a writer of prose knows enough about what he is writing about he may omit things that he knows and the reader, if the writer is writing truly enough, will have a feeling of those things as strongly as though the writer had stated them. The dignity of movement of an iceberg is due to only one-eighth of it being above water. A writer who omits things because he does not know them only makes hollow places in his writing. A writer who appreciates the seriousness of writing so little that he is anxious to make people see he is formally educated, cultured or well-bred is merely a popinjay» [3, p. 169–171].

In this passage, on the one hand the need and the validity of a prose characterized by the highest simplicity are claimed, and, on the other, the reader is invited – or better, he is urged – to cooperate, to fill those gaps which are intentionally, expressly, and cunningly scattered by the author. Yet here I will not present an interpretation based on imagination, fancy or arbitrariness; quite the opposite, I will resort to a procedure that aims to make the truth shine out, more than to have it revealed or disclosed, and which just in *CWLP* finds one of its most fitting implementations.

Main part. Before dealing with the analysis of the text, I have to point out some philological questions.

First of all, in the text I am using here², at a certain point the author writes: “‘We are of two different kinds,’ the older waiter said. He was dressed now to go home”. On the contrary, the version of the story included in *The First Forty-Nine Stories*, London, Arrow, 1993, is as follows: “He was now dressed” (p. 361).

A more serious philological case can be found in a fragment of dialogue between the two waiters [5–8]. In the text I am using here the author writes:

[1] ‘His niece looks after him.’

[2] ‘I know. You said she cut him down.’

Very likely [1] is uttered by the old waiter, while [2] is uttered by the young one. These utterances follow one another in the same way also in *The First Forty Nine Stories*, London, J. Cape, 1944. Instead, in *The Complete Short Stories of Ernest Hemingway*, New York, Simon & Schuster Inc. [The Finca Vigía Edition], 1987, the text reads:

[1] ‘His niece looks after him. You said she cut him down.’

[2] ‘I know.’

¹ These three stories were then published in 1933 in *Scribner’s Magazine* and later they were included in *The First Forty-Nine Stories*.

² The text is the one included in [4, p. 62–66].

I think that the right sequence of the utterances is

- [1] 'His niece looks after him.'
- [2] 'I know. You said she cut him down.'³

CWLP can be split into two macroparts (MP). The first macropart (MP₁) is that in which the old man appears (pp. 62–64); the second macropart (MP₂) is that without the old man (pp. 64–66). These two macroparts are divided by the utterance «The waiter watched him go down the street, a very old man walking unsteadily but with dignity» (p. 64).

The second MP, in turn, can be divided into two microparts (mp). The first micropart (mp₁, pp. 64–65) is characterized by the dialogue between the two waiters (a young one and an old one) when left alone; the second micropart (mp₂, pp. 65–66) is completely focused on the old waiter who, after saying the 'prayer of *nada*' and stopping «before a bar with a shining steam pressure coffee machine» (p. 66), starts walking home alone. All that can be shown as follows⁴:

MP ₁ <+ old man>	MP ₂ <- old man>
mp ₁ <+young waiter>	mp ₂ <-young waiter>

The story can then be seen as a series of oppositions between what is present and what is missing. In the following, I will show the main dichotomies of the story.

Let's take into account the description at the very beginning of the text: «It was late and everyone had left the café except an old man who sat in the shadow the leaves of the tree made against the electric light. In the daytime the street was dusty, but at night the dew settled the dust and the old man liked to sit late because he was deaf and nor at night it was quiet and he felt the difference» (p. 62).

In this passage the following oppositions can be pointed out:

shadow vs *electric light*
night vs *day*
dust vs *dew*

As can be easily seen, all these oppositions can be narrowed to the following dichotomy:

<-lightness> vs <+lightness> (<+brightness>)

namely

opacity vs lightness (brightness)

On the basis of such oppositions, we can also analyse the utterance «the old man liked to sit late because he was deaf and now at night it was quiet and he felt the difference». In order to grasp the oppositional structure of this passage, The terms *deaf* and *quiet* must be correlated first, and then the value of *difference* must be specified. *Deaf* and *quiet* are homologous, inasmuch as they share the same (not marked) feature <-noise>. It is clear that if the old man is deaf he cannot hear any noise (sounds, voices, music, and so on) either during the day or during the night. Therefore the *difference* will not consist in the perception of a 'denotativity' (that is, <-noise>), but in the perception of a 'connotativity', which can be interpreted or rephrased as <-confusion>. Indeed, as we can read just at the beginning of the story, «everyone had left the café». Thus, if it is right to rephrase <-noise> as <-confusion>, we can also suppose that we have to interpret <-confusion> (and then *quiet*) in a psychological sense.

If such a supposition is correct or at least acceptable, then it is possible to assign connotative values also to the pair *light/night*. These two paragraphs can be rephrased and compared by assigning to *light* some connotations like "life", "birth", etc., and by assigning to *night* some connotations like "death", "nothing", etc.

Just after the opening description, there is the passage on the attempted suicide:

- «Last week he tried to commit suicide,' one waiter said.
- 'Why?'
- 'He was in despair.'
- 'What about?'
- 'Nothing.'
- 'How do you know it was nothing?'
- 'He has plenty of money.'» (p. 62).

First of all, the conciseness, the laconic nature of the dialogue should be noticed. However, it is not expedient to insist on this topic, but rather on the meaning of the final utterance «He has plenty of money», which can be explained only by means of an inference based on the contrast between *despair* and *nothing*, on the one hand, and *plenty of money*, on the other. To put it simply: the one who is rich, since (s)he has got everything, has no reason to be in despair towards life, and therefore (s)he has no reason to commit suicide. Wealth (<+money>) is thus opposed to suicide (<-life>). Yet this explanation based on an inference in a material sense (possession of money) will prove, if not wrong at least misleading, and it has to be reinterpreted in an ontological (existential) sense on the basis of an investigation that opposes, on the one hand, the old man to the two waiters, and, on the other, the waiters' dialogue

³ See the photo of Hemingway's pencil manuscript of the story [7, p. 621].

⁴ The symbol '+' indicates the presence of a given feature; the symbol '-' indicates that a given feature is missing.

(voice) to the (nearly absolute) silence of the old man who just «looked from his glass cross the square, then over at the waiters» (p. 64). The old man – who communicates more through gestures than through language – stands out and dominates the story as a man by now lonely («He’s lonely»), who to the waiters’ tightened dialogue opposes his dignified drunkenness. The old man’s gestures («The old man motioned with his finger», «pointing to his glass») acquire a ritualized value, just like his daily drunkenness: «He’s drunk every night», says one of the waiters. To the “noise” of the surrounding world the old man opposes the silent meaningfulness of his gestures as well as the bare simplicity and the seemingly unsyntactical structures of his utterances, which are typical of a drunkard («A little more», «Another brandy»). And when he gets up to go away, his gait is «unsteadily but with dignity», and resembles both Santiago in *The Old Man and the Sea* and the old man in the very short story *Old Man at the Bridge*.

If so far I have pointed out some dichotomous/oppositional structures and situations, nor is it expedient to draw attention to both parallelisms and analogies. So far dichotomous/ oppositional structure and situations have been pointed out, while now it seems useful to draw attention to both parallelisms and analogies. In this field of analysis it could be possible to include (more or less extensive and complicated) text repetitions. These repetitions concern (a) lexical items, (b) analogous phrases, and (c) analogous sentences.

As concerns lexical items, here is the list of the most often quoted ones:

23 occurrences of *waiter(s)*

22 occurrences of *nada*

17 occurrences of *old man*

12 occurrences of *light*

11 occurrences of *night*

9 occurrences of *café*

8 occurrences of *bed*

8 occurrences of *nothing*

To these occurrences we can add the following:

6 occurrences of *drunk*

5 occurrences of *clean*

5 occurrences of *confidence*

3 occurrences of *everything*

3 occurrences of *thing(s)*

As to the analogous phrases, the most significant are:

clean and pleasant (twice)

bright and pleasant (once)

“[The waiter] *poured the glass*”

“The waiter *poured on into the glass*”

The following analogous sentences are instead worth mentioning:

“an old man who sat in the shadow”

“the old man sat in the shadow”

“The old man sitting in the shadow”

“They sat together at a table”

“He sat down at the table”

As is well known, ‘repetition’ (or ‘reiteration’) is a relevant characteristic of Hemingway’s style. Repetitions fulfil at least two purposes: cohesion and coherence. Cohesion concerns the surface level of the text (i.e. morphological, grammatical, syntactical phenomena), whereas coherence concerns the deep level of the text, i.e. the thematic (topic) continuity of the text. Both cohesion and coherence include the various phenomena of coreference (proforms, pronouns, synonyms, and so on).

After pointing out these repetitions, one could try to assign them a metaphorical or symbolic value. Without analysing the symbolic values of the story in detail⁵, one could suppose that the repetitions represent the repetitiveness of a life in which nothing (*nada*) really interesting ever happens – a monotonous and tedious life where only a clean and well-lighted place represents a shelter, a moment of safety, a response and reaction to despair.

Now let’s go back to the structure of the story. If in **MP₁** the main character is the drunk old man (**OM**), **MP₂** focuses entirely on the old waiter (**OW**). Several relations and analogies can be highlighted between these two characters, such as the following:

1) **OM** closes **MP₁** by going home «walking unsteadily but with dignity»; **OW** closes **MP₂** – and therefore the story – whereas he thinks about his insomnia;

2) **OM** does not like confusion and enjoys the stillness of the night; **OW** does not like music («You do not want music. Certainly you do not want music», says he to himself) and desires only «light [...] and a certain cleanness and order»;

⁵ Some symbolic values have already been pointed out in the previous chapter and others will be shown at the end of this paper.

3) both **OM** and **OW** like «to stay late at the café», unlike the young waiter who is eager to go home and sleep⁶;

4) **OM** is «in despair», **OW** suffers from insomnia;

5) **OM** tries to commit suicide, **OW** recites the ‘prayer of *nada*’.

It is not necessary to investigate all these analogies individually. I will rather try to detect a path that could globally piece them together.

First of all, what connects the drunk old man and the old waiter is their loneliness. Such loneliness is apparently inconsistent: the old waiter is lonely regardless despite his close, and still meaningless, nearly ‘phatic’ dialogues with the young waiter; the old man is lonely although he has a niece who takes care of him. Furthermore, even if both characters attend a public place like a café, they remain two outcasts, two dropouts, who are unable to have any real, human relationship with the outside world. Therefore the banality of material wealth as well as the drunkenness and deafness of the old man, on the one hand, and the waiter’s insomnia, on the other, can be seen as two ways they use to isolate themselves from the world, as two *Stimmungen*. Indeed, it is possible to establish a complex relation between the drunkenness and the attempted suicide of the old man on the one hand, and the old waiter’s insomnia, on the other. Once again, both are two forms of absence. In other words: the old waiter wishes he could sleep just the same way the old man wants to be drunk and to be dead. If this interpretation is right, then it is true that the so-called ‘prayer of *nada*’ is recited by the waiter, but as if it were recited by the old man.

And it is precisely here that one has to look for the explanation of the title of the story as well as of this “prayer”, that recalls the *noche obscura* and the “negative theology” of Juan de la Cruz. What is called *nada* is nothingness seen not as the inexistent, but rather as the absence of something that could always return again and again. Indeed the waiter says: «Give us [...] our daily *nada* [...] but deliver us from *nada*» (p. 65). Thus we are here facing (1) a *nada* that is neither absolute nor constant, even if required to be so, and (2) a *nada* one would get rid of. The attitude is once again inconsistent: the existence of *nada* is invoked in the same moment it would and should be exorcised. One can get rid of this inconsistency perhaps only by ambiguously interpreting *nada*, that is, if at least two values are assigned to it: on the one hand, the desired *nada* is that comparable to the void, to the absolute nothing, to what doesn’t or didn’t or won’t ever exist; on the other, *nada* is comparable to what-is-never-more-to-be. In short it is a nothing that fills and empties us at the same time; or rather, it is a nothing that frees us if it destroys us, and destroys us if it frees us, that erases if expressed and that expresses if erased.

Conclusion. It is a nothing that is fulfilled only dialectically and that helps us explain the title of the story: the café is clean and well-lighted because in it that cosmic order is realized which becomes the light of reason and the inner integrity only through the solitude fulfilled thanks to silence. The café – microcosm and *mandala* – is *well-lighted* for it bares, uncovers, reveals, unveils, and lightens the essence of life, and it is *clean* for in the café it is not possible to pretend or to deceive or to lie. In it the *nada* becomes the foundation and the essence of freedom and dignity in contrast to the hypocrisy and falsehood of the outside world.

REFERENCES

1. Hemingway, E. Selected Letters 1917–1961 / E. Hemingway; ed. by C. Baker. – New York : Scribner, 1981. – 948 p.
2. Baker, C. Ernest Hemingway. A Life Story / C. Baker. – Harmondsworth : Penguin, 1972. – 702 p.
3. Hemingway, E. Death in the Afternoon / E. Hemingway. – London : Grafton, 1977. – 333 p.
4. Hemingway, E. Winner Take Nothing / E. Hemingway. – London : Grafton, 1977. – 175 p.
5. Kroeger, F.P. The Dialogue in A Clean, Well-Lighted Place / F.P. Kroeger // College English. – February 1959. – Vol. XX. – P. 240–241.
6. Colburn, E. Confusion in A Clean, Well-Lighted Place / E. Colburn // College English. – February 1959. – Vol. XX. – P. 241–242.
7. Bennett, W. The Manuscript and the Dialogue of A Clean, Well-Lighted Place / W. Bennett // American Literature. – January 1979. – Vol. 50, No. 4. – P. 613–624.
8. Kotas, N. Text Anomalies and the Waiters’ Characters, an essay on A Clean, Well-Lighted Place [Electronic Resource]. – <https://www.davidgagne.net/2001/11/10/a-clean-well-lighted-place>.

Received on 05.03.2020

СВЕТ И НИЧТО. АНАЛИЗ РАССКАЗА Э. ХЕМИНГУЭЯ «ТАМ, ГДЕ ЧИСТО, СВЕТЛО»

Л. ВИТАКОЛОННА

В настоящей работе анализируется один из самых известных рассказов Э. Хемингуэя «Там, где чисто, светло». С одной стороны, анализ сосредоточен на структуре повествования, с другой стороны – на оппозициях и аналогиях, которые придают тексту связность. Также подчеркиваются некоторые смысловые аспекты символики произведения.

Ключевые слова: аналогия, диалог, дихотомия, суицид, одиночество, ничто, оппозиция.

⁶ Indeed it would be necessary to emphasize also the different attitude of the two waiters towards the old man, towards whom the young waiter shows only hatred and impatience, while the old waiter shows towards the old man sympathy and empathy.

УДК. 821.112.2

ОБРАЗ СЕМЬИ В РОМАНЕ Г. ГРАССА «ТРАЕКТОРИЯ КРАБА»

Е.В. КУЗНЕЧИК

(Полоцкий государственный университет)

e.kuznecik@psu.by

Исследуется образ семьи в романе Г. Грасса «Траектория краба» (2002). Отмечается, что обращение к образу семьи в немецкой литературе обусловлено политическими и социально-экономическими изменениями. Определяются особенности представления образа семьи в различных контекстах: семья в ее индивидуальной и типической роли, а также в более широком контексте – для символической связи с образом родины. В романе присутствуют повторяющиеся мотивы (мотив вины и покаяния, мотив психологической травмы, мотив переосмысления прошлого) и авторские приемы (сквозной персонаж, числовая символика, система отсылок к более ранним произведениям за счет упоминания встречавшихся в них персонажей). Роман соединяет несколько сюжетных линий в разных пространственно-временных плоскостях, благодаря чему автор создает сложную повествовательную конструкцию, схожую с хроникально-документальным повествованием.

Ключевые слова: история Германии, образ семьи, образ родины, сквозной персонаж, числовая символика, мотив вины и покаяния, мотив переосмысления прошлого, мотив травмы.

Введение. Концепт «семья» является одним из основных составляющих элементов национальной картины мира. О важности данного понятия в немецком мировоззрении свидетельствует тот факт, что многие авторы в своем творчестве использовали образ семьи как средство социально-политической критики. Швейцарский писатель Л. Хартманн отмечает, что «все, что связано с семьей, ее структурами и динамикой, всегда являлось центральной темой (*Kernthema*) для литературы. <...> Семья сегодня находится в центре больших общественных изменений¹» [1]. Тема семьи и брака, семейных ценностей, проблемы отцов и детей, являясь давним топосом литературы, используется писателями и в более широком контексте: в контексте переосмысления национал-социалистического прошлого и извлеченных из него уроков, замалчивания своей истории, вины и ответственности за содеянное в годы нацизма. Семейный микрокосмос, таящий в себе все элементы бытия общества, изображен и представлен в романах Т. Манна «Будденброки. История гибели одного семейства» (1901) и «Иосиф и его братья» (1926–1943), Л. Фейхтвангера «Семья Опперман» (1933) и «Братья Лаутензак» (1943), В. Бределя «Отцы» (1943), «Сыновья» (1945), «Внуки» (1953), М. Вальзера «Браки в Филиппсбурге» (1957), Г. Бёлля «Дом без хозяина» (1954) и «Глазами клоуна» (1963), К. Вольфа «Образы детства» (1976), К. Хайна «Захват земли» (2004), «Портрет сына с отцом» (2016), «Труц» (2017) и др.

Природе семейных отношений посвящены многочисленные труды немецких литературоведов. Часть ученых исследует тему семьи и брака, ограничиваясь одним автором. М. Фогтмайер исследует феномен семьи в романе Томаса Манна «Будденброки. История гибели одного семейства» [2]. Изучению семейных моделей в творчестве Л.Фейхтвангера посвящен труд А. Фаупель [3]. У. Акрилл рассматривает на примере литературных трудов К. Вольфа образ семьи в ее индивидуальных и типических проявлениях в разные периоды существования немецкого государства [4]. Другие ученые рассматривают модификации этой темы в отдельные периоды развития немецкой литературы. Так, объектом исследования А. Айхенберг становится семья в произведениях 1970-х гг. и позднее [5]. Монография М. Нойшефера посвящена изучению феномена семьи в романах XXI века [6]. Ф. Айглер избирает образ семьи в романах, написанных после объединения Германии, для исследования мотивов памяти и осмысления прошлого [7].

В одном из последних произведений немецкого писателя Гюнтера Грасса рассматривается проблема осмысления национальной истории сквозь призму семейных отношений. Основу сюжета романа «Траектория краба» (*Im Krebsgang*, 2002) составляет реальная история затонувшего корабля «Вильгельм Густлофф», на борту которого были беженцы из Восточной Пруссии. На фоне этого исторического события представлена частная история жизни семьи Покрифке. Перипетиям в семействе предшествует убийство еврейским студентом Давидом Франкфуртером нацистского лидера Вильгельма Густлоффа, именем которого затем называют корабль, уничтоженный впоследствии русской подводной лодкой под командованием капитана Александра Маринеско.

Основная часть. Представленную тремя поколениями семейства Покрифке основную систему персонажей, в чьих лицах воплощены образы немцев «сегодняшних», «вчерашних» и «завтрашних», Грасс расширяет за счет сюжетной линии семьи Штремплин, а также собственного присутствия в романе в образе Старика, Заказчика. М.М. Бахтин отмечает, что «поколения вносят совершенно новый и чрезвычайно существенный момент в изображаемый мир, вносят соприкосновения разновременных жизней <...>»,

¹ Здесь и далее перевод наш. – Е.К.

давая тем самым «выход в историческую длительность», что способствует соединению нескольких пространственно-временных плоскостей [8, с. 197]. Таким образом, три поколения семьи Покрифке образуют временную вертикаль, которая расширяет свои пространственно-временные рамки за счет двух поколений семьи Штремплин и фигуры Старика, представляющей альтер-эго писателя и дающей Грассу возможность свободно вмешиваться в повествование, комментировать, уточнять, давать указания.

Судьба каждого героя романа связана с судьбой затонувшего корабля напрямую либо опосредованно. Так, главой семейства, а также свидетелем трагического события, является Тулла Покрифке. Урсула (сокр. Тулла) Покрифке – сквозной персонаж², знакомый читателю по «Данцигской трилогии». Впервые автор упоминает о ней в повести «Кошки-мышки» (*Katz und Maus*, 1961), где отводит дерзкому подростку роль второго плана. В романе «Собачьи годы», вся вторая часть которого посвящена уже повзрослевшей Тулле, угроза наступления советской армии вынуждает беременную девушку спасаться бегством. В повести «Крысиха» говорится о ее возможной гибели на корабле «Вильгельм Густлофф». В романе «Траектория краба» автор вновь возвращается к претерпевшему возрастные изменения персонажу Туллы.

Олицетворяющая поколение очевидцев Тулла Покрифке – натура противоречивая. Долгие годы она открыто восхваляла национал-социалистическую организацию «Сила через радость», а после плакала от извещения о смерти Сталина и горевала из-за разрушения памятника Вильгельму Густлоффу. Возможно, причина такого поведения кроется в пережитых событиях, ведь Тулла – вынужденная переселенка из Восточной Пруссии. Её происхождение время от времени выдает диалект: «Картошку называет бульбой (*Bulwen*), творог – сыром (*Glumse*), а треску под горчичным соусом – вахней (*Pomuchel*)» [10, с. 12; 11, S. 3]. Переселенцев она отождествляет с сорной травой: «Только нам везло. Ведь сорная трава, как говорится, живуча» [10, с. 166]. Свою «живучесть» Тулла демонстрирует, легко приспосабливаясь к новым жизненным обстоятельствам. Пережив катастрофу, она оказывается в советской оккупационной зоне, где становится активисткой и передовиком социалистического труда. За присущую Тулле хитрость автор сравнивает ее с лисой. Это свойство усиливает чрезвычайно выразительная деталь гардероба – лисья накидка, которую она надевает на плечи в самые ответственные моменты жизни.

И если в профессиональном плане у Туллы все складывается удачно, то в семейной жизни ей так и не удается построить крепкую семью и выстроить доверительные отношения с сыном, на которого направлены ее воспоминания о прошлом. Рассказы о прошлом Тулла навязывает внуку, который воспринимает трагические события лишь со слов бабушки. Интерес к гибели корабля приводит к тому, что он создает в Интернете сайт, посвященный Густлоффу, и под именем Вильгельм становится его модератором. Одна из виртуальных дискуссий между Вильгельмом (в реальной жизни Конни³) и Давидом (в действительности Вольфганг Штремплин) заканчивается встречей в реальной жизни и убийством – «Вильгельм» убивает «Давида». Но трагикомизм ситуации состоит в том, что называвший себя евреем Вольфганг был немцем, как и стрелявший в него Покрифке-младший. Оба героя, представители третьего поколения или поколения внуков, призваны показать диаметрально противоположные оценки истории, которые доведены в современном обществе до абсурда. Очарование прошлым приближает Конрада к фашистским идеалам. Выступая в роли проводника реваншистских идей, Конни ставит перед собой задачу увековечить то, что рассказывает бабушка и о чем молчит отец. Его оппонент заиклен на военных преступлениях и мысли о покаянии. Он носит ермолку, как ортодоксальные евреи, требует кошерную еду и утверждает иудаизм.

Второе поколение, индифферентно относящееся к прошлому, представлено в лице сына Туллы, журналиста Пауля Покрифке и его бывшей жены Габриэлы, а также родителей убитого Вольфганга Штремплина. Пауль рожден в ночь гибели корабля – 30 января 1945 года. Вокруг этой даты сосредоточены различные факты, упомянутые в романе. Именно в этот день в 1895 году родился Вильгельм Густлофф, в 1945 году затонул одноименный корабль, а в 1933 году к власти пришли нацисты. К реальным историческим совпадениям Грасс добавляет фиктивное – день рождения Пауля Покрифке. Прием числовой символики встречается и в других произведениях автора («Жестяной барабан», «Собачьи годы»).

Пауль Покрифке – журналист, испытывающий профессиональную неудовлетворенность. Его планы писать острые репортажи либо книги на значимые общественные темы так и остались нереализованными. Но профессиональные неудачи Пауля лишь усугубляются на фоне развившихся детских комплексов, связанных с многочисленными семейными травмами и проблемами. В одном из своих исследований социолог

² В Нобелевской речи Грасс отмечает, что в его творчестве сквозные персонажи появились не случайно. Он вспоминает занимательную историю написания первого романа, действие которого происходило в XIII в. во времена междоусобицы и безвластия: «... после краткого изложения экономического положения в кашубских землях он [Грасс – Е.К.] сразу же вывел на сцену разбойников с их грабежами и резней. Там настолько яростно душили, кололи, пронзали и с помощью виселицы или меча чинили самосуд, что к концу первой главы все основные герои и добрая часть второстепенных были убиты, зарыты и брошены на скорм воронью. <...> однако начинающий автор получил четкое предостережение в будущих повествованиях обходиться с вымышленными персонажами осмотрительнее и экономнее» [9, с. 521].

³ По требованию Туллы ребенка нарекают Конрадом (сокр. Конни) в память о ее погибшем маленьком брате. Эпизод с его гибелью описан в романе «Собачьи годы».

Норберт Ф. Шнайдер рассматривает семью как «процесс, для которого характерны переходные состояния и основанные на этом этапы жизни. К типичным переходным состояниям относятся свадьба, первый родительский опыт, отъезд детей из родительского дома, развод и вдовство» [12, S. 101]. Едва ли эта схема работает в случае Пауля. Его отец неизвестен. В рассуждениях главного героя о биологическом отце встречаются имена Йоахима (Йохена) из повести «Кошки-мышки» и Вальтера из романа «Собачьи годы». По признанию самого героя, «настоящего отца [ему] не досталось, только взаимозаменяемые фантомы. <...> [Он] же, безотцовщина, в конце концов сам стал отцом» [10, с. 24]. Отношения с матерью у Пауля натянуты. Главный герой говорит о ней в ироничном тоне, избегает с ней длительных контактов и утверждает, что «никогда не именовал [ее] собственнически “моей”, но всегда просто – “матерью”» [10, с. 12]. Все детство и отрочество Пауля проходят под настойчивыми требованиями Туллы поведать миру о трагической истории корабля. Он признается: «У меня до сих пор звучат в ушах ее слова: “Я и живу-то только для того, чтобы сынок мой когда-нибудь все бы засвидетельствовал”» [10, с. 21]. Его не спасает даже переезд в ФРГ. Мать продолжает третировать сына с помощью своей подруги Йенни, у которой Пауль квартирует во время учебы.

Взаимоотношения Пауля и Туллы точно характеризуются словами Ф. Ницше: «Родители продолжают жить в детях. Неразрешенные диссонансы в отношении характера и образа мысли родителей продолжают звучать в натуре ребенка и образуют внутреннюю историю его страданий» [13, с. 415]. Подрыв традиционной семейной модели, отсутствие отца как главы семейства и замена его роли эрзац-фигурами в жизни Пауля отчасти послужили причинами того, что самому Покрифке-старшему также не удалось создать крепкую семью, в результате чего он утрачивает контакт с собственным сыном. В романе образ семьи⁴, спекулирующей на ценностях, носит пародийный характер. Идея семьи как святыни противопоставлена идее бездомности человека с разорванными семейными узами.

Габи, экс-супруга Пауля, также мало интересуется ребенком. После расставания с мужем она активно занимается своей карьерой и делает это весьма успешно: она становится преподавательницей гимназии, получает статус государственного чиновника. Несчастье с Конни Габи переживает не только с позиции матери, но и с позиции учителя. Как мать она допускает мысль, что трагедии можно было бы и избежать, если бы в школе сыну разрешили сделать доклад о национал-социалистической организации «Сила через радость», но как учитель она разделяет мнение коллег, ссылаясь при этом на «ограниченные возможности педагогики» [4, с. 195]. Свою позицию невмешательства Габи оправдывает «нежеланием осложнять и без того непростую ситуацию своих коллег-учителей субъективными материнскими протестами, тем более что она сама “решительно возражала против любой недооценки коричневой псевдоидеологии” и всегда отстаивала перед сыном свои левые взгляды, хотя, правда, и не проявляла должного терпения» [10, с. 195]. Таким образом, в поле критики автора попадает школьное образование. Грасс прежде всего обращается к образу учителя, видя в нем инструмент навязывания существующей идеологии. По мнению писателя, истинную роль учителя – формирование свободно мыслящей и гармонично развитой личности – приспособили к требованиям пропагандируемого курса. Грасс критикует узколобость и косность: в школе под запретом доклады и выступления на рискованные темы, ключевым аргументом выступает «вредная тенденциозность». Писатель заявляет об «общегерманском единстве» в вопросах отсутствия свободы слова и мысли [10, с. 194, 199].

Семье Покрифке автор противопоставляет интеллигентную чету Штремплин. Господин Штремплин «являл собою тип интеллектуала, для которого все относительно, даже установленные факты», а его супруга «отличалась, пожалуй, склонностью считать любые вещи в той или иной мере необъяснимыми» [10, с. 197]. Будучи людьми либеральных взглядов, они проявляют индифферентность при оценке исторических событий, что приводит «к отчуждению в отношениях с сыном, а затем и утрате контакта с ним» [4, с. 195]. Своим бездействием они демонстрируют поведение пассивной массы, которая допускает зло. Молчаливое попустительство делает их сопричастными ошибкам и преступлениям современного мира.

Представители второго поколения у Грасса – люди разных профессий и интересов, но их объединяет одно: сдержанный подход к осмыслению периода национал-социализма. Это явилось основной причиной того, что третье поколение лишено возможности объективно судить о том, что происходило в прошлом. Однако автор не снимает ответственности и с представителей первого поколения, поколения очевидцев, к которому, несомненно, можно причислить и самого писателя. Вина поколения Грасса заключается, прежде всего, в многолетнем замалчивании правды и односторонности подачи информации. Именно «его поколение должно было поведать о страданиях беженцев из Восточной Пруссии: о потоках людей, движущихся по зимним дорогам на Запад, о заколоченных трупах в сугробах, о людях, погибших в придорожных кюветах или в проломленном льду ...» [10, с. 106]. Поколение очевидцев знало и должно было рассказать обо всех перипетиях в судьбе беженцев, ведь «о таких страданиях нельзя было молчать все эти годы только потому, что важнее казалось признание собственной огромной вины и горячее покаяние, нельзя было отдавать то, что замалчивалось, на откуп правым и реваншистам. Это упущение безмерно...» [10, с. 106].

⁴ Такая форма переосмысления идеи семьи характерна и для романа «Жестяной барабан», где семья представлена в сатирическом свете на грани абсурда: у главного героя одна мать, но три отца.

Образ семьи у Грасса символически связан с образом родины, а поколения этой семьи олицетворяют этапы существования Германии, в которых отношение к теме национал-социалистического прошлого выражается по-разному: поколение очевидцев воплощает период национал-социализма, поколение детей – период индифферентного отношения к трагическому прошлому, поколение внуков – период возобновления интереса к идеологии нацизма. В этой связи феномен семьи в романе являет собой остросоциальный характер, который призван отразить прошлое, настоящее и будущее Германии через судьбу нескольких поколений.

В романе «Траектория краба» образ семьи служит для реализации тех же мотивов, что применялись Г. Грассом и в других произведениях («Жестяной барабан», «Собачьи годы», «Под местным наркозом»): мотива психологической травмы, мотива вины и покаяния, мотива переосмысления прошлого. Мотив травмы раскрывается через сюжетную линию взаимоотношений отцов и детей (Туллы и Пауля, Конни и его родителей). Мотив вины и покаяния реализуется через отношение каждого поколения к собственной истории. Мотив переосмысления прошлого заложен Грассом в повествовательную канву романа и вытекает из особой техники повествовательного монтажа, который позволяет изобразить историческое прошлое в контексте настоящего и будущего. Этому способствует соединение истории реальных исторических персонажей (Вильгельм Густлофф, Давид Франкфуртер, Александр Маринеско) с вымышленной биографией рассказчика и его семьи (Тулла Покрифке, ее сын Пауль и внук Конни), за счет чего достигается сходство с хроникально-документальным повествованием.

Заключение. Интерес к образу семьи обусловлен в немецкой литературе политическими и социально-экономическими изменениями. К нему обращаются, чтобы осветить злободневные проблемы для Германии на всех уровнях – политическом, социальном, бытовом. В романе Грасса образ семьи, представленный тремя поколениями, составляет основу композиционного построения. Писатель использует образ семьи в ее индивидуальной и типической ипостасях в узком и широком контексте. Семья, как наименьшая ячейка общества, изображена автором в сатирическом ключе, одновременно с этим образ семьи используется для раскрытия образа родины.

В произведении показано, что процесс преодоления прошлого – явление сложное, охватывающее несколько поколений, каждый представитель которого несет на себе бремя вины. Поколение очевидцев живет воспоминаниями, поколение детей ничего не хочет знать, сознательно дистанцируясь от прошлого, поколение внуков из-за индифферентности родителей и однобокости воспоминаний старшего поколения лишено возможности объективно судить о событиях прошлого.

Использование в романе мотивов травмы, вины и раскаяния, переосмысления прошлого и упоминание героев из более ранних произведений, а также присутствие сквозного персонажа и числовой символики позволяют расширить смысловое пространство текста. Соединение нескольких пространственно-временных плоскостей достигается благодаря образу семьи, представленному несколькими поколениями. Для выстраивания сюжетных линий автор вводит в повествование реальные исторические факты, даты, исторических персонажей, что придает описанию событий хроникально-документальный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kürten, J. Schriftsteller im Gespräch: Lukas Hartmann // Deutsche Welle [Elektronische Ressource]. – 30.04.2020. – Zugriffsmodus: <https://www.dw.com/de/schriftsteller-im-gespr%C3%A4ch-lukas-hartmann/a-36518580>. – Freigabedatum: 27.11.2016.
2. Vogtmeier, M. Die Familien Mann und Buddenbrook im Lichte der Mehrgenerationen-Familientherapie: Untersuchungen zu Thomas Manns "Buddenbrooks. Verfall einer Familie" / M. Vogtmeier. – Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH, 1987. – 196 S.
3. Vaupel, A. Zur Rezeption von Exilliteratur und Lion Feuchtwagners Werk in Deutschland 1945 bis heute / A. Vaupel. – Bern : Peter Lang, 2007. – 281 S.
4. Ackrill, U. Metafiktion und Ästhetik in Christa Wolfs "Nachdenken über Christa T.", "Kindheitsmuster" und "Sommerstück" / U. Ackrill. – Würzburg : Königshausen & Neumann, 2004. – 193 S.
5. Eichenberg, A. Familie-Ich-Nation. Narrative Analysen zeitgenössischer Generationenromane / A. Eichenberg. – Göttingen : V&R Unipress, 2009. – 190 S.
6. Neuschäfer, M. Das bedingte Selbst. Familie, Identität und Geschichte im zeitgenössischen Generationenroman. / M. Neuschäfer. – Berlin : Epubli, 2013. – 449 S.
7. Eigler, F. Gedächtnis und Geschichte in Generationenromanen seit der Wende. / F. Eigler. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2005. – 233 S.
8. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
9. Грасс, Г. Нобелевская речь / Г. Грасс // Под местным наркозом. Из дневника улитки. Нобелевская речь ; пер. с нем. – М. : Олимп, АСТ, 2001. – С. 515–533.
10. Грасс, Г. Траектория краба / Г. Грасс ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М. : Бослен, 2013. – 288 с.
11. Grass, G. Im Krebsgang / G. Grass. – Göttingen : Steidl, 2002. – 216 S.

12. Schneider, N. Familie. Zwischen traditioneller Institution und individuell gestalteter Lebensform/ N. Schneider // Deutsche Verhältnisse. Eine Sozialkunde; Hrsg. Stefan Hradil. – Bonn : Bundeszentrale für politische Bildung, 2012. – S. 95–121.
13. Ницше, Ф. Сочинения : в 2 т. / сост., ред. изд., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна ; пер. с нем.– М. : Мысль, 1990. – Т. 1. : Литературные памятники. – 832 с.

Поступила 01.06.2020

PECULIARITIES OF THE FAMILY IMAGE IN G. GRASS'S NOVEL CRABWALK

K. KUZNECHYK

The article deals with the family image in G. Grass's novel Crabwalk (2002). The interest to the family image in German literature appears as a reaction to political, social and economic changes. The specificity of family representation is detected: the family in its individual and typical role, as well as in a wider context for homeland image. There are repetitive motives (motive of guilt and penance, motive of past rethinking, motive of trauma) and authorial techniques (through character, numerical symbolism, a system of references to earlier works by mentioning the characters they encountered) in the novel. The novel connects several subject lines in different space-time stages and creates a complex narrative construction similar to the chronicle-documentary narration.

Keywords: *German history, family image, homeland image, through character, numerical symbolism, motive of guilt and penance, motive of past rethinking, motive of trauma.*

УДК 82.0

**РАЗНОВИДНОСТИ АНТРОПОМОРФНЫХ ОБРАЗОВ-ПЕРСОНАЖЕЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

А.С. АЛЬШЕВСКАЯ
(Белорусский государственный университет, Минск)
77schevskaya@mail.ru

Статья посвящена разграничению антропоморфных персонажей относительно разновидностей проявления антропоморфного плана выражения, а также типов подобных персонажей относительно специфики объекта антропоморфизации. Относительно специфики проявления антропоморфного плана выражения нами были выделены две разновидности антропоморфных персонажей: 1) моноистические антропоморфные персонажи; 2) дуалистические антропоморфные персонажи. В рамках моноистических антропоморфных персонажей выявлены два типа подобных персонажей относительно специфики объекта, подвергающегося антропоморфизации: 1) классические антропоморфные персонажи; 2) генетически синекдохальные антропоморфные персонажи.

Ключевые слова: антропоморфизм, план содержания, план выражения, антропоморфный персонаж, моноистический антропоморфный персонаж, классический антропоморфный персонаж, генетически синекдохальный антропоморфный персонаж, дуалистический антропоморфный персонаж.

Введение. Изучение антропоморфизма как основы образности является актуальной проблемой в литературоведении. Если изучению антропоморфизма как формы познания мира посвящено значительное количество научных работ по философии и социологии, то феномен антропоморфизма как основы образности до сих пор в науке исследован недостаточно. Но при этом антропоморфизм как основа образности имеет достаточно широкий спектр применения не только в словесном творчестве (народные и литературные сказки, фэнтези, научная фантастика, различные произведения аллегорического характера, например, басни и др.), но и в других сферах культуры: мультипликации, кинофильмах, рекламе, изобразительном искусстве (фурри-арт) и т.п. Более того, с каждым годом появляется все больше произведений словесного искусства, в основу которых положен антропоморфизм. Это связано со спецификой литературы в эпоху постмодернизма, которая заключается в тенденции к деконструкции фольклорно-мифологических персонажей, причем в первую очередь в сторону их антропоморфизации, что делает данную проблему еще более актуальной.

Рассмотрение фольклорных и художественных текстов разных жанров дало возможность выделить различные формы проявления антропоморфизма в произведениях, но самой основной формой его проявления в словесном творчестве является антропоморфизм на уровне персонажа. При этом отмечено, что сами антропоморфные персонажи – явление также неоднородное, поэтому цель данного исследования – дать не только определение понятию «антропоморфный персонаж», но и разграничить антропоморфных персонажей относительно формы проявления антропоморфного плана выражения и типов подобных персонажей относительно специфики объекта, который подвергается антропоморфизации.

Основная часть. Л.В. Чернец в статье «Виды образа» разграничивает образы-представления и образы-персонажи [1, с. 37] (или просто персонажи). Чтобы понять, что такое антропоморфный образ-персонаж, чем он отличается от антропоморфного образа-представления, нам необходимо понять структуру художественного образа. Ю.М. Лотман в книге «Структура художественного текста» уделяет внимание данному вопросу. Так, если в естественных языках «знаки – устойчивые инвариантные единицы текста» [2, с. 16] – «отчетливо разделяются на планы содержания и выражения, между которыми существует отношение взаимной обусловленности, исторической конвенциональности» [2, с. 16], то в словесном художественном тексте знаки имеют не условный, как в языке, а иконический, изобразительный характер. «Из материала естественного языка – системы знаков, условных, но понятных всему коллективу <...> возникает вторичный знак изобразительного типа» [2, с. 41], который, как замечает Ю.М. Лотман, можно соотнести с «образом» традиционной теории литературы». Этот вторичный изобразительный знак (или художественный образ) «обладает свойствами иконических знаков: непосредственным сходством с объектом, наглядностью» [2, с. 41]. Иконические знаки, в отличие от языковых, «построены по принципу обусловленной связи между выражением и содержанием» [2, с. 16].

Таким образом, художественный образ может быть определен как иконический знак, который построен «по принципу обусловленной связи между выражением и содержанием» [2, с. 16]. Следовательно, составными частями образа-персонажа являются план выражения (образ-представление либо форма репрезентации) и план содержания, находящиеся в отношении взаимообусловленности между собой.

«Цель знаковой деятельности – передача определенного содержания» [2, с. 24], значит, ключевое значение при создании любого образа-персонажа имеет именно его смысловое наполнение (план содержания). Следовательно, обязательным условием существования антропоморфных образов-персонажей является наличие антропоморфного *плана содержания*. Таким образом, антропоморфные персонажи –

это персонажи антропоморфные по своей внутренней сути: на их антропоморфность может указывать, например, наличие человеческих черт характера и вида деятельности, социального статуса и т.п. Даже если *план выражения* (образ-представление либо форма репрезентации) не антропоморфный, а зооморфный (в анималистических сказках об этом свидетельствует наименование животного: «лиса», «волк» и т.п.), то антропоморфный план содержания оказывает влияние на читательское представление о данном персонаже (в первую очередь в произведениях, где отсутствует описание, подчеркивающее зооморфный облик, как в народных сказках о животных). В результате этого читательское представление рисует животных в антропоморфизированном зооморфном виде – прямоходящими существами, когда передние лапы воспринимаются по аналогии с человеческими руками, и т.п. Так, Е.М. Рачёв – советский художник-анималист, изображал животных одетыми в национальные костюмы, в окружении предметов человеческого быта. Подобное антропоморфизированное изображение зооморфных персонажей воспринимается зрителями как вполне естественное, так как соответствует их собственным представлениям. Как отмечает И.А. Морозов в книге «Феномен куклы в традиционной и современной культуре», «природный объект «очеловечивается», когда его наделяют признаками, необходимыми в данной культуре, чтобы отнести его к категории «человекоподобных» [3, с. 233].

Подводя итог, стоит еще раз подчеркнуть, что именно внутренние (содержательные) характеристики являются ключевыми показателями антропоморфного персонажа, а не внешние, поскольку, когда мы говорим об антропоморфном персонаже, мы в первую очередь подразумеваем обладание им определенными психическими и интеллектуальными качествами, свойственными людям. Все остальные показатели являются уже второстепенными. Они лишь увеличивают степень антропоморфности персонажа, но не являются обязательными для того, чтобы персонажа можно было бы отнести к категории антропоморфных.

Анализ многочисленных художественных произведений, основными героями которых являются антропоморфные персонажи-нелюди, дал нам возможность вычленить характерные особенности изображения подобных персонажей в текстах разных авторов. В итоге на основании проведенного анализа относительно специфики проявления антропоморфного плана выражения нами были выделены две разновидности антропоморфных персонажей: 1) моноистические антропоморфные персонажи; 2) дуалистические антропоморфные персонажи.

1) Моноистические антропоморфные персонажи – персонажи, для которых характерно единство антропоморфного плана содержания и антропоморфного плана выражения, подразумевающее под собой непротиворечивость и отсутствие двойственности восприятия данных персонажей («Снегурочка» А.Н. Островского, «Тень» Е.Л. Шварца и др.).

В рамках моноистических антропоморфных персонажей нами были выявлены два типа подобных персонажей относительно специфики объекта, подвергающегося антропоморфизации: 1) классические антропоморфные персонажи (русская народная сказка «Грибы», «Орел-меценат» М.Е. Салтыкова-Щедрина и др.); 2) генетически синекдохальные антропоморфные персонажи («Нос» Н.В. Гоголя и др.).

Классические антропоморфные персонажи. Данный тип является основным: он характерен для подавляющего большинства произведений, в которых присутствует такое явление, как антропоморфизм. Это утверждение справедливо как для фольклорных, так и для литературных произведений.

В «Большой Российской энциклопедии» дается следующее определение антропоморфизма: «Антропоморфизм – наделение материальных и идеальных объектов, предметов и явлений неживой природы, животных, растений, мифических существ человеческими свойствами – физическими, психическими, интеллектуальными качествами, а зачастую и гендерными признаками» [4, с. 90]. Данное определение соответствует характеристике именно классического антропоморфного персонажа. Следовательно, классический антропоморфный персонаж – это персонаж, не являющийся человеком, но наделенный определенными человеческими чертами как внешними и физическими, например, человеческой внешностью (не является обязательным условием), так и внутренними характеристиками, под которыми подразумеваются определенные черты характера, деятельность, свойственная человеческому обществу, и интересы.

Еще одной из ключевых форм репрезентации антропоморфных образов-персонажей является наименование: оно может выступать как средство антропоморфизации – назывании «любим антропонимом не людей, а животных, предметов, явлений и т.п.» [5, с. 30]. Антропоним – «любое собственное имя человека, перенесенное на животное, предмет, явление и т.п. и ставшее его собственным именем» [5, с. 30]. А также наименование является маркером нечеловеческой природы персонажа. Так, прежде чем говорить о самом факте антропоморфизации персонажа, должны быть четкие основания утверждать, что он не является человеком.

Анализ целого пласта художественных текстов позволил нам выявить, что в качестве антропоморфных персонажей могут выступать различные животные, птицы (в народных и литературных анималистических сказках, например, в сказках Я. Экхольма «Тутта Карлссон Первая и Единственная, Людвиг Четырнадцатый и другие», В. Пшавелы «Свадьба соек», Э.Н. Успенского «Трое из Простоквашино», стихотворении Р.А. Кудашевой «Беда петушка» и др.), насекомые (пчелы, муравьи в сказке Ч. Амирэджиби «Жадные пчелы», стрекоза и муравей в одноименной басне И.А. Крылова и др.), растения (например, овощи и фрукты в сказке Дж. Родари «Приключения Чиполлино»), абстрактные явления (например, время в русской народной сказке «Василиса Прекрасная», в сказке И.И. Шурко «Секундочка»), различные «живые» предметы (куклы в сказке А.Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино», роботы

в повести К. Булычева «Пленники астероида» и др.), сверхъестественные существа (Баба Яга, Кощей Бесмертный), персонифицированные силы природы (например, Морозко), а также многие другие представители как низшей (например, домовые, черти), так и высшей мифологии (боги).

Антропоморфность персонажей может носить как изначальный, так и приобретенный характер. Если в народной сказке антропоморфные персонажи – это олицетворение определенных черт характера (например, лиса – воплощение хитрости, заяц – трусости и т.п.), то многие литературные анималистические сказки и романы могут отражать государственный строй целой страны. Так, в старофранцузском средневековом «Романе о Лисе» представлен быт и нравы средневековья: лис Ренар служит олицетворением своевольного феодала, живущего в разладе с обществом, а лев Нобль выступает в качестве короля зверей и т.п. В сказке «Орел-меценат» русского писателя М.Е. Салтыкова-Щедрина – феодально-крепостническая система России, где орлы – это помещики, а вороны – крестьяне; в повести-притче «Скотный двор» английского писателя Дж. Оруэлла показано тоталитарное общество, а роман «Житейские воззрения кота Мурра» немецкого писателя Э.Т.А. Гофмана – это сатирическая пародия на все немецкое общество начала XIX в. (дворянство, бюргерство, духовенство).

Если в названных выше произведениях персонажи изначально антропоморфны, то, например, в романе классика французской литературы А. Франса «Остров пингвинов» антропоморфизм, согласно сюжету, является приобретенным. Причина данной метаморфозы пингвинов – ошибка аббата Маэля, который из-за своей близорукости принял пингвинов за людей и окрестил их. В результате после долгого совещания на небесах Бог повелел аббату исправить ошибку и обратить пингвинов именем божьим в людей. Здесь процесс антропоморфизации приобретает негативный окрас: пингвины, внешне превращенные в людей, деградируют. С одной стороны, пингвины – это воплощение человеческих пороков, а с другой, выходит, что человек – еще более жестокое существо, чем животное. Таким образом, автор разводит понятия индивида и личности. Противоположный пример находим в пьесе Е.Л. Шварца «Обыкновенное чудо». Приобретенная под влиянием любви антропоморфность персонажа (Медведя) заставляет главного героя по-другому посмотреть на жизнь, пережить ее как становление собственной личности.

Генетически синекдохальные антропоморфные персонажи – персонажи, возникшие в результате антропоморфизации части тела человека, то есть в результате наделения частей тела человека (например, носа, пальцев и т. д.) качествами, свойственными всему человеку в целом. Так, еще в древности «отдельные части тела мифологического персонажа... могли осмысляться как самостоятельные мифологические существа» [3, с. 116]. Среди перечня частей тела, которые могут быть использованы для этого, наиболее часто встречающиеся – голова и палец. Есть также случаи создания человека из какой-то части тела божества, например, «известна версия мифа, согласно которой люди возникли из слез бога Амона-Ра» [3, с. 109]. Отметим, что создание человека могло осуществляться не только из части тела божества, но и из части тела человека. В качестве примера подобного явления укажем на сотворение богом Евы из ребра Адама. В русской народной сказке «Мальчик-с-пальчик» мальчик «нарождается» из нечаянно отрубленного старухой пальца. Данный сюжет, по мнению И.А. Морозова, представляет собой «отражение верований о возможности локализации человеческой души в пальце» [3, с. 115].

Если изначально подобное явление было результатом архаического мировоззрения, то в литературных произведениях в основе этого типа очеловечивания лежит такой троп, как синекдоха (разновидность метонимии). «Синекдоха – стилистический прием – название части от целого, частного вместо общего и наоборот, напр. “очаг” вместо “дом”» [6, с. 938]. Данный вид антропоморфизма наблюдается в повести Н.В. Гоголя «Нос». Главный персонаж повести – нос майора Ковалева. Нос предстает то в виде органа человека, то в виде чиновника высокого ранга. Он незаметно и по личной инициативе покидает своего хозяина, а затем возвращается к нему без видимой на то причины, то есть ведет себя так, как ему вздумается. Причем чин у носа оказывается выше, чем у его бывшего хозяина: «по шляпе с плюмажем можно было заключить, что он считается в ранге статского советника» [7, с. 56]. Майор Ковалев, хотя имеет законное право вернуть на место свой нос, все же не решается сразу с ним заговорить, так как страшится нарушить законы сословной иерархии, которые нос в результате и использует для своей защиты: «между нами не может быть никаких тесных отношений. Судя по пуговицам вашего вицмундира, вы должны служить по другому ведомству» [7, с. 57]. Как мы видим, нос хорошо знает социальную вертикаль данного общества, разбирается в чинах и знаках отличия, следовательно, это достаточно социализированная личность. Нос ведет обычную для чиновника его ранга жизнь: он ездит с визитами, посещает собор. Нос отстаивает свое право на самостоятельность, независимость от своего теперь уже бывшего хозяина: «Я сам по себе» [7, с. 57], – заявляет нос майору.

Раз на нем мундир, панталоны, он носит шляпу, следовательно, можно предположить, что нос обретает некоторые физические параметры человека, поскольку для ношения одежды необходимо наличие того, на что это все можно надеть: туловища, ног, головы. В повести говорится о том, что нос «с выражением величайшей набожности молился» [7, с. 56]. «Выражение – внешний вид лица, отражающий внутреннее состояние» [6, с. 150]. А значит, у него есть лицо, на котором отражаются разные чувства и эмоции. Гоголь пишет, что нос «посмотрел на майора, и брови его несколько нахмурились» [7, с. 57]. Таким образом, у персонажа есть брови, а для того чтобы «посмотреть», нужно иметь что-то наподобие глаз.

В сказке Х.К. Андерсена «Штопальная игла» в восприятии главной героини (штопальной иглы) пальцы кухарки видятся отдельно от девушки, которой они принадлежат: «их было пятеро братьев, все урожденные «пальцы» [8, с. 269]. Как видно, пальцы имеют гендерную принадлежность и определенные родственные отношения, более того, свое собственное имя: Толстяк, Блюдолиз, Златоперст, Пер-музыкант. Каждый из них наделяется характеристикой, отличающей его от других. Например, Толстяк характеризуется с точки зрения его физических особенностей: «спина у него гнулась только в одном месте, так что кланяться он мог только одним манером» [8, с. 269]. Перечислены особенности их характеров, отношения к другим: «“Долговязый”, смотрел... на соседей свысока» [8, с. 270], а «“Пер-музыкант” ничего не делал и очень этим хвалился» [8, с. 270]. Описывается их внешний вид («наряд»): «“Златоперст” носил вокруг пояса золотое кольцо» [8, с. 270]. Штопальная игла называет пальцы бездельниками и возмущается их высокомерием. Сами пальцы также воспринимают себя отдельно от своей хозяйки: «Теперь она (штопальная игла) ни на что не годится», – подумали пальцы» [8, с. 267]. Отличительной чертой данного произведения является то, что хотя каждый из пальцев предстает как отдельный антропоморфный персонаж, но полной самостоятельности и отдельности от их хозяйки не наблюдается.

В «Сказке о двух пальцах» современной украинской поэтессы и прозаика Э.А. Андиевской рассказывается о двух невидимых пальцах на руке (шестом и седьмом), которые незаметно для других помогают руке выполнять самые сложные дела. Рука здесь, как и в сказке Х.К. Андерсена, предстает матерью пальцев, но в то же время и их родиной. Пальцы, стремясь найти свой путь, отправляются путешествовать, что говорит об изображении их автором как отдельных от руки персон. Пройдя определенного рода инициацию, они возвращаются на свою родину-руку и находят там своё истинное предназначение: служить своей родине.

Как часть человека воспринимаются не только отдельные части тела, но и его тень. Так, в словаре С.И. Ожегова в переносном значении тень – это «неотчетливое очертание человеческой фигуры, силуэт. Вечером в саду между деревьями мелькали тени» [6, с. 1039]. Как видим, в данном примере под словом «тени» подразумеваются люди. Приведенный пример свидетельствует, что человеческая тень воспринимается частью целого человека, то есть используется такой стилистический прием, как синекдоха.

Например, в исландской народной сказке «Школа чернокнижия» главный герой спасается от черта тем, что оставляет ему вместо себя свою тень: «Черт принял тень за человека и схватил ее. Так Сэмунд вырвался на волю, но с тех пор он жил без тени, потому что черт ее у себя оставил» [9, с. 642]. Но если в народной сказке тень подается просто как часть человека, то в сказке Х.К. Андерсена «Тень», а также в написанной по ее мотивам одноименной пьесе Е.Л. Шварца рассматривается уже вопрос, является ли тень, отделившаяся от человека, самостоятельной и полноценной личностью.

В сказке Х.К. Андерсена («Тень») Тень приобрела полную свободу от ученого. Это подтверждает тот факт, что после смерти ученого Тень не умирает, а продолжает жить самостоятельно. Тень внешне, с точки зрения физиологии, обретя телесность, становится человеком. А одежда и положение в обществе завершают процесс ее внешней антропоморфизации. «Я обрел телесность, обзавелся плотью и платьем. <...> Я во всех отношениях завоевал себе прочное положение в свете» [10, с. 388], – сообщает Тень ученому. Но Х.К. Андерсен подчеркивает, что если Тень и стала человеком, то только внешне: «тень была одета превосходно, и это-то, собственно, и придавало ей вид настоящего человека» [10, с. 389]. Таким образом, быть человеком и казаться, выглядеть, как человек, – разные вещи. Состояние, дорогая одежда, женитьба – только внешние проявления. Для Х.К. Андерсена важна духовная составляющая человека. Он показывает, что ученый сам перестает быть человеком в истинном смысле этого слова. Как говорит одна из героинь пьесы Е.Л. Шварца: «Настоящий человек – это тот, кто побеждает» [11, с. 260]. А ученый у Х.К. Андерсена перестает быть хозяином своей жизни, сам становится тенью для своей бывшей Тени, которая обращается к нему на «ты», как к подчиненному, а сама требует, чтобы ученый обращался к ней только на «вы». Таким образом, Тень стремится к самоутверждению за счет своего бывшего хозяина, мстит ему за то время, когда была от него зависима. У Е.Л. Шварца Тень не может обрести абсолютную независимость и существовать без своего владельца. Во-первых, её все время тянет «повторять каждое его (ученого) движение» [11, с. 246]), во-вторых, когда ученого обезглавливают, Тень тоже лишается головы. В отличие от сказки Х.К. Андерсена, в пьесе побеждает не Тень, а ученый. Таким образом, у Е.Л. Шварца Тень – это негативная сторона личности, с которой автор побуждает бороться своих читателей.

2) Дуалистические антропоморфные персонажи – персонажи, возникающие чаще всего как результат двойственности плана выражения и плана содержания (одновременного совмещения реалистического и антропоморфного планов) либо в результате наличия нескольких (и более) ракурсов изображения персонажа-человека в художественном тексте, создающих двойственность его восприятия читателем.

Именно анализу подобных дуалистических антропоморфных персонажей посвящена статья Т.И. Сильман «Сказки Андерсена». Правда, исследователь не использует подобную терминологию, а дает только описательное определение подобного явления, отмечая, что для сказок Х.К. Андерсена свойственно наличие «колебательных движений двойного образа, "мерцательная" игра» [12, с. 20]. Х.К. Андерсен в своих сказках соединяет одновременно два плана повествования: реалистический и антропоморфный, связанный с человеческой историей, что развивается параллельно с историей бытования предмета. Как отмечает Т.И. Сильман, в каждой сказке Х.К. Андерсена «как бы слились воедино две действительности. Одна –

подлинная жизнь цветка, мухи, дерева, чашки или кофейника; другая – не менее подлинная жизнь человека» [12, с. 12]. И далее: «Всякой вещи, всякому живому существу, всякому фантастическому созданию в сказках Андерсена присущ свой характер. Все эти характеры увидены и показаны вполне реалистически в меру принадлежности к какой-либо среде, в меру их роли и значения их в природе и обществе» [12, с. 11]. «Так, например, сказать, что серебряная монетка бродит и скитается по свету и при этом переживает множество приключений, что она – “бродяга”, значит исходить из реальной сущности этого предмета, в то время как сказать, что стул, или стол, или шкаф – “бродяги”, означало бы обречь повествование на неизбежные натяжки» [12, с. 12–13].

В сказке «Воротничок» главный герой (воротничок) думает о женитьбе, и вся история наряду с тем, что может происходить с обычным воротничком, который то попадает в стирку, то на гладильную доску, то его подрезают ножницами, пока он не попадает на бумажную фабрику с другим тряпьем и не становится бумажным листом, одновременно передает все жизненные перипетии обычного щеголя и хвастуна, который постоянно знакомится с разными женщинами. Таким образом, «мы не только следим за приключениями воротничка, но и... прослеживаем вторую – человеческую – линию развития» [12, с. 15]. Две одновременно развивающиеся сюжетные линии Х.К. Андерсен создает за счет лексики, «поскольку то или иное слово своим двойным значением обеспечивает такое сложное восприятие» [12, с. 15], а также с помощью различных сюжетных ходов. Например, реальной историей воротничка является тот факт, что его стирают вместе с подвязкой. Сам же диалог воротничка и подвязки, если опустить тот факт, что разговаривают неодушевленные вещи, выглядит как обычный разговор между настойчивым ухажером и не желающей отвечать ему взаимностью барышней.

Х.К. Андерсен проводит параллель между уютной щеткой и «прелестной вдовушкой», ножницы сравнивает с танцовщицей: «Никогда не забыть мне моей первой невесты... Она бросилась из-за меня в лохань! Была тоже одна вдовушка; она дошла просто до белого каления! Но я оставил ее и она почернела от горя! Еще была первая танцовщица; это она ранила меня, – видите?» [10, с. 424]. Данный монолог показывает, что многие фразы можно воспринимать как в прямом, так и в переносном значении. Например, в прямом значении фраза «она бросилась из-за меня в лохань» говорит о том, что подвязку стирали, а в переносном, что она утопилась из-за любви. Выражение «она дошла просто до белого каления!» в прямом значении означает, что уютная щетка нагрелась, в переносном – разозлил до предела. «Ранила», то есть порезала, и «ранила» – принесла сильные страдания душевного плана.

Т.И. Сильман также отмечает, что «художественный метод Андерсена направлен на создание двух одновременно развивающихся сюжетных линий. На первом плане находится более простой, конкретно-предметный образ, переживающий детски-сказочные приключения, за которым стоит его взрослый двойник, история которого, понятная лишь благодаря сложной системе переносных смыслов, в конечном счете более обычна и жизненно реальна» [12, с. 20]. Например, в сказке Х.К. Андерсена «Стойкий оловянный солдатик» события показаны одновременно в двух планах: один – реалистичная история, происходящая с оловянным солдатиком, а другая – антропоморфизированный вариант тех же событий. Х.К. Андерсен пишет о солдатиках: «Все они были сыновьями одной матери – старой оловянной ложки – и, значит, приходились друг другу родными братьями» [8, с. 55]. Реалистический план: оловянные солдатик были отлиты из оловянной ложки. Антропоморфный план: оловянная ложка была матерью оловянных солдатиков. Объяснение причины происходящего дается одновременно в двух планах. Например, «оловянному солдатику стало ужасно жарко – от огня или от любви, он и сам не знал» [8, с. 61].

Солдатик внешне ведет себя как простая детская игрушка. Это обычное неодушевленное существо, перемещение которого в пространстве происходят в результате внешнего воздействия на него, причем носят совершенно реалистический и жизнеподобный характер: сквозняк выбрасывает его в окно, мальчишки отправляют плавать по водоему на лодочке из старой газеты и т.п. А всё, что связано с антропоморфизацией главного героя, происходит не на уровне внешнего проявления, а на уровне внутреннего монолога, чувств, внутренних мотиваций, но в данном случае мотивируется не причина его действий, а, наоборот, причина бездействия. Например: «Если бы солдатик крикнул: «Я тут!», они, конечно, сейчас же нашли бы его. Но он считал неприличным кричать на улице» [8, с. 58]. Как видим, Х.К. Андерсен вводит, кроме предметов, которые своим обликом напоминают людей, и те вещи, которые, казалось бы, далеки от антропоморфного представления. Это и воротничок, и подвязка, и ножницы, и копейка и т.п. Вполне возможно, что именно это обстоятельство послужило причиной создания в данных произведениях не классического типа антропоморфного персонажа, а дуалистического.

Т.И. Сильман в упомянутой статье акцентирует внимание на том, что подобные «колебательные движения двойного образа» – это «момент чисто андерсеновской поэтики» [12, с. 20]. Но изучение большого пласта литературы показало, что данная специфика характерна не только для творчества Х.К. Андерсена. Так, М.И. Мушинский в статье «Шэдэур беларускага прыгожага пісьменства», посвященной «Казкам жыцця» Я. Коласа, отмечает, что отличительной чертой данного произведения является то, что в нем соединяются «два противоположных, оппозиционных начала – сказочный и реальный» [13, с. 95]. Заметим, что со сказочным началом в сборнике связан антропоморфный план содержания, а с реальным, соответственно, реалистический план содержания. Как видим, оба исследователя говорят об одном и том, но называют по-разному.

Например, в сказке Я. Коласа «Крыніца» («Источник») также сливаются воедино две действительности, одна из которых – это реальные процессы и изменения в природе, а другая имеет иносказательный смысл – изменения и их последствия в жизни человеческого общества. Так, в сказке гора предстает как мать по отношению к источнику, ведь она «дала ёй (крыніце) пачатак жыцця» [14, с. 154]. Гора, как мать, волнуется за будущее «своего ребенка» (антропоморфный план), так как предчувствует изменения в природе (реалистический план), дает советы, как лучше поступить: «Ты паглядзі, вунь там, бачыш, стаяць горы... Гэта ўсё мае сваячкі, і не сьгоння-заўтра яны, таксама як і я, дадуць пачаткі новым крынічкам... Яны будуць бегчы сюды, і калі б ты пачакала, дык яны зліліся б з табою» [14, с. 157]. Если говорить про антропоморфный план, то высказывается надежда на единение общества, народа, что сделает его независимым от влияния других: «Гады б вы сталі магутнай ракою, і ў гурце вам не страшна было б каціцца ў свет: вас ніхто не адолее, і вы не страціце сябе на чужыне» [14, с. 157]. В сказке «Зло – не заўсёды зло» желуди подаются как сыновья дуба, что также соотносится с действительностью: желуди растут на дубе, значит, являются его потомством. А в сказке «Вадаспад» отражены родственные отношения между различными формами воды: водопадом, дождем, росой и речкой. Если рассматривать сказку Я. Коласа «Стары лес», то реалистический план – это буря, в результате которой сильно пострадали многие деревья, антропоморфный – война между людьми. Шум леса, вызванный сильным ветром, Я. Колас интерпретирует как ссору между деревьями.

В сказках Я. Коласа не только при изображении природных объектов, но и представителей фауны наблюдаются антропоморфный и реалистический планы выражения и содержания. Антропоморфизм проявляется на уровне диалогов между животными и птицами, отражающими их мысли, стремления, но их действия, поступки – действия и поступки животных, а не людей, в отличие, например, от народных сказок, где лиса выходит замуж за козла, журавль сватается к цапле, а медведь с лисой живут вместе в избушке, как родственники. Например, то, что Я. Колас в сказке «Як птушкі дуб ратавалі» называет дятла доктором, который лечит деревья, вполне соответствует существующей реальности, так как дятел, действительно, поедая червей, которые заводятся в деревьях, помогает деревьям не болеть. В отличие от стихотворной сказки «Беда петушка» Р.А. Кудашевой, где автор изображает в качестве доктора Гуся, что уже не может соответствовать объективной реальности жизни.

В сказках Я. Коласа не поддаются персонификации и такие явления, как солнце, ветер и т.п., в отличие от народных сказок, где, например, Морозко – персонификация мороза, зимы. Сказка «У чым іх сіла» – единственная у Я. Коласа, относительно которой можно говорить о наличии в ней антропоморфных персонажей. Вероятно, именно по этой причине Я. Колас и исключил ее из итогового перечня сказок, входящих в сборник. В итоге данная сказка обычно печатается в качестве приложения к нему. С «Казкамі жыцця» Я. Коласа можно сравнить и рассказ Ядвигина Ш. «Дуб-Дзядуля», где, например, действия ёлок по отношению к дубам, подтверждающие их «сварливость», также изображаются автором в реалистическом ключе: «Міргнеш ім, бывала, жалудком, а яны табе шышкай у бок» [15, с. 29].

Так, и в философской лирике М.Ю. Лермонтов («Утес», «Тучи», «Парус» и т. п.), изображая пейзажные зарисовки (реалистический план), показывает людей и их духовный мир, переживания (антропоморфный план). Например, парус в одноименном стихотворении М.Ю. Лермонтова ассоциируется не только с реальным парусом, но и с человеком, на долю которого выпало много испытаний («бурь»). Теме одиночества человека («утеса-великана») посвящено стихотворение «Утес».

В аллегорической повести-сказке А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» процесс созревания и начала цветения розы также антропоморфизируется за счет использования переносного значения слов и выражений. Рассмотрим следующий отрывок: «неведомая гостья, еще скрытая в стенах своей зеленой комнаты, все готовилась, все прихорашивалась. <...> Она хотела показаться во всем блеске своей красоты. Да, это была ужасная кокетка! ... И вот наконец, однажды утром, едва взошло солнце, лепестки раскрылись» [16, с. 28–29]. Итак, «зеленая комнатка» – это нераскрывшийся бутон, «готовилась», «прихорашивалась», «наряжалась» – все это свидетельствует о формировании бутона перед тем, как цветок распухнет. Затем упоминается о том, что она «проснулась», «родилась вместе с солнцем», следовательно, распустилась.

Как видим, в данных произведениях природа антропоморфизирована с сохранением реалистичной достоверности, но не персонифицирована, как, например, в сказке итальянского писателя Дж. Родари «Приключения Чиполлино», где перед нами представлено феодальное общество, которое разделено на богатых (принц Лимон, синьор Помидор и др.) и бедных (луковая семья Чиполлино, кум Тыква и др.).

В «Притче о молочке, овсяной кашке и сером котике Мурке» русского писателя Д.Н. Мамин-Сибиряка Молочко и Кашка также очеловечиваются только на уровне плана содержания: они наделяются психическими свойствами, характерными для людей (например, могут сердиться, хвастаться, ворчать), но на уровне плана выражения (представление о внешности, их деятельности) антропоморфностью не обладают. Антропоморфный план создается за счет лексики, используемой автором. Так, кипение каши на плите автор интерпретирует как ворчание: «она ворчала в своей кастрюле, как старушка» [17, с. 226].

Если анализировать жанр басни, то станет понятно, что проявление антропоморфизма в разных баснях на уровне персонажа имеет свою специфику. Так, для басен характерно наличие не только классических антропоморфных персонажей – носителей определенных человеческих пороков или представителей определенного социального статуса, но и дуалистических антропоморфных персонажей. Рассмотрим несколько басен в качестве примера подобных персонажей.

Например, в басне И.А. Крылова «Кот и повар» кот в своих действиях изображен баснописцем как обычное животное: он занимается тем, что поедает жаркое, пока повар произносит нравоучительный монолог в его адрес. Как видим, в данном случае поведение кота напрочь лишено антропоморфизации. Но, с нашей точки зрения, не все так однозначно, так как басня – аллегорическое произведение, а аллегория представляет собой своеобразное поэтическое иносказание, при котором под конкретным образом-представлением (планом выражения) автор понимает какое-либо абстрактное понятие (план содержания), но не называет его. Следовательно, обязательным условием наличия антропоморфных персонажей является антропоморфный план содержания: персонажи должны быть антропоморфными по своей сути (наличие социальной и психологической характеристики). Значит, басня отражает жизнь человека в образах животных, растений, вещей и т.д. В итоге под каждым из персонажей басни подразумеваются именно люди определенных сословий, наделенные определенными чертами характера, осуждаемыми автором. Это дает основание утверждать, что все персонажи-нелюди в басне – антропоморфные персонажи. Следовательно, под котом из басни, несмотря на реалистичную форму изображения, также понимается человек, наделенный определенными качествами. «А Васька слушает, да ест» [18, с. 70] – так говорят о людях, которые игнорируют любые замечания в свой адрес.

В басне «Пчолы і трутні» Я. Купала также сочетает одновременно два плана повествования: реалистический и антропоморфный. Так, во время разговора крестьянина и некоего персонажа в черном проводится параллель между пчелами и трутнями и крестьянами и господами. Пчела – работница, т.е. трудовой народ, трутень – лентяй, символ бездействия, т.е. дворянин. В результате пчелы и трутни, с одной стороны, реальные, неантропоморфизованные насекомые, а с другой стороны, под ними подразумевают людей определенных сословий.

Дуалистические антропоморфные персонажи – это не всегда результат совмещения реалистического и антропоморфного планов. В отдельных случаях эффект дуалистичности возникает, когда происходит смена ракурса изображения персонажей-нелюдей. Термин «ракурс», используемый в живописи и кино, аналогичен термину «точка зрения» в литературоведении. По мнению Ю.М. Лотмана, «точка зрения» (или ракурс) «становится осязаемым элементом художественной структуры с того момента, как возникает возможность смены ее в пределах повествования» [2, с. 192]. Произведение в этом случае строится так, что каждая из этих точек зрения, присутствуя в нем, по-разному акцентируется в разных частях текста. При такой структуре текста «художественные точки зрения не фокусируются в едином центре, а конструируют некий рассеянный субъект, состоящий из различных центров, отношения между которыми создают дополнительные художественные смыслы» [2, с. 193]. В результате персонажи в рамках одного произведения могут являться, например, с одной стороны, антропоморфными, а с другой, антропоморфизованными. Всё зависит от ракурса подачи материала автором в различные моменты повествования.

Примером подобных дуалистических антропоморфных персонажей служит научно-фантастический социально-сатирический роман французского писателя П. Буля «Планета обезьян». Автором изображен мир обезьян, которые в результате эволюции сумели создать общество, подобное человеческому социуму по своей структуре, типу общения между отдельными классами и отдельными индивидуумами. То есть для представления мира обезьян характерно антропоморфизованное мироустройство (социоморфизм) их общества. Так, автор подразделяет обезьян на «три расы» (гориллы – организаторы и управленцы, орангутанги – представители официальной науки, государственные деятели, шимпанзе – интеллигенция), что подчеркивает сходство обезьяньего общества с человеческим. Здесь также похожая на человеческую государственная система управления: «вся планета управляется кабинетом министров», а Парламент состоит из трех палат: «Палаты горилл, Палаты орангутангов и Палаты шимпанзе» [19, с. 109]. Люди на этой планете, деградировав в результате «мыслительной лени», напоминают зверей, потерявших разум и дар речи.

Автор противопоставляет антропоморфизованных обезьян и зооморфизованных людей, меняя их местами. Он показывает мир обезьян с позиции зооморфизованных людей, как бы их глазами. Это дает возможность читателям посмотреть на взаимоотношения между людьми и зверями глазами животных. Так, люди считают нормальным проводить эксперименты на животных, а обезьяны на Сороре над людьми. С одной стороны, на примере обезьяньего общества П. Буль показывает некоторые негативные черты человеческой цивилизации, например, повествователь отмечает, что и «у нас тоже были свои орангутанги, составлявшие идиотские программы, оглушавшие молодежь» [19, с. 112]. Но в некоторых аспектах обезьянья цивилизация совершеннее человеческой, скажем, приматы не воюют: здесь нет расовой ненависти и борьбы.

Есть и иные факторы, не дающие в полной мере воспринимать обезьян как антропоморфных персонажей. Во-первых, подробное описание внешности очеловеченных обезьян, с одной стороны, подчеркивает их антропоморфизацию, которая в первую очередь затрагивает такие культурные маркеры человеческого мира, как одежда, у женщин-обезьян – макияж, а также наличие осмысленности во взгляде, мимике, жестах, но, с другой стороны, подробное описание лица, а точнее обезьяньей морды (глаза, нос, губы, цвет

кожи и т.п.), не дает возможности воспринимать обезьян как людей в полной мере. Помимо уже перечисленного есть также некоторые особенности в одежде – вместо обуви кожаные перчатки, вместо пешеходных дорожек – «воздушные переходы из металлической сети» [19, с. 100]. Во-вторых, от восприятия обезьян, как антропоморфных персонажей по своей внутренней сути, отдаляет также присутствие на планете хотя и зооморфизированных (деградировавших), но людей, а также тот факт, что цивилизация обезьян – это результат эволюции обычных, прирученных людьми приматов.

Роман характеризуется сменой ракурсов представления в разные моменты повествования. Так, взгляд главного персонажа отличается от взгляда на него цивилизации обезьян: «Всякий раз, когда она говорила «обезьяна», я переводил про себя: высшее существо, вершина эволюции. Когда же она упоминала о людях, я знал, что речь идет о животных» [19, с. 93]. Так, космические путешественники Джин и Филлис, читающие рукопись главного героя романа Улисса Меру, на протяжении всего романа воспринимаются читателями как люди. Автор намеренно не указывает на те детали, которые могли бы убедить читателя в обратном. То, что это обезьяны, становится очевидно лишь в самом конце романа, когда «Филлис энергично потрясла волосатыми ушами, припудрила свою очаровательную мордочку самки-шимпанзе» [19, с. 197]. Внешняя антропоморфизация обезьян проступает в отдельных местах романа как восприятие их главным героем-повествователем, который замечает «постепенное угасание в ... сознании представления об окружающих как об обезьянах» [19, с. 132].

В романе китайского писателя Мо Яня «Устал рождаться и умирать», в основу сюжета которого положено представление о реинкарнации с точки зрения буддизма – переходе бессмертной души из одного тела в другое, наблюдается наличие множества ракурсов изображения главного персонажа романа, формирующее широкий спектр различных точек зрения на действительность, представленную в произведении. Повествование начинается с того момента, когда главного героя романа Симэнь Нао после двух проведенных в аду лет отпускают на землю, но уже не в человеческом, а в зверином облике – отрабатывать кармический долг.

С одной стороны, приобретение главным героем романа зооморфного облика в результате процесса реинкарнации и перерождения в разных животных приводит к постепенной зооморфизации его мировосприятия. Так, анализируя свое внутреннее состояние и восприятие мира, Симэнь Нао приходит к выводу, что именно внешние жизненные факторы влияют на то, какое из его внутренних «Я» начинает доминировать в определенный момент. Занимаясь тем, что связано с жизнью животных, он воспринимает мир с позиции животного. А вот появление людей из прошлой человеческой жизни, наоборот, вызывает в нем воспоминания, которые пробуждают человеческие чувства и стремления.

С другой стороны, если говорить о внешнем восприятии главного героя-животного другими персонажами, то их представление о нем имеет антропоморфизирующий характер. Так, несмотря на зооморфное воплощение, его хозяин Лянь Лянь относится к нему, как к человеку: он верит в реинкарнацию души его хозяина в теле животного. Антропоморфизированное восприятие персонажа-животного остальными людьми вызвано реакцией на несвойственное для животного поведение. Так, во время воплощения в теле свиньи Симэнь Нао целенаправленно демонстрирует окружающим, что он необычная свинья: «Я пошлёпал губами, широко зевнул, закатил глаза и потянулся. В толпе раздался смех, и кто-то сказал: "Э-э, разве это свинья? Ну совсем как человек, всё умеет!"» [20, с. 323]. Только воплотившись в собаку, главный герой перестает воспринимать мир как человек. В результате и восприятие его окружающими перестает быть антропоморфизированным. Но при этом повествование от лица персонажа-животного вызывает антропоморфизацию мироустройства и взаимоотношений между животными. Особенно наглядно это видно на примере сообщества собак, которое возглавляет перевоплотившийся в пса главный герой романа.

Если посмотреть с одного ракурса, нарратором является большеголовый ребёнок Лянь Цяньсуюем, в которого после пяти животных жизней перерождается Симэнь Нао, а если с другого, то не все так однозначно, так как каждая история, рассказанная данным нарратором, – это три совершенно разные истории осла, свиньи, собаки, которые обладают разным мировоззрением, характером, темпераментом, следовательно, и язык повествовательной манеры каждого в значительной степени отличается. Всё вышесказанное дает право нам говорить о главном герое романа Мо Яня «Устал рождаться и умирать» именно как о дуалистическом антропоморфном персонаже.

Заключение. Изучение большого корпуса художественных текстов дало возможность выделить две разновидности антропоморфных персонажей относительно специфики проявления антропоморфного плана выражения: моноистические антропоморфные персонажи – персонажи, для которых характерно единство антропоморфного плана содержания и антропоморфного плана выражения, подразумевающее под собой непротиворечивость и отсутствие двойственности восприятия данных персонажей, и дуалистические антропоморфные персонажи («Казки жыцця» Я. Коласа, сказки Х.К. Андерсена) – персонажи, возникающие как результат двойственности плана выражения и плана содержания (одновременного совмещения реалистического и антропоморфного планов) либо в результате наличия нескольких ракурсов изображения персонажа («Планета обезьян» П. Буля, «Устал рождаться и умирать» Мо Яня).

Моноистические антропоморфные персонажи имеют также различные формы воплощения. Выявление данных особенностей воплощения дало основание выделить два следующих типа антропоморфных персонажей относительно специфики объекта: и классические антропоморфные персонажи (основной тип) и генетически синекдохальные антропоморфные персонажи («Штопальная игла» Х.К. Андерсена, «Нос» Н.В. Гоголя и др.). Основное отличие классического антропоморфного персонажа и генетически синекдохального заключается в том, что для генетически синекдохального антропоморфного персонажа характерна антропоморфизация части человека, а для классического антропоморфного персонажа очеловечивание того, что по своей сути не является человеком, т.е. животных, птиц, насекомых, растений, а также различные абстрактные явления (время), различные «живые» предметы (куклы, роботы), сверхъестественные существа (например, Баба Яга, Кошечей Бессмертный), персонифицированные силы природы (например, Морозко), а также многие другие представители как низшей (например, домовые, черти), так и высшей мифологии (боги).

ЛИТЕРАТУРА

1. Введение в литературоведение : учеб. пособие / Л.В. Чернец [и др.] ; под ред. Л.В. Чернец. – М. : Высш. шк., 2006. – 680 с.
2. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 384 с.
3. Морозов, И.А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре (Кросс-культурное исследование идеологии антропоморфизма) / И.А. Морозов. – М. : Индрик, 2011. – 352 с.
4. Большая Российская энциклопедия : в 30 т. / пред. науч.-ред. совета Ю.С. Осипов ; отв. ред. С.Л. Кравец. – М. : Большая рос. энцикл., 2005. – Т. 2. – 766 с.
5. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская; отв. ред. А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1978. – 200 с.
6. Ожегов, С.И. Словарь русского языка : ок. 53 000 слов / С.И. Ожегов ; под общ. ред. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М. : Оникс : Мир и образование, 2010. – 1200 с.
7. Гоголь, Н.В. Повести. Пьесы. Мертвые души / Н.В. Гоголь. – М. : Худож. лит., 1975. – 654 с.
8. Андерсен, Х.К. Сказки / Х.К. Андерсен. – Минск : Народная асвета, 1967. – 312 с.
9. Сказки народов Европы : в 10 т. / сост. А.Л. Налепин. – М. : Дет. лит., 1988. – Т. 4 : Сказки народов Европы. – 719 с.
10. Андерсен, Х.К. Сказки и истории : в 2 т. / Х.К. Андерсен ; пер. с датск., вступ. ст. Т.И. Сильман. –Л. : Худ. лит., 1977. – Т. 1. – 584 с.
11. Шварц, Е.Л. Пьесы / Е.Л. Шварц. – М. : Флюид ФриФлай, 2008. – 496 с.
12. Сильман, Т.И. Сказки Андерсена / Т.И. Сильман // Сказки и истории : в 2 т. – Л. : Худож. лит., 1977. – Т. 1. – С. 5–27.
13. Мушыньскі, М.І. Шэдэўр беларускага прыгожага пісьменства / М.І. Мушыньскі // Песні жальбы. Казкі жыцця / Я. Колас. – Мінск : Маст. літ., 2007. – С. 95–103.
14. Колас, Я. Песні жальбы. Казкі жыцця / Я. Колас. – Мінск : Маст. літ., 2007. – 230 с.
15. Ядвігін, Ш. Выбраныя творы / Ядвігін Ш. – Мінск : Маст. літ., 2006. – 239 с.
16. Сент-Экзюпери де, А. Маленький принц / А. де Сент-Экзюпери ; пер. с фр. Н. Галь. – М. : Молодая гвардия, 1963. – 96 с.
17. Сказки русских писателей / сост. В.П. Аникин, вступ. ст. Л.С. Савик. – Минск : Юнацтва, 1984. – 352 с.
18. Крылов, И.А. Басни / И.А. Крылов. – Минск : Юнацтва, 1990. – 237 с.
19. Буль, П. Планета обезьян / П. Буль ; пер. с фр. Ф. Мендельсона. – М. : Захаров, 2001. – 210 с.
20. Мо Янь. Устал рождаться и умирать : / Мо Янь ; пер. с кит., примеч. И. Егорова.– СПб. : Амфора, 2014. – 703 с.

Поступила 12.06.2020

THE VARIETIES OF ANTHROPOMORPHIC CHARACTER-IMAGES IN FICTION

A. ALSHEUSKAYA

The article is devoted to the distinction between anthropomorphic characters using as a base the varieties of manifestation of the anthropomorphic plan of expression, and the types of these characters relatively to the specific object of anthropomorphization. By the manifestation of the anthropomorphic plan of expression, two varieties of anthropomorphic characters are distinguished: 1) monoistic anthropomorphic characters; 2) dualistic anthropomorphic characters. Amongst the monoistic anthropomorphic characters, two types are identified with respect to the specificity of the object undergoing anthropomorphization: 1) classical anthropomorphic characters; 2) genetically synecdochal anthropomorphic characters.

Keywords: *anthropomorphism, plan of content, plan of expression, anthropomorphic character, monoistic anthropomorphic character, classical anthropomorphic character, genetically synecdochal anthropomorphic character, dualistic anthropomorphic character.*

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'44

К ИСТОРИИ ВОПРОСА О ФОРМАЛИЗАЦИИ СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВ

канд. филол. наук, доц. **Е.П. БЕТЕНЯ**
(Минский государственный лингвистический университет)
elbet@mail.ru

В статье рассматриваются подходы к комплексному типологическому описанию языков, которые представляют собой различные модели формализации представления их сопоставительно-типологических характеристик – в виде типологического паспорта языка, модели реферата. Указанные подходы свидетельствуют о стремлении к созданию систематизированных массивных баз данных языковой информации («Языки мира», «Всемирный атлас языковых структур»), которые могут служить основой для детализированного сопоставительно-типологического изучения языков, в том числе неблизкородственных и разноструктурных. Такие стандартизированные модели комплексного описания языков позволяют выявить культурную маркированность языковых единиц и целых языковых подсистем, а также являются актуальными с точки зрения их потенциала для автоматизации информационного поиска и использования методов компьютерной обработки лингво-типологических данных.

Ключевые слова: *типологический паспорт языка, культурно-типологический паспорт языка, модель реферата, сопоставительно-типологическое описание языков, детализация типологического паспорта, электронная база данных «Языки мира», Всемирный атлас языковых структур.*

Введение. В 1970–80-х гг. активно начали разрабатываться подходы и принципы комплексного типологического, а также сопоставительно-типологического описания языков мира. В результате появились различные модели экспликации содержательных характеристик языков с точки зрения формализации представления информации о них. Одной из самых первых таких моделей можно считать сопоставительное описание языков на основе их *типологических паспортов* [1; 2]. Идея создания такого паспорта принадлежит В.Д. Аракину, который применил в лингвистике практику, существующую в области техники, где широко применяются технические паспорта, которые представляют собой официальные документы, содержащие основные технические характеристики какого-либо механизма, агрегата и т.д., данные об их конструкции, технических свойствах, эксплуатационных качествах [3]. По аналогии с этим типологический паспорт языка представляет собой краткую и обозримую суммарную характеристику особенностей конкретного языка. Таким образом, типологический паспорт – это типовая схема, модель, отражающая в унифицированной форме сущностные характеристики языка.

Основная часть. Типологический паспорт языка, являясь основанием для сопоставительного исследования, может выполнять две взаимосвязанные роли. С одной стороны, типологический паспорт языка может стать результатом тщательного типологического изучения ведущих признаков структуры языка и выделения из них наиболее существенных, определяющих типологический облик данного языка [3]. На основе таких признаков и составляется типологический паспорт конкретного языка, который является конечной целью его описания в типологическом отношении. Примеры именно такого рода типологических паспортов мы и находим у В.Д. Аракина [3]. С другой стороны, типологический паспорт языка (как инвариантная модель с заранее заданным набором пунктов, отражающих наиболее существенные черты языковой структуры) может выступать в роли инструмента сопоставительно-типологического анализа языка, в ходе которого осуществляется своего рода «заполнение» пунктов паспорта. Иными словами, за отправную точку изучения языка в сопоставительно-типологическом плане берется некая абстрактная модель, составленная с учетом основных характеристик и особенностей, присущих человеческому языку вообще, что позволяет проследить (при его заполнении с применением данных конкретных языков), как проявляются эти характеристики и особенности в структуре конкретного языка. Отметим, что В.Д. Аракин разработал такой абстрактный типологический паспорт, в который необходимо включать следующие пункты:

- 1) состав фонемного инвентаря;
- 2) структура фонемного инвентаря;
- 3) ударение;
- 4) структура слога;

- 5) интонация;
- 6) состав грамматических категорий;
- 7) словосочетания;
- 8) предложение;
- 9) структура слова;
- 10) структура словарного состава;
- 11) словообразование;
- 12) общее заключение (типологическая характеристика языка, которая формулируется на основании учета всех типологических показателей).

Так как описание языка, представленное в типологическом паспорте, отражает лишь его основные типологические характеристики, то очевидно, что эти самые характеристики могут быть далее подвергнуты более детальному анализу с тем, чтобы выявить скрытые за поверхностной структурой языка его глубинные тенденции. Такая детализация типологического паспорта языка имеет несколько аспектов.

Можно пойти по пути количественного увеличения пунктов типологического паспорта, включив в него ряд дополнительных признаков, причем не только собственно языковых. Так, помимо основных фонетических, грамматических, синтаксических и лексических особенностей, типологический паспорт может содержать информацию об орфоэпической и орфографической нормах языка, его графическом своеобразии и т.д. В результате речь может идти о так называемом культурно-типологическом паспорте языка.

Очевидно, что такой подход к проблематике типологического паспорта позволяет получить представление лишь о внешнем облике языка, при этом его внутренняя организация остается достаточно скрытой и представлена не так наглядно. Однако если пойти по пути содержательного углубления уже имеющихся в нем пунктов, осуществить дальнейшую градацию содержания на уровне каждого пункта, то это даст возможность путем выделения внутри них подпунктов и аспектов рассмотрения языковых явлений выявить глубинные связи и закономерности структуры языка. Исследования В.А. Головина, который разработал алгоритм и критерии сопоставительного анализа лексической категории для типологического паспорта языка, иллюстрируют именно такой детализирующий подход [4]. Примером практического воплощения такого подхода могут служить исследования А.А. Игониной, которая, используя принципы и критерии, предложенные В.Д. Аракиным и В.А. Головиным, предприняла попытку более детально разработать критерии для типологического паспорта лексических категорий:

- I. Семантический критерий:
 - 1) значение, выражаемое лексической категорией;
 - 2) делимость/неделимость состава лексической категории на смысловые группы;
 - 3) степень зависимости от экстралингвистических факторов;
 - 4) открытость/замкнутость лексической категории.
- II. Формальный критерий:
 - 1) состав и тип маркеров: последняя основа сложного слова, аффиксы, полуаффиксы и т.д.;
 - 2) процентное соотношение способов образования лексических единиц;
 - 3) моноцентрическая/полицентрическая лексическая категория (под моноцентрической лексической категорией мы понимаем лексическую категорию, имеющую один тип маркеров, например, только суффиксы; под полицентрической лексической категорией мы подразумеваем лексическую категорию, имеющую различные типы маркеров, например суффиксы и последние основы сложных слов и т.д.);
 - 4) наличие/отсутствие способов выражения семантики лексической категории, выходящих за рамки уровня слова; при наличии последних их соотношение со способами выражения семантики лексической категории на уровне слова.

III. Функциональный критерий: типологически существенная лексическая категория в одном языке – слабая лексическая категория в другом языке [5, с. 101–102].

На основе практического применения данных критериев А.А. Игониной был разработан типологический паспорт лексической категории «место трудовой деятельности» в современном немецком языке [5]. Таким образом, типологический паспорт языка представляет собой действительно функционально эффективную модель стандартизированного сопоставительно-типологического описания языков.

Примерно в одно время с возникновением концепции типологического паспорта языка появилась другая модель комплексного описания языков, которая представлена разработкой многотомного энциклопедического издания «Языки мира» в Институте языкознания РАН. Поскольку «описание всех языков, независимо от их генетической принадлежности и социального статуса, выполняется в сопоставимой форме, по единым стандартам», то таким образом формируется база данных для любых сопоставительных и типологических исследований [6].

Статьи об индивидуальных языках написаны по единым стандартам в соответствии с типовыми схемами или «моделями реферата» [7]. По существу, типовые схемы представляют собой переработанный

и расширенный вариант типологического паспорта В.Д. Аракина, т.е. количественно и качественно «детализированный». Так, например, модель реферата содержит следующую информацию, не включенную в типологический паспорт:

- 1.1.0. Общие сведения
 - 1.1.1) варианты названия
 - 1.1.2) генеалогические сведения
 - 1.1.3) распространение; число говорящих
- 1.1.0. Лингвогеографические сведения
 - 1.2.1) общий диалектный состав
- 1.3.0. Социолингвистические сведения
 - 1.3.1) коммуникативно-функциональный статус и ранг языка
 - 1.3.2) степень стандартизации
 - 1.3.3) учебно-педагогический статус
- 1.4.0. Тип письменности
- 1.5.0. Краткая периодизация истории языка
- 1.6.0. Внутривидовые явления, обусловленные внешнеязыковыми контактами [6].

Даже беглый взгляд на приведенную типовую схему позволяет сделать вывод о том, что фактически в модели реферата реализована идея разработки культурно-типологического паспорта языка, о котором мы вели речь ранее в данной статье.

Кроме того, в модели реферата приводится более детальное внутривидовое описание фонетики, грамматики и лексики, что может быть проиллюстрировано сопоставлением следующих соотносительных пунктов типологического паспорта языка и модели реферата (см. полную схему: [8, с. 470–471]):

<p>6. Состав грамматических категорий – данные по всем грамматическим категориям данного языка: категория падежа, рода, числа, детерминативности и др.; тип морфемных швов и характер морфем агглютинативных, флексий и др.</p> <p>10. Структура словарного состава – лексические категории, существующие в языке, общая характеристика отдельных лексико-грамматических разрядов, т.е. частей речи.</p>	<p>2.3.0. Семантико-грамматические сведения</p> <p>2.3.1. критерии выделения частей речи; категориальные способы выражения универсальных значений (общая характеристика)</p> <p>2.3.2. характер и способ выражения качественных именных классификаций</p> <p>2.3.3. категория числа и способы ее выражения</p> <p>2.3.4. падежные значения и их выражение; характер категорий принадлежности и их выражение</p> <p>2.3.5. характер и способ выражения качественных глагольных классификаций: залоговые, видовые и видовременные значения, наклонения, переходность, породы, версии</p> <p>2.3.6. дейктические категории и способы их выражения: категория лица и имени в глаголе, категория неопределенности/определенности в имени, категория времени в глаголе или в предложении, указание и пространственная ориентация, анафорические средства: выражение отрицания</p> <p>2.3.7. семантико-грамматические разряды слов</p>
--	---

Таким образом, основными характеристиками как типологического паспорта, так и модели реферата являются стандартизованность и унифицированность представления информации о языках, вследствие чего обеспечивается межязыковая сопоставимость этой самой информации.

Практически одновременно с российским проектом «Языки мира» был создан «Всемирный атлас языковых структур» (The World Atlas of Language Structures – WALS) международным коллективом под руководством М. Хаспельмата, М. Драйера, Д. Гила и Б. Комри [9]. Атлас содержит данные по 2560 языкам (из всех семей) и 142 признакам, из которых 128 грамматические. Каждый признак может принимать от 2 до 9 значений, в среднем около 5. К недостаткам атласа относят тот факт, что не все языки описаны по отношению ко всем признакам, при этом отмечается, что в среднем язык в WALS имеет всего около 45 признаков [10, с. 22].

Анализ представленных выше моделей комплексного типологического описания языков свидетельствует о тенденциях к формализации представления информации с одной стороны, а также о стремлении к созданию систематизированных баз данных для сопоставительно-типологического изучения языков, с другой стороны. Такие базы данных могут оказаться особенно эффективными с точки зрения обеспечения необходимого инструментария:

- для упорядочения описания языков мира, выработке их классификаторов, составлению различных типологических и культурно-типологических атласов языков;
- для выделения типологически важных идиоэтнических/культурно-специфических и универсальных черт, а также выявления наличия лакун в структурах различных языков;

– для решения ряда методических задач, возникающих в процессе обучения родному и иностранному языкам (разработка методов и приемов изучения отдельных подсистем языка, в том числе посредством создания сопоставительных грамматик языков, контрастивных лексикографических материалов: контрастивных толково-переводных словарей, контрастивных словарей идиом, словарей безэквивалентной лексики и фразеологии);

– для решения вопросов, относящихся к сфере перевода и переводоведения, где часто из-за неадекватности языковых систем возникают проблемы, связанные с лакунарностью языковых средств и явлений и выбором способа ее компенсации.

Более того, описанные выше модели могут служить инструментом не только собственно лингвистического сопоставления. Так, на основе типологического паспорта или модели реферата можно проводить лингвогеографическое сопоставление различных языков или, в частности, сравнивать их учебно-педагогический статус. Кроме того, указанные выше базы данных – это своего рода информационные системы, которые, описывая язык в формализованных рамках, позволяют извлекать сведения лингвотипологического характера без непосредственного обращения к нормативным грамматикам, более громоздким лингвистическим справочникам и др.

Помимо прочего, стандартизированные модели описания языков представляются чрезвычайно актуальными с точки зрения реализации их потенциала для автоматизации информационного поиска, т.е. использования методов компьютерной обработки лингво-типологических данных. Такая работа уже осуществлена в рамках проектов «Языки мира» и «Всемирного атласа языковых структур», результатом реализации которых явились компьютерные базы данных, доступные в сети Интернет, и бумажные издания [6, 9].

Электронная база данных «Языки мира», созданная на основе текстовых материалов, содержит описания 315 языков Евразии по 3821 признаку, относящемуся к фонетике, морфологии и синтаксису [6; 10, с. 27]. Программная оболочка позволяет осуществлять поисковые, а также содержательные операции. Для проведения количественных типологических исследований важной является операция сравнения, позволяющая по двум выбранным языкам найти все признаки (и подсчитать их число), по которым эти языки совпадают и по которым они отличаются [10].

База данных Всемирного атласа (см. статистические данные выше) включает десятки тысяч справочных статей по различным признакам и языкам. Признаки классифицируются по тематике и по алфавиту, языки – по семьям и регионам. Поисковые средства позволяют находить нужную информацию по комбинации признаков. Кроме того, для каждого признака построена карта Земного шара, на которой кружочками разного цвета обозначены языки с различными значениями выбранного признака. Технически есть возможность генерировать новые карты с заданными свойствами [10, с. 25].

Иными словами, компьютерные базы данных, являясь удобным инструментом хранения и представления большого объема информации о языках, также обеспечивают возможность использования различных математических и статистических методов исследования для сопоставительно-типологического анализа большого массива лингвистических данных. При этом становится возможным трудоемкое сопоставление языков одновременно по десяткам или даже сотням параметров, а также разработка подходов к холистической классификации языков «на основе одновременного учета сотен и более грамматических свойств с применением объективных математических и компьютерных методов анализа» [11, с. 178].

Заключение. Таким образом, использование стандартизированных моделей комплексного описания языков обеспечивает сопоставимость языкового материала независимо от его происхождения, типологической классификации или структурного сходства/разнородности. Сопоставительно-типологическое изучение языков на основе таких типизированных моделей, оперируя заданным (широким) набором лингвистических характеристик, позволяет классифицировать их в рамках триады «универсалии – раритари¹ – уникалии». Обобщение таких данных даст возможность, во-первых, выявить те существенные характеристики, которые эксплицируют глобальные тенденции языкового развития, а во-вторых, систематизировав две последние категории, уточнить и сопоставить языковые картины мира на базе широкого диапазона языков, в том числе неблизкородственных и разноструктурных. Кроме того, использование созданных на основе описанных выше моделей компьютерных баз данных позволяет расширить диапазон подходов к классификации языков с учетом результатов анализа большого количества параметров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бетень, Е.П. Сопоставительное изучение языков на основе типологического паспорта / Е.П. Бетень; Минский гос. лингвист. ун-т. – Минск : МГЛУ, 1997. – 38 с.
2. Бетень, Е.П. От типологического паспорта языка к модели реферата // *Личность – слово – социум : материалы 4-й Междунар. науч.-практич. конф.*, Минск, 14–16 апреля 2004 г. / Отв. ред. В.В. Фалалеев. – Минск : ЧУП «Паркус плюс», 2004. – С. 69–72.

¹ Термин предложен Е.И. Ярославцевой [12].

3. Аракин, В.Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования / В.Д. Аракин. – М. : Высш. шк., 1989. – 158 с.
4. Головин, В.А. Теория типологических паспортов В.Д. Аракина и актуальные проблемы лингвистической паспортизации / В.А. Головин // Вопросы лингвистической типологии, истории языка и лингводидактики. – М. : Владос, 1994. – С. 5–16.
5. Игонина, А.А. Типологический паспорт лексической категории / А.А. Игонина // Известия Росс. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2007. – Т. 16, № 40. – С. 100–103.
6. Компьютерная база данных «Языки мира» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lingvarium.org/langworld/>. – Дата доступа: 22.06.2020.
7. Виноградов, В.А. База данных «Языки мира» как инструмент лингвистического исследования / В.А. Виноградов, А.И. Новиков, Е.И. Ярославцева // Вопросы языкознания. – 2003. – № 3. – С. 3–14.
8. Языки мира. Германские языки. Кельтские языки / глав. редкол.: В.Н. Ярцева, В.М. Солнцев, Н.И. Толстой. – М. : Academia, 2000. – 472 с.
9. The World Atlas of Language Structures Online [Electronic Resource]. – Mode of access: <https://wals.info>. – Date of access: 22.06.2020.
10. Поляков, В.Н. Компьютерные модели и методы в типологии и компаративистике. / В.Н. Поляков, В.Д. Соловьев. – Казань : Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. – 208 с.
11. Поляков, В.Н. Типологическая схожесть языков как метод изучения языковой эволюции / В.Н. Поляков // Вестник РГГУ. Сер. Филол. науки. Языкознание. Вопросы языкового родства. – 2010. – № 16 (59). – С. 177–198.
12. Ярославцева, Е.И. Компьютерная база данных «Языки мира» и ее возможные применения : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.21 / Е.И. Ярославцева; Ин-т языкознания РАН. – М., 2005. – 40 с.

Поступила 23.06.2020

TOWARDS THE HISTORY OF FORMALIZING OF THE COMPARATIVE AND TYPOLOGICAL LANGUAGES DESCRIPTION

E. BETENYA

The article deals with approaches to complex typological description of languages which represent different models of formalizing the presentation of their comparative and typological characteristics of different languages in the form of a typological language passport, abstract model. These approaches illustrate the motivation to create systematized massive databases of language information (World Languages, The World Atlas of Language Structures), which may serve as the basis for a detailed comparative and typological study of languages, including genetically non-related and structurally heterogeneous ones. Such standardized models for a comprehensive description of languages make it possible to reveal the culture-bound aspect of linguistic units and entire linguistic subsystems. In addition, they present relevance as regards their potential for automation of information retrieval and use of computer processing methods for linguistic and typological data.

Keywords: *typological language passport, cultural and typological language passport nacpnm, models of formalizing, comparative and typological characteristics, electronic database World Languages, The World Atlas of Language Structures.*

УДК 811.111'276.6:070

**ВЕРБАЛЬНЫЕ ПРИЕМЫ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
В ТЕКСТАХ ВЫСТУПЛЕНИЙ БРИТАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ**

*канд. филол. наук, доц. О.В. КАЗИМИРОВА, М.Р. НАЙДЕНОК-ПАЙГЕРТ
(Витебский государственный университет им. П.М. Машерова)
kgerfil@vsu.by*

Статья посвящена исследованию текстов выступлений британских политических лидеров с целью выявления наиболее употребительных приемов манипулятивного воздействия на адресата. В частности, определен репертуар разноуровневых средств репрезентации речевой манипуляции, выявлены их процентные показатели, а также лингвопрагматические характеристики. На морфологическом уровне выделены такие частотные приемы, как применение личных местоимений “we” и “I”, разнообразные видовременные формы глаголов, обладающие стилистической окраской. На уровне лексики установлены следующие средства: явления лексической контаминации, фразеологические единицы, неологизмы, термины, жаргонизмы. На синтаксическом уровне зафиксированы риторические вопросы и вставные конструкции, отличающиеся юмористическим подтекстом. В работе также рассматривается ряд частных приемов, обусловленных целевой направленностью манипулятивного процесса.

Ключевые слова: *политический дискурс, политический текст, речевая манипуляция, убеждение, манипулятивное воздействие, адресант, адресат.*

Введение. В современных условиях политическая лингвистика обладает особым смыслом ввиду растущей тенденции к гражданской активности и демократизации общества. Видные государственные деятели получают признание далеко за пределами своей страны, а их имена становятся нарицательными, создавая в сознании реципиента образ всей нации. В рамках политической борьбы цель любого политика – добиться влияния в обществе, утверждения собственных принципов посредством определенного языкового инструментария. Вследствие этого политический дискурс, будучи одним из конститутивных сегментов политической лингвистики, обретает сегодня ряд новых методологических ориентиров. Ключевыми элементами политического дискурса являются его манипулятивная направленность и стремление убедить аудиторию в правильности принципов и идей, преподносимых политической системой. В этой связи требуют глубокого осмысления технологии речевого манипулятивного воздействия, характерные для текстов публичных выступлений политиков. Рассмотрение данного вопроса имеет большое практическое значение, поскольку приемы языкового манипулирования транслируются в массы и субъективно воспринимаются адресатом, формируя лингвосоциальный имидж конкретного политика.

Целью настоящего исследования является выявление и описание разноуровневых языковых маркеров реализации манипулятивного воздействия в текстах выступлений британских политиков. Материалом исследования служат 50 текстов выступлений политических деятелей за 2019–2020 годы, охватывающие широкий тематический спектр: феномен Брексита, распространение коронавирусной инфекции Covid-19, различные внутриэкономические проблемы Великобритании. Длительность роликов варьируется от нескольких минут до часа, а в качестве канала их распространения выступает сайт *Youtube*, презентующий записи выступлений ведущих политических лидеров.

Основная часть. Следует отметить, что текст составляет существенную часть любого политического сообщения. При этом большую роль играет порядок построения речи, правильный выбор фраз, внутреннее содержание высказывания. Так, А.Г. Алтунян констатирует, что политический текст используется «для воздействия на политическую ситуацию путем пропаганды политических идей, эмоционального влияния на граждан, их побуждения к политическим действиям» [1, с. 102], поэтому становится очевидным, что именно вербальные средства выражения мысли выступают одной из главных движущих сил манипулятивного воздействия на аудиторию.

В первую очередь следует подчеркнуть, что вербальные элементы высказывания могут служить механизмом как убеждения, так и манипуляции. В связи с этим важно разграничить приемы убеждения и манипуляции, поскольку убеждение направлено на побуждение человека к определенной деятельности при помощи воздействия на сознание, чувства, волю индивида посредством сообщения, разъяснения и доказательства важности того или иного положения [2, с. 39]. Манипуляция, в свою очередь, подразумевает эксплуатацию собеседника в интересах говорящего, при этом слушатель не осознает, что он лишь является инструментом для достижения целей [3, с. 53]. Более того, убеждение отличается от манипуляции тем, что в первом случае человек осознает и понимает намерения другого, а во втором – этого не происходит. В рамках нашей работы акцент сделан на анализе манипулятивных механизмов воздействия на аудиторию, однако мы также рассмотрим ряд приемов, ставящих своей целью, прежде всего, информирование и убеждение адресата.

Анализ практического материала позволяет обнаружить типичный комплекс языковых маркеров для реализации манипулятивного воздействия на адресата в политических текстах. Частотность выявленных языковых средств в процентном соотношении (%) отображена на рисунке 1.

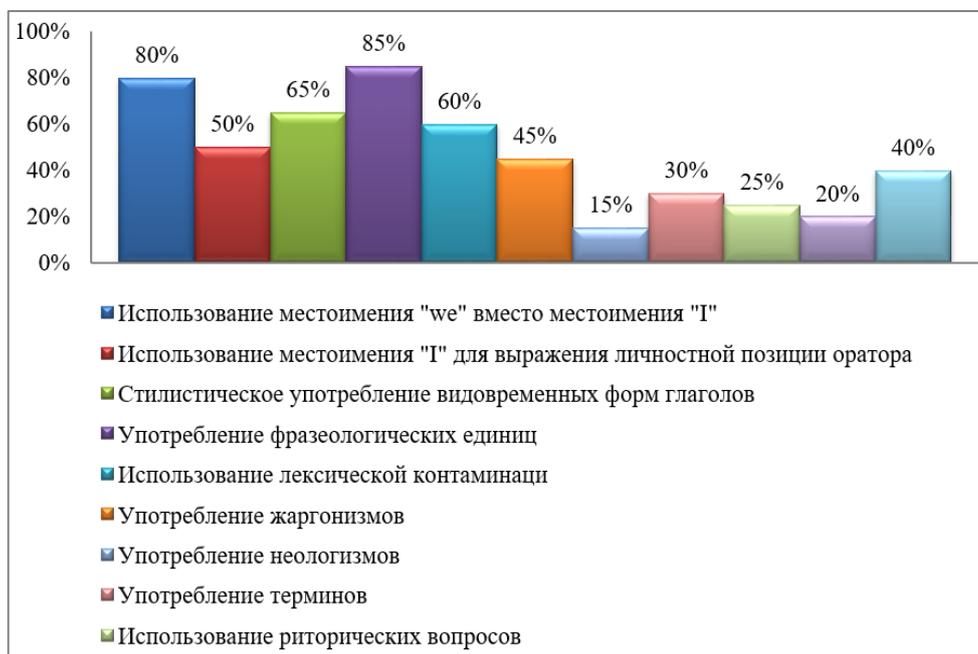

Рисунок 1. – Номенклатура языковых средств манипулятивного воздействия

Приведенный выше рисунок показывает, что в процессе реализации манипулятивного воздействия используются разноуровневые средства языка: морфологические, лексические, синтаксические. Наибольший удельный вес из общей численности языковых средств занимают фразеологические единицы (85%). Поясним, что фразеологическая единица, будучи вербальным кодом с ярким, вызывающим эмоции образом, оказывается востребованным речевым средством манипуляции сознанием. Далее следуют личные местоимения "we" (80%) и "I" (50%), видовременные формы глаголов (65%), лексическая контаминация (60%) и т.д. Наименьший удельный вес составляют неологизмы (15%). Их относительно низкая частотность объясняется сложностями, возникающими при осмыслении содержания новых понятий, которые повышают напряженность политического текста и препятствуют пониманию информации реципиентом. Для того чтобы более подробно продемонстрировать функционирование установленных языковых средств, рассмотрим некоторые примеры.

Так, одним из наиболее часто употребляемых приемов манипуляции на морфологическом уровне является использование **личного местоимения** "we" вместо "I" (в 80% случаев). Применение местоимения "we" первого лица множественного числа в политических текстах обусловлено, в первую очередь, желанием оратора отождествлять себя с аудиторией. Политические деятели часто заявляют, что они были выбраны народом: "...we were elected to make decisions" [4]. В результате, они являются представителями страны на политической арене, такими же гражданами, как и все остальные, однако избранными электоратом с целью защиты прав своих сограждан. В следующем фрагменте местоимение "we" содействует выражению солидарности, единства со своими соотечественниками. В качестве примера следует привести еще один отрывок из речи бывшего премьер-министра Великобритании Терезы Мей по вопросам Брексита: "**Our** history and culture is profoundly internationalist. **Our** political traditions are different, unlike other European countries, **we** have no written constitution. **We** have little history of coalition government" [5]. Выступая перед представителями Европейского союза, Тереза Мей произносит речь от лица всей страны, несмотря на то, что решение поставленного вопроса принималось в стенах парламента. В такой ситуации использование местоимения "we" помогает слушателям ассоциировать выступающего с тем обществом, которое он представляет.

Следует отметить, что зачастую политические деятели обращаются к своим коллегам, призывая их к определенным действиям (в 40% случаев). В данных случаях местоимение "we" обозначает всех представителей британского парламента. Оратор обозначает проблему и призывает других членов палат решить ее совместными усилиями. Обратимся, например, к речи Ли Роули, представителя Северо-восточного Дербишира: "**We** have debated long enough... **We** have a fundamental responsibility in this place to try and resolve these most vast problems and allow our despairing country to move on... In my view we simply must

get Brexit done” [4]. В этих условиях оратор стремится объединить всех присутствующих на выступлении политиков, акцентируя внимание на проблеме Брексита и напоминая парламенту о его роли в обществе, ответственности перед гражданами Великобритании. Ли Роули поднимает крайне важный вопрос для страны. Фраза “*we must get Brexit done*” является репликой-стимулом и употребляется также в других исследуемых нами выступлениях [6; 7]. Исходя из анализа материала, мы можем сделать вывод о доминировании личного местоимения “*we*” в рамках политического текста, значимости его как средства объединения, выражения взаимопонимания и солидарности оратора со своей аудиторией, а также указать на обширность его функций (создание иллюзии единства автора и аудитории, ассоциирование оратора с тем обществом/страной, представителем которых он является, призыв адресата к общим действиям и др.).

Тем не менее нельзя также упускать факт частого применения в политических текстах выступлений личного местоимения “*I*” (в 50% случаев), выполняющего при этом противоположную функцию – разобщения с реципиентом. Заявляя о себе от первого лица, адресант, в первую очередь, «выставляет напоказ» собственную личность, подчеркивает свои успехи и достижения. Местоимение “*I*” может использоваться, когда говорящий отчитывается о проделанной работе, тем самым повышая свою значимость для слушающего, что можно наблюдать в речи представителя избирательного округа Норт-Уэст-Дарем Лоры Пидкок “*Before entering this house I worked for schools, colleges and teachers for nine years... If I can be half a friend or ally to schools in North-West Europe, I will be doing very well*” [8].

Кроме того, с помощью местоимения “*I*” может выражаться личностная позиция оратора. В подтверждение сказанного, обратимся к речи Бима Афолами, представителя округа Хитчин: “*When I was pondering on the absurdity I just had to look at the opposition benchers*” [9]. В своей обвинительной речи адресант затрагивает некоторые противоречия (эксплицированные местоимениями “*they*”, “*their*”), которые имеют место в английском парламенте. Тем самым, автор противопоставляет себя как независимого наблюдателя и политического деятеля членам других партий, которые выступают как единая, обезличенная масса. Крайне значимо, что в данном выступлении значительный акцент сделан на широкую доказательную базу оратора. Свои обвинения говорящий демонстрирует конкретными обстоятельствами: “*Then we see SNP who argue for referendum on Scottish independence? And I say that is being their long-standing position, but yet I don't know why they bother because they refused to accept the referendum happened in 2014, refused to accept the referendum on the European Union in 2016. Then why they think another referendum in Scotland would get them what they want? I don't really know, they...*” [9]. Благодаря чередованию местоимений “*I*” и “*we*” Биму Афолами удастся достичь большей выразительности и аргументированности высказываемых тезисов, что приводит к эффективному сочетанию приемов убеждения и манипуляции.

Лингвостилистическую выразительность речам британских политических деятелей придают разнообразные **видовременные формы глаголов** (в 65% случаев). Так, в следующей речи Дэвида Кэмерона в целях демонстрации имеющихся успехов и достигнутых результатов, оратор использует ряд глаголов, стоящих в форме настоящего совершенного времени: “*For all our connections with the rest of the world of which we are mightily proud we have always been a European power and we always will be. ...we have helped to write the European history and Europe has helped to write ours. Over the years Britain has made its own unique contribution to Europe: we have provided a heaven to those fleeing tyranny and persecution*” [10]. С помощью функционирования перфектных форм адресант акцентирует внимание адресата на достижениях Великобритании и подчеркивает ее значимый вес, как в европейской, так и международной политике.

Для демонстрации стилистически маркированных глаголов, эксплицирующих эмоциональное состояние политика, обратимся к тексту выступления королевы Елизаветы II, которое направлено на поддержание нации в тяжелых условиях распространения коронавирусной инфекции: “*We will succeed and that success will belong to everyone of us. We should take comfort while we may still have more to endure better days will return. We will be with our friends again. We will be with our families again. We will meet again*” [11]. В речи говорящего можно наблюдать такие приемы, как личное местоимение “*we*”, позволяющее ассоциировать автора с его аудиторией, повторение структур высказывания (“*We will be with our friends again. We will be with our families again. We will meet again*”), а также глаголов в форме будущего времени (“*will succeed*”, “*will return*”, “*will be*”, “*will meet*”), что придает высказыванию оттенок обещания и уверенности в завтрашнем дне.

Анализируя **лексический уровень** языковой системы, следует отметить стремление оратора к применению в речи лексем, не имеющих лексико-стилистической парадигмы. Характерно, что в публичных выступлениях британским политическим деятелям обычно свойственна нейтральность. Тем не менее широкое распространение получают разнообразные **фразаологические единицы** (в 85% случаев), которые служат средством схожести с разговорным стилем, а также придания речи эмоциональности и экспрессивности. В качестве примера приведем фрагмент из речи Джо Стивенса, представителя Центрального Кардиффа в парламенте: “*...we have despite what the Justice Secretary said earlier a crisis on our hands...*” “*The Justice Secretary is trying his best, I do believe that he is doing that. And I almost have some sympathy for him. It can't be easy having to take up his role equipped with the shovel to clear up what I will politely call*

“*the residue*” that his predecessor, the Leader of the House, left him” [12]. Автор использует фразеологические единицы *to have a crisis in one's hands, to do one's best, to be equipped with the shovel to clear up* для акцентирования внимания реципиента на поставленных вопросах и увеличения воздействующей силы сказанного. Для этих же целей говорящий употребляет лексику сниженного стилистического тона “*residue*” (в значении ‘пережиток’), имеющую отрицательную коннотацию и служащую идентификатором сатирического изображения действительности.

Еще одним ярким приемом манипулятивного воздействия в британском политическом дискурсе выступает **лексическая контаминация** (в 60% случаев). Установлено, что новые речевые единицы получают широкое распространение в текстах выступлений политических деятелей, нередко отражая актуальные реалии политической жизни (*republicrat, guesstimate, swoonderful, frenemy* и т.д.). В качестве примера приведем отрывок из речи Пола Флинна, члена парламента от Ньюпорт-Уэста: “*My friend told me tonight there **gonna** be a documentary, a drama documentary, based on the life of Elizabeth Bryce and I gave a little whoop of joy*” [13].

Анализ показывает, что среди наиболее частотных средств с высоким манипулятивным потенциалом можно отметить и **жаргонизмы** (в 45% случаев). Для демонстрации сказанного, обратимся к уже упомянутому ранее отрывку из речи Пола Флинна, в котором в роли жаргонизма выступает лексема “*whoop*”. В рассматриваемом контексте жаргонизм не несет стилистической нагрузки и является частью лексического вокабуляра автора. В качестве примера стилистически окрашенного жаргонизма процитируем отрывок из речи Джона Манна, члена парламента от Бассетлоу: “*And those who say: it is a **smear**, a **smear** in raising this issue, need to publicly apologize and publicly understand what they are doing and what they are saying...*” [14]. Будучи интонационно маркированным, слово “*smear*” (в значении ‘тянучка’) служит для привлечения внимания слушателей. Адресант стремится вызвать у аудитории эмоциональный отклик, найти среди них поддержку собственной позиции.

В ходе исследования было выявлено, что процесс реализации манипулятивной интенции осуществляется посредством **терминов** (в 30% случаев) и **неологизмов** (в 15% случаев). Подчеркнем, что зачастую термины применяются для полного сокрытия информации. Для иллюстрации сказанного, обратимся к речи Министра финансов Риши Сунака, посвященной планам британского правительства по финансовой поддержке населения в условиях распространения коронавируса. Рассматриваемое выступление изобилует терминами и аббревиатурами экономической направленности: “*job retention scheme*”, “*AVAT*”, “*GDP*”, “*the universal credit standard allowance*”, “*the working tax credit basic element*”, “*the minimum income flow*” и др. [16]. В своем отчете о реализованных мерах Риши Сунак подчеркивает универсальный характер предпринятых руководством действий в борьбе с пандемией, что способствует поддержке всех слоев населения, малого и среднего бизнеса. В данном контексте нагромождение терминов, с одной стороны, придает речи профессиональный оттенок и демонстрирует владение говорящим тематикой выступления, а с другой – создает непроницаемый барьер, который отделяет аудиторию от реального положения дел.

Что касается употребления неологизмов, то в этом случае приведем отрывок из выступления Джесс Филлипс, члена парламента от Бирмингем Ярдли: “*...it is not difficult at all, it is a total pleasure to live amongst **migrocommunities***” [15]. Применяя неологизм “*migrocommunity*” в значении ‘общество мигрантов’, оратор создает приближенный к реальности образ и демонстрирует свой профессионализм в рамках обсуждаемой проблемы.

Как показывают результаты исследования, на синтаксическом уровне в речах британских политических деятелей преобладают **риторические вопросы** (в 25% случаев) и **вставные конструкции**, выражающие юмористическую направленность (в 20% случаев). По нашим наблюдениям, данные приемы встречаются во многих текстах и используются для снятия напряжения, отвода или акцентирования внимания адресата на чем-либо незначительном, а также для создания образа оратора. Постановку риторических вопросов можно обнаружить в речи Найджела Фаража: “*Can you trust Boris Johnson on this issue? Can you trust the conservative party on this issue? “Would we take back what belongs to us? Would we take back our territorial waters?”*” [18]. Ставя перед аудиторией актуальные вопросы о действиях премьер-министра Великобритании и его лояльности к нации, оратор призывает своих слушателей задуматься, подойти критически к рассматриваемой проблеме и решить для себя, кому следует доверять. Применение вышеуказанного приема является действенным инструментом манипулирования аудиторией, поскольку, не предлагая фактической информации, говорящий критикует существующее положение дел. Более того, посредством риторических вопросов он вынуждает аудиторию размышлять и комментировать в выгодном для себя ключе то, что было сказано ранее.

Для иллюстрации употребления вставных конструкций продемонстрируем фрагмент из речи Риза Ахмеда: “*We gathered here to discuss important, pressing, urgent questions. And I think a chief among those really pressing, urgent questions (**both in your mind and in mine**) is what the hell am I doing here*”, “*In an age where reality TV stars can become American presidents (**perhaps, our typically restrained British equivalent***

is to just let an actor address politicians)...” [17]. Наличие юмористического подтекста при таких условиях обеспечивает эффективную самопрезентацию говорящего с целью добиться положительной реакции от слушающего с самого начала выступления.

Наконец, рассмотрим ряд частных приемов, определяемых целевой установкой процесса манипуляции. Для этого обратимся к речи Люси Пауэл, члена парламента от избирательного округа Манчестер Централ. Оратор преподносит слушателям значительную доказательную базу касательно опасности онлайн групп и онлайн форумов: *“Most of the examples I will use in my speech relate to forums or groups on Facebook”* [19]. Далее она зачитывает названия деструктивных групп, встречающихся в социальной сети «Фейсбук»: *“It’s not only racism that is allowed to thrive on these forums. Marines United was a secret group. Members used the forum to share nude photos of their fellow service women, described by a whistle blower as revenge porn, talk about rape and racists comments”* [19]. Она также ссылается на авторитетное мнение по обсуждаемому вопросу: *“Research by Professor Jeff Goldblack of the university in Maryland shows that...”* [19]. В результате, сам способ построения высказывания – акцентирование внимания лишь на одном аспекте (негативной оценке онлайн форумов) и умышленное умолчание о других сторонах поднятой проблемы содействуют реализации манипулятивного намерения оратора.

Заключение. Проведенный анализ позволил выделить вербальные приемы манипулятивного воздействия, широко представленные в текстах выступлений британских политических лидеров. Выявленные средства задаются целевой направленностью манипулятивного процесса и ориентированы на формирование определенного мнения об освещаемом событии. Во взаимодействии с методами убеждения принципы манипуляции обеспечивают достижение поставленных адресантом целей и выполнение одной из ключевых функций политического дискурса – воздействия на сознание аудитории, направленного, главным образом, на внедрение нужных для существующих структур установок и стереотипов. В этой связи изучение механизмов речевого манипулирования принципиально важно, поскольку делает возможным формирование навыков и умений защиты от него. Полагаем, что лишь разумное сочетание всех лингво-прагматических характеристик текста публичного выступления (средств манипулятивного воздействия, особой подачи концептуальной информации, создания эмоционального подтекста высказывания и др.) способно предоставить адресанту желаемый результат и содействовать достижению поставленных задач, актуальных для информационного политического пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтунян, А.Г. Анализ политических текстов: учебное пособие / А.Г. Алтунян. – М. : Университетская книга : Логос, 2006. – 384 с.
2. Зимбардо, Ф. Социальное влияние / Ф. Зимбардо. – Питер : СПб, 2001. – 448 с.
3. Стернин, И.А. Основы речевого воздействия. Учебное издание / И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2012. – 178 с.
4. Light-hearted speeches open Brexit Parliament [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=-P1Kuh9kLXQ>. – Date of access: 02.05.2020.
5. Theresa May’s Brexit speech in full [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=o0rRnTFJsZU>. – Date of access: 02.05.2020.
6. Alok Sharma opens the Queen’s speech debate in the House of Commons [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=EvzBWfNmW0I>. – Date of access: 02.05.2020.
7. Boris Johnson’s Yorkshire policing speech in full [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=5czEPvg89tQ>. – Date of access: 02.05.2020.
8. Laura Pidcock MP –27.06.2017, House of Commons Maiden Speech [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=N2DVzCpPIRg>. – Date of access: 02.05.2020.
9. Queen’s Speech Bim Afolami slams Labour, SNP and Lib Dem, Absurdity at opposition benches [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=8GPdtC51gI8>. – Date of access: 02.05.2020.
10. David Cameron Full Speech Britain and Europe – January 23rd, 2013 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=8Ls60Wbq_dk. – Date of access: 02.05.2020.
11. The Queen’s Coronavirus broadcast ‘We will meet again’ – BBC [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=2klmuggOEIE>. – Date of access: 02.05.2020.
12. Jo Stevens MP speech on prisons and probation [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=SVUztOPa64w>. – Date of access: 02.05.2020.
13. Labour MP Paul Flynn calls for civil disobedience over UK drug laws [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=odFoFKRilaY>. – Date of access: 02.05.2020.
14. Labour MP gives stunning speech on anti-Semitism & Corbyn [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=5s39hDNMJCg>. – Date of access: 02.05.2020.
15. Rishi Sunak Government to pay 80% of wages for those not working in coronavirus crisis [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=iOoWFwh7DqQ>. – Date of access: 02.05.2020.
16. Jess Phillips I’ve met high earners with ‘literally no discernible skills’ [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=bPjdnMF3C-s>. – Date of access: 02.05.2020.

17. Nigel Farage speech at Brexit Party parliamentary candidates' event [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=dvFg9yUVuLg>. – Date of access: 02.05.2020.
18. Riz Ahmed–Channel4 Diversity Speech 2017 @ House of Commons [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=36bcxDVNr1s>. – Date of access: 02.05.2020.
19. Lucy Powell MP presents Online Forums Bill in House of Commons [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=80ZmqNRUK90>. – Date of access: 02.05.2020.

Поступила 14.05.2020

VERBAL TECHNIQUES OF MANIPULATIVE PERSUASION IN TEXT SPEECHES OF BRITISH POLITICAL LEADERS

O. KAZIMIROVA, M. NAYDENOK-PAYGERT

The article analyzes the text speeches of British political leaders and is aimed at the identification of the most frequently used manipulative techniques on the recipient. In particular, the repertoire of multilevel means of speech manipulation has been identified, their percentage indicators, as well as linguo-pragmatic characteristics, have been revealed. On the morphological level such means of manipulative persuasion as the use of the personal pronouns “we” and “I”, various types of temporal-aspectual verb forms with stylistic coloring have been distinguished. The specified means on the lexical level comprise the use of lexical contamination, phraseological units, neologisms, terms, and jargonisms. On the syntactical level rhetorical questions and constructions with humorous effect have been recognized. The paper also considers a number of particular techniques, due to the target constituency of the manipulative process.

Keywords: *political discourse, political text, speech manipulation, persuasiveness, manipulative persuasion, addresser, addressee.*

УДК 811.111/8111.161.1'42(045)

**КООПЕРАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ИСКРЕННОСТИ И ЕЕ АКТУАЛИЗАЦИЯ
В РАЗГОВОРНЫХ ДИАЛОГАХ АНГЛОЯЗЫЧНОГО И РУССКОЯЗЫЧНОГО КИНОДИСКУРСА****А.Э. ИВАНОВ***(Минский государственный лингвистический университет)**arthur_ivanov94@mail.ru*

Статья посвящена проблеме поведения коммуникантов в ситуациях неофициального общения в диалогах на английском и русском языках. В ней рассматриваются средства тактической и языковой репрезентации кооперативной стратегии искренности. В результате сравнительного анализа были выявлены тактики, наиболее характерные для представителей британской и белорусской лингвокультур. Носители английского языка чаще используют тактики признания, выражения эмоционально-чувственного состояния и нарративную тактику, в то время как носители русского языка – тактики признания, призыва к откровенности, обещания/уверения и выражения эмоционально-чувственного состояния. Установленные тенденции могут свидетельствовать о том, что носители английского языка склонны чаще обращаться к прошлому опыту и более эмоционально выражают свои чувства и мысли. Для носителей русского языка приоритетом выступает внимание к коммуникативному партнеру, его переживаниям и интересам.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, кооперативность, стратегия искренности, разговорный диалог, кинодискурс.

Введение. Многогранность и многоаспектность коммуникации ставит перед обществом в целом и перед наукой в частности все новые задачи по поиску и реализации наиболее эффективных моделей взаимодействия как между индивидами, так и между коллективами, организациями, странами и даже социальными институтами. В последние десятилетия лингвистическая наука достигла определенных успехов в части определения природы противоречий между субъектами коммуникации и, как следствие, возникновения конфликта. В научной литературе по проблемам конфликтологии достаточно подробно описаны причины появления конфронтации в призме внешних и внутренних условий коммуникации, пути развития конфликта, стратегии и тактики, применяемые для его разрешения [1–3]. Тем не менее, следуя концепции о биполярности речевого поведения [4; 5], можно утверждать, что существуют две базовые программы коммуникативного поведения человека – конфронтационная и бесконфликтная. Как уже было сказано ранее, если первая из них была достаточно хорошо изучена и описана, то вторая линия поведения, которая также определяется как кооперативная [6], на наш взгляд, представляется не до конца исследованной. На сегодняшний момент особенно остро стоит проблема определения критериев кооперативного общения, а также собственно лингвистических средств актуализации кооперативной макро- и микроинтенции.

Вопросы кооперативной разновидности коммуникации разрабатываются достаточно давно в трудах как зарубежных, так российских и отечественных ученых [7–11]. Впервые правила бесконфликтного типа коммуникативного поведения были разработаны Г.П. Грайсом [7] и впоследствии переработаны и дополнены Р. Лакофф и Дж. Личем. Как отмечают некоторые исследователи [6], именно корреляция максим Грайса (Принцип Кооперации) и максим Лича (Принцип Вежливости), а зачастую и возникающее между ними противоборство, подготавливают базу для реализации такого типа общения, при котором коммуниканты достигают поставленных ими целей обоюдодоприемлемыми средствами. При этом немаловажную роль играет тот факт, что в качестве еще одного из критериев кооперативности выделяется не только соответствие целей коммуникации ее результатам, но также и «выбор коммуникантами оптимальных средств» [12, с. 6] ее актуализации, не затрагивающих ни общих интересов участников общения, ни их личных интересов.

Использование термина «цель коммуникации» с высокой степенью объективности подразумевает уточнение таких понятий, как «коммуникативная стратегия» и «коммуникативная тактика». В данном исследовании в качестве коммуникативной стратегии понимается «совокупность запланированных говорящим заранее реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [13, с. 18], в то время как тактика представляет собой «совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия» [13, с. 19]. На основе имеющихся данных о сущности кооперативности в рамках стратегического подхода можно определить кооперативную стратегию как комплекс речевых действий, ориентированных на достижение цели оптимальными средствами путем обоюдодоприемлемого взаимодействия, что в итоге определяет успешность коммуникации в целом [10]. Из приведенных выше определений следует, что понятие кооперативности общения тесно связано с понятием «эффективность коммуникации», под которым понимается определенная «оценка коммуникантами соотношения цели и достигнутого результата, соответствие замысла коммуникации ее результату» [14].

В данном исследовании рассматривается лишь одна кооперативная стратегия – стратегия искренности. Характерной особенностью данной стратегии является «установление особого доверительного статуса межличностных отношений» [15, с. 77]. Искренность является не только условием успешности реализации коммуникативной тактики, но также играет немаловажную роль при поддержании гармоничной коммуникации. Как отмечал Е.М. Верещагин, «обычай «откровенничать», «открывать (раскрывать) душу», «делиться», «говорить все до конца», «выворачиваться наизнанку» вошел в идеологию дружбы» [16, с. 40]. Языковая реализация стратегии искренности тесно связана с понятием откровенности, под которым понимается «специфический коммуникативный феномен, дифференциальными признаками которого являются ситуативная обусловленность общения, катартическая функция, личностно значимый характер сообщаемого, актуальная значимость Другого и доверительный характер общения» [17, с. 5]. Искренность предполагает готовность коммуникантов к самораскрытию, а также характеризуется обращенностью к партнеру и общностью личностных замыслов. В разговорном дискурсе функциями доверительного, искреннего общения является «эмоциональная поддержка, установление психологического контакта, формирования и углубления межличностных взаимоотношений, сохранения и/или восстановления душевного равновесия» [17, с. 6]. Целью настоящего исследования является установление репертуара тактик, актуализирующих стратегию искренности, а также выявление языковых средств их реализации в англоязычном и русскоязычном разговорном дискурсе.

Основная часть. Материалом для исследования послужили 300 диалогов, отобранных из англоязычных фильмов британского производства и русскоязычных фильмов белорусского производства. В качестве рабочего определения разговорного диалога было принято определение, предложенное И.Н. Борисовой, которая понимает под ним «устное диалогическое спонтанное личностно ориентированное, непосредственно коммуникативное взаимодействие в сфере неофициального бытового общения» [14, с. 46]. Выбор разговорного диалога в качестве материала для исследования обусловлен тем фактом, что общение участников в данном случае менее подвержено требованиям стандартизации и преднамеренному ограничению выбора языковых средств, что, в свою очередь, способствует более свободному речевому поведению.

Всего было выявлено 74 случая употребления стратегии искренности коммуникантами – носителями английского языка (27% от общего количества использования кооперативных стратегий) и 63 случая употребления данной стратегии в разговорных диалогах на русском языке (26% от общего количества).

Рассмотрим примеры репрезентации стратегии искренности в разговорных диалогах из кинофильмов британского и белорусского производства.

В фрагменте британского фильма о сложностях семейной жизни описывается пара – Джин и Дуглас. Они были женаты на протяжении сорока пяти лет, однако временные финансовые трудности заставили их переехать в менее престижный район, что вызвало некоторые разногласия в их семье. В итоге настал момент объяснения между супругами. Разговор происходит по пути в аэропорт, когда семейная пара попала в пробку и им пришлось решать, что делать дальше.

Дуглас: *We'll get another flight. Let's go back to the hotel and leave in the morning. Jean, he can't do it. You heard what he said.* 'Мы полетим другим рейсом. Давай пока вернемся в отель и уедем рано утром. Джин, он не может это сделать. Ты слышала его?'

Джин: *No. 'Нет'.*

Дуглас: *He can do one person and cases.* 'Он может взять только человека и чемоданы?'

Джин: *Yeah, but... Could fate find a better way to tell us what we need to hear?* 'Да, но... Представится ли нам еще один шанс услышать то, что мы должны услышать?'

Дуглас: *Which is what?* 'А именно?'

Джин: *That it's over. That it's been over for a long, long time.* 'Что на этом все. И все закончилось давным-давно?'

Дуглас: *This is not the time to talk about this. Let's wait until we get home.* 'Сейчас не время об этом говорить. Давай подождем, пока мы не приедем домой?'

Джин: *I have to go, Douglas.* 'Я должна, Дуглас?'

Дуглас: *I won't let you.* 'Я не отпущу тебя?'

Джин: *No. You'll come after me. You'll chase me to the airport, tell me everything will be fine. But please don't. Because the truth is... The truth is we both deserve more than we've had. And it's just because of your... kindness and your – your loyalty that you won't admit it. I'll be all right. I'm turning left. [Chuckles] Good-bye, Douglas.* 'Нет, не отпустишь. Ты пойдешь за мной. Ты поедешь за мной в аэропорт, скажешь, что все будет хорошо. Но, пожалуйста, не надо. Правда в том, что мы оба заслуживаем большего. И ты не можешь этого признать только из-за своей доброты и ... и преданности. Со мной все будет хорошо. Я поворачиваю налево [Усмехается] Пока, Дуглас?'

(Диалог из х/ф «The Best Exotic Marigold Hotel»)

В приведенном выше диалоге для экспликации стратегии искренности используются следующие тактики: признания (*the truth is we both deserve more than we've had; it's over*), выражения намерения (*I am turning left*), уверения/обещания (*I won't let you; I'll be all right*), комплимента (*it's just because of your...*

kindness and your – your loyalty). На первый взгляд может показаться, что между супругами возник конфликт, хотя на самом деле происходит откровенный искренний разговор, направленный на сохранение и восстановление испортившихся отношений. Стратегия искренности, реализуемая в данном случае Джин, дополняется стратегией солидаризации, используемой ее супругом, которая эксплицируется тактиками создания Мы-общности (*we'll get another flight*) и призыва к совместному действию (*let's go back to the hotel and leave in the morning*). Следует отметить, что стратегии искренности и солидаризации зачастую применяются коммуникантами комплексно.

Рассмотрим пример разговорного диалога, взятого из русскоязычного кинодискурса. Беседа происходит между тестем Алексеем Петровичем и его зятем Николаем. Между Николаем и его супругой Анной произошел разлад, в результате чего супруги разошлись. Алексей Петрович приехал к зятю, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию.

Алексей Петрович: *Здравствуй, Коля! Давай поговорим по-мужски, без вранья, только между нами. Набедокурил, признайся.*

Николай: *Да, я бы признался, сам не знаю, как это произошло. Мне звонит Ольга, девушка Бориса, с которой мы бизнес делаем. Она говорит, что он хочет меня видеть, какие-то дела обсудить, я приезжаю, его нет. Она предлагает выпить, пока я жду, дальше ничего не помню. Просыпаюсь с ней, а она целоваться лезет. Да, дело главное в том, что домой как в тумане добрался.*

Алексей Петрович: *Не ожидал от тебя такого, Николай. Разочаровал ты меня. Да, я считаю, что ты должен знать. Она беременна. Да, я не знаю, как у вас там с Аней сложится дальше, но мои деньги, пожалуйста, верни. Ну сам понимаешь, о будущем внуке надо заботиться.*

Николай: *Да я потратил уже немного. Она хотела ЭКО сделать. Они у меня дома, я привезу потом.*

Алексей Петрович: *До свидания.* (жмут руки).

Николай: *Ну ладно, давай.*

(Диалог из х/ф «Любовь, которой не было»)

В приведенном выше образце родственники не пытаются выяснить отношения и перевести ситуацию в зону конфликта, но стремятся преодолеть сложности конструктивным путем, используя кооперативную стратегию искренности, которая в данном случае манифестируется следующими тактиками: призывом к откровенности (*давай поговорим, набедокурил, признайся*), рассказываниями, выражениями эмоционально-чувственного состояния (*разочаровал ты меня*), признаниями (*она беременна*). Особое внимание следует обратить на тактику призыва к откровенности, которая в данном случае усилена тактикой призыва к конфиденциальности (*только между нами*), характерной особенностью которой является создание особой доверительной атмосферы между двумя коммуникантами. При этом информация, передаваемая в данном случае от одного участника диалога другому, является строго конфиденциальной, в какой-то степени секретной.

Рассмотрим более подробно конкретные тактики, реализующие стратегию искренности в разговорном дискурсе на двух языках.

Наиболее частотной тактикой как в английском, так и в русском языках является тактика признания – 19,7% и 22,1%, соответственно. При более подробном анализе диалогических фрагментов был выявлен ряд языковых средств реализации данной тактики.

Необходимо обратить внимание на употребление лексико-семантической группы глаголов чувств в ее наиболее типичной актуализации глаголом *любить*. Зачастую в таких случаях используются глаголы положительной оценки. Пример диалога на английском языке:

А: *Look at me, John!* ‘Посмотри на меня, Джон!’

В: *I don't ...* ‘Я не могу...’

А: *You know that I love you!* ‘Ты же знаешь, что я люблю тебя!’

(Диалог из х/ф «Atonement»)

Фрагмент диалога на русском языке:

А: *Аня, ты же поняла, что я люблю тебя. С момента нашей первой встречи, как только я тебя увидел. Я не хотел разрушать твою семью, я думал, что все наладится. Ну раз так вышло, я признаюсь тебе в любви.*

В: *Я тебя прошу, не надо...*

(Диалог из х/ф «Любовь, которой не было»)

Тема-рематическое организация предложений выступает в качестве одного из основных структурно-синтаксических средств реализации тактики признания. Поскольку одной из основных целей стратегии искренности является создание особого доверительного статуса отношений, а признание зачастую подразумевает сообщение конфиденциальных, личных сведений, то данная информация будет представлять рему предложения. Данная тактика, как правило, имеет в своем составе два компонента: первый из них содержит глагол речемыслительной деятельности *сообщить, знать, сказать, tell, say, inform*, который вводит тему, второй – новую для участника диалога информацию. Глаголы речемыслительной деятельности часто дополняются такими лексическими маркерами, как *честно, откровенно, honestly, frankly*.

Например:

А: *There's something I want to tell you.* ‘Мне нужно тебе кое-что сказать’.

В: *OK*. 'Хорошо'.

А: *You know, I feel sure I've told you before, but it was a long time ago, so, I mean, I could be wrong.* 'Ты знаешь, я уверен, я тебе уже говорил тебе об этом, хотя это было очень давно. В смысле я мог ошибаться'.

В: *OK, go on*. 'Хорошо, говори'.

А: *I was her next of kin*. 'Я был ее ближайшим родственником'.

(Диалог из х/ф «45 years»)

Фрагмент диалога на русском языке:

А: *Скажи мне, что я сделал не так. Ты устроила такой вечер. Ты обиделась из-за того, что я не уделял ей внимания. Нет, ты знаешь, меня интересует другая женщина.*

В: *Борис, давай начистоту: у меня есть муж, и мне никто больше не нужен.*

(Диалог из х/ф «Любовь, которой не было»)

Структурно-семантическая и прагматическая связность реплик в диалоге также выступает одним из способов реализации тактики признания. В таком случае играет роль последовательность речевых шагов двух коммуникантов. Так, в некоторых случаях тактике признания предшествуют тактики призыва к открытости, нарративная тактика или же само по себе признание со стороны другого участника диалога. Данная конструкция более характерна для англоязычного корпуса диалога.

Например:

А: *How long since you've been here?* 'Сколько вы здесь не были?'

В: *Forty years*. 'Сорок лет'.

А: *Oh. We haven't lived together as long*. 'Ого. Мы столько не прожили вместе'.

В: *That's as long as I was married*. 'Столько мы прожили вместе с моим мужем'.

А: *Was? What happened?* 'Прожили? Что случилось?'

В: *My husband died recently*. 'Мой муж недавно умер'.

(Диалог из х/ф «The Best Exotic Marigold Hotel»)

Пример на русском языке:

А: *Никита, а серьезные вещи я могу тебе сказать?*

В: *Говори.*

А: *Ну, посмотри ты на меня. Я тебя люблю.*

В: *Дурдом какой-то.*

А: *Никита, я серьезно. То, что я тебе только что сказала, это серьезно. Отец не помеха, вообще помех нет.*

В: *У меня ВИЧ.*

(Диалог из х/ф «Выше неба»)

Следует также отметить, что для английского языка более характерными являются конструкции с препозицией контрастивного элемента (*the truth is* 'правда в том', *the thing is* 'дело в том'), в то время как в корпусе диалогов на русском языке такие модальные частицы, как *ведь, вот* и т.д. чаще служат средством репрезентации тактики признания.

Еще одной частотной тактикой, реализующей кооперативную стратегию искренности, является нарративная тактика. Суть данной тактики заключается в том, что коммуниканты обращаются к своему опыту и приводят примеры, рассказывают историю из жизни, которые раскрывают сущность их личности и позволяют сблизиться, установить психологический контакт, а также придать межличностным отношениям особый доверительный статус. Среди основных языковых средств реализации данной тактики можно назвать формы прошедшего времени (глагольные формы прошедшего времени и лексические маркеры *тогда, в то время, then, the other day, at that time*), а также однородные члены предложения, используемые в перечислениях. В большинстве случаев нарративная тактика усиливается или служит дополнением тактик признания, выражения эмоционально-чувственного состояния, самокритики и самохарактеризации.

Например:

А: *But you never really know*. 'До конца никто не знает'.

В: *I met my husband the day the fair came to town. My girlfriend and I went on the carousel. Her horse was fine, but when the ride started, I felt mine give a little, as if it might collapse. And then suddenly, I felt these arms around me, and a voice in my ear said, "Just trust me," and I did. Without question, till the day he died.* 'Я встретила своего мужа в первый день ярмарки. Мы с подругой пошли покататься на карусели. Ее конь был в порядке, но когда мы поехали, я почувствовала, как мой зашатался, как будто хотел упасть. И вдруг кто-то обхватил меня руками, и я услышала голос, «Доверься мне», и я доверяла. Без лишних вопросов, до того дня, когда он умер'.

А: *How wonderful*. 'Как прекрасно'.

(Диалог из х/ф «The Best Exotic Marygold Hotel»)

Приведем пример диалога на русском языке.

А: *Жила с родителями до восьми лет. Отец у меня военный, часто переезжал. Я во втором классе даже два раза школу поменяла. Мне нравилось. Я всегда и везде была новенькая.*

В: Ну да, в новеньких всегда все влюбляются.

А: Ты знаешь, никто в меня не влюблялся. Учителя хорошо относились. Они меня жалели.

В: Так ты троечницей была?

А: Я очень хорошо училась, поэтому папа сказал, что вредно для несформировавшейся детской психики так часто менять школу. Я осталась с бабушкой.

(Диалог из х/ф «Нежная зима»)

В приведенных выше диалогах коммуниканты рассказывают о своей жизни, погружаясь в воспоминания, тем самым оказывая доверие другому участнику общения.

Результаты анализа показали, что тактика рассказывания более характерна для англоязычного разговорного дискурса (14,7%), в то время как в русском корпусе диалогов она была использована в 8,8% случаев.

Тактика выражения эмоционально-чувственного состояния (радости, досады, грусти, разочарования и т.д.), как правило, вербализуется различными междометиями, а также восклицательными предложениями. Данная тактика также имеет определенную невербальную экспликацию, так как зачастую сопровождается соответствующим интонационным оформлением с повышенной частотой основного тона и акцентной структурой, характеризующейся преобладанием эмфатического ударения.

Рассмотрим фрагмент диалога на английском языке:

А: *Do you mind if I come in? I've had the most appalling evening, the twins have been torturing me. Only look at that.* 'Ты не против, если я войду? У меня был ужасный вечер, близнецы меня замучили. Ты только посмотри на это'.

В: *How awful! Chinese burns!* 'Ужас какой! Крапивка!'.

(Диалог из х/ф «Atonement»)

Пример разговорного диалога на русском языке:

А: Бал? Баллы студентам ставил, а вот балами не занимался никогда.

В: Это прекрасная идея! Я тоже всегда об этом мечтала.

А: Но это означает очень длительную подготовку.

В: Какой кошмар!

(Диалог из х/ф «Бальное платье»)

Тактика эмоционально-чувственного восприятия является более рекуррентной для англоязычного кинодискурса (17,7%), чем для русскоязычного – 9,6%.

В разговорном дискурсе на русском языке, как и в дискурсе на английском языке, достаточно часто используется тактика призыва к откровенности – 12,6% и 8,8%, соответственно. Данная тактика, как правило, эксплицируется при помощи глаголов речемыслительной деятельности, в частности, лексико-семантической группой глаголов, обозначающих процесс устной речи (например, *говорить, рассказывать*), в форме повелительного наклонения, прямого вопроса или косвенного вопроса, подразумевающего побуждение. Тактика призыва к откровенности часто состоит из нескольких речевых шагов, для того чтобы усилить воздействие на собеседника.

Фрагмент диалога на английском языке:

А: *I want to ask you something before we go to sleep.* 'Я хотела спросить тебя кое о чем, перед тем как мы пойдем спать'.

В: *What's that?* 'Что именно?'

А: *If she hadn't died, if you had got to Italy, would you have married her for real?* 'Если бы она не умерла, если бы вы приехали в Италию, вы бы поженились с ней в итоге?'

В: *But we didn't get to Italy, did we?* 'Но мы же не попали в Италию, правда же?'

А: *And she did die. But if you had.* 'Да, и она умерла. Но если бы нет'.

В: *I thought you didn't like theoretical questions.* 'Я думал, тебе не нравятся теоретические вопросы'.

А: *Just answer me.* 'Просто ответь мне'.

(Диалог из х/ф «45 years»)

Пример диалога на русском языке:

А: Тетя Софа, здравствуйте.

В: Вика, ты одна, чего ты плачешь, рассказывай, что случилось.

А: Извините, что я вас потревожила.

В: Да ладно, хватит тебе, говори, что случилось.

(Диалог из х/ф «Бальное платье»)

Для реализации стратегии искренности достаточно активно может также использоваться тактика обещания/уверения – 8,8% в англоязычном разговорном дискурсе и 10,1% в русскоязычном. Тактики уверения и обещания могут рассматриваться отдельно только в случае их языковой репрезентации перформативными глаголами *уверяю* и *обещаю*. Во всех остальных случаях данные тактики могут эксплицироваться при помощи модальных глаголов со значением различной степени уверенности (*you will do it;*

я точно все ему скажу), а также формами простого будущего времени в сочетании с местоимениями 2-го лица и наречиями, также выражающими различную степень уверенности (*it will certainly happen; он мне обязательно все предоставит*).

Представители белорусской лингвокультуры тактику выражения намерения для реализации стратегии искренности использовали более активно, чем носители английского языка – 9,5% и 3,9% соответственно. В языковом плане данная тактика может выражаться формами будущего времени, глаголами лексико-семантической группы желания/намерения. В англоязычном кинодискурсе тактика выражения намерения может также эксплицироваться конструкцией *to be going to*, формами настоящего длительного времени. Рассматриваемая тактика, как и тактика уверения/обещания используются не только исключительно для реализации стратегии искренности, но также для еще одной кооперативной стратегии – солидаризации. Тем не менее обе тактики направлены на удовлетворение интересов и потребностей коммуникативного партнера, т.е. обещание чего-либо желаемого им.

Тактический репертуар актуализации стратегии искренности гораздо более разнообразен и также включает такие тактики, как комплимент, призыв к конфиденциальности, утешение, интимизация и т.д. В корпусах диалогов, рассматриваемых в данном исследовании, они являются менее частотными, что, однако, не отменяет их важности при репрезентации стратегии искренности.

Заключение. Таким образом, наиболее употребительными тактиками актуализации стратегии искренности в англоязычном разговорном дискурсе являются тактики признания, выражения эмоционально-чувственного состояния и нарративная тактика, в то время как для русскоязычного дискурса более характерными были тактики признания, призыва к откровенности и обещания/уверения. Выявленное может свидетельствовать о том, что при реализации кооперативной стратегии искренности носители английского языка склонны рассказывать о своих переживаниях, делиться прошлым опытом, более эмоционально выражать свои мысли и чувства. В то же время для представителей белорусской лингвокультуры более характерно внимание к коммуникативному партнеру, заинтересованность в его переживаниях. Приведенные выше данные подтверждают тот факт, что одними из национально-культурных доминант белорусов являются открытость и участие. Тем не менее следует подчеркнуть, что тактический репертуар, используемый как в русскоязычном кинодискурсе, так и в англоязычном способствует реализации кооперативной стратегии искренности, а, следовательно, и успешной коммуникации в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Третьякова, В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / В.С. Третьякова; Уральский гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – 301 л.
2. Певнева, И.В. Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогического дискурсов русской и американской лингвокультур : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И.В. Певнева; Кемеровский гос. ун-т. – Кемерово, 2008. – 19 с.
3. Анисимова, А.Т. Лингвистические проекции конфликта: дескриптивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А.Т. Анисимова; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2004. – 21 с.
4. Земская, Е.А. Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь / Е.А. Земская. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 688 с.
5. Сухих, С.А. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса / С.А. Сухих, В.В. Зеленская. – Краснодар : Изд-во Кубанского ун-та, 1998. – 160 с.
6. Формановская, Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н.И. Формановская. – М. : Икар, 2007. – 480 с.
7. Грайс, Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. / Под ред. Е.В. Падучевой. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. – С. 217–237.
8. Leech, G.N. Principles of pragmatics / G.N. Leech. – New York : Longman Group Limited, 1983. – 250 p.
9. Levinson, S. Pragmatics / S. Levinson. – Cambridge, MA : Cambridge University Press, 1983. – 420 p.
10. Радюк, А.В. Функционально-прагматические свойства кооперативных речевых стратегий и тактик в английском деловом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.В. Радюк; ФГБОУВПО МГИМО. – М., 2013. – 226 л.
11. Кошкарлова, Н.Н. Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса в межкультурном политическом пространстве : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Н.Н. Кошкарлова; Уральский гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2015. – 441 л.
12. Стернин, И.А. О понятии эффективное общение / И.А. Стернин // Преподавание культуры общения в средней школе. – Воронеж : Воронежский обл. ин-т повышения квалификации и переподготовки работников образования, 1995. – С. 5–9.
13. Клюев, Е.В. Речевая коммуникация : учеб. пособие / Е.В. Клюев. – М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 320 с.
14. Борисова, И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И.Н. Борисова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 2001. – 408 с.
15. Ланских, А.В. Речевое поведение участников реали-шоу: коммуникативные стратегии и тактики : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.В. Ланских; Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2008. – 183 л.

16. Верещагин, Е.М. Коммуникативные тактики как поле взаимодействия языка и культуры / Е.М. Верещагин // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики : доклады всесоюзной науч. конф. / Ин-т рус. яз. АН СССР ; редкол.: О.Л. Дмитриева [и др.]. – М. : ИРЯЗ, 1991. – Ч. 1. – С. 32–44.
17. Наумова, М.М. Откровенность в межличностной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М.М. Наумова ; Волгоградский гос. соц.-пед. ун-т. – Волгоград, 2015. – 25 с.

Поступила 23.03.2020

COOPERATIVE STRATEGY OF SINCERITY IN CONVERSATIONAL DIALOGUES OF ENGLISH AND RUSSIAN CINEMATOGRAPHIC DISCOURSE

A. IVANOV

The article is devoted to the problem of the behavior of communicants in situations of informal communication in dialogues in English and Russian. It examines the means of tactical and linguistic representation of cooperative strategy of sincerity. As a result, of a comparative analysis, we found the most typical tactics, representing British and Belarusian linguistic cultures. Native speakers of English more often use tactics of recognition, expressions of emotional-sensual state and narrative techniques, while native speakers of Russian use tactics of recognition, a call for frankness, promises / assurances and expressions of emotional-sensual states. The established trends may indicate that native speakers of English tend to turn to their past experience and express their feelings and thoughts more emotionally. For native speakers of Russian, the priority is to be attentive towards the communicative partner, his feelings and interests.

Keywords: *communicative strategy, communicative technique, cooperation, strategy of sincerity, conversational dialogue, cinematographic discourse.*

УДК 811.161.1'271

КОММУНИКАТИВНОЕ ТАБУИРОВАНИЕ В РЕЧЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ УЧАСТНИКОВ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ

Н.И. НАСЕДКИНА

(Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)

В статье на материале популярных белорусских интернет-форумов (Гродненский интернет-форум (forum.grodno.net), «Онлайнер» (forum.onliner.by), форум «Тут говорят» (talks.by) описывается специфика коммуникативного табуирования как одного из инструментов регулирования речевого взаимодействия участников интернет-сообществ. Обозначены особенности сетевого интернет-сообщества как особого типа лингвокультурной и коммуникативной общности. Охарактеризованы основные способы и средства коммуникативного табуирования, а также факторы и функции их использования интернет-пользователями. Отмечено, что в коммуникативных практиках табуирования и детабуирования отражаются речевая культура и лингвокреативный потенциал участников интернет-сообществ, а также их представления об эффективных стратегиях и тактиках интернет-опосредованного диалога. Степень соблюдения запретительных и ограничительных норм, выбор того или иного способа и средства табуирования или детабуирования, активность метакоммуникативной рефлексии служат самопрезентации пользователей, а также установлению их коммуникативной позиции в рамках интернет-сообщества.

Ключевые слова: речевое взаимодействие, интернет-сообщество, табу, коммуникативное табу, табуирование, детабуирование.

Введение. Активное развитие интернет-опосредованной коммуникации и перенесение в сетевое пространство традиционных форм институционального и лично-опосредованного дискурса сделали особенно актуальным вопрос о нормах и правилах такой коммуникации, вызвали активную дискуссию о проблеме речевой культуры и «экологической безопасности» интернет-общения. Ученые обращают внимание на такие явления, как массовое нарушение «конвенциональных и даже кодифицированных этических, риторических и собственно коммуникативных норм» общения [1, с. 129], агрессивное внедрение в узус установки на освобождение от культурных канонов и социальных запретов [2, с. 53], размывание в речевом поведении интернет-пользователей границ между нормой и девиацией, формирование особого компьютерно-сетевого узуса и плюралистической модели речевого поведения с неограниченным использованием любых, в том числе табуированных, языковых средств (Л.А. Брусенская, Е.И. Горошко, Л.Р. Дускаева, Л.Ю. Иванов, М.В. Загидуллина, В.Г. Костомаров, М.А. Кронгауз, О.В. Лутовинова, О.Б. Сиротина, Г.Н. Трофимова, Т.В. Шмелева и др.).

Значительная часть коммуникации в Интернете строится на основе виртуальных сетевых структур социального взаимодействия. Интернет-пользователи создают сетевые сообщества (комьюнити), внутри которых вырабатывают групповые правила поведения: как формализованные и представленные в виде перечня предписаний и требований сетикета, так и негласные, стихийно моделируемые собеседниками в процессе речевого взаимодействия и обнаруживаемые в особенностях функционирования высказываний участников сообщества. Многие правила поведения, устанавливаемые внутри сетевого сообщества, имеют запретительный и ограничительный характер и могут рассматриваться как коммуникативные табу на речевые действия участников виртуального общения, нарушение которых должно повлечь соответствующие санкции. В характере и способах коммуникативного табуирования отражаются такие важные для регулирования речевого взаимодействия собеседников коммуникативные категории, как вежливость, толерантность, авторитетность, категоричность и другие.

Цель данной статьи – выявить особенности коммуникативного табуирования как одного из инструментов регулирования речевого взаимодействия участников интернет-сообщества. Материалом для исследования послужили диалоги участников сетевых сообществ популярных белорусских интернет-форумов: Гродненского интернет-форума (forum.grodno.net) – далее ГФ, интернет-форума «Онлайнер» (forum.onliner.by) – далее ФО, форума «Тут говорят» (talks.by) – далее ТГ. Теоретическую базу исследования составляют работы, посвященные изучению феномена табу как одной из сильнейших конвенциональных норм (А. Вежицкая, В.Б. Кашкин, А.К. Киклевич, О.А. Кострова, Я. Крук, Л.П. Крысин, Б.А. Ларин, М.М. Маковский, Н.Б. Мечковская, А.А. Реформатский, О.А. Рутер, И.А. Садыкова, Е.П. Сеничкина, И.А. Стернин и др.). Во всех представленных ниже примерах сохраняется их исходное орфографическое и пунктуационное оформление.

Основная часть. «Интернет-сообщество» (М. Кастельс), иначе – «сетевое интернет-сообщество» (Б. Уэлмен, К. Хэмптон), «виртуальное сообщество» (Р. Говард, Г. Рейнгольд, Ю.Г. Рыков, А.А. Стриженко), «виртуальное сетевое сообщество» (С.В. Бондаренко, Е.Ю. Стриганкова), «онлайн-комьюнити» (Л.Р. Дускаева), «сетевое комьюнити» (О.А. Волосатова, Н.Р. Маликова) представляет собой особый тип лингвокультурной и коммуникативной общности, которая «существует в социальном пространстве Интернет» и «социокультурное единство которой является разделяемой ценностью для ее членов» [3, с. 12]. Здесь общение не зависит от территориальной локализации собеседников, а речевое взаимодействие участников регулируется нормами, правилами и ценностно-регулятивными механизмами менталитета каждой коммуникативной личности.

Сетевые сообщества создаются на площадках разных типов новых медиа, в частности – на площадке интернет-форума, представляющего собой «специальное программное обеспечение для организации общения посетителей web-сайта», технически смоделированную виртуальную платформу, цель которой «заключается в создании пользователями тем в разделах и последующего обсуждения внутри этих тем» [4, с. 8]. Сообщества форумного типа строятся преимущественно как «сети межличностных связей, обеспечивающие социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе, а также социальную идентичность» [5, с. 152], выполняют функции общения, социализации, интеграции, характеризуются сочетанием синхронной и асинхронной коммуникации, линейной и гипертекстовой структуры диалога, персональной и коллективной адресации, возможностью редактирования текста автором сообщения до и после опубликования на форуме.

Структура данных сообществ формируется таким образом, что доступ к пользовательскому контенту могут получать не все пользователи сети ввиду специфики обсуждаемой на форуме темы, поэтому по степени доступности контента интернет-сообщества делятся на открытые (публичные) и закрытые. Контент первых открыт всем пользователям сети (информация находится в свободном доступе), доступ к содержанию вторых предполагает обязательную регистрацию. При этом общим требованием к обоим типам сообществ является существование правил общения, размещаемых в специальном разделе форума, наличие администратора сайта и модератора онлайн-сообщества в качестве регуляторов взаимодействия участников диалогов. Коммуникация внутри форумного сообщества предполагает равноправие участников, однако имеет черты иерархии: статусно-ролевые отношения участников интернет-диалога зависят от коммуникативного ранга пользователя, который обусловлен такими показателями, как срок общения на форуме («старички» и «новички»), степень «активности пользователя (количество постов) и его умение провоцировать активные сетевые обсуждения (флейм и флуд)», а также уровень компетентности в обсуждаемой теме [6, с. 200].

Тред (ветка) интернет-форума представляет собой письменный полилог, в котором участвуют пользователи, объединенные общей целью и близкими интересами. Элементарной единицей коммуникации выступает пост (сообщение), представляющий собой инициативную или реактивную реплику с возможностью ее множественной или персонализированной адресации. Общение между членами сообщества выстраивается по принципу комментирования значимого для данной группы пользователей явления и может трансформироваться в дискуссию, которая провоцирует появление медиаторов внутри самого сообщества, т.е. наравне с модератором ход полилога регулируют один или несколько пользователей. Собеседники активно выражают личностное отношение к обсуждаемому явлению, условно разделяясь на группы внутри тематической ветки по занятой позиции («за», «против», «нейтралитет»), многие сообщения приобретают эмоционально-оценочный характер, и, как следствие, возникает необходимость в разных способах и средствах регулирования конфликтогенного полилога.

К отличительным речевым и дискурсивным характеристикам форумного сообщества относятся: привнесение качеств устной бытовой речи в письменный диалог, постепенное формирование собственного социолекта и собственной разновидности сетикета (при условии долгого существования форума и устойчивой структуры участников), лояльное отношение к игровому и девиантному речевому поведению собеседников, восприятие как престижных всех тех коммуникативных практик, которые повышают не только информативность, но и экспрессивность полилога. Так, в разделе «Требования, предъявляемые к размещаемым на форумах темам/сообщениям, общению и ведению диалогов» форума «Тут говорят» (talks.by) декларируется право пишущих не соблюдать речевые конвенции: *Сообщения, написанные с использованием интернет-сленга, а также содержащие множественные ошибки, не запрещены, но размещение таких Сообщений в специализированных разделах и Тематических Форумов нежелательно и может повлечь за собой их удаление Модераторами, в том числе при поступлении жалоб Пользователей.* Последний комментарий подчеркивает ситуативно-стихийный характер регулирования речевого взаимодействия на форуме, амбивалентность оценок «хорошей речи», ценность свободы самовыражения и уважение к праву каждого писать так, как ему хочется.

Важнейшим способом коммуникативного табуирования в сетевом сообществе форумного типа является формулирование запретительных и ограничительных норм в таком обязательном структурном компоненте интернет-форума, как «Правила форума» или «Пользовательское соглашение» на основе использования речевых актов запрета, предупреждения, просьбы, угрозы и других. Запреты устанавливаются администраторами форума и модераторами тематической ветки превентивно и касаются тематики общения, коммуникативных действий пользователей, речевой культуры, например: *Запрещается <...> использование любых сленговых, некорректно сокращенных и/или искаженных, терминов, слов, выражений, в качестве оскорбительного и/или провокационного названия упомянутых выше групп лиц или их отдельных представителей (например: америкосы, пиндосы, жида, кацапы, москаля, хохлы, чурки, азеры, черномазые и т.п.)* (ТГ. Правила форумов). Администраторы и модераторы пытаются регулировать степень категоричности запрета, используя соответствующие лексические единицы и средства графического выделения, прибегая к косвенным речевым актам и приему аргументации, например: *Здесь НЕ ОБСУЖДАЮТСЯ вопросы модерирования сайта и личности Модераторов! Здесь не задаются вопросы по работе сайта (для этого есть соответствующий раздел форума)* (ФО. 13.02.2014); *Категорически запрещается обсуждение действий модераторов и администрации в форуме, для этого есть специальный раздел* (ГФ. 02.11.2011).

Администратор и модератор на протяжении всей беседы неоднократно напоминают участникам общения о необходимости следовать правилам, используя для этого прямые и косвенные речевые акты с интенцией предупреждения или угрозы, например: *Цитирование постов, подлежащих наказанию, также наказывается. Т.е. – процитировал мат – получи карточку* (ГФ. 24.04.2007); *За веткой ведется тщательное наблюдение* (ФО. 13.02.2014). Для смягчения высказывания в таких случаях может использоваться предупредительно-вежливая речевая формула просьбы: *Убедительная (больше повторять не буду) просьба избежать обсуждения политических и околополитических событий, равно как и придавать политическую окраску любым событиям* (ФО. 20.01.2012).

Модератор тематической ветки осуществляет мониторинг публикуемых сообщений на предмет соблюдения всеми членами сообщества установленных на форуме правил; при нарушении заявленных правил применяет следующие типы санкций:

1) бан (блокировка) – временный или постоянный запрет на использование личного аккаунта на форуме, а иногда и ограничение доступа пользователя к самому ресурсу ввиду систематических нарушений правил форума; запрет сопровождается ссылкой на соответствующий пункт правил и поясняющими комментариями: *axses забанен п.3.3.5 – реклама сайта 3.3.10 – кросспостинг (Модератор 58)* (ТГ. 19.11.2008); бан представляет санкцию, которая носит формализованный характер;

2) предупреждение – мягкая форма предостережения пользователя о недопустимом поведении в рамках форума либо тематической ветки, обычно с включением эмоционально-экспрессивного компонента, иллюстрирующего отношение модератора к возникшей проблеме: *Вниманию antibidlo.tut, Kapitula, Добрая. Дальнейшее продолжение упрямлений в сквернословии закончится предупреждениями и/или отключением от тем. tintar Модератор* (ТГ. 19.11.2008); предупреждения имеют накопительный эффект: *Все предупреждения автоматически складываются. 1 предупреждение – без санкций, 2 предупреждение – без санкций, 3 предупреждение – Read Only, 3 дня (останется возможность логиниться, но нельзя постить сообщения), 4 предупреждение – бан на 7 дней (даже логиниться нельзя будет), 5 предупреждение – бан на 14 дней, 6 предупреждение – бан на 180 дней* (ГФ. 15.01.2011);

3) штрафные карточки соответствующего цвета (красного, желтого, черного) – применяемая к нарушителям мера взыскания, используемая модератором как средство предупреждения, выговора в зависимости от степени и характера нарушения правил форума, например: *Желтая карточка – замечание. Красная карточка – предупреждение. Две желтые карточки равноценны красной. Черная карточка – запрет на написание сообщений на Сайте (read-only) сроком на 5 суток. Две красные карточки равноценны черной* (ФО. 02.08.2017);

4) штрафные баллы – единицы измерения нарушений, начисляемые модератором пользователю за несоблюдение установленных на сайте правил и отображаемые в пользовательском аккаунте: *30 штрафных баллов вчера за Антошку получил* (ТГ. 15.01.2020);

5) удаление с тематической ветки либо форума – самый строгий тип санкций в отношении пользователей, которые систематически и умышленно нарушают правила.

Наличие системы контроля за речевым поведением участников форума приводит к тому, что одним из наиболее распространенных способов табуирования в коммуникативной практике интернет-сообществ становится эвфемизация – процесс смягчения высказывания путем использования косвенной, нейтрально или положительно коннотированной номинации вместо такого обозначения предмета речи, которое может

быть оценено в данной речевой ситуации как неуместное и неприличное. Важно подчеркнуть, что эвфемистические замены «не просто смягчают те или иные кажущиеся грубыми слова и выражения, а маскируют, вуалируют суть явления» [7]. Участники форумного сообщества вынуждены прибегать к эвфемизации в первую очередь для того, чтобы «избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта» [7], но, как показал наш анализ, такой прием часто востребован как элемент языковой игры.

Оценка интернет-пользователями определенного речевого факта с точки зрения вежливости/грубости, корректности/некорректности обычно связана с темой диалога. Например, к таким темам можно отнести темы, связанные с некоторыми физиологическими процессами и состояниями человека: *биолог Цзянькуй Хэ ... сообщил, что вторая пара его испытуемых тоже ждет ребенка* (ФО. 25.03.2019) – о беременности; *А если бы не объехал, то в новостях бы сказали что мотоциклист красавчик и все сделал по пдд. Только вот в мир иной отправился бы* (ФО. 18.09.2017) – о смерти; *ага все сначала в социальных сетях сидят, а потом на юбилейках в машинах с запотевшими стеклами знаю я вас всех таких* (ГФ. 05.08.2010) – о сексуальных отношениях. Поскольку тема обсуждения является частью определенного дискурса (повседневного, массмедийного, профессионального и т. п.), то, как правило, участники интернет-сообщества используют эвфемизмы, характерные для данного дискурса и выполняющие важные для него функции, например: *Этот водитель пожаловался медикам на недомогание* (ТГ. 29.01.2020); *К тому же вертикаль власти работает всерьез реакционно чтобы соблюдалось внешнее спокойствие* (ГФ.18.07.2007); *и в 2016 и в 2017 и сейчас корзина валют ослабевает* (ФО. 08.01.2018).

В зависимости от языкового уровня, на котором происходит эвфемизация, обнаруживаем различные виды эвфемистической замены, причем в условиях интернет-общения это часто не языковая, а контекстуальная и окказиональная эвфемия, которая таким образом может быть интерпретирована только с учетом всех признаков коммуникативной ситуации. Так, функцию лексико-семантического эвфемизма может выполнять слово с более широкой семантикой: в высказывании *как только пришли друзья хозяйина, как в прессе сказали бы лица восточной национальности, как для них запрет сняли* (ФО. 01.03.2014) контекстуальный эвфемизм *лица восточной национальности* построен по модели сочетания «лица кавказской национальности» и используется автором сообщения вместо более грубого слова в значении ‘оскорбительное прозвище для представителей народов Средней Азии, в том числе уроженцев Северного Кавказа и Закавказья, в более широком смысле – всех нерусских народов’. В следующем примере эвфемизм *празднователи* представляет собой индивидуально-авторское образование с оттенком иронии (это подчеркнуто и использованием кавычек) вместо негативно окрашенного слова *алкоголик* либо *пьяница* (табу) в значении ‘человек, который злоупотребляет алкогольными напитками’: *Уже потихоньку идут «празднователи». Один бутылку на спор о голову бил – не разбил бутылку, но разбил башку свою пустотелую* (ФО. 03.07.2016). Для образования эвфемистической номинации участники форума обращаются и к перифразе – непрямому описательному обозначению объекта на основе выделения его определенного признака, например: *Потому что в основном «алкоголики» начехляются «вином за доллар» с утра* (ФО. 06.08.2015). Перифраза *вино за доллар* оказывается утонченным, ироничным способом передачи значения ‘дешевый некачественный алкогольный напиток’, сравните с просторечными *бырло* и *чернило* (табу). Сравните также: *Для тех, кто в танке: продавец – это должность, в официально-деловом стиле предпочтительно сохранять форму мужского рода* (ФО. 26.11.2016). В одновременном использовании общеязыковых, контекстуальных и окказиональных эвфемизмов проявляется лингвокреативный потенциал участников форума.

Члены интернет-сообщества активно применяют графические средства эвфемизации, когда вместо определенной части слова используются частично маскирующие его графические элементы, например, опущение середины слова: *Я так понял ветка для тех кому не...рен совсем делать лишь бы языки почесать...* (ФО. 03.07.2016); *Но если у вас там была вода, то вы, простите, л.х* (ФО. 06.6.2014), где эвфемизмы *не...рен* и *л.х* трансформируются посредством изменения написания табуированного слова, однако его смысл и пейоративная окраска остаются предельно ясными. Прием создания гибридного слова за счет соединения вербальных и иных знаков особенно востребован при необходимости завуалировать бранное или нецензурное слово и выражение: *У тебя бенгли, но зато нет любимой женщины? ну ты и м#дак!* (ГФ. 09.02.2012); *Блин, тема превратилась в «пожрал - по**ал»* (ФО. 05.07.2016). Интерес представляют примеры комбинированного способа эвфемизации, например, когда наряду с использованием графического элемента в контекст сообщения еще и включается англоязычное слово, когда сочетаются написания на кириллице и латинице, например: *Вот и имеем учебники написанные чаще всего через : 🙄: ass* (ФО. 23.11.2018). Подобные эвфемистические замены становятся яркой характеристикой узуса интернет-сообществ и даже получают рекомендательный характер в правилах форума: *Нецензурные выражения следует «прикрывать» другими символами (*,№,;,%,.,?)* (ГФ.04.04.2005).

Ещё одним способом коммуникативного табуирования является умолчание – «цензурирующее отточие», замещающее слова, «которые, будучи вполне понятными читателю, считаются «неприличными» при их полном воспроизведении» и призванные «не столько замолчать сказанное, сколько указать на нормативность – в данной системе идеологического (эстетического, этического) контроля – допустимого и обязательного, необходимого и должного» [8, с. 73–74], например: *я с некоторыми перестала ругаться. надоело. **** всегда собирает народ* (ГФ. 10.10.2015); *так смешно читать ваши самоутверждение* (ГФ. 12.10.2019); *Постоянно хожу в кинотеатры и постоянно наблюдаю *****, которые бросают обертки и стаканы от поп-корна под сидениями* (ФО. 05.07.2016); *за то время которое мы живем с семьей в новом доме произошло около 5 пожаров и это жэсть невероятная пошло все на +++++* (ФО. 10.04.2014). Умолчание во многих случаях не только не мешает, но и, напротив, способствует выражению авторской интенции. По замечанию К.А. Богданова, эротизация текста тем выше, «чем насильственнее его умолчание: в структуре речи, опредмечивающей реальность воображаемого, умолчание сдерживает – и тем как бы усиливает эротизацию дискурса в целом» [8, с. 17].

Участники форумного сообщества активно используют метакоммуникативные высказывания, в том числе такие, в которых отражается отношение к нормам речевого взаимодействия, к табуированию и детабуированию как к коммуникативным тактикам собеседников. Типичные функции таких высказываний – коррекция и самокоррекция речевого поведения членов интернет-сообщества, а также совместная оценочная рефлексия над сообщениями с «нарушениями» как способ согласования аксиологических установок. В метакоммуникации четко прослеживаются коммуникативные ценности интернет-сообщества, в большинстве случаев соответствующие принципам и постулатам речевого общения, сформулированным П. Грайсом и Дж. Личем, например: *не отвечайте, это приватная информация. Мало ли, в каких целях ее используют...* (ФО. 12.10.2019); *а можно меня к этим цитатам не плюсовать? ни свои не афиширую, ни в чужие не лезу* (ФО. 12.10.2019); *Но это не значит что они оба имеют право писать о том чего не знают в подобном тоне* (ГФ. 03.10.2013).

Заключение. Интернет-дискурс сегодня является наиболее уязвимым для проникновения табуированных слов и выражений, что создает угрозу для культуры сетевой коммуникации. В то же время анализ материала показывает, что в интернет-сообществах действуют собственные системы контроля и регулирования речевых взаимоотношений, включающие процедуры установления норм и правил, выстраивания системы цензуры и табуирования, применения санкций к нарушителям и т.д. участников интернет-сообществ. Сетевое интернет-сообщество можно рассматривать как особый тип лингвокультурной и коммуникативной общности, для которого, в частности, характерны лояльное отношение к игровому и девиантному речевому поведению собеседников и оценка престижных коммуникативных практик с повышенной эмоциональностью и экспрессивностью.

Участники форумного сообщества для регулирования речевого взаимодействия используют различные способы и средства вербализации коммуникативных табу – от прямого формулирования запретительных и ограничительных норм до приема значимого умолчания. Проблематика коммуникативного табуирования/детабуирования выступает как актуальная составляющая в метакоммуникативной рефлексии членов интернет-сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кормилицына, М.А. Влияние девиации языковой системы и коммуникативной некомпетентности журналистов на речь в СМИ и систему языка / М.А. Кормилицына, О.Б. Сиротинина // Известия Саратовского ун-та. Сер. Филология. Журналистика. – 2018. – Т. 18. – Вып. 2. – С. 124–131.
2. Лазуткина, Е.М. Языковая система – узус – норма (об основных аспектах теории языковой нормы) / Е.М. Лазуткина // Вопросы культуры речи / Под ред. А.Д. Шмелева ; РАН, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – М. : Языки славянской культуры, 2012. – Вып. 11. – С. 45–57.
3. Кончаковский, Р.В. Сетевое интернет-сообщество как социокультурный феномен : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.06.06 / Р.В. Кончаковский ; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2010. – 22 с.
4. Цуканова, О.А. Сетевая экономика : учеб. пособие / О.А. Цуканова, А.В. Варзунов. – СПб. : СПб ГУИТМО, 2008. – 64 с.
5. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004. – 328 с.
6. Пивоварчик, Т.А. Коммуникативные ценности виртуальных сетевых сообществ в лексике и идиоматике интернет-дискурса / Т.А. Пивоварчик // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура : сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 29–30 мар. 2018 г. : в 2 т. / Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2018. – Т. 2. – С. 197–203.

7. Крысин, Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи [Электронный ресурс] / Л.П. Крысин // Русский филологический портал. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm#1>.– Дата доступа: 15.08.2019.
8. Богданов, К.А. Очерки по антропологии молчания. Homo Tacens / К.А. Богданов. – СПб. : РХГИ, 1997. – 352 с.

Поступила 12.02.2020

COMMUNICATIVE TABOO IN THE SPEECH INTERACTION IN ONLINE COMMUNITIES

N. NASEDKINA

The article describes the specifics of communicative tabooing as one of the tools for regulating the verbal interaction of participants in online communities constructed on the material of popular Belarusian Internet forums (Grodno Internet Forum (forum.grodno.net), “Onliner” (forum.onliner.by), the forum “Tut govoriat” (talks.by)). The features of the network Internet community as a special type of linguocultural and communicative community are indicated. The main methods and means of communicative tabooing, as well as the factors and functions of their use by Internet users are described. It is marked that the communicative practices of taboo creating and taboo breaking reflect in the speech culture and linguo-creative potential of participants in Internet communities, as well as their understanding about effective strategies and tactics of Internet-mediated dialogue. The degree of compliance with prohibitive and restrictive norms, the choice of a particular method and means of taboo creating or taboo breaking, the activity of metacommunicative reflection serve the self-presentation of users, as well as the establishment of their communicative position within the Internet community.

Keywords: *verbal interaction, online community, taboo, taboo creating, taboo breaking.*

УДК 81'373.23

**МОТИВЫ ВЫБОРА ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЖЕСКИХ ЛИЧНЫХ НАЗВАНИЙ
НА ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ***канд. филол. наук, доц. С.В. ШИЙКА**(Национальный университет водного хозяйства и природопользования, Ровно, Украина)
svitlanashyuka@ukr.net*

Рассматриваются мотивы выбора древнерусских княжеских личных названий на исторической территории белорусско-украинского пограничья, упомянутых в летописных и научных источниках. Процесс именованья проанализирован с позиций когнитивного ментального анализа и общественно-исторической востребованности личных имен. Отмечается, что выбор имени удельных князей мотивирован его семантикой, общественной модой, династическими традициями, родственными и властными причинно-следственными факторами. В начале исследуемого периода преимущество отдавалось славянским двухосновным композитам, впоследствии христианским названиям; характерным было наличие двух имён. Отмечается, что выбор личного имени это первичное антропонимное действие, которое носит свободный и независимый характер, отчество же выступает определенной посессивной функциональной зависимостью от него, а различные дополнительные к имени компоненты, в частности прозвища, оттопонимные определения, отображают характерные личностные качества человека, пространственно-региональную дислокацию их носителя. Методика и результаты исследования будут способствовать развитию антропонимической науки и могут быть использованы при изучении антропонимов других территорий и исторических эпох.

Ключевые слова: антропоним, личное название, имя, мотив, семантика.

Введение. В лингвистике актуализируется проблематика изучения личных имен, становление, институционализация и развитие антропонимики как целостной научной системы. Расширяется ресурсная база антропонимических исследований, доминирует комплексный подход к изучению личных названий некоторого региона определенного синхронического или небольшого диахронического периода. Все это создает условия для полномасштабных теоретических исследований, связанных с происхождением и историей имен, зарождением и динамикой формульного подхода к именованию людей, объяснением процессов формирования современной триименной формы названия и т.п. Результаты некоторых из них отражены в трудах С. Пахомовой, М. Худаша, Н. Бирило, В. Шура, С. Смольникова, Е. Соколовой, С. Ропсонда, Т. Скулины и др.

Перспективным направлением антропонимических исследований является анализ собственных личных имен не только как засвидетельствованных статических ресурсных категорий, но и с позиций их действительности и функциональности. Функциональная антропонимика рассматривает антропонимы не как «изолированные типичные формулы, изъятые из контекста», а как лексические единицы, связанные с «конкретным носителем имени» [1, с. 80–81]. Учитывая это, важно объяснить мотивацию выбора имени личности и его семантическую нагрузку.

Целью этой статьи является исследование мотивов выбора древнерусских княжеских личных имен на исторической территории белорусско-украинского пограничья. Работа предусматривает выборку из летописных и научных источников древнерусских княжеских имен белорусско-украинского пограничья, выяснение мотивов их выбора и сематического содержания. Научная новизна заключается в системности исследования региональных личных имен этого синхронического периода. Для достижения поставленной цели использовались следующие методы: описательный, критического анализа летописных и научных источников, компонентного анализа, обобщения и систематизации. Методика и результаты исследования будут способствовать развитию антропонимической науки и могут быть использованы при изучении антропонимов других территорий и исторических эпох.

Основная часть. Фактическим материалом исследования послужили имена древнерусской знати в княжествах исторического белорусско-украинского этнического пограничья, в частности, на Волынской и Туровской земле. Прежде всего, это Туровское княжество – средневековое феодальное образование в составе Киевской Руси [2, с. 541–542], впервые упомянутое в летописи под 980 годом, из которого впоследствии выделились Пинское, Дубровицкое и Степанское отдельные княжества, а также Дорогобужское, Пересопницкое и Шумское удельные княжества, вошедшие в начале XIII в. в Луцкое, а позже Галицко-Волынское княжества. Особенности географического ареала являются территориальная, социальная и культурная периферийность в древнерусские времена, незначительные миграционные процессы в течение общественно-исторического развития, существенно сохраненная региональная ментальная подлинность. Современная территория Полесья, в частности Ровенской и Брестской областей, представляется

как древний край с глубокой архаикой и языковой дифференцированностью, «где присутствие славянского этноса никогда не прерывалась» [3, с. 274], а изучение его создает возможности для реконструкции ряда лингвистических процессов.

Выбор мотивации собственных личных наименований региональной княжеской верхушки как предмета изучения, обусловлен преобладанием их в летописных упоминаниях и последующих научных антропонимических исследованиях, определяющим влиянием этой социальной группы на культурно-историческое развитие человечества, в т.ч. на выбор, частоту употребления и эволюцию личного имени.

Характерной особенностью именослова знатной верхушки исследуемой территории древнерусского периода является доминирование двухосновных личных имен славянского происхождения со вторыми компонентами *-волод*: *Всеволодъ*, *-мир*: *Володимиръ*, *-полк*: *Святополкъ*, *Ярополкъ*, *-слав*: *Брячьславъ*, *Вячеславъ*, *Изяславъ*, *Мьстиславъ*, *Ростиславъ*, *Святославъ*, *Ярославъ*.

Сложное двухосновное имя *Всеволодъ* с уверенностью можно отнести к генетическим восточнославянским лингвистическим образованиям ввиду того, что его составляющими выступают местоимение *все* (< др.-рус. *вьсь* ‘весь’) и основа украинского глагола *волод-ити* (< др.-рус. *володѣти* ‘владеть’) [4, Т. 1, с. 109, 123]. Учитывая семантику компонентов, П. Чучка трактует первоначальное значение антропонима как ‘обладатель всего’, ‘тот, кому все подвластно’. Исследователь относит его к династическим личным именам древнерусской верхушки, отмечая, что в целом русских князей с таким именем было более 20 [5, с. 119]. Заметим, что на древнерусской территории украинского-белорусского пограничья имя *Всеволодъ* носил князь дорогобужский и луцкий *Всеволодъ Ерславичъ* [6, с. 631]. Выбор конкретного личного названия мог быть вызван пожелательными мотивами ‘владеть всем’, ‘владеть властью’, подражанием династическим традициям именования княжеской элиты (заметим, что идентичным двухосновным именем назывался его предок – сын Ярослава Мудрого).

Подобная пожелательная семантика характерна и для древнерусского княжеского имени *Володимиръ*. Определяется она содержанием препозиционной основы глагола *волод-ѣти* и постпозиционного существительного *миръ* < **mĭrъ* ‘мир, вселенная’, ‘человечество, люди’, ‘община’, ‘покой’, ‘согласие’. Происхождение личного названия можно объяснить онимизацией общей композитной формы со значением ‘кто владеет миром (вселенной)’ [7, с. 111], ‘быть охранником, стражем мира, то есть порядка, строя, защиты от преступников в пределах определенной территории, владения, волости’ [8, с. 295]. В начале второго тысячелетия двучленное имя *Володимиръ* на территории исследования выступает в полногласной форме (*Володими(и)р* [9, с. 44]) с собственно славянской семантикой второго компонента: ‘мир, покой, порядок, лад, согласие’. В летописных памятках фиксируются личные имена: *Володимиръ Андрѣвичъ* [6, с. 543] – князь пересопницкий и дорогобужский; *Володимиръ* [6, с. 938] – князь степанский; *Володимиръ же Мьстиславичъ* [6, с. 546] – князь дорогобужский. Фонетическое варьирование гласных *и*→*е* во второй основе, напр.: *Володимеръ Андрѣвичъ* [6, с. 411], *блѣброднѣи князь Володимеръ Андрѣвичъ* [10, с. 362], объясняется иноязычным вторжением, в частности, сведением к старонемецкому *-mer* ‘слава’ [11, с. 60]. Учитывая это, «властная» семантика древнерусского имени *Володимиръ* ‘обладатель большой власти’: *Володимир* < **Voldimĕrъ* < **voldĕrъ* ‘власть’ + **mĕrъ* ‘великий’ [12, Т. 1, с. 419] при именовании княжеской верхушки представляется нам неубедительной.

В начале существования еще неразделенного Турово-Пинского объединения в качестве родовых княжеских имен засвидетельствованы двухосновные антропонимные образования *Святополкъ* (*Стѣполкъ*) и *Ярополкъ* (*Ерополкъ*, *Еропѣлкъ*). Препозиционные их основы отражают прозрачную семантическую сущность образующих прилагательных *святой*, д.-рус. *святѣи* < псл. **svĕtĕ* ‘святой, сильный’ [12, Т. 5, с. 199–200] и *ярый*, д.-рус. *ярѣи* < **jarĕ(jĕ)* ‘гневный; строгий; сильный, смелый, отважный’ [12, Т. 6, с. 553; 13, вып. 8, с. 178]. Второй основой выступает существительное *полк*, др.-рус. *пѣлкъ* < псл. **rylkъ* ‘войско, отряд, воинство’ [12, Т. 4, с. 495]. Предполагается, что носители этих пожелательных названий должны быть смелыми, мужественными и отважными воинами, умелыми руководителями военных действий. Вместе с тем, на выбор наименований существенно влияли родственные и властные причинно-следственные факторы. Так, препозиционную часть имени первого туровского князя Святополка (*Стѣполка* [6, с. 105]) А. Литвина и Ф. Успенский воспроизводят от первой основы имени деда Святослава, а вторую – от второй основы имени старшего брата отца Ярополка; матерью его была жена Ярополка Святославича [11, с. 49]: *Володимиръ же залѣже жену братню Гръкиню и бѣ neprazdna ѿ неа же роди Стѣполка* [6, с. 66]. Подражание его имени по принципам учета личностных черт храбрости, решительности и смелости, функциональных свойств руководства войсками и наследственного характера права собственности можно видеть в именовании туровского князя Святополка Изяславича: *изыде Святополкъ изъ Новагорода въ Туровъ княжити* [14, с. 115], *иде Стѣполкъ изъ Новагорода Турову на княженъе* [6, с. 199], Имя Святополк вновь воспроизводится через два поколения в личном имени князя Святополка Юрьевича: *Престависа князь Стѣполкъ снѣ Гюргевъ шюринѣ Рюриковѣ мѣца апрѣла въ ѿ днѣ и положенъ быѣ во цркѣи стѣго Михаила Златовѣрхаго юже бѣ создалъ прадѣдъ его великѣи князь Стѣполкъ* [6, с. 665–666]. Властные, руководящие и военные мотивы лексемы *-полк*, усиленные значением препозиционного прилагательного, а также влияние имени дяди, наблюдаются и в личном имени брата Святополка Изяславича – *Ерополка* [6, с. 195].

Тандем Святополк – Ярополк был характерен для правящей верхушки к началу XII века [11, с. 50]. Впоследствии эти названия постепенно исчезают из именователя княжеских династий. Объяснить это можно с помощью методики когнитивного анализа, предложенной в монографическом исследовании О. Карпенко [15, с. 32–34]. В процессе лексикализации и дальнейшей онимизации адъективно-именных словосочетаний образовались универбы-антропонимы. Отдельные концепты **svęť* и **rьlkъ*, а также **jarь(jь)* и **rьlkъ* слились соответственно в композитах **svętorьlkъ* и **jarorьlkъ*, которые транспортировались в «смешанные» сложные древнерусские концепты *Святопѣлкъ* и *Яропѣлкъ*. В начале второго тысячелетия активно функционировали все эти три концепта. Однако с потерей актуальности рассматриваемых имен исчезает из ментального лексикона «смешанное пространство» их концептов и продолжают функционировать только простые исходные основы.

Определенным образом такой же анализ может быть применен к древнерусским глагольно-именным антропонимным композитам *Брячиславъ* [6, с. 256] (князь туровский: *родиса оу Стѣполка сѣ и нарекоша има ему Брячиславъ* [6, с. 256]) / *Брячиславъ* (князь *Брячиславъ сынъ Святополчъ*) [14, с. 154], производного от псл. **brętjislavъ* < вероятно от псл. **obręsti* ‘найти, приобрести’ и **slava* ‘слава’ [13, вып. 3, с. 24] с буквальным смыслом ‘приобрести славу’, *Изаславъ*, образованного из основ глагола *изати* < псл. **йзѣти* ‘взять, изъять’ [4, Т. 1, с. 348] и существительного **slava* ‘слава’ с содержанием ‘взять славу’, и *Мстиславъ*, производного от псл. **mъstislavъ* < псл. **mъstiti* ‘мстить’ и основы *-slav-* < **slava* ‘слава’ с буквальным значением ‘мсти за славу’ [13, вып. 21, с. 169]. Функциональное содержание понятия ‘взять славу’ и родовая память о другом сыне Ярослава Мудрого актуализировали к употреблению имя *Изаславъ*: *Изаславъ Ярославичъ* [6, с. 136] – князь туровский, *Изаславъ Стѣполчичъ* [10, с. 299] – князь туровский, *Изаславъ Мстиславичъ* [6, с. 256] – князь волыньский и дорогобужский, *Изяславъ Ингворовичъ* [16, с. 41] – князь дорогобужский. Лексико-семантическая группа «Мстислав» объединяет именные названия: *Мстиславъ Дюргевичъ* [6, с. 256] – князь дорогобужский и пересопницкий, мотиватором имени которого могло быть имя дяди Мстислава Великого; *Мстиславъ Изаславичъ* [6, с. 403] – князь дорогобужский и пересопницкий, названный в честь деда Мстислава-Федора Великого [11, с. 584], *Мстиславъ Нѣмъи* [6, с. 403] / *Мстиславъ Ярославичъ Нѣмъи* [19, с. 235] – князь пересопницкий и луцкий, названный именем своего дяди Мстислава Изяславича [11, с. 83], *Мстиславъ* [6, с. 546] – князь дорогобужский, внук Мстислава Храброго. В ходе исторического развития общества именователя Брячислав, Изяслав и Мстислав выходят из активного обращения.

Относительно других древнерусских княжеских имен со второй именной основой *-slav-* < **slava* ‘слава’, в частности: *Вачеславъ* < псл. **vętislavъ* с первым корнем от слова **vętje* ‘больше’ [12, Т. 5, с. 443], которое отражает содержание ‘большая слава’ (*Вачеславъ Володимеричъ* [6, с. 315] – князь пересопницкий), *Ростиславъ* < псл. **Orstislavъ*, первая основа которого происходит от **orsti* ‘расти’ [12, Т. 5, с. 126] с семантикой ‘расти слава’ (*Глѣбовичъ Ростиславъ* [6, с. 315] – князь степанский), *Святославъ* / *Стѣславъ* < псл. *Svętoslavъ*, первая основа которого образована от прилагательного *svęť* ‘святой’ [12, Т. 5, с. 200] с прозрачным значением ‘святая слава’ (*Стѣславъ Всеволодичъ* [6, с. 315] – князь туровский), можно утверждать, что ментальный лексикон жителей территории исследования сохранил не только два исходных выходных концепта, но и образованный сложный.

Определенную активность проявляет в синхроническом и диахроническом разрезе личное название *Ярослав* < *Ярославъ* / *Ярославъ* < псл. **jaroslavъ* [13, вып. 8, с. 176–177]. В народном сознании оно существует как «смешанный» концепт, сочетающий простые концепты ‘яровой’ и ‘слава’; ср. белорусское буквальное значение ‘кто славит свет (солнца)’ [7, с. 11]. В течение эволюционного процесса простые концепты из антропонима Ярослав исчезли, а сам он стал представителем простого концепта, который относится к антропонимическому фрейму. [15, с. 34]. На территории исследования в древнерусский период его заполняют княжеские имена: *Ярославъ Изаславичъ* [6, с. 546] – князь туровский, *Ярославъ Стѣполчичъ* [6, с. 287] – князь дорогобужский, *Ярославъ* [6, с. 750] – князь дорогобужский и луцкий.

Древнее славянское личное название *Борисъ* можно рассматривать как усеченную форму незасвидетельствованного в ареале исследования двухосновного имени *Бориславъ* < псл. **borislavъ* (по другим версиям оно имеет юго-славянские или греческие корни [17, с. 12; 5, с. 74; 18, с. 43, 13, вып. 2, с. 203]). В ментальном лексиконе имя уже не ассоциируется с исходными и «смешанным» концептами сложной лексемы, а выступает независимой корневой морфемой, которая реализует значение ‘бороться за славу’. Именно этот пожелательно-приказной мотив распространения культа святых братьев Бориса и Глеба как будущих защитников личности (ср. традиции парного именователя Борис – Глеб, например, сыновья Владимира Великого) стал основной причиной именователя князей турово-пинских *Борисом Дюргевичем* [6, с. 478] и *Глѣбом Дюргевичем* [6, с. 474].

Вызывает удивление, с какой легкостью проникает раннее скандинавское заимствование *Глѣбъ* с буквальным значением ‘потомок Бога’ [18, с. 52] речь жителей исторического белорусско-украинского пограничья в период развития удельных княжеств, а затем таким же образом и канонизируется. В летописи упоминается князь турово-пинский, дубровицкий, степанский и пересопницкий *Глѣбъ Гюргевичъ* [6, с. 528] / *князь Глѣбъ Тоуровъски шюринъ Рюриковъ сѣ Гюргевъ* [6, с. 694] и его потомки, в частности, степанские князья *Глѣбовичъ Ростиславъ* [6, с. 315] и *Иванъ сѣ Глѣбовъ* [6, с. 694]. Что касается других, популярных на Руси скандинавских личных имен, то очерченная территория остается для них закрытой.

Исключение составляет разве что наименование князя дорогобужского и шумского *Инъгварь* [6, с. 725], которое отражает буквальное значение ‘охранник, защитник’ [18, с. 63].

С распространением христианства на Руси приобретают популярность среди княжеского двора греческие имена с аутентичной функциональной семантикой: Андрей ‘мужественный, храбрый’ (*Андрѣи Дюргевичь* [6, с. 411] – князь пересопницкий и туровский, возможно, назван в честь своего дяди Андрея Доброго; в подтверждение исходного содержания летописная запись: *кн. же Андрѣю мужеству тѣзоимените* [6, с. 584]), Василько – от Василий ‘царь’ (*Василко* [6, с. 751] / *Василько Романовичь* [19, с. 236] – князь пересопницкий, имя которого могло символизировать связь с христианским именем Владимира-Василия Святого; *Василко Ярополчичь* [6, с. 525] – князь Шумский), Александр ‘мужественный защитник’, ‘защитник’ (одним из первых этим именем в династии Рюриковичей назвали *Александра Дубравьскаго* [10, с. 508] / *Олександра Дубровцьскаго* [16, с. 40] – князя дубровицкого), Юрий ‘земледелец’ (*Дюрги Ерославиць* [6, с. 478] – князь турово-пинский, носивший в крещении имя своего предка Ярослава-Георгия Мудрого). Концептуальность древне-еврейских заимствований связана с идеями красоты, особенности, справедливости: Давид ‘любимец’ (*Дѣдъ Игоревичь* [6, с. 249] – князь дорогобужский, двоюродный дед которого назывался Глеб-Давид), Даниил ‘Божий суд’ (*Даніиль Романовичь* – обладатель Пересопницы [19, с. 236]), Иван ‘Божья благодать’ (*Гюргевичь Ивань* [6, с. 541] – князь туровский; имя Иоанн мог носить в крещении его дед Ярослав Святополчич [11, с. 561]).

Мотивацию, сосуществование и функционирование славянских и христианских имен целесообразно рассматривать с позиций когнитивности и общественно-исторической востребованности. В названиях первых лиц средневековых государственных образований белорусско-украинского пограничья мы не находим «защитных» имен от злых сил, природных неурядиц языческих отапельлятивных антропонимобразований, возможно они к этому времени утратили актуальность. Однако, «ритуально-харизматическая функция, ее профилактико-пожелательный смысл» [20, с. 57] при выборе имени новорожденного сохранилась. Характерные психологические черты доброты, искренности, пожелательности населения исторической территории нашли свое отражение, как отмечает Е. Соколова, в специально сформировавшихся именах-композициях *Всеволодь, Володимирь, Мьстиславь, Святославь, Ярославь* и др. для «прославления представителей княжеского рода благодаря основе с отчетливо положительным значением» [20, с. 57]. Выполняя свои номинативные, идентификационные и дифференциальные функции, они несли также релевантные ментальные нагрузки. Такие личные названия можно определять как «добровольные», «подлинно народные». Взглядом на историческую перспективу отслеживается общественная востребованность этих именовании, сохранение аутентичной сущности как составляющих словообразующих компонентов, так и большинства самих композитов.

Распространение христианства на Руси мотивировало к использованию значительного количества церковных имен. Интенсивность этого процесса, как аргументированно отмечает С. Пахомова, «вряд ли имела добровольный характер» [21, с. 126]. В начале своей региональной истории христианские личные имена были данью тогдашней антропонимной моде и прерогативой княжеской правящей верхушки. Причины их выбора могли находиться в первичной семантике. Со временем к ним стали присоединяться наследственные родовые факторы.

Древнерусский период характеризуется двумя основными формами соотношений, взаимосвязей и взаимозависимостей традиционного и христианского именовании. Прежде всего, это двуименность, которая заключалась в добавлении к основному композитному имени дополнительного христианского. Так, туровский князь Святополк имел дополнительное христианское имя Михаил: *престависа благовѣрный князь Михайль зовемый Стѣполкъ* [11, с. 275] / *престависа благовѣрный великій князь Михайло Изяславичь, зовомый Святополкъ* [14, с. 143]. Однако стоит отметить, что региональный летописный свод небогат дополнительными христианскими названиями к традиционным славянским композитам. Поэтому во многих случаях исследователям приходится выводить возможные варианты таких наименований. В частности, в материалах научных работ Л. Войтовича [22], А. Литвиной и Ф. Успенского [11] и др. отмечается, что региональные князья Святополк Окаянный и Ярополк имели христианское имя Петр, Владимир Мстиславич, Изяслав Ярославич – Дмитрий, Ярослав Изяславич – Иван, Мстислав Изяславич – Федор. Востребованность и в то же время архаичность двухосновных славянских личных имен, обусловленные состоянием периферийности и удельности княжеских владений, отражением их глубинной сущности в философии, традициях и языке народа, стали предпосылкой дальнейшей их канонизации. В первую очередь, как отмечает белорусский исследователь В. Шур, были внесены в церковные православные календари имена Владимир и Ярослав, позже – Вячеслав, Мстислав, Святослав и др. [7, с. 14].

Другая форма предусматривала полный отказ от использования славянского имени. Для нее характерно сочетание родового и крестильного имен. Только под христианскими названиями в летописных упоминаниях фигурируют региональные князья Борис Юрьевич, Глеб Юрьевич [11, с. 482] (по версии Л. Войтовича – Глеб Юрьевич имел христианское имя Михаил [22, с. 360]), Андрей Юрьевич Боголюбский [11, с. 473], Давид Игоревич, Иван Юрьевич [11, с. 518], Юрий Ярославович – Георгий (полная форма Георгий, как отмечает Н. Бирилло, в Беларуси не прижилась [9, с. 51]), точнее, Гюрги,

Дюрги [11, с. 519], Василько Романович [11, с. 492]: *блговѣрныи князь и хрсто любивѣи великыи Володимерьскыи именемъ Василко снѣ великого княза Рома* [6, с. 869].

Имя человека в различные исторические эпохи выступало определяющим компонентом формы его именованя. Право на имя – это неотъемлемая общепринятая юридическая категория, которой наделен каждый общественный субъект. Реализуется оно на территории исследования в княжескую эпоху средствами славянских двухосновных личных имен, христианских имен и антропонимных дериватов. Выбор имени носит добровольный характер и мотивирован прежде всего семантикой антропонимолексем, общественной модой, династическими традициями именованя княжеской элиты, родственными и властными причинно-следственными факторами.

Важным компонентом доминирующей древнерусской формы именованя являются патронимы. На страницах летописей двуименные названия фиксируются как в синтетическом (*Андрѣи Гюргевиць* [6, с. 409] / *Гюргевиць Аньдрѣи* [10, с. 332], *Володимеръ Андрѣевичъ* [6, с. 411], *Гльбъ Гюргевиць* [10, с. 633], *Давыдъ Игоревичъ* [14, с. 114] и др.), так и в описательном (*с Володимеромъ с Андрѣевичемъ* [10, с. 332], *Володимеръ же Мьстиславичъ* [6, с. 546] *Мьстиславъ же Изаславичъ* [6, с. 451409], *снѣ Гюргевь Гльбъ* [6, с. 394], *Ивань снѣ Гльбовъ* [6, с. 938]) виде. Если имя человека рассматривать аналитически де-юре как некий аргумент, независимую величину, то отчество де-факто является определенной посессивной функциональной зависимостью, то есть о его независимой мотивации говорить не приходится.

Составляющими антропонимных формул региональных княжеских именованя выступают также прозвища, мотивированные личностными характеристиками: *Стѣполкъ же иканьныи* [6, с. 122], *Мьстиславъ Нгьмыи* [6, с. 725] / *Мстиславъ Ярославичъ Нгьмый* [19, с. 235], и адъективные топонимы: *Мьстиславъ Пересопницкыи* [6, с. 729], *на Ольксандра Дубровьцьскаго / Олександра Дубровичскаго* [16, с. 40], *степаньскыи князь Иванъ снѣ Гльбовъ* [6, с. 938], *Святослава Шюмьскаго* [16, с. 41].

Заклучение. Анализируя особенности процесса именованя древнерусской княжеской элиты исторической территории белорусско-украинского пограничья с позиций когнитивного ментального начала и общественно-исторической востребованности тогдашних личных названий, можно констатировать, что выбор имени мотивирован прежде всего семантикой антропонимолексемы, общественной модой, династическими традициями именованя княжеской элиты, родственными и властными причинно-следственными факторами. В начале исследуемого периода доминировали славянские двухосновные композиты, впоследствии – христианские названия; нередко было наличие двух имен.

Выбор личного имени является первичным антропонимным действием и носит свободный и независимый характер, патроним выступает определенной посессивной функциональной зависимостью от него, а различные дополнительные к имени компоненты, в частности прозвища, оттопонимные определения, отображают характерные личностные качества человека, пространственно-региональную дислокацию их носителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Городилова, Л.М. Историческая антропонимика XX–XXI вв.: направления и проблемы исследования / Л.М. Городилова // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2012. – Спец. вып. [1] А. – С. 79–83.
2. Энциклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Т. 6 : в 2 кн. / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцикл., 2001. – Кн. 1 : Пузыны – Усяя. – 591 с.
3. Шульгач, В.П. Праслов'янська лексика в топоніміконі Волинсько-Ровенського Полісся / В.П. Шульгач // Науковий вісник Чернівецького університету. – 2007. – Вип. 354–355. – С. 274–277.
4. Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А.К. Шапошников : в 2 т. – М. : Флинта : Наука, 2010. – Т. 1. – 584 с.
5. Чучка, П.П. Слов'янські особові імена українців: історико-етимологічний словник / П.П. Чучка. – Ужгород : Ліра, 2011. – 432 с.
6. Полное собрание русских летописей. – М. : Изд-во вост. лит., 1962. – Т. 2 : Ипатьевская летопись. – 938 с.
7. Шур, В. Беларускія ўласныя імёны. Беларуская антрапаніміка і тапаніміка / В. Шур. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1998. – 194 с.
8. Поппэ, А.В. К истории имени Владимир. Опыт необычного исследования / А.В. Поппэ // Труды Отдела древнерусской литературы. – 2010. – Т. 61. – С. 278–295.
9. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія. Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы / М.В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1966. – 328 с.
10. Полное собрание русских летописей. – Л. : Изд-во АН СССР, 1926–1928. – Т. 1 : Лаврентьевская летопись. – 540 с.
11. Литвина, А.Ф. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики / А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. – М. : Индрик, 2006. – 904 с.
12. Етимологічний словник української мови : у 7 т. / за ред. О.С. Мельничука. – Київ : Наук. думка, 1982–2012. – Т. 1–6.
13. Этимологический словарь славянских языков: праслав. лекс. фонд / Под ред. О.Н. Трубачёва. – М. : Наука, 1974–2011. – Вып. 1–37.
14. Полное собрание русских летописей. – СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1862. – Т. 9 : VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – 256 с.

15. Карпенко, О.Ю. Проблематика когнітивної ономастики / О.Ю. Карпенко. – Одеса : Астропринт, 2006. – 377 с.
16. Полное собрание русских летописей. – СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1841. – Т. 3 : IV. Новгородские летописи. – 308 с.
17. Роспонд, С. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имена) / С. Роспонд // Вопросы языкознания. – 1965. – № 3. – С. 3–21.
18. Скрипник, Л.Г. Власні імена людей : словник-довідник / Л.Г. Скрипник, Н.П. Дзятківська. – Київ : Наук. думка, 1996. – 336 с.
19. Киевлянин / сост. М. Максимович ; Императорский университет Св. Владимира. – Киев : тип. Императорского университета Св. Владимира, 1840. – 254 с.
20. Соколова, Е.Н. Аспекты историко-культурной дифференциации языческого и христианского именников / Е.Н. Соколова // National cultures in social space and time: materials II international scientific conference on March 10–11, 2014. Prague. – P. 56–62.
21. Пахомова, С.М. Еволюція антропонімічних формул у слов'янських мовах / С.М. Пахомова. – Ужгород : Вид-во О. Гаркуші, 2012. – 344 с.
22. Войтович, Л. Княжа доба: портрети еліти / Л. Войтович. – Біла Церква : видавець Олександр Пшонківський, 2006. – 782 с.

Поступила 17.01.2020

THE MOTIVES FOR CHOOSING THE ANCIENT PRINCELY PERSONAL NAMES ON THE HISTORICAL TERRITORY OF THE BELARUSIAN-UKRAINIAN BORDER

S. SHYJKA

The motives of the selection of ancient Russian princely personal names on the historical territory of the Belarusian-Ukrainian borderland, taken from annalistic and scientific sources, are examined. The naming process has been analyzed from the standpoint of cognitive mental analysis and the socio-historical demand for personal names. It is noted that the choice of the name of specific princes is motivated by its semantics, social fashion, dynasty traditions, family and power causative factors. At the beginning of the study period, preference was given to Slavic dibasic composites, later Christian names; characterized by the presence of two names. It is emphasized that the choice of a personal name is a primary anthroponymic action, which is free and independent, the patronymic acts a certain possessive functional dependence on it, and various additional components to the name, including surnames, antonyms, characteristic qualities of a person, spatial and regional dislocation of their carrier. The methodology and results of the study will promote the development of anthroponymic science and can be used in the study of anthroponyms of other territories and historical eras.

Keywords: anthroponym, personal name, name, motive, semantics.

УДК 811.161.1'373.2:821.161.1-22Богаев7

**ОТРАЖЕНИЕ СТИЛИСТИКИ ПОСТМОДЕРНИЗМА
В ОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КОМЕДИЙ О. БОГАЕВА**

канд. филол. наук, доц. И.М. ПЕТРАЧКОВА
(Гомельский государственный медицинский университет)
innamihail@mail.ru

В статье анализируются имена собственные из пьес Олега Богаева – драматурга уральской школы «новой драмы». Представлена общая оценка онимического пространства; охарактеризованы особенности поэтики онимов богаевской драматургии; раскрыты значимость, статус, семантика и специфика функционирования имен собственных как отражение стилистики русского «театра абсурда». При выявлении ономастических универсалий обнаружен ряд закономерностей в использовании поэтонимов драматургом. Это двойные заголовки, отличающиеся ремейковым содержанием, антропонимизация апеллятивов, полионимия, трионимия, непродуктивность модификатов личных имен сюжетных героев, использование мотивированных и экспрессивных номинаций, обладающих достаточно высокой степенью семантической активности, множественность прецедентных (аллюзивных) онимов, которые активно выступают в художественном контексте в качестве номинаций сюжетных персонажей комедий.

Ключевые слова: ономастическое пространство, поэтоним, заголовок, комедия, пьеса, антропоним, реалионим, аллюзия, интерпретация, модификат, художественный контекст.

Введение. Исследование онимического пространства в комедиях драматурга «театра абсурда» Олега Анатольевича Богаева является весьма актуальным как в плане выявления общих закономерностей развития поэтической ономастики при изучении разных школ и направлений русской драматургии второй половины XX века, в том числе художественных произведений современного постмодернизма, так и для установления индивидуально-авторской манеры в выборе и использовании имён собственных, их обусловленности контекстом и стилистикой «новой драмы».

Объектом исследования данной статьи стали пьесы О. Богаева «Сансара» (1993), «Русская народная почта. Комната смеха для одинокого пенсионера в одном действии» (1995), «Мертвые уши. Новейшая история туалетной бумаги» (1998), коренным образом отличающиеся от сложившихся традиций как «вампиловского», так и «поствампиловского» периодов развития современной русской драматургии [1]. Предметом исследования являются имена собственные, функционирующие в вышеназванных комедиях, их статус, семантика и особенности употребления.

Для драматургии О. Богаева присущи «депрессивный контекст» [2], «драма отчуждения», которая передает картину распада моральных ценностей и разрушения мира, «роковая предопределенность безрадостного существования в пространстве Города» [3, с. 87]; «гипернатурализм» и упадок самоидентификации: «эти персонажи не знают себя, не знают, как и почему они оказались в данной ситуации, они не понимают логику собственного существования, они остаются “чужими”, даже если провели в этой среде всю свою жизнь» [4, с. 250]. В исследованиях М. Липовецкого и М. Мамадзе пьесы художника слова рассматриваются как образцовые для гиперреалистического или неосентиментального направления современной драмы [4; 5]. Е. Сальникова связывает «Сансару» и «Русскую народную почту. Комната смеха для одинокого пенсионера в одном действии» с традициями «театра абсурда», подчеркивая «мягкий абсурд», фантазмагоричность, сочетание лирического пафоса с иронической отрешенностью [6, с. 172]. Г. Заславский говорит об интертекстуальности богаевских пьес, называет самого драматурга «верным сыном отечественной словесности, сугубым традиционалистом» [7, с. 180]. С.Я. Гончарова-Грабовская, анализируя пьесы «Русская народная почта. Комната смеха для одинокого пенсионера в одном действии», «Мертвые уши. Новейшая история туалетной бумаги», определяет их жанр как трагикомедию и причисляет данные произведения к постмодернистскому типу нетрадиционной (экспериментальной) драмы [8, с. 19–20]. Итак, драматургию Олега Богаева критики связывают с самыми разнообразными традициями, но в целом определяют его творчество как одного из представителей российской «новой драмы».

Достаточно необычная и сложная структура произведений О.А. Богаева требует уточнения и специфики в выборе ономастических средств, которые бы органично вплетались в поэтику его драматургии и отражали стилистику того художественного метода, в контексте которого автор воплощал современную

инновацию русского театра. Определение этой специфики, выявление определенных ономастических универсалий в творчестве О. Богаева и есть цель данного исследования.

Основная часть. Главное имя собственное любого произведения – это его заглавие. В языковом плане заглавие представляет собой название, то есть имя текста. Оно, как и имя собственное, идентифицирует текст, выделяет его из ряда всех других. Именно заголовок привлекает внимание читателя. Вместе с тем название играет важнейшую роль в содержательной структуре произведения: оно формирует читательскую догадку относительно темы произведения, передает в концентрированной форме основную идею творения, является ключом к его пониманию. Однако это становится возможным при условии полной семантизации заголовка только после прочтения текста. Заглавие (однозначно оно или многозначно) может быть осмыслено лишь в результате восприятия текста как структурно-семантического единства, характеризующегося своей целостностью и связностью.

Проанализируем заголовки комедий драматурга О. Богаева. Каждый из них достаточно необычен. В плане грамматического оформления, по форме это либо отдельная ирреалистичная номинация («Сансара»), либо двойное название в виде первого словосочетания, которое строится по модели «имя прилагательное + имя существительное», и затем второго назывного предложения («Мёртвые уши. Новейшая история туалетной бумаги», «Русская народная почта. Комната смеха для одинокого пенсионера в одном действии»). Все избранные писателем слова заголовков являются организующим элементом каждого из драматургических текстов. Это проявляется в том, что, познакомившись с пьесой, читатель-зритель ретроспективно осмысливает заголовок в связи со всем контекстом драмы. При этом семантическое значение названия может претерпевать существенные трансформации под воздействием самого текста. Заголовки комедий О. Богаева особенно отчетливо демонстрируют множественность интерпретаций и играют важную роль в формировании интегрированного единства каждого из текстов. Полное осмысление названия возможно лишь в так называемом «мегаконтексте», т.к. многие заглавия содержат аллюзии и требуют от читателя знания мифологии, истории литературы, истории религии и т.д. Так, заголовок «Сансара» трактуется самим художником слова в эпитафии («*Сансара (буддийская мифология) – «блуждание», «круговорот», переход из одного состояния существования в другое»* [9, с. 7]). Именно на этой религии, вере в великое переселение душ, строится весь комизм и абсурдность происходящих в пьесе событий. Вначале сюжет начинает развиваться по реальному сценарию, а затем становится условно-метафорическим (ирреальным, фантастическим): одинокая Старуха изолировалась от мира в пространстве захлавленной квартиры с неисправным электричеством из-за ощущения, что все хотят ее обмануть, ограбить и т.п., поэтому всякий позвонивший в звонок на ее двери получает мощный удар током. Женщина, пришедшая по объявлению о продаже котят, как и все, получает удар током, переживает клиническую смерть и рассказывает Старухе о возможности преодоления невыносимых обстоятельств жизни, в том числе смерти, через погружение в инобытие – «сансару». Суть этого учения состоит в том, что «... смерти нет, а есть сознание Кришны» [9, с. 28]. Потеряв в один год всех своих родных («*Зимой – мать, весной – отца, летом – мужа, осенью – сына*» [9, с. 26]) и однажды встретив на улице кришнаита, женщина уверовала в то, что душа её сына «*после смерти вселилась в другое тело. Великое переселение душ. Сансара... Сансара...*» [9, с. 28]. Но этому предшествует трагикомическое выяснение отношений, повторяется ситуация непонимания персонажами друг друга: Женщина ищет котенка, в которого якобы, по её мнению, переселилась душа умершего сына Юрочки, а Старуха уверена, что ее хотят ограбить или убить. Финал пьесы построен в стилистике «театра абсурда»: старик (или как называет его автор «Спящий за шифоньером») засыпает вечным сном, Женщина продолжает искать сына-котенка, Старуха тоже уверовала, что душа старика переселилась в муху. Но при этом финал лишен однозначности: неожиданное включение телевизора может быть всего лишь комической случайностью, усилившей помешательство этой необычной Старухи, а может быть «окном» в инобытие, т.к. звучит известная в 1980-е годы песня «До свиданья, Москва» на музыку А. Пахмутовой и слова Н. Добронравова, в которой отчетливо слышится таинственное созвучие-совпадение с именем одного из персонажей пьесы (Спящего за шифоньером) дяди Миши, чья душа якобы переселилась в улетающую муху: «*СТАРУХА (мечтательно). Туннель... ТЕЛЕВИЗОР (тихо поет). На трибунах становится тише, Тает быстрое время чудес, До свиданья, наш ласковый Миша, Возвращайся в свой сказочный лес. СТАРУХА. Миша... Человеком... <...> Старуха смотрит в окно, пытается что-то разглядеть. Женщина ползает по полу, ищет котенка, плачет, смеется. Песня все тише и тише»* [9, с. 46]. Созвучие имён создаёт «непостановочный» эффект. Так ещё раз звучит мотив заголовка драмы «Сансара», который связан с формированием в читательском сознании догадки относительно идеи произведения – ухода от жестокой неприглядной реальности в инобытие, а именно в сансару.

Первая часть в названии «Русская народная почта. Комната смеха для одинокого пенсионера в одном действии» отражает тематику комедии (по форме – это словосочетание), вторая же является

выражением идеи произведения (грамматически она оформлена назывным предложением). Как и в «Сансаре», в «Русской народной почте» главный персонаж, совершенно одинокий, всеми забытый пенсионер Иван Сидорович Жуков выдумывает свой собственный мир, помогающий ему преодолеть бесчеловечные обстоятельства реальности. Он занимается тем, что пишет письма самому себе. После смерти жены два года «жизнь текла непонятно откуда и куда, <...> Но неожиданно в начале осени, врасплох, <...> приятели (словно сговорившись) покинули его и вознеслись на «небесную скамеечку» к супруге, телевизор и радио безнадежно поломались. Скучно стало. И вот наш Иван Сидорович целыми днями не показывает носа на улицу, сидит на табурете, раскачивает свое одиночество, ... <...> Не с кем поговорить, никто не зайдет» [9, с. 50]. И тут он находит своё «лекарство» от одиночества: «Когда-то жена работала на почте, пачками таскала домой чистые конверты и бланки телеграмм, но найти применение жесткой, грубой бумаге было сложно, ... <...> Теперь Иван Сидорович нашел конвертам применение. Из комода, из-под обоев, из шкафа, отовсюду, где только можно, выглядывают серые уголки писем. На конвертах один и тот же почерк» [9, с. 51]. Богаевский герой своими письмами создает новую реальность, в которой ведет активное общение со школьными друзьями, с директором Центрального телевидения, с Президентом РФ, английской королевой, марсианами, клопами и т.д. Комизм ситуаций обусловлен склерозом Ивана Сидоровича (он искренне удивляется, находя новые письма, забывая, что написал их сам) и его чувством юмора, простодушием, искренностью, человечностью, проявляющимися в письмах: «С антресолей падает конверт. Иван Сидорович подходит, распечатывает, читает.

Уважаемый т. Жуков! Поздравляем вас с юбилейной датой и желаем вам главного счастья. А главное счастье возможно только у нас на антресолях. Иван Сидорович, в самом деле, переезжайте к нам. Вы будете играть на гармошке, а мы слушать. А ночью будем спать вместе. У нас тепло. А кровать стоит на сквозняке. Последний раз желаем вам главного счастья и ждем! Ваши... клопы с антресолей.

Иван Сидорович испуганно смотрит на антресоли, на кучу белья. Грозит кулаком. Садится за стол, пишет» [9, с. 77].

Действительно, двойное название не только обращает на себя внимание, увлекает читателя-зрителя, но и отражает идейно-тематический контекст произведения. Заголовок пьесы «Мертвые уши. Новейшая история туалетной бумаги» отличается интертекстуальностью, представляет собой интригующее ремейковое заглавие (ср. «Мёртвые души») с оригинальным необычным расшифровывающим пояснением в своей второй части, которое, как нам представляется, заинтересовывает читателя-зрителя, используется с целью поддержания игровой формы, манеры общения с ним. Сочетание «Мертвые уши» мы слышим от малообразованного милиционера, заметившего на полу большое количество разбросанных книг: «БОЛЬШОЙ. Что это за книги? ЭРА. Классики. (Пауза.) <...> МАЛЕНЬКИЙ (кивает на горы книг). Где взяла? ЭРА. Валялись на улице. Может, возьмете домой? БОЛЬШОЙ (ходит, перебирает книги). Без картинок... Знаешь, у меня всегда так с классикой... Откроешь, и в сон валит. Прямо снотворное... Барбитурата. МАЛЕНЬКИЙ (Эре). Рецепт есть? ЭРА ищет бумажку. БОЛЬШОЙ (поднимает с пола надорванную страничку, читает). «Мертвые... уши»... МАЛЕНЬКИЙ. Мертвые — кто? БОЛЬШОЙ (глядит на страничку). Уши. Тут еще впереди было что-то» [9, с. 134].

Из-за подобного несколько гиперболизированного драматургом невежества обывателей, которые уже давно перестали читать, интересоваться подлинной литературой, происходит ситуация, при которой закрываются библиотеки, а старые издания классиков становятся никому не нужными и подлежат вторичной переработке: «СВЕТА (на книги). Жалко, конечно... Но куда их? <...> За последний год пришел всего один посетитель. Помещение забрали под банк. А книги? Обычно такие книги отправляют на бумажную фабрику. Приходит грузовик и увозит. А там конвейер, помол. И появляется новая бумага... ЭРА. Вторсырье? СВЕТА. Ну да...» [8, с. 136 – 137]. Так происходит объяснение второй части заголовка комедии «Новейшая история туалетной бумаги»: «ЧЕХОВ (снимает пенсне, протирает). Дело обстоит так... Крайне нужен хотя бы один читатель, и мы спасены... ЭРА. И много вас? ЧЕХОВ. Вся библиотека русской классики. С Рождества стеллажи на дрова, а нас в огонь. Кому повезет, того в подвал. (Пауза.) Самое страшное знаете что? ЭРА. Что? ЧЕХОВ (шепотом). Уборная. Ивану Сергеевичу не повезло» [9, с. 96].

Основная функция предложенных драматургом заголовков – настроить на «правильное» восприятие, поскольку автор отказывается от принципа жизнеподобия в пользу создания ирреального условно-метафорического мира. В целом, на наш взгляд, заглавия комедий О.А. Богаева выразительны (повествовательны, философски насыщены, лиричны, исполнены комизма) и полифункциональны. Основные мотивы выбора таких номинаций связаны с критикой (комическим изображением) современного общества, его социальных институтов, культуры и критикой современного человека, его духовно-нравственного состояния, что вполне характерно для стилистики произведений постмодернизма. При этом основы

повседневной жизни и взаимоотношений людей соотносятся с бытийными основами. Динамика действия определена чередованием и сочетанием мотивов «жестокости жизненных обстоятельств», «старости» («Русская народная почта. Комната смеха для одинокого пенсионера в одном действии», «Сансара»), «подлинного и мнимого искусства» («Мертвые уши. Новейшая история туалетной бумаги»), а также «апокалипсиса», «одиночества», «сна / инобытия», «смерти». Пьесы драматурга направлены на осуждение основных принципов человеческой жизни и общества, что и определяет выбор названий в духе «театра абсурда», где сочетаются элементы различных стилей и направлений прошлого, нередко с ироническим эффектом.

В художественном мире О. Богаева действуют персонажи, которых условно можно разделить на несколько групп [10], и соответственно их названия отнести к разным типам поэтонимов. Среди *сюжетных* героев в комедиях драматурга есть персонажи реалистические, обыкновенные люди всех возрастов и социальных групп с традиционными для русскоязычного антропонимикона номинациями – *реалионимами* (пенсионеры – старики и старухи: Иван Сдорович Жуков / Ванька Жуков / прозвище «Старый пень» («Русская народная почта»), Клавдия Егоровна Строгина, дядя Миша; Вера Петровна Холодная («Сансара»), крепкая женщина Эра Николаевна, библиотекарь в декретном отпуске Света, писатель, лауреат Нобелевской премии Лев Сусленко («Мёртвые уши»); фантастические, мифологические существа (*мифонимы*): жители системы («Марс», Марсиане, Клопы с антресолей, котёнок-мальчик; ангелы, персонифицированные герои (*библионимы*): Смерть, Бог, Дьявол; персонажи-симулякры (им присваиваются так называемые «*деапеллятивные*» имена): Старуха, Женщина, Спящий за шифоньером («Сансара»), Дама-берет из СОБЕСа, Два чиновника Департамента культуры, Коллекционер редких изданий, Два милиционера – Большой и Маленький («Мёртвые уши») или гибридно-цитатные персонажи (*прецедентные (аллюзивные) имена*) мифологизированных писателей-классиков и литературных героев: Чехов, Пушкин, Гоголь, Толстой («Мёртвые уши»), Робинзон Крузо, Василий Иванович Чапаев («Русская народная почта»); известных исторических и культурных деятелей: Дантес как убийца Пушкина («Мёртвые уши»), королева Англии Елизавета II, В.И. Ленин, Сталин, актриса Любовь Орлова, летчик-космонавт Гречко, лётчик Севастьянов («Русская народная почта»).

К *внесюжетным* именам собственным относятся *антропонимы, топонимы* (прецедентные ономастические сравнения, метафоры, метонимии), *астронимы, урбанонимы, годонимы, ойконимы, теонимы, хоронимы, хрононимы, хрематонимы, эргонимы* [11]: Тамерлан Великий, Арина Родионовна, Англия, Франция, «Шинель», Святое Писание, улица Чехова, парк Гоголя, автобусная остановка Толстого («Мертвые уши»), председатель колхоза Ян Карлович, брат Паша / Пашка, муж Лёня / Лёничка, тётя Кока, сын Юра / Юрочка, Юрий Гагарин, Валентина Терешкова, Ребендропп, Сталин, Ленин, Кришна, Будда, Киев, Колыма, Большой театр, проспект Космонавтов, журналы «Умелые руки», «Юный техник», архитектор Цэденбал, Ялта, деревня Знаменка, Пермская область, профсоюзный клуб «Волга-Волга», «Свадьба в Малиновке» («Сансара»), друзья Мишка, Гришка, Фёдор, Анфиса-школьница, Великая Отечественная война, Адольф Гитлер, «Лебединое озеро», Платон, песни «Калинка», «Амурские волны», «Песня ткачих», «Интернационал», журнал «Советская милиция», Кремль, Париж, Берлин, Россия, Англия, метро на «Кольцевой», Земля, Марс, орбитальная станция «Дружба», холодильник «Бирюса» («Русская народная почта») и др. [9]. Все *внесюжетные* номинации прежде всего создают фон эпохи, на котором развивается действие, содействуют погружению читателя-зрителя в созданную автором реальность, где важна любая деталь и каждая мелочь, а также характеризуют обстоятельства жизни, отражают воспоминания самих сюжетных героев пьесы, а порой выступают как художественные средства в качестве ономастических сравнений, метафор и метонимий.

В развитии действия комедий возникают «пороговые» обстоятельства и положения, но они не воспринимаются персонажами как нечто из ряда вон выходящее. Как правило, в комедиях представлены два основных алгоритма развития сюжета: действие начинает развиваться в рамках реально-достоверного времени, а затем незаметно для персонажей естественным образом создается «иная реальность» и сюжет модифицируется в условно-метафорический. При этом развязку однозначно невозможно интерпретировать. В измененной реальности признаки жестокой действительности не исчезают, но раскручивание действия становится абсурдным, нелогичным, пространственно-временной контекст оказывается «многослойным», множественным. Использование в богаевском мире всего разнообразия типов имён собственных и обусловлено такой бинарной действительностью контекста. Рассмотрим подробнее поэтонимы, функционирующие в пьесах «Сансара», «Русская народная почта. Комната смеха для одинокого пенсионера в одном действии», «Мертвые уши. Новейшая история туалетной бумаги», и выявим общие закономерности в использовании номинаций, установив таким образом определенные ономастические универсалии, присущие творческой манере драматурга.

В первой пьесе Олега Богаева «Сансара» (1993) формируются особенности поэтики, художественного стиля, мышления писателя, ставшие доминантными. Перед нами пьеса в одном действии. Авторское определение жанра «комедия», вероятно, связано с интересом к комизму несоответствий, с осмыслением жизненных противоречий как абсурдных. Действующие лица обозначены *обобщенно*: Женщина, Старуха, Спящий за шифоньером, но это не связано с проблемой самоидентификации, это обобщение экзистенциально-философского уровня, проявляющееся в варьировании мотива 'одиночества' как 'смыслоутраты'. Наблюдается так называемая *онимизация (ономастизация)* апеллятива, или же в данном конкретном случае *антропонимизация апеллятивов*, т.е. использование *деапеллятивов (деапеллятивация)* [11, с. 53]. На самом деле каждый из героев обладает своим именем, которое *многofункционально* отражает внутреннее состояние, характеристику персонажа: Женщина по имени Вера Петровна Холодная, Старуха – Клавдия Егоровна Строгина (в прошлом член партии), Старик (Спящий за шифоньером) – дядя Миша. Каждое из имен семантически значимо. Достаточно мотивированы и экспрессивные (эмоционально-оценочные) фамилии персонажей комедии. «Мотивированное имя – это любое имя собственное, имеющее прозрачную семантическую структуру, ясно выделяющуюся корневую морфему, в силу чего в нем может быть вскрыт мотив номинации» [11, с. 87]. У женщины со «значимым» прямым именем Вера внезапно после встречи с кришнаитом возродилась вера (*ср. апеллатив вера – «убежденность, глубокая уверенность в ком-чём-нибудь», «убежденность в существовании Бога, высших божественных сил», «то же, что и вероисповедание»* [12, с. 74]) в то, что ее умершие родственники вовсе не перестали существовать, а просто их души переселились в другие сущности. Именно поэтому она так упорно ищет котёнка, в которого, по ее убеждению, переселилась душа умершего сына Юрочки. Отчество и фамилия героини вполне созвучны между собой (Петровна – от Петр из греческого Petros «камень» [13, с. 177] и Холодная – от прилагательного холодный, что значит «имеющий низкую температуру, не нагретый, не дающий и не содержащий тепла» или переносные значения «равнодушный, бесстрастный», «строгий и недоброжелательный» и др. [12, с. 866]). Женщине холодно от внезапно нагрянувшего на нее одиночества и безысходности. Ее сердце постепенно превратилось в камень от многочисленных судьбоносных потерь и горестей. Читателю-зрителю кажется вполне естественным помутнение ее рассудка, поиск последней надежды в «сансаре», искренней вере в переселение душ. «ЖЕНЩИНА. ... И правда, в один год потерять всех... Разве так бывает? <...> Високосный год, ... <...> Говорят — «тяжелое горе». Когда люди говорят эти два слова, они даже не понимают, что это. Горе даже не давит... оно висит над тобой... оно кругом... оно во всем... Это не объяснить. Как передать словами все это? ... <...> Проснешься ночью... И... Идешь на кухню и... И давишься холодными блинами. <...> Утром шесть остановок на работу, вечером — семь обратно... Иду пешком. <...> Подойду к дому... А вдруг свет горит? Вдруг и не было високосного года, все живы, сидят и ждут меня дома?» [9, с. 26].

Старуха Клавдия Егоровна Строгина сама о себе говорит так: «... Да ты знаешь, кто я? <...> От меня не скроешься... Меня все оккупанты боялись... До сих пор письма пишут, людоеды... Переживают за свою фашистскую жизнь... <...> Вот телеграммы в шкафу — Ганцы, Паульсы... Пощады просят, палачи... Совесть их загрызла... А жены плачут, просят за своих юнкеров, эсэсовцев... А я говорю: нет! Видела?! Нет — отвечаю. Пока жива — не будет фашистам прощенья! Задобрить хотят. «Клавдия Егоровна... Клавдия Егоровна...» Сссоббаки... Я — Клавдия Строгина! Член партии! <...> От меня, шпана казанская, один путь — ворота колонии строжайшего режима! И вперед с песнями про кондуктор!» [9, с. 30]. Фамилия героини в данном контексте созвучна с прилагательным «строгий» — «очень требовательный, взыскательный», «суровый, жёсткий», «не допускающий никаких отклонений от нормы, совершенно точный», «не допускающий отступлений от правил поведения, от общепринятых моральных норм» [12, с. 774] и проч. Имя Клавдия от лат. *Claudius Клавдий*, римское родовое имя из *claudio* в значении «хромать» и *claudus* «хромой» [13, с. 133]. Такая трактовка номинации созвучна с художественным контекстом. В ремарках О.А. Богаев отмечает: «Старуха ковыляет на высоких каблуках к зеркалу, смотрит на себя, любит себя...» [9, с. 12] (*ср. значение глагола ковылять – «идти, хромая или с трудом, медленно»* [12, с. 280]). Какие-либо модификаты имён главных героинь (гипокористики, аугментативы, квалитативы (деминутивы и пейоративы) в контексте пьесы отсутствуют. Комедия «Сансара», на наш взгляд, выявляет такую ономастическую особенность антропонимикона, как *полионимия (многоименность)*: с одной стороны, это *значимые деапеллятивные* номинации (например, Старуха или Женщина (указывают на возраст), с другой, *экспрессивные реалионимы*, имеющие традиционную трёхчленную форму – фамилия, имя, отчество, отражающие явление трионимии, присущее в целом русскоязычному антропонимикону (Клавдия Егоровна Строгина или Вера Петровна Холодная), каждое из которых семантически раскрывается через художественный контекст.

Центральным персонажем пьесы «Русская народная почта» является совершенно одинокий старик, выживающий в созданных автором обстоятельствах беспощадной современности. Имя Ивана Сидоровича Жукова и его развлечение – написание писем самому себе, «на деревню Дедушке» – интертекстуально соотносится с сюжетом чеховского рассказа «Ванька», т.е. это аллюзивное имя-перекличка. Даже подписывается персонаж аналогично: «Здорово, ребята! Это я! Ваш настоящий Ванька Жуков!» [9, с. 54]. Отчество Ивана Жукова – Сидорович от Сидор (вариант от болгарского *Исидор*, переосмыслено в связи с греческим *siderōs* – «железо» [13, с. 200]). Действительно, у Ивана Сидоровича железный и негибачаемый характер. Несмотря на все жизненные неурядицы, отсутствие денег, старость и одиночество, герой пьесы продолжает жить, писать, играть на гармошке, петь, не сдаваться сложившимся обстоятельствам. Сам персонаж в одном из писем присваивает себе явно насмешливое прозвище Старый пень, которое он использует по аналогии с имеющейся в народе традицией называния пожилых людей, подчёркивая тем самым старость как характерную черту, сопутствующую и определяющую его жизнь. В пьесе реально-бытовое и фантастическое переплетаются. Так, пока Иван Сидорович спит, в его квартире появляются гибридно-цитатные персонажи-адресаты его писем (Елизавета II, В.И. Ленин, Сталин, Любовь Орлова, Гречко, Севастьянов и др.), выясняющие, кого он любит больше, а значит, завещает квартиру. Все герои ведут себя в соответствии с заявленной ролью. В финале пьесы завершается появлением персонифицированной Смерти. «И здесь Смерть милосерднее Жизни, потому что избавляет Ивана от Ужаса Современной Жизни, даруя ему вечность. Смерть у Богаева есть синтезатор всех видов времени, но результатом такого синтеза является не вечность, а человек: вечный Иван. <...> Иван переживает особое состояние неопределенности, в котором в большей степени, нет – в максимальной степени проявляется душа, он живет в жизнестерти, в котором нет ничего необычного / фантастического и пограничного» [3, с. 769].

Ещё одна героиня комедии «Мертвые уши. Новейшая история туалетной бумаги» с новым метафорическим именем Эра – человек необыкновенный: «ростом она метра два или три, что само по себе уже подозрительно. <...> Но, как обычно случается, промашка с генами вышла: умственные способности, не в пример телесным чудесам, оказались ничтожны... <...> ее организм беспрестанно требует пищи и пищи, и на эту заботу растрочен весь смысл жизни» [9, с. 88]. «СВЕТА. <...> Имя у вас необычное — Эпоха... ЭРА. Эра я...» [9, с. 139] (ср. апеллатив *эра* – «система летоисчисления, ведущая от какого-нибудь определенного момента», «крупный исторический период, эпоха (высок.)», «самое крупное хронологическое деление, значительный этап в геологической истории Земли (спец.)» [12, с. 912] и синонимичная лексема *эпоха* – «длительный период времени, выделяемый по каким-нибудь характерным явлениям, событиям» [12, с. 912]. Избранный драматургом антропоним выступает своеобразным именем-символом: Эра – типичный представитель целой эпохи духовно бедных, нечитающих и невежественных людей, чьи интересы ограничиваются лишь материальными благами. Одноосновное имя с прозрачной этимологией (сохранившее свою ясную внутреннюю форму) библиотекаря в декрете Светы также значимо (ср. Светлана – от рус. *светлая* [13, с. 339] – «излучающий сильный свет», *хорошо освещенный, яркий*», «ясный, прозрачный», *радостный, ничем не омраченный, приятный*) и др. [12, с. 702]). Русские классики очень тепло о ней отзываются: «СТАРИК. Вы (Эре – И.П.) — добрая душа... Была еще *Света*, но она ушла в декрет. ЭРА. Какая Света??? СТАРИК (Толстой – И.П.). Заведующая... Хранительница наша» [9, с. 104].

Автор помещает Эру Николаевну в иную, фантазмагорическую реальность, в которой собрания сочинений персонифицируются в четверку классиков (Пушкин, Гоголь, Толстой, Чехов) и находят спасение от переработки в туалетную бумагу в ее доме. Гибридно-цитатные персонажи действуют в соответствии с мифами, сложившимися у людей стереотипами восприятия, что вызывает комизм положений (классики дерутся, играют в слова на щелбаны, занимаются самоцитированием). Однако вопреки их пародийной интерпретации очевидна авторская тоска по утраченной эпохе духовности. Поначалу трудноперевариваемая «духовная пища» постепенно становится для героини важнее пищи обыкновенной. «ЭРА (пишет). «Дорогие жители улицы Чехова, парка Гоголя и автобусной остановки Толстого. У кого есть желание принять русских писателей, то придите ко мне. Я их отдам в хорошие руки. А сама я живу на улице Трактористов...» (Пишет.)» [9, с. 136]. Значимым, на наш взгляд, является и «скрытоговорящее» отчество героини (ср. имя Николай в переводе с греческого языка «*Nicolaos: nikaō* побеждать + *laos* народ» [13, с. 165], т.е. означает «победить народ»). Эра Николаевна, действительно, стремится победить безразличие, невежество, душевное равнодушие людей, которые в ответе за национальную культуру, сохранение, сбережение её основ, и в первую очередь русской классики. Вот почему женщина беспрестанно бьёт тревогу, обращаясь в различные инстанции, стараясь спасти выброшенные за ненадобностью экземпляры книг классиков русской литературы Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина, подлежащие вторичной переработке.

Судьба отечественной культуры в интерпретации О.А. Богаева трагична: интеллигенция и чиновники к ней равнодушны, Коллекционера (ср. лексему *коллекционер* – «человек, который занимается коллекционированием» [12, с. 283], т.е. собиранием каких-либо предметов) интересуют лишь редкие издания, обыватели не читают, для известного писателя Сусленко история Эры Николаевны – материал для компьютерной программы создания нового художественного текста. Эра Николаевна погибает в пожаре, но искусство вечно: «По колено в болоте из пепла и пены стоят крошечные фигурки русских классиков. В окне мигают веселые огни пожарной и «скорой помощи». Хлопают дверцы. Проснулась сирена. Вой удаляется. Наступает тишина» [9, с. 143].

Заключение. Особенностью ономастического пространства пьес О. Богаева является выбор нестандартных по форме и трактовке заголовков, отражающих идейно-тематическое содержание постмодернистских драм. Пьесы получают интригующие ремейковые заглавия с оригинальным жанровым определением («Русская народная почта. Комната смеха для одинокого пенсионера в одном действии», «Мертвые уши. Новейшая история туалетной бумаги»), отражающие, как правило, внутреннее (метафорическое) содержание, формирующие читательскую догадку относительно темы и / или идеи произведения, или же уточняющие авторскую оценку, заинтересовывающие читателя-зрителя («Сансара»). Как заглавия, так и многие антропонимы обладают интертекстуальностью. Пьесы переполнены *прецедентными именами-аллюзиями*, которые присвоены гибридно-цитатным персонажам, в совокупности ориентирующими на «многослойное» прочтение. Смещение в художественном контексте среди персонажей реально действующих и гибридно-цитатных, мифологических, т.е. использование *реалионимов* (дядя Миша, Лев Сусленко, Юра и т.д.) и *прецедентных (аллюзийных) антропонимов* (Чехов, Пушкин, Гоголь, Толстой, Елизавета II, В.И. Ленин, Сталин и проч.), служит основной цели автора – настроить на «правильное» восприятие произведения, поскольку драматург отказывается от принципа жизнеподобия в пользу условно-метафорического, что обусловлено стилистикой «театра абсурда».

Благодаря множеству повествовательных ремарок, репликам самих персонажей имена собственные в пьесах О. Богаева достаточно выразительны, семантически значимы и полифункциональны. Они не только характеризуют героев, место или обстоятельства действий, но и, например, создают «непостановочные эффекты». В онимическом пространстве художника слова можно выявить ряд закономерностей в употреблении имён собственных. Прежде всего, это использование приема *онимизации*, и в частности *антропонимизации апеллятивов* (Старуха, Женщина, Коллекционер, Дамберет, милиционеры Маленький, Большой, два чиновника – Первый и Второй и др.), *трионимии* (Иван Сидорович Жуков, Вера Петровна Холодная и т.д.), а также *полионимии* (Старуха / Клавдия Егоровна Строгина; Иван Сидорович Жуков / Ванька Жуков / Иван Сидорович / Старый пень, Старик / Толстой, Человек / Чехов и пр.), употребление в основном онимов, обладающих высокой степенью семантической активности (*прямо-, скрыто- и косвенноговорящих* [см. 14]), *мотивированных имен* (Света, Эра Николаевна и пр.) и *экспрессивных номинаций* (Клавдия Строгина, Вера Петровна Холодная, Старый пень и др.), отсутствие широкого спектра вариантов (модификатов) по отношению к сюжетным героям комедий, за редким исключением (сын Юра – гипокористика / Юрочка – деминутив, Иван Жуков / Ванька – пейоратив / Ваня – гипокористика). Выделенные особенности поэтонимов в пьесах О.А. Богаева позволяют сделать предположение о сюжетном мышлении писателя и игровом характере общения со зрителем-читателем. Результаты проведенных исследований ономастического пространства комедий художника слова, их сопоставление с изысканиями онимического пространства «вампировской» и «поствампировской» драматургии свидетельствуют об авторском стремлении при выборе имён собственных к синтезу стиливых традиций русского психологического театра и европейского «театра абсурда».

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрачкова, И.М. Художественное использование антропонимов в драматургии А.В. Вампилова / И.М. Петрачкова // Вестник БДУ. Сер. 4: Филология. Журналистика. Педагогика. – 2009. – № 3. – С. 64–68.
2. Кислова, Л.С. «Апокалипсис нашего времени» в драматургии «уральской школы» (О. Богаев, В. Сигарев, В. и О. Пресняковы) / Л.С. Кислова // Литература Урала: история и современность : сб. ст. / УрО РАН, Объединенный музей писателей Урала. – Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2006. – С. 406–412.
3. Четина, Е. «Новая драма» 2000-х годов: проблемы и стратегии развития / Е. Четина // Новейшая драма рубежа XX–XXI вв.: проблема конфликта : материалы науч.-практ. семинара, Тольятти, 12–13 апр. 2008 г. / Федер. агентство по образованию ; сост. и отв. ред. Т.В. Журчева. – Самара : Уни-верс групп, 2009. – С. 80–89.
4. Липовецкий, М.Н. Театр насилия в обществе спектакля: философские фарсы Владимира и Олега Пресняковых / М.Н. Липовецкий // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 73 (3). – С. 244–278.

5. Мамаладзе, М. Театр катастрофического сознания: о пьесах-философских сказках Вячеслава Дурненкова на фоне театральных мифов вокруг «новой драмы» / М. Мамаладзе // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 73 (3). – С. 279–283.
6. Сальникова, Е. Возвращение к реальности / Е. Сальникова // Современная драматургия. – 1997. – № 4. – С. 172–173.
7. Заславский, Г. «Бумажная» драматургия: авангард, арьергард или андеграунд современного театра / Г. Заславский // Знамя. – 1999. – № 9. – С. 178–180.
8. Гончарова-Грабовская, С.Я. Комедия в русской драматургии конца XX–XXI века / С.Я. Гончарова-Грабовская. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 280 с.
9. Богаев, О.А. Русская народная почта : 13 комедий / О.А. Богаев ; сост. В.Э. Исхаков. – Екатеринбург : Журнал «Урал», 2012. – 776 с.
10. Васильева, С.С. Пьесы Олега Богаева и проблемы современного драматургического языка / С.С. Васильева // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 8, Литературоведение. Журналистика. – 2013. – № 1(12). – С. 63–74.
11. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская; АН СССР, Институт языкознания. – Москва : Наука, 1978. – 200 с.
12. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова ; РАН, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополн. – М. : Азбуковник, 1998. – 944 с.
13. Суперанская, А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание / А.В. Суперанская. – М. : Айрис-пресс, 2005. – 384 с.
14. Петрачкова, И.М. Значимость имени собственного в художественном тексте (на материале современной русской прозы) : автореф. дис. ... канд.филол.наук : 10.02.02 / И.М. Петрачкова; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2003. – 21 с.

Поступила 03.04.2020

POSTMODERN STYLISTICS IN ONYMIC SPACE OF O. BOGAEV'S COMEDIES

I. PETRACHKOVA

The article analyzes the proper names from plays by Oleg Bogaeв, the playwright of the Ural school of the "new drama". A general assessment of the onymic space is presented; the features of the poetics of the onyms by Bogaeв drama are described; revealed the importance, status, semantics and specifics of the functioning of proper names as a reflection of the style of the Russian "theater of the absurd". When identifying onomastic universals, a number of patterns were discovered in the use of poetics by the playwright. These are double unusual intriguing headlines, distinguished by remake content, anthroponymization of appellatives, polionymia, threonymia, unproductive modifiers of personal names of plot heroes, the use of motivated and expressive nominations with a fairly high degree of semantic activity, the multiplicity of precedent (allusive) onyms that actively appear in an artistic context as nominations for plot characters of comedies.

Keywords: *onomastic space, poetic onym, title, comedy, play, anthroponym, realonym, allusion, interpretation, modifier, artistic context.*

УДК 81'367.632.3 : 81.161.1: 81.161.3

СОЮЗООБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖНЫХ СОЧЕТАНИЙ С БАЗОВЫМИ КОМПОНЕНТАМИ *ВРЕМЯ* / *ЧАС* В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

канд. филол. наук **А.Ч. РЫЖКОВИЧ**
(Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)
annatichalouskaya@mail.ru

В статье рассматривается потенциал темпоральных предложных сочетаний с базовыми компонентами «время» в русском языке и «час» в белорусском языке для образования союзных сочетаний. Определяются факторы, которые влияют на количество образуемых союзных сочетаний: семантика союзного средства (союза или союзного слова), степень его грамматикализации и парадигматика, представленность в речевой практике.

Ключевые слова: *предложное сочетание, предложно-союзное сочетание, русский язык, белорусский язык, темпоральность.*

Введение. Исследования последних лет (работы М.В. Всеволодовой, М.И. Конюшкевич, Е.Н. Виноградовой, В.Л. Чекалиной и др.) показали, что предлог имеет полевою структуру с ядром и ближней и дальней периферийными зонами. Ядро поля составляют собственно предлоги, на периферии находятся единицы, не отмеченные в лексикографических источниках и грамматических описаниях как предлоги. Одну из таких групп образуют предложные сочетания – сочетания первичных предлогов со знаменательными лексемами. Исходя из морфосинтаксической теории предлога лексемы, претендующие на статус предлога (хотя бы в речи, если не в языковой системе), манифестируются по целому ряду параметров. Так, М.В. Всеволодова использует для атрибуции предлогов 12 параметров (позже список составил 27 позиций, одни из них являются обязательными, другие – факультативными). Такими параметрами являются просодические характеристики лексемы, наличие вариантов, синонимико-вариативных рядов, стилистические и частотные характеристики единиц, их синтаксический потенциал, способность / неспособность составных отыменных предлогов употребляться с согласованным определением, способность / неспособность предлога образовывать союзы и союзные средства и т.д. В таком ключе предлоги описываются в «Материалах к словарю русских предлогов» (более 7000 единиц), составленном авторским коллективом во главе с М.В. Всеволодовой [1; 2].

В реестре М.И. Конюшкевич [3] при описании белорусских предлогов и их аналогов также использовано более 20 параметров. Основной упор при указании на семантику предлога в данной работе сделан на характер синтаксемы, образуемой предлогом или его аналогом, что позволило зафиксировать в белорусском языке максимальное количество знаменательных лексем, способных образовать предложно-падежную синтаксему и тем самым выполнить функцию предлога.

Опыт инвентаризации и атрибуции предложных единиц в современных национальных языках [1; 2; 4–8] показал, что «втягивание знаменательного слова в релятивную систему прежде всего не результат, а процесс, который имеет отношение не столько к морфологии и частеречной принадлежности, сколько к семантике и синтаксису, поскольку по релятивной функции объединяются в одну категорию как морфологические, так и словообразовательные, лексические, синтаксические единицы» [9, с. 4].

При этом нужно учесть тот факт, что «служебный характер единиц данного типа проявляется в том, что они оформляют и квалифицируют отношения между частями синтаксических структур, хотя лексическое значение существительного, которое создает каждое из подобных образований, не проявляет той степени абстрактности, чтобы новое служебное слово полностью отделилось от того слова, от которого образовалось» [3, с. 2]. Тем не менее существительных, втянутых в предложное сочетание (далее ПС) в качестве их базового компонента (БК), в русском и белорусском языках много. Собранный нами материал содержит 36 ПС с БК *время* в русском языке: *в момент времени* чего, *во время* чего, *во времена* кого / чего, *времен* кого / чего, *времени* чего, *времен до* чего, *времен после* чего, *для времени* чего, *до времени* чего, *до времен* кого / чего, *за время* чего, *ко времени* чего, *на время* чего, *от времени* кого / чего, *от времен* кого / чего, *по времени* чего, *со временем* чего, *со времени* кого / чего, *со времен* кого / чего ... *до* чего, *со времени* чего ... *и до* чего, *со времени* чего ... *и до времени* чего, *со времени* чего ... *и по* что, *точно со времени* чего и др.

В белорусском языке нами выявлено 39 предложных сочетаний с базовым компонентом *час*: *ад часу* каго / чаго, *ад часаў/оў* каго / чаго, *аж да часоў* каго / чаго, *аж да часу* чаго, *да часу* чаго, *за час* чаго, *за часам* каго / чаго, *за часамі* каго/чаго, *за часоў* чаго, *за часы* каго / чаго, *з-за часоў* каго / чаго, *з часоў* каго / чаго, *з часоў* каго / чаго ... *да* чаго, *з часу* чаго, *з часу* каго / чаго *і аж на што / які час*, *з часу* чаго (*і*) *да* чаго, *з часу* чаго *і да часу* чаго, *з часу* чаго (*і*) *на што*, *к часу* чаго, *над час* чаго, *на час* чаго, *падчас* чаго, *пад час* чаго, *пад час адсутнасці* каго, *пад час знаходжання на чым*, *пад час знаходжання ў чым*, *пад час праверкі* чаго,

на часах (мн.л.) чаго, на часе чаго, у момант часу чаго, у час чаго, у часе чаго, у часу чаго, у часы каго/чаго, часоў каго/чаго, часу чаго и др. Стоит отметить, что приведенные выше списки не окончательные.

Одной из основных характеристик для атрибуции предлога является корреляция предлогов с союзами – такую закономерность в двух служебных частях речи заметила М.В. Всеволодова [9; 2]. В продолжение этой мысли М.И. Конюшкевич отметила, что «в силу системности языка и изоморфизма ее уровней корреляцию этих двух категорий можно считать если не универсальной, то свойственной большинству предложных единиц» [9, с. 20] и продемонстрировала опыт моделирования трансформ из предлогов в союзы с дальнейшей верификацией контекстами языковой практики [10]. Такой способ не только показал диагностическую силу для выявления предложных свойств слова или сочетания слов, но и стал способом получения новых союзных сочетаний (далее – СС). Приведем несколько примеров подобных трансформаций темпоральных предложных сочетаний в союзные сочетания, которые и являются объектом нашего исследования: рус. *за время войны – за время, пока была война; во времена студенчества – во времена, когда / как я был студентом*; бел. *за час вайны – за час, пакуль ішла вайна; за часамі студэнцтва – за часамі, як / калі быў студэнтам*.

Основная цель нашего исследования – определить союзообразующий потенциал темпоральных предложных сочетаний с базовыми компонентами *время* в русском языке и *час* в белорусском языке.

Основная часть. Предлог (в том числе и предложное сочетание) вместе с флексией является формантом синтаксемы: образует ее, вводит в высказывание и определяет ее роль в высказывании [11, с. 72]. Мы вслед за М.И. Конюшкевич рассматриваем синтаксему шире, чем ее определила Г.А. Золотова: «не как триединство категориального значения слова, его словоформы и ее синтаксической функции, а как актантную позицию: и словоформа, и предикативная часть в рамках высказывания (простого или сложного) занимают одну и ту же актантную позицию. Иначе говоря, с точки зрения оформления одной и той же актантной позиции в предложении, предлог и союз изофункциональны» [9, с. 21].

При трансформации предложно-именной синтаксемы в предикативную формант последней усложняется за счет: а) союза или союзного слова; б) указательного местоимения *той* (во всей его парадигме), в белорусском языке допустим вариант *тоё*, при этом «в предложно-союзном форманте предикативных синтаксем каждый элемент выполняет свою функцию: предлог – предложную, указательное местоимение – функцию «флексии» синтаксемы (придаточной части сложноподчиненного предложения), союз или союзное слово – функцию экспликатора, который обеспечивает грамматическую связь разноуровневых элементов синтаксемы» [8, с. 15].

Покажем примеры моделей трансформации темпоральных предложных сочетаний с базовым компонентом *время* в русском языке и базовым компонентом *час* в белорусском языке, при этом будем сочетать базовый компонент с однословными временными союзами или союзными словами (отметим, что морфологический статус союзного средства нас не интересует, поэтому мы его не уточняем в наших моделях): рус. *когда, как, пока, который, какой, что*; бел. *калі, як, пакуль, які, што*. Таким образом базовая модель темпорального союзного сочетания имеет следующий вид: «предложное сочетание + союзное средство (союз / союзное слово) = союзное сочетание».

Если мы предположим, что по этой модели каждое предложное сочетание (36 в русском языке и 39 в белорусском языке) способно образовать с перечисленными союзными средствами хотя бы по одному союзному сочетанию, то теоретически мы можем получить 216 (36 × 6) союзных сочетаний в русском языке и 195 (39 × 5) СС в белорусском языке. Например, рус. *со времени – со времени, когда; со времени, как; со времени, пока; во время – со времени, которое; со времени, что; со времени, какое* (6); бел. *з часу – з часу, калі; з часу, як; з часу, пакуль; з часу, які; з часу, што* (5).

Так как словообразование части аналитических союзов (*в то время, как* и т.п.) подразумевает участие указательного местоимения *той* в русском языке и указательных местоимений *той / тоё* в белорусском языке, то количество союзных сочетаний удваивается и составляет, соответственно, 432 СС в русском языке и 390 СС – в белорусском. Стоит отметить, что в белорусском языке ввиду наличия вариантов употребления указательного местоимения *той / тоё* количество союзных сочетаний в ряде случаев удваивается. Например, бел. *з часу* допускает образование следующих союзных сочетаний: *ад таго часу, калі; ад таго часу, як; ад таго часу, пакуль; ад таго часу, які; ад таго часу, што* (5).

Союзное слово *который* (бел. *які*) имеет адективную природу, что обусловило наличие у него парадигмы, состоящей из 24 словоформ, но, как показывает наш материал, теоретически в моделировании способны участвовать только 4 падежные формы единственного числа, поскольку форма именительного и винительного падежей нами уже учтена: рус. *с того времени, которого; с того времени, которому; с того времени, которым; с того времени, о котором*; бел. *ад таго часу, якога; ад таго часу, якому; ад таго часу, якім; ад таго часу, аб якім; ад таго часу, якога; ад таго часу, якому; ад таго часу, якім; ад таго часу, аб якім*. То есть все 36 предложных сочетаний в русском языке и 39 СС белорусского языка при трансформации получают соответственно 288 (36 × 8) союзных сочетаний в русском языке и 312 (39 × 8) СС в белорусском языке. Если суммируем все предполагаемые модели, получим: рус. 432 + 288 = 720 единиц; бел. 390 + 312 = 702 единицы.

Но и эту цифру нельзя считать окончательной, поскольку союзное слово *который* (бел. *які*) может сочетаться с рядом непроемных или произмных (значительно реже) предлогов: рус. *с (того) времени, в которое; с (того) времени, относительно которого; с (того) времени, после которого; с (того) времени, за которое; с (того) времени, на которое*; бел. *ад (тога) часу, у які; ад (тога) часу, паводле якога; ад (тога) часу, пасля якога; ад (тога) часу, за які; ад (тога) часу, на які*. Если ограничиться только перечисленными предлогами, то количество союзных сочетаний увеличится на $10 \times 36 = 360$ в русском языке и на $10 \times 39 = 390$ в белорусском языке, в итоге мы получаем $360 + 720 = 1080$ союзных сочетаний в русском языке и $390 + 702 = 1092$ белорусских союзных сочетания.

Количество союзных сочетаний может увеличиваться за счет факультативных единиц – актуализаторов времени:

1. Аппроксиматоров (показателей неопределенности, приближенности времени): рус. *почти, приблизительно, примерно, практически*: *Да почти в то время, как тебя в Астану Ибраев привез* (В. Скворцов); *Во-первых, смерть милиционеров, по заключению экспертов, наступила примерно в то время, когда сделана отметка в журнале* (М. Милованов); *Вместе с ним она уехала из России; это было приблизительно в то время, когда на другом конце этой огромной страны, в томительном безумии гражданской войны, я блуждал по раскаленным южным степям с выжженной травой, под высоко стоявшим солнцем* (Г.А. Газданов); *Интересно, что об этих планах Касьянов поведал практически в то самое время, когда депутаты Госдумы с энтузиазмом обличали правительство* (Н. Серова); бел. *Прыблізна ў гэты ж час, калі Каліноўскі пакінуў Гродзенчыну, Ражанскі з ваўкавыскімі паўстанцамі далучыўся да галоўнага атрада Гродзенскага ваяводства на чале з А. Духінскім і В. Урублеўскім* (Інт.).

2. Проксиматоров (показателей точности времени): рус. *именно, точно, как раз, ровно, только, непосредственно, аккуратно, лишь*: *Именно в то время, когда Луна и Солнце располагаются в противоположных сторонах от Земли лучше всего загадывать желания* (Инт.). ...*Были настараживающие результаты УЗИ почек (непосредственно в то время, когда были боли)* (Инт.); *И вот я должен сообщить вам: три часа назад, то есть это ровно в то время, когда они составляли с адвокатом этот акт, явился ко мне уполномоченный Андрея Петровича и передал мне от него вызов... формальный вызов из-за истории в Эмсе...* (Ф.М. Достоевский); *Случилось же это возле лотка с астраханской, свежего привоза сельдью, аккуратно в то время, когда куранты Кремля вызванивали десять* (В. Беленкин); *Ни один дурак не пойдет к тайнику точно в то время, о котором предупреждает, это азы сыскного дела* (А. Маринина); бел. *Акурат на той час, калі мы знаёмліся з абрадавым комплексам пад Бялынічамі, нам здавалася, што мы маем справу з глыбінным пластом нашай традыцыі* (Звезда).

Отметим, что при стремлении субъекта выделить то, что является для него значительным, может выступать определительное местоимение *самый* (бел. *самы*) и усилительная частица *же* (бел. *жа*). Напр., *Интересно, что об этих планах Касьянов поведал практически в то самое время, когда депутаты Госдумы с энтузиазмом обличали правительство* (Н. Серова); с существительными, которые обозначают время и указывают на временные пределы действия: *И лежало оно там, и лежало до того самого времени, пока не построили дом* (Г. Щербаква). Частицу *же* используют, как правило, для усиления семантики слова, после которого она стоит, и для усиления содержания высказывания: *В то же время, когда квартиру посетили исследователи, происходили события, которые объяснить с рациональной точки зрения сложно* (О. Фролова).

Таким образом, в основе образования союзных сочетаний находятся предложные сочетания и союзные средства. Количество союзных сочетаний может увеличиваться благодаря включению в их состав факультативных элементов (актуализаторов времени, определительного местоимения, усилительной частицы). Подобные трансформации показывают, что союзные сочетания, полученные путем теоретического моделирования относятся к грамматике, а не к языку, поскольку мы можем посчитать количество союзных сочетаний. Данные грамматические конструкции являются целостными, пусть структурно и сложными, синтаксическими релятивными единицами.

Стоит отметить, что контекстуальное подтверждение могут найти далеко не все единицы, полученные при помощи трансформаций. Языковая практика не допускает существование всех полученных трансформов. Постараемся выявить основные факторы, влияющие на существование или употребление темпоральных союзных сочетаний.

Приведем некоторые модели темпоральных союзных сочетаний, выявленных нами в языковой практике:

– **во время:**

а) *во время, когда: Во время, когда законодатели моды вновь обращаются к своим старым идеям, Chanel выпускает Coco Mademoiselle* (Е. Борисова);

б) *во время, как: Во время, как боярин вышел, Богдан Хитрово огляделся в крестовой* (А.П. Чапыгин);

в) *во время, которое: Во время, которое я описываю, войны как бы не было* (Г. Садулаев);

г) во время, какое: *Воззри, Господи, и восставь им царя их, сына Давидова, во время, какое Ты, Боже, избрал* (С. Булгаков);

д) в то время, когда: *Кроме того, я не забыл упомянуть, что в то время, когда мы учились в одном классе, у нас фамилии и имена начинались с одной буквы* (Ф. Искандер);

е) в то время, как: *Ей платили двести долларов в месяц, в то время как учителя в школе получали в десять раз меньше* (В. Токарева);

ж) в то время, которое: *Он придет в пятницу в ваше время, а вы, в свою очередь, придете ко мне в понедельник, в то время, которое было зарезервировано для него* (А. Маринина);

з) в то время, пока: **В то время, пока** делались осенне-зимние коллекции на сезон 2002, фэшн-индустрия пребывала на грани нервного срыва (А. Карабаш);

и) в то время, откуда: **И в то время, откуда** все маршировали по асфальтовому плацу, я сидел на скамейке запасных и курил, ловя на себе возмущенные и завистливые взоры (А. Варламов);

к) в то время, что: *«Но в то время, что мы не будем видеться — почти во все наше время, Женя!»* (А. Берсенева);

– **за время:**

а) за время, когда: **За время, когда** батюшка нес послушание благочинного, в Карачаево-Черкесии было открыто четырнадцать новых приходов («Журнал Московской патриархии»);

б) за время, которое: **За время, которое** вы потратили, чтобы прочесть эти слова, израсходованы ещё 6 тыс. рулонов (А. Лерчик);

в) за время, какое: **За время, какое** мы прожили в одной камере, он прочитал мне наизусть все Евангелие (А. Жигулин);

г) за время, пока: **За время, пока** Олег Михайлович был ректором, было открыто 74 новых направления (А. Борисова);

д) за время, что: **За время, что** она пряталась, все переменилось (М. Кучерская);

е) за то время, как: **За то время, как** я работаю здесь директором, он был у меня всего раза четыре (Г. Максимович);

ж) за то время, когда: **За то время, когда** мы не виделись, — я сильно изменился во многом (В.Г. Короленко);

з) за то время, которое: *Она изучала его лицо за то время, которое она не видала его* (Л.Н. Толстой);

и) за то время, пока: *Но за то время, пока его сын бежал, война кончилась* (А. Григоренко);

к) за то время, что: **За то время, что** я проработал в компании, мне никого выше начальника своего отдела видеть не приходилось (А. Геласимов).

Приведем соответствующие примеры, существующие в речевой практике белорусского языка:

– **ад часу:**

а) *ад часу, калі: Ад часу, калі я хварэў, прайшло ўжо год і сем месяцаў* (К. Чорны);

б) *ад часу, як: Ад часу, як яны вылятаюць з руляк, чалавек іх чуе* (П. Сыч);

в) *ад таго /таго часу, калі: Ад таго часу, калі забівае каханне, ён не ведае, як далей жыць* (Наша Ніва). Тут спалучэнне такое: **ад таго часу і да;**

г) *ад таго /таго часу, як: Прайшло каля 10 гадоў ад таго часу, як сям'я мастакоў Наталлі Залознай і Ігара Цішына пасялілася ў Бельгіі* (Новы час);

– **на час чаго:**

а) *на час, калі: Маленства Івана прыпала на час, калі ўсе жылі ў прадчуванні значных палітычных падзей* (У. Мархель);

б) *на час, пакуль: Выхоплівалі, як ваўкі авечак са статку, і валаклі ў рур на час, пакуль не адыдуць святы* (В. Шыдлоўскі);

в) *на час, які: Чым больш людзей не прыйдзе, тым больш шанцаў у нас атрымаць абанемент на час, які нам патрэбен* (Наша Ніва);

г) *на той час, калі: На той час, калі я працаваў міністрам сельскай гаспадаркі, вышэйшья і сярэдняя спецыяльныя навучальныя ўстановы выпускалі ў год каля 7 тысяч маладых спецыялістаў* («Астравецкая праўда», 2012.04.02);

д) *на той час, пакуль: Яна зусім перастала капрызіць, і мы змаглі заняцца іншымі справамі на той час, пакуль малая слухала музыку* (Звязда);

е) *на той час, як: Бацька быў пісьменны, але на той час, як сын пачаў друкавацца, нічога чытаць не мог, бо не бачыў, а акулараў не меў* (В. Быкаў);

ж) *на той час, які: За мяжой да гэтага жорстка ставяцца: напрыклад, у Даніі прапанавалі працягваць працоўны дзень курыцу на той час, які ён "праводзіць з цыгарэтай"* (Наша Ніва);

– **у час каго / чаго:**

а) *у час, калі: У час, калі нябожчыцу сталі выносіць з дому, ён падхапіў Аню і Валеру, меншых дзяцей, на рукі, і ўвесь няблізкі шлях да могілак не апусціў іх на зямлю* («Астравецкая праўда», 2012.02.12);

б) у той час, калі: **У той час, калі** нарадзіўся сын Фёдар (25 жніўня), бацька яго ўдзельнічаў у баях на тэрыторыі Польшчы, быў радавым кулямётнага разліку («Навіны Камянеччыны», 2012.11.10);

в) у той час, пакуль: **У той час, пакуль была** неразбярэха, некалькі аўтобусаў вярнулі назад (Звязда);

г) у той час, як: **Ды і ў водпуск ён мяне адпускаў – у той час, як** іншыя па тры гады адслужылі і дадому ні разу не з'ездзілі («Астравецкая праўда», 2012.10.30);

– **у часы** каго / чаго:

а) у часы, калі: **Яна жыла ў часы, калі** галасы жанчын заглушаліся (Наша Ніва);

б) у тыя часы, пакуль: **У тыя часы, пакуль** да ўлады не прыйшоў Эрдаган, яны адкрыта агітавалі за свае ідэалы (Новы час);

в) у тыя часы, як: **У тыя часы, як** Васіль стаяў у сакрэце, па шэрым небе відаць было, што недалёка да раніцы (Я. Неманскі);

– **у часе** чаго:

а) у тым часе, калі: **Другія сцвярджаюць, што** Таўцівіл пашырыў сваю ўладу на Полацк **у тым часе, калі** пасля прыбыцця ў Рыгу яму абяцалі дапамогаць «божши дворяне и бискуп и вся воя рижская» (М. Ермаловіч);

б) у тым часе, як: **У тым часе як** беларускі бок разважае пра стварэнне на базе дзяржаўнага канцэрну «Белтрансгаз» сумеснай беларуска-расейскай структуры, кіраўнік «Белтрансгазу» заяўляе, што нават і 49% акцыяў можна прапанаваць расейцам (Наша Ніва).

Результаты моделирования нашего материала показали, что союзные средства *когда* (бел. калі) и рус. *как* (бел. як) сочетаются практически со всеми предложными сочетаниями: напр., рус. *Сами реставраторы говорят: «Хорошо бы дожить до тех времен, когда мебель в русском стиле начнут делать китайцы»* (Н. Бахромкина); *За то время, когда мы не виделись, – я сильно изменился во многом* (В.Г. Королёнок); *К тому времени, как Алика вызвали, он был совсем готов* (Ф. Искандер); *К тому времени, когда мы получили дипломы, они были уже никому не нужны* (Г. Садулаев); бел. *Пэўна, за той час, калі мы адвозілі першага «парушальніка» праз паўраёна, кіроўцы або з'ехалі, або пераставілі свае аўтамабілі па правілах дарожнага руху* (Звязда). *За той час, як я знаходзіўся на Акрэсціна, ён звязваўся са сваімі старымі сябрамі-пракурорамі* (Наша Ніва). *За час, калі* страхавыя адлічэнні рабіліся менш чым з "мінімалкі", пры вылічэнні стажу выкарыстоўваецца направачны каэфіцыент (Звязда). *На той час, калі мы знаёмліся з абрадавым комплексам над Бялынічамі, нам здавалася, што мы маем справу з глыбінным пластом нашай традыцыі* (Звязда). На наш взгляд, это обусловлено семантикой самого союзного средства, поскольку именно оно выполняет основную функцию в формировании темпоральных отношений между частями сложного предложения.

Союзное средство *когда* (бел. калі) выражает а) «частичное либо полное совпадение во времени действия главного и придаточного предложений; б) последовательность действия; в) повторяемость действия» [12]. Союзное средство *как* (бел. як): а) «подчиняет придаточные предложения, которые ограничивают начало событий главного предложения; б) употребляется в сложноподчиненных предложениях с быстрой сменой событий; в) употребляется в предложениях, в которых события придаточного предложения присходят после событий главного предложения; г) употребляется в предложениях с отношениями одновременности между придаточным и главным предложением; д) подчиняет предложения, в которых события придаточного предложения происходят раньше событий главного предложения» [12].

Стоит обратить внимание и на взаимозаменяемость перечисленных союзных средств в составе союзных сочетаний: рус. *в то время когда – в то время как; на то время когда – на то время, как; за то время, когда – за то время как*; бел. *у той час, калі – у той час, як; да таго часу, калі – да таго часу, як; з таго часу, калі – з таго часу як*. Таким образом, семантика союзных средств также определяется значением первичного предлога, который входит в состав темпорального предложного сочетания: так, первичные предлоги *от, с, после* (бел. *ад, з, пасля*) указывают на семантику следования, предлоги *до, перед, к* (бел. *до, перад, к*) – на значение предшествования.

Союзные средства *который, что* (бел. *які, што*) также могут входить в состав атрибутивно-темпоральных союзных сочетаний: рус. *Дай мне пожить несколько лет в свое удовольствие; что за беда, что состояние мое уменьшится к тому времени, что я буду стариком...* (А.Н. Апухтин); *Она изучала его лицо за то время, которое она не видала его* (Л.Н. Толстой); *Я укорял сам себя, что имел подозрение на невинную мою супругу; итак, остался спокоен до того времени, которое открыло мне мутные и ослеплённые любовью мои глаза* (М.Д. Чулков); бел. *За час, які мінуў з моманту афіцыйнага апублікавання ўказа нумар 493 у адпаведнасць з ім была прыведзена нарматыўная прававая база* (Звязда). *Гендырэктар падкрэсліў, што за час, што мінуў з моманту заявы з боку ЗША адносна "Белнафтахіма", "Гродна Азот" ніякіх эканамічных праблемаў не мела* (Звязда). *Франак паведаміў, што за той час, пакуль ён лячыўся ў шпіталі, яму паставілі дыягназ «гіпертэнзія 2-й ступені з рызыкай трэцяй ступені»* (Наша Ніва). *За той час, што яна прабыла на волі, укусаў і траўмаў ніхто не атрымаў* (Наша Ніва). *За мяжой да гэтага жорстка ставяцца: напрыклад, у Даніі прапанавалі працягваць працоўны дзень курцу на той час, які ён "праводзіць з цыгарэтай"* (Наша Ніва).

Подобные единцы будут находиться на периферии, поскольку на первый план выступает атрибутивная функция. Отметим, что с данными союзными средствами сочетаются практически все предложные сочетания, также данные средства синонимичны и взаимозаменяемы: рус. *в то время, когда – в то время, как; с того времени, когда – с того времени, как*; бел. *у той час, які – у той час, што; з таго часу, які – з таго часу, што*.

С союзными средствами *калі, як* в белорусском языке не сочетается предлог *падчас*. Данный факт можно объяснить его наречным происхождением. При этом не стоит забывать и об омонимичном с орфографической точки зрения предложном сочетании *пад час*. Тем более не могут образовывать союзные сочетания с ПС *пад час адсутнасці, пад час знаходжання на, пад час знаходжання, пад час праверкі*, которые и сама М.И. Конюшкевич в своем реестре отметила как переходный тип реляций, обусловленный широкой реляционной употребительностью в этих конструкциях отглагольных существительных [6, с. 379].

Союз *пока* (бел. *пакуль*) употребляется в предложениях с временной ограниченностью событий: а) «подчиняет придаточные предложения времени, которые указывают на период действия главного предложения; обозначает “на протяжении того времени как”»; б) подчиняет придаточные предложения времени, которые указывают на момент завершения действия главного предложения (обычно при отрицательном сказуемом); обозначает “да того времени как” [12]. Исходя из описанной семантики можем сделать вывод, что союз *пока* (бел. *пакуль*) может входить в состав предложно-союзных формантов с предложными сочетаниями, которые обозначают: 1) конечную точку времени, события, действия (рус. *до времени, ко времени – бел. да часу*); 2) протяженность (рус. *за время, на время – бел. за час, на час*), т.е. данный союз может входить в состав союзных сочетаний с предлогами *в, на, за, до, к* (бел. *у, на, за, да*): *в то время, пока; за то время, пока; до того времени, пока; к тому времени, пока; на то время, пока*. В контекстах: рус. *И так было до времени, пока ими не овладела коллективистская идея, которая, как известно, иногда обретает материальную силу* (В. Быков). *В то время пока Антон Череп напряженно размышлял о том, чем усилить свои нынешние позиции в Москве, на него сами вышли агенты спецслужб* (А. Ростовский). *А к тому времени, пока приехали пожарные, огнем были охвачены еще три машины* (А. Волкова); бел. *За час, пакуль ішлі пошукі ды ўзгадненні, працягвалася перапіска паміж ведамствамі, маскоўскія медыкі выхадзілі і падтрымалі малую, якая нарадзілася раней за тэрмін з вельмі нізкай вагой* (Звезда).

Заключение. Таким образом, использование теоретического моделирования позволяет выявить и составить списки союзных сочетаний на основе корреляции предлога и союза. Темпоральные предложные сочетания с базовым компонентом *время* в русском языке и базовым компонентом *час* в белорусском языке обладают большим словообразующим потенциалом для образования союзных сочетаний, которые представляют собой структурированную систему исчислимых аналитических синтаксических средств. Образование союзных сочетаний на основе предложных единиц с темпоральной семантикой зависит от значения и степени грамматикализации союзного средства (союза или союзного слова), его парадигматики, степени употребительности, семантики первичного предлога, входящего в состав предложной единицы. Количественные различия союзных сочетаний в русском и белорусском языках объясняются, во-первых, разным количеством предложных единиц с темпоральной семантикой (36 ПС в русском и 39 ПС в белорусском языках соответственно), во-вторых, разным количеством союзных средств (6 в русском языке и 5 в белорусском языке).

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеволодова, М.В. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления / М. В. Всеволодова, О. В. Кукушкина, А. А. Поликарпов ; под общ. ред. М.В. Всеволодовой. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – Кн. 1 : Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. – 304 с.
2. Всеволодова, М.В. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. / М.В. Всеволодова, Е.Н. Виноградова, Т.Е. Чаплыгина ; под общ. ред. М.В. Всеволодовой. – М. : УРСС, 2018. – Кн. 2 : Реестр русских предложных единиц: А – В (объективная грамматика) – 800 с.
3. Канюшкевіч, М.І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка : У 3 ч. / М.І. Канюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 2008–2010. – Ч. 1 : Дыяпазон А – Л. – 2008. – 492 с. ; Ч. 2 : Дыяпазон М – П. – 2010. – 619 с. ; Ч. 3 : Дыяпазон Р – Я. – 2010. – 535 с.
4. Шуба, П.П. Глумачальны слоўнік беларускіх прыназоўнікаў / П.П. Шуба. – Мінск : Асвета, 1993. – 168 с.
5. Загнітко, А.П. Словник українських прийменників. Сучасна українська мова / А.П. Загнітко, І.Г. Данилюк, Г.В. Ситар, І.А. Щукіна. – Донецьк : ТОВ ВКФ «БАО», 2007. – 415 с.
6. Шереметьева, Е.С. Отыменные релятивы современного русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.С. Шереметьева ; Дальневосточный гос. ун-т. – Владивосток, 2011. – 24 с.
7. Lachur, C. Polskie przyimki wtórne i jednostki o funkcji przyjmkowej w użyciu realnym: materiały do słownika (w zestawieniu z językiem rosyjskim). T. 1 : A conto – Oprócz / C. Lachur. – Opole, 2019. – 425 s.

8. Всеволодова, М.В. Предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис. Первые результаты межнационального проекта / М.В. Всеволодова // Функціонально-комунікативні аспекти граматики і тексту : зб. наук. праць, присвячений ювілею А.П. Загнітка. – Донецьк : ДонНУ, 2004. – С. 173–180.
9. Беларускія злучнікі і іх аналогі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка: у 3 ч. / М.І. Конюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 2019. – Ч. 1 : Дыяпазон А – З. – 302 с.
10. Конюшкевич, М.И. Теоретическое моделирование для выявления инвентаря предложно-союзных формантов предикативных синтаксем в полипропозициональной структуре / М.И. Конюшкевич // Граматичні студії : зб. наук. праць. – Вінниця : ТОВ «Нілан-ЛТД», 2015. – С. 13–22.
11. Конюшкевич, М.И. Предлог как синтаксемообразующий формант и структура синтаксемы / М.И. Конюшкевич // Лінгвістичні студії : зб. наук. праць. / Донецький нац. ун-т ; наук. ред. А. П. Загнітко. – Донецьк : ДонНУ, 2006. – Вип. 14. – С. 71–79.
12. Глумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад агул. рэд. К.К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : Беларус. сав. энцыкл., 1977–1984. – 5 т.

Поступила 08.04.2020

THE UNION-FORMING POTENTIAL OF TEMPORAL PREPOSITIONAL COMBINATIONS WITH THE BASIC COMPONENTS TIME / HOUR IN THE RUSSIAN AND BELARUSIAN LANGUAGES

H. RYZHKOVICH

The article considers the potential of temporal prepositional combinations with the basic components time in the Russian language and hour in the Belarusian language for the formation of Union combinations. The factors that influence the number of formed Union combinations are determined: the semantics of the Union means (Union or Union word), the degree of its grammaticalization and paradigmatics, and its representation in speech practice.

Keywords: *prepositional unit, prepositional-Union combination, Russian language, Belarusian language, temporality.*

УДК 811.111'373(045)

**МЕРОНИМЫ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
В СВЕТЕ ТЕОРИИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ**

канд. филол. наук Н.В. КУЗЬМЕНКО
(Минский государственный лингвистический университет)
Nar_nastya@mail.ru

Статья посвящена проблеме системности лексики, а именно – меронимическим семантическим отношениям в современном английском языке. В работе рассматривается система меронимических имен существительных, предлагается их классификация и предпринимается попытка трактовки неоднородности данной системы с позиции теории грамматикализации. Материалом исследования послужили 1577 меронимов, которые образуют в английском языке три подсистемы: холо-меронимы, квазимеронимы и собственно меронимы. Последние представляют собой пеструю подсистему синсемантических имен существительных с широким категориально-обобщенным значением. В ходе исследования выявлена корреляция между степенью грамматикализованности меронима и его контекстуальной детерминированностью, размытостью концептуального содержания.

Ключевые слова: меронимические отношения, холоним, мероним, квазимероним, собственно мероним, синсеманτικότητα, грамматикализация.

Введение. Лексикон языка представляет собой не хаотическое нагромождение слов, а упорядоченную систему, существующую благодаря структурирующим ее лексико-семантическим связям: гиперонимическим, меронимическим, посессивным, синонимическим, антонимическим и др. Из них глобальными, распространяющими действие на весь словарь и организующими его в целостные иерархические структуры, признаны отношения «род – вид» и «часть – целое» [1]. Данные отношения образуют две универсальные языковые категории – *гиперонимию* и *меронимию*.

Невзирая на фундаментальность данных категорий, в лингвистике они оказываются изученными в неравной степени. Преобладающее число исследований посвящено гиперонимии (Дж. Лайонз, Р.М. Фрумкина, А.Д. Мостовая, Г.Е. Крейдлин, Э.В. Кузнецова, и др.), в то время как меронимии уделяется гораздо меньше внимания (Дж. Миллер, Д.А. Круз, М.В. Никитин и др.). До сих пор нерешенным остается вопрос о том, какова область распространения отношений «часть – целое» в лексической системе языков. Отсутствуют данные о том, насколько широко представлена меронимия в лексиконе того или иного языка, состав меронимической системы языков, в каких участках словаря есть меронимические лексические единицы, а в каких нет, и какова специфика меронимов в каждой конкретной группе. Соответственно, доподлинно неизвестен состав системы, дифференциация меронимических групп в ней и их наполняемость.

Целью данной статьи является выявление системы меронимических имен существительных современного английского языка и их классификация. Также предпринимается попытка толкования особенностей некоторых меронимических подсистем в свете теории грамматикализации.

Основная часть. Методом сплошной выборки из толкового словаря современного английского языка «Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English» под общей редакцией А. Хорнби [2] было отобрано 1577 меронимов – субстантивов, содержащих в лексическом значении сему *part of* в качестве общекатегориальной семы (архисемы). В качестве реализаторов данной семы в дефиниции выступали наименования-идентификаторы *piece, part, portion, lump, fragment, drop, bit, share, sheet, item, unit, amount of, layer*. Далее полученные меронимические единицы были распределены по группам согласно конкретизаторам в дефиниции, указывающим на членимый денотат. Ср., например: *fetlock* 'the **part** at the back of a **horse's leg**, just above its hoof, where long hair grows' 'часть задней ноги лошади над копытом, откуда растут волосы', *act* 4¹. 'one of the main **divisions of a play, an opera**, etc.' 'одна из главных **частей пьесы, оперы** и т.д.', *lump* 'a solid **piece of something** without any particular shape' 'бесформенный твердый **кусок чего-либо**'.

В результате исследования было выявлено, что система меронимов в современном английском языке неоднородна и состоит из трех подсистем (рисунок). Первую, наиболее многочисленную (56%), составляют *холо-меронимы* (от греч. *βλος* – целый) – имена существительные, которые в своей семантике

¹ Цифра обозначает номер лексико-семантического варианта многозначной ЛЕ в словаре.

содержат одновременно указание как на часть, так и на ее целое, и образуют в совокупности своих взаимосвязей холо-меронимические структуры, объединения лексических единиц, репрезентирующих в своей иерархии последовательное членение объектов и явлений действительности. Ср., например: *seat* 3. 'the **part** of a **chair**, etc. on which you actually sit' 'часть стула/кресла, на котором сидят', *leg* 4. 'one of the long thin **parts** on the **bottom** of a table, **chair**, etc. that support it' 'одна из нижних опорных частей стола, стула/кресла и др.' и т.д. Все выявленные меронимы с конкретизатором *chair* образуют радиальную холо-меронимическую структуру с холонимом (обозначением целого) *chair* в вершине: *chair* – *seat* 3 'сиденье', *leg* 4 'ножка', *back* 6 'спинка' и *headrest* 'подголовник'.

Рисунок. – Состав меронимической системы современного английского языка

Ко второй группе относятся так называемые *квазимеронимы* (25%) – меронимы с наиболее общим обозначением объекта, пространства (*land, ground* 'земля, суша' и др.) или абстрактной сущности (*work* 'работа') в качестве холонима. Данные лексические единицы, формально соответствуя критериям отбора меронимов (содержат в семантике партитивную сему), тем не менее обозначают не области либо части, а самостоятельные целостные объекты. Ср., например: *quagmire* 'болото' 'an area of soft wet ground' 'область, участок мягкой влажной земли', *airstrip* 'a narrow piece of cleared land that an aircraft can land on' 'узкая полоса очищенной земли, на которую может приземлиться самолет, взлетно-посадочная полоса', *meteor* 'a piece of rock from outer space that makes a bright line across the night sky as it burns up while falling through the earth's atmosphere' 'кусочек камня из космического пространства, оставляющий яркий след на ночном небе при сгорании, когда входит в атмосферный слой земли', *botch* 'a piece of work or a job that has been done badly' 'плохо выполненная часть работы, халтура'. В данном случае конструкция «*a part/piece/area of land/ground/rock/work ...*» обозначает часть неопределенной величины без четких границ или порцию для того, чтобы описать свойство области/порции, ее качество или функцию. Данные лексические единицы являются одновременно как меронимами, так и, в терминологии И.В. Рахилиной, квалификативами – наименованиями, «соотносящими описываемый предмет с определенным признаком» [3, с. 88–93].

Наконец, третью группу (19%), неоднородную и весьма пеструю, образуют меронимические единицы, в чьих дефинициях в качестве холонима дается конкретизатор '*something/some/any...*', свидетельствующий о том, что данные меронимы являются обозначениями широкой семантики. В лингвистике они именуются квантификаторами, или собственно партитивами/меронимами (Н.Н. Бочкарева, Н.И. Панченко, Н.В. Михалькова и др.). Как показало наше исследование, данная группа меронимической лексики состоит из нескольких пластов:

1) общие наименования какой-либо части (*part* 'часть', *portion* 'порция, часть', *piece* 'кусочек, часть', *element* 'элемент, компонент', *end* 1,3 'окончание, конец', *area* 'область', *district* 'район,

область', *heart* 5 'наиважнейшая часть', *zone* 'зона, область', *margin* 'край, полоса', *sector* 'сектор, секция', *aspect* 'сторона, компонент' *etc.*), выступающие идентификаторами в словарных дефинициях меронимических имен (60 ЛЕ);

2) наименования ингерентных (*intrinsic*) частей предметов окружающей действительности: *top/head 9/crown 7* 'верхняя часть чего-л.' – *bottom 1, 2/base 1/foot 4* 'нижняя часть чего-л.', *front 1* 'передняя часть' – *back 3/rear 1/behind* 'задняя часть', *side/flank* 'боковая часть', *centre 1/heart 6* 'центральная часть', *middle/midst* 'середина' и др.;

3) единицы измерения жидкостей и вязких субстанций: *drop* 'капля', *ball* 'шарик краски и др. вязкой субстанции', *stream* 'струя', *flow* 'поток', *spurt* 'сильная струя', *sprinkling* 'брызга' и т.д.;

4) единицы измерения твердых тел: *lump* 'кусок', *wedge* 'клин чего-л.', *wafer* 'пластинка, брикет, галета', *hunk* 'ломоть, глыба', *slice* 'ломтик', *etc.*;

5) единицы измерения сыпучих веществ: *grain* 'гранула, песчинка', *pinch* 'щепотка' и др.;

6) наименования контейнеров и производные от них: *cup* 'чашка', *cupful* 'количество чего-л., уместяющееся в чашке', *sackful* 'количество чего-л., уместяющееся в мешке', *pocket* 'карман', *pocketful* 'количество чего-л., уместяющееся в кармане' и т.д.

Последняя группа (собственно меронимов) представляет в данном исследовании наибольший интерес, поскольку образует весьма любопытную подсистему в общей системе субстантивных меронимов современного английского языка вследствие следующих причин.

Во-первых, в силу указывающего на безграничный круг членимых денотатов конкретизатора *something*, собственно меронимы обладают наиболее широким значением и сочетаемостной потенциальностью, способны выражать многообразные смыслы, обозначая при этом общий признак («часть»), присутствующий большому числу предметов. Как известно, субстантивы широкой семантики могут обозначать различные объекты и явления действительности вследствие размытости своего концептуального содержания. Подобные существительные характеризуются обобщенным, сигнификативным, значением, когда уровень уточнения признаков при обозначении денотата минимален. Х. Шмид называет существительные широкой семантики «субстантивами-оболочками» (*shell nouns*), поскольку они включают в свою оболочку любой вид опыта. По мнению лингвиста, такие субстантивы позволяют обрамлять сложно структурированную информацию во временные концепты (т.е. контекстуально обусловленные в конкретный момент времени) с достаточно четкими границами. С одной стороны, данные существительные относят обозначаемое ими явление или объект к классу вещей (как и однозначные существительные), а с другой – характер их содержания непостоянный: меняется в зависимости от контекстов, в которых они функционируют [4].

Отсюда вытекает еще одно свойство собственно меронимов, отличающее их от остальных ЛЕ меронимической системы, – «синсемантическая», под которой понимается «способность указывать на элементы обозначаемой словом действительности только совместно с указанием на нее другим определенным словом или рядом слов» [5, с. 93]. Иначе говоря, синсемантическими называются меронимы, которые в контексте всегда синтаксически связаны, т.е. требуют опорные наименования подлежащего членению денотата. Именно данные меронимические существительные выступают наиболее типичными часто употребляемыми меронимами в английском языке.

Отметим, однако, что не у всех собственно меронимов в качестве конкретизатора выступает *something*. У целого ряда ЛЕ в семантике присутствует общее наименование членимого денотата, что и позволило подробнее классифицировать исследуемую подсистему. Ср., например: *daub* 'a small amount of a **substance such as paint** that has been spread carelessly' 'небольшое количество небрежно нанесенного на поверхность **вещества**, например, **краски**', *splinter* 'a small thin sharp piece of **wood, metal, glass** that has broken off a large piece' 'небольшой тонкий острый кусочек **древесины, металла, стекла**, отколотого от большого куска' и т.д.

Мы полагаем, что собственно меронимы образуют неоднородную подсистему и обладают целым рядом особенностей по причине их грамматикализованности. Проверке данной гипотезы посвящена вторая часть нашей статьи.

Грамматикализацией в лингвистике именуется процесс «утраты словом лексической самостоятельности, обобщение, абстрагирование, отвлечение от конкретного лексического содержания» [6, с. 114], в результате чего однозначное слово переходит в разряд служебных. Интерес к механизмам грамматикализации начался в лингвистике с 1970-х гг. (в связи с возрастающим интересом к диахронической проблематике, а также с развитием лингвистической типологии – см. обзор в [7]). В последние десятилетия изучение данной проблемы приобрело статус отдельного направления и стало называться теорией грамматикализации.

В процессе грамматикализации лексические единицы проходят ряд этапов. Незвирая на то, что единого мнения по вопросу количества и особенностей данных этапов среди лингвистов нет, основополагающими тем не менее считаются следующие три:

1) десемантизация (*desemantization, bleaching* ‘выветривание’), или утрата лексического значения. Это явление понимается авторами как результат употребления формы, изначально используемой для именования конкретных объектов, для обозначения абстрактных явлений в иных, не свойственных для изначальной формы контекстах. В десемантизации эта форма приобретает грамматическое значение [8; 9];

2) расширение сочетаемости (*context generalization*) – использование лексических единиц в гораздо большем количестве новых контекстов;

3) декатегоризация (*decategorization*), или потеря морфо-синтаксических свойств, характерных для лексических единиц или менее грамматикализованных форм.

Ч. Леман предлагает свою модель процесса грамматикализации, представляя его в виде шкалы, на которой можно расположить языковые знаки в соответствии со степенью их автономности [10]. Под автономностью ученый понимает способность слова употребляться свободно. Зависимость же слова, его неавтономность (синсемантичность) накладывает ограничения на эту свободу. Процесс грамматикализации, согласно данной модели, характеризуется тем, что слово постепенно утрачивает свою автономность. Таким образом, автономность и зависимость – разные полюсы одной шкалы. Это означает, что грамматикализация имеет градуальный характер и словам (в нашем случае меронимическим субстантивам) разных лексико-семантических групп может быть присуща разная степень грамматикализации. Базируясь на модели Ч. Лемана, мы полагаем, что неоднородность собственно меронимов обусловлена нахождением ЛЕ на разных стадиях процесса грамматикализации. Нам представляется интересным на данном этапе проследить, все ли 302 ЛЕ являются в одинаковой степени грамматикализованными, и существует ли корреляция между степенью грамматикализации и принадлежностью меронимов к идентификаторам в словарных дефинициях к меронимам.

Согласно первым двум этапам, которые можно объединить в одну рубрику под общим названием «генерализация значения» [7, с. 40], исследуемые единицы подвергаются процессу десемантизации. Известно, что грамматическим категориям свойственно быть только «топологическими», т.е. выражать относительные значения таких параметров как размер, протяженность, интервал, количество, часть, форма и др. Это подтверждается полученными нами данными, согласно которым исследуемые наименования обозначают **относительные** значения параметров ИНТЕРВАЛ (*period*), КОЛИЧЕСТВО (*bit*), ЧАСТЬ (*particle, fragment, segment, etc.*).

Задействованными оказываются собственно меронимы также и во втором механизме грамматикализации – расширении сочетаемости. Согласно исследованиям Н.С. Рыжук, «наибольшее количество лексических связей с другими словами проявляет ЛЕ *piece*» [11, с. 30]. Далее в порядке убывания количества связей следуют меронимы *part, portion, lump, fragment, drop, bit, share* и т.д. Это наблюдение позволило лингвисту отнести данные единицы к центру поля партитивности в современном английском языке – к ядру категории меронимии.

Принадлежность наименований *part* и *piece* к ядру категории подтверждается также результатами исследования А.Н. Коржук, согласно которому на базовом уровне категоризации сознание оперирует именно понятиями «*part*» и «*piece*», выступающими центральными меронимами [12, с. 45]. Таким образом, не возникает никаких сомнений в ядерности и базовости двух данных меронимов. Нам же представляется, что ядерными они являются именно по причине грамматикализованности в наибольшей степени, нежели все остальные в исследуемой подгруппе.

Согласно словарным дефинициям, данные ЛЕ развивают до 13 значений в структуре слова. При этом семантическая структура большинства ЛСВ обладает простым (обедненным) семным составом, что обуславливает их широкую сочетаемость. Как иллюстрируют примеры в словаре, исследуемые меронимы обозначают как часть чего-либо, так и выступают квантитативом при обозначении членимого множества: *Add three parts wine to one part water* ‘Соедините вино и воду в пропорции три к одному’ (*part* 12). Синтаксические конструкции с исследуемыми меронимами весьма своеобразны. Выступая формально главным словом (опорным компонентом) в словосочетании, синсемантические меронимы утрачивают свойства синтаксической полноценности. Специфика подобной конструкции заключается в смещении смыслового центра на зависимое существительное, которое в содержательном плане является необходимым компонентом. Иначе говоря, для существительных-наименований целого характерна автономность и независимость, в то время как наименованиям части присуще свойство смысловой зависимости.

Более того, в семантической структуре исследуемых наименований отсутствует указание не только на целое, но и на особенности самой отделяемой части: это нечто без определенной формы, некоторое количество этого «нечто». Ср., например: *particle* 1. ‘a very small piece of something’ ‘очень маленькая частица чего-л.’, *bit* 4. ‘a part of something larger’ ‘часть от чего-то большего’.

Таким образом, исходя из полученных результатов, можно утверждать, что в наибольшей степени грамматикализованными выступают меронимы *piece* и *part*, затем следуют ЛЕ *portion, lump, fragment, drop, bit, share, layer, area, particle, element, item, strip, section, period, amount*. Именно данные единицы являются идентификаторами в дефинициях к меронимам и составляют ядро категории меронимии в современном английском языке. Соответственно, на шкале грамматикализации Ч. Лемана их можно расположить слева у отметки «неавтономные, зависимые» и считать грамматикализованными служебными обозначениями некоторой части чего-либо.

Однако данное утверждение не в полной мере справедливо для остальных меронимов подсистемы, таких как *pillar, segment, sector, section, bulk, aspect, strand 2, constituent, rest, half, facet, dose, etc.* Выступая многозначными существительными, в значении которых зачастую отсутствует указание на конкретное целое, данные ЛЕ отличаются от вышеописанных собственно меронимов гораздо более богатым семным составом, в структуре которых имеется указание на форму, размер выделяемой части, а также очерчивается круг возможных целых. Ср., например: *pillar* 3. ‘a mass of something that is **shaped like a pillar**’ ‘большая часть чего-л. в **форме столба**’: *A pillar of smoke/rock* ‘столб дыма, горной породы’; 6. ‘**basic part or feature of a system, organization, belief, etc.**’ ‘основная часть или характеристика **системы, организации, убеждения** и т.д.’: *The central pillar of this theory* ‘основная часть теории’. Любопытно, что данные меронимы членят в большинстве случаев сущности по принципу «важная, основная часть – неосновная, любая другая часть» (таблица).

Таблица. – Классификация собственно меронимов по принципу «центральная, важная часть – любая другая (неважная) часть абстрактной сущности»

Меронимы, содержащие в структуре значения указание на важность обозначаемой части	Меронимы, в структуре значения которых указание на важность части отсутствует
<i>Body 4, bulk, centre 1, climax 1, core 3, cornerstone 2, crux, heart 5, high spot, guts 6, keystone, mainspring 1, majority, meat 2, nucleus 3, pièce de résistance, pillar 6, pinnacle 1, pith 2, staple 5, substance 3</i>	<i>Aspect, dregs 2, constituent, component, composition 4, element, facet, intricacy, half, layer, last 2, margin 6, minority, periphery 2, proportion, rest 1, share 1, 2, 3, strand 2</i>

Из выявленных фактов следует, что данные меронимы не утратили полностью своего лексического значения, т.е. до конца не десемантизировались и находятся на определенном этапе процесса превращения в грамматический показатель.

Не до конца грамматикализованными являются также меронимы-номинации ингерентных частей предметов окружающей действительности (*top/ head 9* ‘верхняя часть чего-л.’, *bottom 1, 2/base 1* ‘нижняя часть чего-л.’, *front* ‘передняя часть’, *back 3* ‘задняя часть’ и т.д.): они синсемантичны, однако уже не так широкозначны, поскольку в своей семантике очерчивают гораздо меньший круг денотатов – объектов, обладающих материальной оболочкой и формой, либо пространственные области. Необходимо отметить, что большинство данных номинаций являются семантическими производными от наименований частей тела человека.

В лингвистике неоднократно обращалось внимание на то, что наименования частей тела обладают широким денотативным потенциалом, т.е. способны развивать многочисленные значения, компоненты которых могут проецироваться на другие семантические области. Регулярность появления наименований ингерентных частей предметов зафиксирована именно среди обозначений частей тела человека, живых существ и артефактов. Особенности данной лексики обусловлены ее концептуальным содержанием: наименования частей тела обозначают понятия, за которыми стоит простой и конкретный фрагмент опыта из окружающего человека мира. Являясь «базовыми»², данные наименования вызывают ассоциации, необходимые и значимые для выражения более абстрактных понятий, что может явиться первым этапом грамматикализации.

² Под «базовостью» здесь имеем в виду сопоставимость данных понятий с концептами базового уровня категоризации, выделяемых в работах Э. Рош и др.

Как показали исследования Ч. Лемана, Б. Хайне, Т. Кутевой, Дж. Л. Байби и др., такими характеристиками обладает весьма ограниченный круг лексем: названия частей тела, глаголы бытия, основные глаголы движения, желания или долженствования. Именно данные единицы представляют ядерную часть источников обсуждаемого процесса: принимают участие в грамматикализации и переходят в разряд грамматикализованных и частично грамматикализованных частиц, и в первую очередь – в пространственно-временные показатели. Это подтверждается данными, полученными нами в процессе исследования меронимических имен-обозначений ингерентных частей. Ср., например: *back 1*. 'the part of the human body that is on the opposite side to the chest ...' 'часть тела человека, находящаяся на противоположной от груди стороне ...', *back 3*. 'part furthest from front' 'часть, наиболее отдаленная от передней/лицевой части'. Примечательно, что в примерах избранного нами лексикографического источника данные ЛСВ не всегда четко дифференцируются. Ср., например, для *back 1*: They set off with the wind **at their backs** (= behind them) '(дословно) они отправились в путь и ветер дул им в спину (**позади** них)'; *back 3*: The house has three bedrooms **at the front** and two **at the back** '(дословно) в этом доме три комнаты находятся **спереди** и две **сзади**'; There's room for three people **in back** (of the car) '**сзади** (автомобиля) есть место для троих'. Как явствует из примеров, наименования частей тела человека в своих производных значениях «выветривают» целый ряд сем и обозначают пространственную область, теряя некоторые свои субстантивные характеристики и превращаясь из имени существительного в наречие места. Вместе с тем данные меронимы не могут употребляться самостоятельно без лексемы-конкретизатора, уточняющей целое: *We climbed to the very top of the hill* 'Мы взобрались на самую **вершину холма**'. *Snow was falling on the mountain tops* 'Снег ложился на **вершины гор**'.

Таким образом, приходим к выводу, что подгруппа собственно меронимов обозначений ингерентных частей объектов, пройдя три стадии грамматикализации, приобрела более абстрактное значение – «некоторая пространственная область», не «выветрив», однако, из своей семантической структуры ключевых сем ([верхняя часть], [нижняя часть], [боковая сторона], [центральная часть], [лицевая сторона]). Следовательно, можно утверждать, что данная подгруппа меронимов частично грамматикализована и занимает на шкале промежуточное положение.

Остальные группы собственно меронимов (единицы измерения жидкостей, вязких веществ, твердых тел и т.д.) в своей семантике четко фиксируют характер измеряемого ими вещества, очерчивая параметры отделяемой части, и находятся на шкале Ч. Лемана еще дальше от грамматикализованных ядерных меронимов (*piece, part* и др.) и приближаются к отметке «автономность», оставаясь тем не менее синсемантиками. Ср., например: *pat 2*. 'a small soft flat **lump of butter**' 'небольшой мягкий плоский **кусочек масла**' – *baked potatoes with a pat of butter* 'печеный картофель с кусочком масла'; *clove* 'one of small separate **sections of garlic**' 'одна из **долек чеснока**' – *Use one crushed clove of garlic* 'Возьмите один зубчик измельченного чеснока'.

Заключение. Система меронимических имен существительных современного английского языка представляет собой разнотипные лексические объединения со своими особенностями. Из них выделяется подсистема собственно меронимов, единиц с наиболее широким сочетаемостным потенциалом и широкой семантикой, которые находятся на разных стадиях грамматикализации, что обуславливает их обособленный характер в структуре меронимической системы имен существительных. Собственно меронимы реализуют в языке значение части, отражая и обобщая многообразные реальные зависимости вещей. Данные меронимы образуют стратифицированную подсистему, в которой выделяется ядро и приядерная часть. Единицы, выступающие идентификаторами в словарных дефинициях к меронимам, образуют ядро меронимической системы имен существительных современного английского языка и являются наиболее грамматикализованными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – СПб. : Научный центр проблем диалога, 1996. – 757 с.
2. Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby ; chief ed. S. Wehmeier ; ed.: C. McIntosh, J. Turnbull. – 6th ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2000. – 1600 p.
3. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – М. : Рус. слов., 2008. – 416 с.
4. Schmid, H. J. English abstract nouns as conceptual shells: from corpus to cognition / H. J. Schmid. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2000. – 457 p.
5. Гулыга, Е.В. Автосемантия и синсемантия как признаки смысловой структуры слова / Е.В. Гулыга // Филологические науки. – 1967. – № 2. – С. 62–72.

6. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 5-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – 576 с.
7. Майсак, Т.М. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции / Т.М. Майсак. – М. : Языки славянских культур, 2005. – 480 с.
8. Heine, B. World Lexicon of Grammaticalization / B. Heine, T. Kuteva. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 389 p.
9. Heine, B. Grammaticalization. A Conceptual Framework / B. Heine, U. Claudi, F. Hünemeyer. – Chicago : University of Chicago Press, 1991. – 318 p.
10. Lehmann, Ch. Thoughts on Grammaticalization / Ch. Lehmann. – München : LINCOM Europa, 1982/1995. – 192 p.
11. Рыжук, Н.С. Коррелятивные отношения части и целого: семантический и лингвокультурологический аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н.С. Рыжук ; Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2008. – 193 л.
12. Коржук, А.Н. Когнитивные основы формирования значения партитивности в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.Н. Коржук ; Тамбов. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2011. – 177 л.

Поступила 30.04.2020

MERONYMS OF MODERN ENGLISH IN LIGHT OF THE THEORY OF GRAMMATICALIZATION

N. KUZMENKO

The article deals with the problem of lexical systematicity – meronymic semantic relations in modern English. The system of meronymic nouns is considered here, their classification is offered and an attempt is made to interpret the heterogeneity of the meronymic system in the light of grammaticalization theory. The research is based on 1577 English meronyms, which form three subsystems: holo-meronyms, quasi-meronyms and meronyms proper. The latter comprise a motley group of nouns with a broad categorical generalized meaning. The study reveals a correlation between the grammaticalization degree of a meronym and its contextual dependence, vague conceptual content.

Keywords: *meronymic relations, holonym, meronym, quasi-meronym, meronym proper, synsemanticity, grammaticalization.*

УДК 81'373(045)

**КОННОТАЦИЯ В СТРУКТУРЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ
МОРАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ****Т.А. КОЗЛОВА***(Минский государственный лингвистический университет)*
kazlovatatsianalex@gmail.com

В статье рассматриваются научные подходы к пониманию коннотации и её места в структуре лексического значения языковых единиц – наименований моральных качеств. Осуществляется классификация средств наименования моральных качеств на основе соответствия семантической формуле «денотативное значение + и это хорошо/плохо». Доказывается невозможность определения границ лексических объединений в силу наличия количественного показателя в семантике исследуемых единиц.

Ключевые слова: коннотация, денотация, лексическое значение, моральные качества.

Введение. Денотативный, или предметно-логический, аспект значения слова отражает связь семемы с реальным миром и признаётся элементом структуры значения слова. Коннотативный аспект значения слова фиксирует отношение говорящего к предмету действительности и его включение в семантику языковых единиц спорно.

Основная часть. В литературе отмечается неоднозначность трактовки термина *коннотация*. Существуют точки зрения, согласно которым коннотация отождествляется с эмоциональным компонентом (В.И. Шаховский, Ч. Стивенсон), эмоциональным и стилистическим (А.В. Филиппов), экспрессивным (Т.Н. Долотова), целой гаммой различных компонентов – оценочным, стилистическим и эмоциональным (В.Н. Телия), оценочным, эмоциональным, экспрессивным и функционально-стилистическим (И.В. Арнольд). Л. Блумфильд под коннотацией понимает социальную (отражающую происхождение и уровень образования говорящего) и культурную (табу и эвфемизмы) составляющие, а также интенсивность, подчёркивая, что коннотация является сопутствующим компонентом значения слова [1, p. 151–157].

При определении места коннотации в отношении «лексическое значение слова – коннотация» выделяют точки зрения, согласно которым она рассматривается как совокупность семантических наслоений, чувств, представлений о знаке (Н.Г. Комлев), как ассоциация, то есть как психическое явление (У. Эко, Ю.Д. Апресян, И.М. Кобозева), как лингвостилистическая категория (В.И. Сенкевич). Ряд отечественных и зарубежных лингвистов включает коннотацию в структуру лексического значения (В.Н. Телия, Д.Н. Шмелёв, В.И. Шаховский, М.В. Никитин, А.А. Романовская, А.В. Филиппов, С.Г. Шафигов, Ч. Стивенсон, Дж. Катц). Включение коннотации («экспрессивно-стилистической окраски» слова, по терминологии Д.Н. Шмелёва) в значение языковой единицы обосновано тем, что «экспрессивно-стилистическая окраска» слова – это не окраска слова как звукового комплекса, а та призма, сквозь которую воспринимается «смысл», связанный с данным звуковым комплексом» [2, с. 111]. Утверждение наличия коннотативного компонента в семантике слов *rectitude, troth, villainousness, добрасць, ціхманасць, уладнасць, смиренность, вороватость, прижымистость* без учёта их стилистической роли предполагает замену семантического определения «приблизительной формулой предметно-понятийных сопоставлений». Данный факт подтверждается при сопоставлении приведённых выше стилистически окрашенных языковых единиц с нейтральными синонимами: *righteousness, loyalty, badness, дабрата, ціхмянасць, уладарнасць, скромность, нечестность, жадность*.

Особенность семантики аксиологической лексики, к которой относятся наименования моральных качеств, заключается в том, что в её основе лежит эмоциональная составляющая, в связи с чем возникает вопрос о соотношении эмоционального и оценочного в семантике рассматриваемых единиц. Так, оценка может выполнять подчинительную функцию по отношению к эмоциональности [2, с. 106]. Признавая отношения включения, в которых находятся эмоциональное и оценочное, другие лингвисты придерживаются обратного соотношения данных компонентов: оценка является более общим и включает как рациональное, так и эмоциональное [3, с. 42]. Применение функционального подхода к определению семантики слова позволяет углубить понимание соотношения в ней эмоционального и оценочного. Важную роль при данном подходе играет адресант: выражение отношения говорящего к сообщаемому определяет мотивную функцию языка. Влияние эмоций на речевое поведение предопределяет субъективность передаваемой информации. Однако эта субъективность может быть основана и на других критериях – волеизъявления, получение удовольствия, выгоды. Из этого следует, что термин *эмотивность* не покрывает всего набора смыслов, которые фиксируются в семантике языковой единицы. В качестве наиболее соответствующего предлагается термин *оценка* [4, с. 52].

Существуют формальные критерии для определения наличия оценочного значения в семантике единицы [3, с. 32; 4, с. 62–66]. На наш взгляд, данные критерии можно использовать для разграничения лексем с оценочным значением, называющих моральные качества, и лексем, называющих эмоции. Речь идёт о сочетаемости с единицами, подчеркивающими «истинность» признака (ср. возможность словосочетания *исключительная порядочность* при невозможности **исключительная зависть*). Невозможность отождествления эмоциональности и оценочности в семантике единицы доказывается существованием лексем, которые могут быть оценочны, но при этом неэмоциональны, и наоборот. Большинство наименований моральных качеств включают оценку в семантику единицы, однако при этом являются эмоционально-нейтральными: *avariciousness, equity, шчодрасць, хлуслівасць, жертвенность, жестокость*.

Важно подчеркнуть, что оценка является фактором системной организации единиц языка. Так, на основе соотношения дескрипции и оценки в семантике прилагательного выделяются три группы лексических единиц. К первой группе относятся лексемы, в семантике которых не фиксируются оценочные элементы. К таким единицам относятся, например, наименования цветообозначений. Вторую группу представляют лексемы, в семантике которых присутствует как дескриптивный, так и оценочный элементы. Дефиниционный анализ позволяет чётко разграничить данные элементы в семантике языковой единицы. Примером указанного типа лексем являются прилагательные, обозначающие вкус. Третья группа лексем схожа со второй наличием дескриптивного и оценочного элементов в семантике единицы. Существенным отличием является недискретность указанных элементов в структуре лексического значения. К данной группе лексем относятся, например, прилагательные физической силы [4, с. 55–57]. В.И. Шаховский предлагает назвать взаимодействие денотативного и коннотативного компонентов в значении слова *относительной диархией*, так как в зависимости от цели говорящего – идентифицировать или выразить отношение – один из компонентов доминирует [5, с. 17].

Отнесение оценочного компонента к денотации и коннотации определяется в соответствии со следующим критерием: в случае возможности представить лексическое значение слова по формуле *денотативное значение + и это хорошо/плохо*, оценка входит в коннотативный компонент, в случае невозможности осуществить такую трансформацию – в денотативный компонент [6, с. 61]. Дефиниционный анализ лексем, называющих моральные качества в английском, белорусском и русском языках [7–9], позволяет выявить отдельные случаи включения оценки в денотацию (*holiness* – «1. The quality of being holy; spiritual perfection or purity; sanctity, saintliness; sacredness»; *сапсаванасць* – «уласціваць сапсаванага (у 5 знач.). Сапсаваны – 5. 3 *дрэннымі* схільнасцямі, распушчаны»; *хорошесть* – «разг. Свойство по прил. хороший (в 1 и 3 знач.). Хороший – 3. Обладающий *положительными* моральными качествами (о человеке). // Примерно, образцово выполняющий свои обязанности, обязательства по отношению к кому-, чему-л. // Выражающий душевное благородство, доброту, сердечность»). Наиболее численно значимо количество лексем, в которых оценка включена в коннотацию (*ялейнасць* – «разм. Уласціваць ялейнага. Ялейны – разм. Прыкра ласкавы, празмерна ліслівы; штучна набожны»; *чистосердечие* – «откровенность, искренность»). В английском языке указанная формула в отдельных случаях вербализуется: *bravery* – «2. Daring, courage, valour, fortitude (as a good quality)»). Таким образом, сопоставляя полученные данные с изложенной выше концепцией оценки как фактора системной организации лексики, можно утверждать, что соотношение дескрипции и оценки в семантике наименований моральных качеств представлено двумя вариантами – дискретно и синкретично, при доминировании последнего.

Ряд лексем фиксирует возможность соответствия двум формулам в различных лексико-семантических вариантах, то есть соответствие как формуле *денотативное значение + и это хорошо*, так и формуле *денотативное значение + и это плохо* (*audacity* – «1. Boldness, daring, intrepidity; confidence. 2. Boldness combined with disregard of consequences; venturesomeness, rashness, recklessness»; *лісліваць* – «1. Уласціваць ліслівага. 2. Празмернае ўсхваленне; угодлівасць, падлізванне. 3. Разм. Ласкаваць, пшчотнасць»; *расчётливость* – «свойство по знач. прил. расчётливый; экономность, осмотрительность. Расчётливый – 1. Бережливый, экономный. 3. Осмотрительный, учитывающий обстановку, обстоятельства; действующий с расчётом (в 5 знач.). Расчёт – 5. Короткие соображения, направленные на получение какой-л. пользы, выгоды. // Разг. Выгода, польза». Такие лексические единицы получили название *оценочно амбивалентных*.

В случае возможности представить один лексико-семантический вариант сразу двумя формулами языковые средства номинации моральных качеств были отнесены к группе *оценочно нейтральных* (*pliability* – «the quality or property of being pliable. Pliable – 2. Fig. Flexible in disposition or character; that is easily inclined, disposed, or influenced; ready to yield, docile; adaptable»; *пакорлівасць* – «уласціваць пакорлівага. Пакорлівы – які легка пакараецца каму-, чаму-н., паслухмяны, падатлівы. // Які выражае пакорлівасць, паслухмянага»; *услужливость* – «свойство по знач. прил. услужливый. Услужливый – охотно оказывающий услуги кому-л., готовый услужить»).

Наличие оценки в семантике лексических единиц, называющих моральные качества, отличает языковую таксономию от природной: оценка обусловлена не первичным (онтологическим), а вторичным (субъективным) членением мира [10, с. 208, 211]. Возможность классифицировать лексику с оценочным

значением связана с характером дескриптивных свойств: таксономии поддаются лексические единицы, в семантике которых зафиксированы постоянные признаки объекта, имеется дескриптивный компонент [3, с. 146]. Лексические средства номинации моральных качеств соответствуют данным критериям. Отличие аксиологической классификации от естественной заключается в распределении объектов по классам группами, которые репрезентируют противоположные признаки [11, с. 6–7]. Так, *честность, добросовестность, искренность, бесхитрость* входят в состав лексико-семантической группы «Честность», а противоположные качества – *лживость, криводушие, неискренность, двуличность* – в состав антонимичной лексико-семантической группы «Нечестность». Аналогично распределение лексем по лексико-семантическим группам в английском и белорусском языках.

Соотношение дескриптивного и оценочного компонентов значения определяют также наличие зоны нормы, под которой понимается не нейтральность или отсутствие какой-либо характеристики, а соответствие стереотипу [3, с. 48]. В ряде лингвистических работ термин *норма* включается в перечень других лексем – эталон, стандарт – и употребляется недифференцировано. Для нормы характерна универсальность и абстрактность, эталон представляет собой конкретный пример соответствия норме, то есть происходит «выход в сферу жизни», а стандарт отличается большей степенью социальной осознанности и приемлемости. При этом отмечается обратная зависимость указанных категорий и включения оценки в семантику единицы: если на уровне нормы оценка может быть рациональной и эмотивной, то стандарт не предполагает оценочности [4, с. 59–60].

Норма аксиологической лексики, к которой относятся наименования моральных качеств, соответствует положительной части шкалы, а не нейтральной центральной зоне шкалы оценок. При этом положительное представляет собой желаемое, идеальное качество человека, в связи с чем также попадает в фокус номинации как отклонение от нормы [12, с. 147]. Поскольку в основе аксиологических оценок может лежать параметрический принцип, в семантике соответствующих единиц выделяют семы ‘количество’, ‘степень качества’, ‘интенсивность’. В таких случаях положительная оценка возможна в случае соответствия норме или наличия пользы. Оценочная шкала в данном случае характеризуется отсутствием четкой градуированности, отсутствием четкого представления об увеличении или уменьшении свойства или качества, подлежащего оценке. Указанная характеристика оценочной шкалы известна как свойство нарастания. В свою очередь, свойство нарастания тесно переплетается со свойством недискретности, которое предполагает постепенный переход при движении по шкале вверх/вниз. Такая плавность обуславливает неопределённость при попытке ранжировать слова с оценочным значением на одном конце шкалы [3, с. 51–53]. Так, сложно определить, какая единица английского языка номинирует качество более ленивого человека – *laziness* или *sloth*, в какой лексеме русского языка зафиксирована более высокая степень признака «смелость» – *отважность, мужество, неустрашимость* или *храбрость*, какой единицей в белорусском языке обозначается более низкая степень проявления признака «справедливость» – *несправядлівасць, неаб’ектыўнасць* или *прадзятасць*.

Приведенные примеры подтверждают мысль, высказанную Ш. Балли, о нечеткости языковой системы: «Наивно было бы ждать от столь несовершенной геометрической структуры, как язык, что в каждом отдельном случае она будет являть нам правильный трехчленный ряд, состоящий из нейтрального, позитивного и негативного слова» [13, с. 209].

Закключение. Таким образом, в структуру лексического значения языковых средств номинации моральных качеств в английском, белорусском и русском языках входит коннотативный компонент, под которым понимается вся гамма смыслов – оценочных, эмоциональных, стилистических. Данный компонент может быть представлен четырьмя комбинациями: «и это хорошо», «и это плохо», «и это хорошо + и это плохо», «и это хорошо/плохо», на основании чего все средства номинации моральных качеств делятся на четыре группы: лексические средства номинации положительных моральных качеств, лексические средства номинации отрицательных моральных качеств, оценочно амбивалентные языковые единицы, оценочно нейтральные языковые единицы. Наличие в семантике рассматриваемых единиц как дескрипции, так и оценки обеспечивает измеримость и количественную изменчивость свойства, подлежащего оценке, что обуславливает нечёткость границ при распределении слов по лексико-семантическим группам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bloomfield, L. *Language* / L. Bloomfield. – London : George Allen & Unwin Ltd, 1973. – 566 p.
2. Шмелев, Д.Н. *Очерки по семасиологии русского языка* / Д.Н. Шмелев. – 2-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 244 с.
3. Вольф, Е.М. *Функциональная семантика оценки* / Е.М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
4. Романовская, А.А. *Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки* / А.А. Романовская. – Минск : МГЛУ, 2013. – 132 с.
5. Шаховский, В.И. *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка* / В.И. Шаховский. – 3-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 208 с.

6. Попова, З.Д. Лексическая система языка : внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – 3-е изд. – М. : URSS, Либроком, 2011. – 176 с.
7. The Oxford English Dictionary : in 12 vol. / ed.: A. H. James, Al. Murray. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1961. – 12 vol.
8. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал.: М.Р. Суднік [і інш.]. – Мінск : Беларус. сав. энцыкл. імя П. Броўкі, 1977–1984.
9. Большой академический словарь русского языка : в 23 т. / под ред. К.С. Горбачевича. – 3-е изд. — СПб. : Наука, 2004–2014.
10. Арутюнова, Н.Д. К проблеме функциональных типов значения слова / Н.Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева. – М. : Наука, 1980. – С. 156–249.
11. Арутюнова, Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н.Д. Арутюнова // Проблемы структ. лингв. – М. : Наука, 1984. – С. 5–23.
12. Арутюнова, Н.Д. Ненормативные явления и язык / Н.Д. Арутюнова // Язык и логическая теория, 1987. – С. 140–151.
13. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – 2-е изд., стереотип. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.

Поступила 15.05.2020

CONNOTATION IN THE STRUCTURE OF THE LEXICAL MEANING OF THE WORDS DENOTING MORAL QUALITIES

T. KAZLOVA

The paper reveals different approaches to the understanding of connotation and its role in the structure of the lexical meaning of the words denoting moral qualities. The taxonomy of the words under consideration on the basis of correspondence to the semantic formula 'denotation + and this is good / bad' is presented. Impossibility of defining the exact confines of lexical groups formed by the given words due to the qualitative component in the words semantics is proved.

Keywords: connotation, denotation, lexical meaning, moral qualities.

УДК 81'36+83.3(436)

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
В ТЕКСТЕ РОМАНА Р. ШНАЙДЕРА «SCHLAFES BRUDER»****И.В. ЛОГВИНОВА***(Полоцкий государственный университет)**i.lohvinava@psu.by*

Статья рассматривает словообразовательные процессы современного немецкого языка, а именно образование имен прилагательных суффиксальным способом. Выявлены и проанализированы немецкие и заимствованные словообразовательные суффиксы прилагательных, использованных в романе Р. Шнайдера «Schlafes Bruder». Описано происхождение и состав немецких суффиксов, а также частотность имен прилагательных, образованных с их помощью, в тексте романа. Выявленные деривационные морфемы подразделяются на суффиксы, сложные суффиксы и полусуффиксы. Уделяется внимание различным взглядам российских и зарубежных лингвистов на проблему полусуффиксов. Представлены результаты словообразовательного анализа имен прилагательных с помощью онлайн-сервиса Sapoori (электронного корпуса немецкого языка Базельского университета) и этимологических словарей. Описаны прилагательные, являющиеся производными, сложными и сложнопроизводными словами. Проанализирована этимология некоторых имен прилагательных.

Ключевые слова: *суффикс, полусуффикс, прилагательное, словообразование, словопроизводство, словосложение, сращение.*

Введение. Имя прилагательное представляет собой часть речи, которая обозначает признак, качество или свойство предмета или явления, обозначаемого именем существительным. Несмотря на то, что в немецком языке широко распространено образование сложных определительных существительных, в которых первый компонент выполняет функцию прилагательного, роль имен прилагательных в данном языке по-прежнему велика.

Основная часть. Суффиксация является продуктивным способом образования имен прилагательных в современном немецком языке. Прибавление суффикса словообразовательного характера ведёт к взаимодействию значений суффикса и основы. При этом семантическое видоизменение основы может выражаться в создании лексемы с новым значением, в переходе основы в новый класс слов либо в одновременном сочетании того и другого [1].

Наряду с суффиксами, выступающими в качестве связанных морфем, в немецком языке именуются полусуффиксы, выступающие как относительно связанные морфемы, т.к. они имеют корреляты в виде свободно употребляемых слов [1]. Являясь словообразовательными средствами, они не потеряли формальной и семантической связи с самостоятельными лексемами [2, с. 529]. Образование новых слов с помощью полусуффиксов находится на границе между словосложением и словопроизводством. Представления лингвистов по данному вопросу разнятся. Некоторые расценивают их как компоненты сложных слов, а некоторые – как деривационные морфемы. Однако их наличие отражает живые процессы в словообразовании современного немецкого языка [3]. Также лингвистами замечено, что полусуффиксы прилагательных обладают большей продуктивностью, чем суффиксы, они количественно превосходят последние, и их число постоянно увеличивается. Полусуффиксы обладают большим семантическим разнообразием и более информативны [4]. Этим объясняется интерес современных исследователей к данному вопросу.

Материалом для нашего исследования послужили образованные суффиксальным способом прилагательные, выявленные методом сплошной выборки в тексте романа австрийского писателя Р. Шнайдера «Schlafes Bruder» [5]. Роман был опубликован в 1992 году. В нем повествуется о странном мальчике, который сильно отличается от всех окружающих его жителей. Он наделен особым талантом – не только слышать, но и видеть звуки. Вероятно, он обладает абсолютным слухом и впоследствии проявляет себя как музыкальный гений. Его короткая жизнь полна драматизма и трагичности [6]. Действие романа происходит в XIX веке.

Нами было проанализировано 474 имени прилагательных (около 1000 словоупотреблений). Более 90% из них имеют немецкие суффиксы, остальные – заимствованные. Общее количество немецких суффиксов и полусуффиксов – 18. Выявленные деривационные морфемы можно разделить на четыре группы.

1. Исконно немецкие суффиксы (*-ig*, *-isch*, *-ern*). Они появились в древности при дифференциации имен на прилагательные и существительные и стали употребляться как для более отчетливого оформления уже существующих имен прилагательных, так и для производства новых от других частей речи [7, с. 272].

Суффикс *-ig* имеет широкую семантику и может рассматриваться как признак прилагательных разного значения. Он выражает общее категориальное значение имени прилагательного как части речи [8, с. 83]. Суффикс *-isch* также многозначен. Суффикс *-ern*, представляющий собой расширенную форму суффикса

двн. *-în*, возникает под влиянием окончания множественного числа среднего рода *-ir* и получает преимущественное употребление [7, с. 273]. Как правило, он служит для образования прилагательных от основ вещественных существительных. Наличие элемента *-i-* в древних суффиксах привело к частому использованию умлаута в корне производных прилагательных.

2. Суффиксы, возникшие в древности от основ самостоятельных лексических единиц (*-lich*, *-bar*, *-haft*, *-sam*). Изначально они были вторыми компонентами полносложных композитов, имен существительных или прилагательных [7, с. 285].

Суффикс *-lich* произошел от существительного из древневерхненемецкого языка (далее – двн.) *lih* со значением «тело». Сложные слова со вторым компонентом *-lih* являлись посессивными, т.е. выражающими обладание предметом или свойством, обозначенным посредством компонентов сложного слова [9]. По форме они были сложными существительными, а по синтаксической функции – прилагательными [7, с. 287–288].

Суффикс *-bar* представляет собой отглагольное прилагательное двн. *-bâri* (двн. *beran* «нести, принести») со значением «несущий», которое первоначально образовывало сложные слова только с именем существительным в качестве первого компонента, но вскоре стало употребляться в качестве суффикса, который, начиная с конца средневерхненемецкого периода, присоединяется преимущественно к глагольным основам.

Суффикс *-haft* является общегерманским прилагательным со значением «связанный, скованный», образованным путем конверсии из причастия II глагола двн. *heffen*, которое уже довольно рано начинает употребляться в качестве суффикса. С помощью суффикса *-ig* от него уже в древневерхненемецком образуется сложный суффикс прилагательных *-haftig*.

Суффикс *-sam* употребляется в качестве словообразовательной морфемы уже в древневерхненемецком и восходит к местоимению двн. *samo* «тот самый, такой же».

К этой группе примыкает суффикс *-fach*, который, согласно этимологическим словарям, может являться более поздним вариантом суффикса *-falt*. Последний, в свою очередь, будучи первоначально именем существительным, образовывал с числительными сложные слова со значением кратности. Позднее элементы *-falt* и *-fach* переосмысляются как суффиксы прилагательных. Прилагательные, образованные с помощью суффикса *-fach* от основ числительных, могут рассматриваться в современном немецком языке также как множительные числительные [2, с. 152–153].

Словообразовательные суффиксы более позднего происхождения не подвержены фонетической редукции благодаря сохранению своей смысловой значимости и более или менее сильного дополнительного ударения [7, с. 262].

3. Сложные суффиксы (*-selig*, *-artig*). Согласно «Словарю словообразовательных элементов немецкого языка», в их образовании принял активное участие суффикс прилагательных *-ig*. Так, сложный суффикс *-selig* появился благодаря слиянию *-ig* с суффиксом существительных *-sal*, *-sel* [2, с. 378]; *-artig* – слиянию *-ig* со вторым компонентом сложных существительных *-art* [2, с. 65]. Однако некоторые прилагательные могут рассматриваться иначе: прилагательные с *-selig* как сложные слова со вторым компонентом *-selig*; прилагательные с *-artig* как производные с суффиксом *-ig* от основ сложных существительных со вторым компонентом *-art*, как сложнопроизводные слова с суффиксом *-ig* или как сложные слова со вторым компонентом *-artig*.

4. Полу суффиксы (*-los*, *-voll*, *-reich*, *-wert*, *-würdig*, *-fähig*, *-fertig*, *-leer*). «Словарь словообразовательных элементов немецкого языка» называет все вышеназванные элементы полу суффиксами прилагательных. Этимологический словарь Клуге относит *-los* к суффиксам прилагательных, остальные элементы к самостоятельным словам. Соответственно, прилагательные с компонентами *-voll*, *-reich*, *-wert*, *-würdig*, *-fähig*, *-fertig*, *-leer* могут быть рассмотрены либо как производные, либо как сложные слова.

По частотности использования суффиксы располагаются в следующем порядке: *-ig*, *-lich*, *-isch*, *-los*, *-haft*, *-voll*, *-bar*, *-sam*, *-reich*, *-selig*, *-ern*, *-artig*, *-fach*, *-wert*, *-würdig*, *-fähig*, *-fertig*, *-leer*.

Словообразовательный анализ прилагательных с помощью онлайн-сервиса Sapoonet (электронного корпуса немецкого языка Базельского университета) [10] и этимологических словарей дал следующие результаты.

Наиболее многочисленны прилагательные, образованные с помощью суффикса *-ig*. Среди них можно выделить следующие группы.

1. Прилагательные, образованные с помощью суффикса *-ig* или его расширенного варианта *-rig* от основ самостоятельных слов, иногда с использованием умлаута корневого гласного, например, *abgründig*, *gallertig*, *schläfrig*, *wankelmütig*. Многие из этих слов являются редко употребляемыми: *baumstrüknig*, *glanzig*, *honnörrig*, *nackig*. Слово *irrsinnig*, согласно этимологическому словарю, образовано не с помощью элемента *-sinnig* от прилагательного *irr*, а с помощью суффикса *-ig* от существительного *Irrsinn*, т.к. данное существительное зафиксировано в текстах XVII века, а прилагательное лишь в текстах XIX века.

Leibhaftig и *wahrhaftig* образованы от *leibhaft* и *wahrhaft* с помощью суффикса *-ig* и с современной точки зрения могут быть рассмотрены как прилагательные со сложным суффиксом *-haftig*.

2. Прилагательные, образованные приставочно-суффиксальным способом с помощью суффикса *-ig* и приставки *un-* с одновременным использованием умлаута корневого гласного: *unablässig, unzählig*.

Из этой группы мы исключили слова, образованные приставочным способом от прилагательных на *-ig*: *undurchsichtig, ungeduldig unnötig, unregelmäßig, unruhig, unschuldig* (с помощью приставки *un-*), *überfällig* (с помощью приставки *über-*).

3. Прилагательные, не разложимые на отдельные морфемы с точки зрения современного языка, но образованные в древности с помощью суффикса *-ig* от основ самостоятельных слов: *heftig* (от общегерманского прилагательного **hafta-*), *selig* (от древнегерманского прилагательного, представленного в готском формой *-sēls*), *struppig* (образованное от прилагательного свн. *strūp* и пришедшее в литературный немецкий язык из нижненемецкого), *wichtig* (образованное от существительного свн. *wicht*) [11], *einzig* (от двн. *einazzi*) [12].

Из этой группы мы исключили слова, имеющие суффикс *-ig*, но образованные не непосредственно с его помощью: *winzig* (производное от *wenig* со значением интенсивности) и *mannigfaltig* (исторически сложное слово) [11].

4. Сложнопроизводные слова, или синтаксические сращения, образованные на базе субстантивных словосочетаний с помощью сложения основ с одновременным присоединением суффикса *-ig* (часто с умлаутом гласного в корне существительного, являющегося главным словом в исходном словосочетании), например, *dichtbuschig, vielgängig*. Отдельные слова из этой группы являются узкоспециальными терминами из области биологии: *breitflügelig, braunschopfig, engtrittig*; другие характеризуют внешность человека: *dicklippig, dünnbrüstig, kurzbeinig, langnasig, schmalbrüstig*; некоторые представляют собой музыкальные термины: *dreistimmig, fünfregistrig, volltönig*. Прилагательное *bettlägrig* относится к южнонемецкой / австрийской лексике.

Происхождение некоторых слов не определяется однозначно. Например, слово *überzeitig*, распознанное сервисом как незнакомое, могло быть образовано либо приставочным, либо суффиксальным способом. Данная лексема представлена в словаре Гримма примерами из произведений XV–XIX вв. и, возможно, употреблена автором в качестве историзма [13]. Слово *weingeistig* образовано с помощью суффиксации или словосложения. Слова *weitbündig* и *wildkurvig* являются либо сращениями, либо сложными словами.

Многие прилагательные, имеющие суффикс *-ig*, по своему происхождению являются сложными словами, образованными от прилагательных с *-ig* путем добавления к ним первого элемента: *allgegenwärtig, baufällig, endgültig, hochheilig, hochwürdig, rohtappig, sibzehnstimmig*. Прилагательное *musiknotständig*, возможно, является авторским неологизмом.

Прилагательное *ranzig* является заимствованием из нидерландского (нидерл. *ransig / rans-*) [11, с. 572].

Прилагательные с суффиксом *-isch* составляют менее многочисленную группу. Многие из них образованы от латинских и греческих корней, иногда с заменой конечного согласного *s* на *t*, например, *abendländisch, bubisch, chaotisch, chromatisch, emphatisch, martialisch, vorarlbergisch, vulkanisch*.

Прилагательное *fanatisch* неразложимо на морфемы и, вероятно, представляет собой кальку из латинского языка (лат. *fanaticus*) [11, с. 175]. Слово *musikalisch* образовано с помощью суффикса *-alisch* [10]. Слово *englisch* в значении «английский» состоит из одной морфемы и является заимствованием из английского языка, в значении «ангельский» образовано с помощью суффикса *-isch*. *Musikorganisch* является сложным прилагательным.

Суффикс *-ern* встречается только у двух прилагательных: *gläsern, steinern*. Слово *lüstern* определяется сервисом как образованное с помощью суффикса *-ern*, но, согласно этимологическому словарю, оно является причастием I устаревшего глагола *lüstern*, которое позднее утратило конечный *d*, очевидно, по аналогии с прилагательными на *-ern* [11, с. 430].

Прилагательные с суффиксом *-lich* достаточно многочисленны. Некоторые из них имеют вставной элемент *d / t* между корнем и словообразовательным суффиксом: *bäuerlich, festlich, morgendlich, novemberlich, verschiedentlich, wissentlich, wunderlich*.

Слова, не разложимые на морфемы с точки зрения современного языка, были образованы в древности с помощью суффикса *-lich*: *erklecklich* (от устаревшего глагола *erклеcken*), *sämtlich* (производное от *samt*), *üblich* (от *üben*) [11].

Приставочно-суффиксальным способом образованы некоторые прилагательные с *un-* и *-lich*: *unbeschreiblich, unerklärlich, unermesslich, unerschöpflich, unsäglich, unverzüglich*. Для некоторых из них есть однокоренное слово без приставки, но, скорее всего, оно зафиксировано в языке позже, чем вариант с приставкой.

Слово *wahrscheinlich* является, по всей видимости, калькой из нидерландского языка, в которой использованы сложение двух основ и суффикс *-lich* [11, с. 799].

Alljährlich, gotteslästerlich, hochloblich, offensichtlich представляют собой сложные слова. *Kleinmeisterlich* не зафиксировано в словарях сервиса, но, возможно, также является сложным словом; оно представлено в словаре Гримма в тексте XIX века [13].

Количество слов с суффиксом *-haft* относительно невелико. Некоторые имеют *-en* между основой и корнем: *ekelhaft, ehrenhaft, krampfhaft, märchenhaft, sagenhaft, schwatzhaft, wahnhaft*. Слово *wunderhaft* было обнаружено только в словаре Гримма, где о нем говорится, что во второй половине XVIII века оно было практически неупотребительным, а в XIX – XX веках снова вошло в обиход [13].

Также немногочисленны слова с суффиксами *-bar* и *-sam*: *dankbar, fruchtbar, furchtbar, kostbar, scheinbar, sichtbar, sonderbar, unzweifelbar, wunderbar; aufmerksam, bedeutsam, behutsam, einsam, empfindsam, gemeinsam, grausam, mühsam, seltsam, wundersam*.

Прилагательное *unverkennbar* образовано приставочно-суффиксальным способом.

Суффикс *-fach* имеют только два прилагательных: *einfach, zweifach*.

Суффиксы *-selig* и *-artig*, которые рассматриваются в Словаре словообразовательных элементов как сложные, в онлайн-сервисе представлены как вторые компоненты композитов. С их помощью образованы слова *armselig, mühselig, redselig, unglücklich; chaconneartig* (музыкальный термин), *föhnartig*.

Прилагательные с суффиксом *-los* представляют собой немногочисленную группу, некоторые присоединяют суффикс с помощью элемента *-s-*, что может свидетельствовать о том, что первоначально они возникли в качестве сложных слов с соединительным элементом: *bodenlos, harmlos, lieblos, nabellos* (встречается в качестве термина в области зоологии), *reglos, teilnahmslos, verantwortungslos*.

Слова с остальными полусуффиксами представлены в еще меньшем количестве, а в онлайн-сервисе они рассматриваются также как сложные слова: *geheimnisvoll, geistvoll, kraftvoll, kunstvoll, neidvoll, prachtvoll, qualvoll, schmerzvoll, verhängnisvoll, vorwurfsvoll, wertvoll, wundervoll; ereignisreich, freudenreich, kurvenreich, schmerzereich; bedauernswert, lebenswert; liebenswürdig, merkwürdig; heiratsfähig; eifertig; blutleer*.

Заключение. Язык Р. Шнайдера богат в лексическом отношении и характеризуется точностью и образностью. Автор использует много имен прилагательных, которые не являются общеупотребительными. Среди них встречаются узкоспециальные термины, архаизмы, диалектизмы, что способствует созданию яркой картины описываемой эпохи и местности. Р. Шнайдер также создает новые прилагательные на основе существующих лексических единиц и продуктивных словообразовательных моделей современного немецкого языка. Проведенное исследование подтверждает, что имена прилагательные в современном немецком языке не являются застывшей группой, неспособной к словообразованию. Этот класс слов активно пополняется за счет имеющихся в языке словообразовательных средств, таких как суффиксы и полусуффиксы. Полусуффиксы обладают большим словообразовательным потенциалом. Их частотность в современном немецком языке возрастает, а значения становятся все более абстрактными. Растет также их количество за счет прилагательных, использующихся как частотные вторые компоненты композитов. Таким образом, словосложение и словообразование неравномерно связаны в современном немецком языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова, Е.С. Аффикс / Е.С. Кубрякова, Ю.Г. Панкрац // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой [Электронный ресурс]. – М., 1990. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/059a.html>. – Дата доступа: 13.01.2020.
2. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А.Н. Зуев [и др.]; под рук. М.Д. Степановой. – М.: Рус. яз., 1979. – 536 с.
3. Глушко, О.Б. Немецкие прилагательные с полусуффиксами: структурно-семантический и коммуникативный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О.Б. Глушко; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2011. – 23 с.
4. Токко, Н.И. Актуальные тенденции в словообразовании немецких имен прилагательных // Гуманитарные аспекты высшего профессионального образования: сб. ст. / ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»; отв. за выпуск Н.Б. Яковенко. – Петрозаводск, 2018. – С. 414–416.
5. Schneider, R. Schlafes Bruder / R. Schneider. – Leipzig: Reclam Verlag, 1996. – 204 S.
6. Kürten, J. Robert Schneider: „Schlafes Bruder“ / J. Kürten [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dw.com/de/robert-schneider-schlafes-bruder/a-43979243>. – Дата доступа: 13.01.2020.
7. Жирмунский, В.М. История немецкого языка / В.М. Жирмунский. – М.: Высш. шк., 1965. – 408 с.
8. Степанова, М.Д. Лексикология современного немецкого языка / М.Д. Степанова, И.И. Чернышева. – М.: Высш. шк., 1962. – 312 с.
9. Виноградов, В.А. Словосложение / В.А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой [Электронный ресурс]. – М., 1990. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/469a.html>. – Дата доступа: 13.01.2020.
10. Canoonet. Deutsche Wörterbücher und Grammatik [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.canoonet.eu>. – Дата доступа: 31.01.20.

11. Duden, Etymologie: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache (Der Duden; Bd. 7) / bearb. von G. Drosdowski. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1997. – 840 S.
12. Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / F. Kluge. – Berlin ; New York : de Gruyter, 2002. – LXXXX, 1024 S.
13. Wörterbuchnetz [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/setup-StartSeite.tcl>. – Дата доступа: 28.01.2020.

Поступила 10.03.2020

WORD FORMATION SUFFIXES OF ADJECTIVES IN R. SCHNEIDER'S NOVEL *SCHLAFES BRUDER*

I. LOHVINA

The article deals with the word-formation processes of modern German, namely the formation of adjective names in a suffixed way. The German and borrowed word formation suffixes of adjectives used in R. Schneider's novel Schlafes Bruder have been identified and analyzed. The origin and composition of German suffixes as well as the frequency in the text of the novel of adjective names formed with their help are described. The derivative morphemes identified are subdivided into suffixes, complex suffixes, and semi-suffixes. Attention is paid to the different views of Russian and foreign linguists on the problem of semisuffixes. The results of word formation analysis of adjective names with the help of the online service Canoonet (electronic corpus of the German language at the University of Basel) and etymological dictionaries are presented. It describes adjectives that are derived, complex and compound words. The etymology of some adjective names is analyzed.

Keywords: *suffix, semi-suffix, adjective, derivation, word-building, composition, complex word.*

УДК 81'2/'44

СТРАТЭГІЧНЫ АРСЕНАЛ ПАФАСУ: ФІГУРЫ І АКТЫ МАЎЛЕННЯ

Т.М. ІГНАЦЮК

(Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт)

tignatyuk@mail.ru

У артыкуле даследуюцца сродкі выразнасці і дзейснага праяўлення асобы як сацыяльнай адзінкі, якія ствараюць стратэгічны арсенал катэгорыі пафасу. Асаблівая ўвага надаецца прагматычна маркіраваным фігурам маўлення, маўленчым актам і фразеалогіі, што ўваходзяць у склад стратэгічнага арсенала катэгорыі пафасу. Размяжоўваюцца і аналізуюцца фігуры дыялагізму і фігуры выдзялення. Да ліку першых адносяцца заклікі, лозунгі, звароты, праклёны. Да фігур азначэння належаць ідэнтыфікацыйныя азначэнні, міёзіс, пафасна маркіраваная афарыстыка і фразеалогія. Прыводзяцца прыклады фігур маўлення – маўленчых абаротаў выражэння зместу, пры пасрэдніцтве якіх рытар дэманструе прагматычную значымасць свайго маўлення. Сцвяржаецца, што пафас маўлення не адрывны ад ідэі сацыяльнага пазіцыяніравання і ідэнтыфікацыі асобы.

Ключавыя словы: сацыяльныя супярэчнасці, пафас, фігуры дыялагізму, фігуры выдзялення, ідэнтыфікацыя асобы.

Уводзіны. Стратэгічны арсенал катэгорыі пафасу складаюць прагматычна маркіраваныя фігуры маўлення, маўленчыя акты і фразеалогія. У лінгвістычных даследаваннях фігуры маўлення звычайна супрацьпастаўляюцца тропам. Фігуры маюць дыскурсіўна-рытарычную прыроду, а сутнасць тропаў – выяўленча-мастацкая. Троп з'яўляецца «не толькі сродкам мастацкага выяўлення, але ў значна большай ступені – сродкам раскрыцця сэнсу» [1, с. 205]. Сутнасць тропа імпрэсіўная (выяўленчая); грэч. *tropos* – ‘поворот’ (параўн.: *павярнуцца душой (тварам) да кагосьці-чагосьці*) [2, т. 5, с. 520]. Рэфлексійная “паваротнасць” не ўласціва фігурам – абаротам маўлення.

Адрозненне паміж “абаротамі” і “паваротамі” фундаментальнае для мовы і маўленчай дзейнасці. Звернута-накіраванае маўленне разумеецца як дыкурс, сэнсавыя павароты (рэфлексіі) характэрны для логасу (слова). Па гэтай прычыне фігуры па азначэнні з'яўляюцца *фігурамі маўлення*, інакш – *рытарычнымі фігурамі*. Аднак, як паказвае даследаванне пафасу маўлення, строгай дыскурсіўна-вербальнай дыферэнцыяцыі і замацаванасці тропаў і фігур маўлення не існуе. Напрыклад, ва ўмовах ідэалагізаванага дыскурсу метафара набывае акцыянальнае гучанне (палітычная метафара), а перыфраза ўжываецца ў ролі, уласцівай палітычнаму арлыку.

Асноўная частка. Пад рытарычнай фігурай намі разумеецца ўзнаўляльны прыём выражэння зместу, пры пасрэдніцтве якога рытар дэманструе яго прагматычную значымасць і сваё асабістае стаўленне. Неабходна адзначыць, што колькасць рытарычных фігур (з улікам старажытных класіфікацый) больш за дзвесце. У.І. Анушкін у гэтай сувязі адзначае, што «класіфікацыі рытарычных фігур ўяўляюцца шматлікімі, а сама колькасць фігур – неаглядная» [3, с. 194]. Аднак традыцыйна ў рыторыцы адрозніваюцца два іх асноўныя тыпы – фігуры дыялагізму і фігуры выдзялення. Адрозненне паміж імі палягае на тым, што фігуры дыялагізму звязваюцца з дыялагічнымі адносінамі, г.зн. з'яўляюцца маўленчымі структурамі, якія разлічаны на ўзаемадзеянне рытара і аўдыторыі. Прычым аўдыторыя можа быць і віртуальнай. Напрыклад, тыповымі фігурамі дыялагізму з'яўляюцца *звароты* і *пытанні*: **Сябры мае! Пад пустака дыванамі Ці не абрыдла безназоўнасць вам? Дзе дзверы, што замкнуліся за вамі? Як вас знайсці? Якіх пытацца брам?** (А. Куляшоў). Асаблівая патэтыка ўласціва рытарычнаму пытанню: **Як яны Беларусь пакідалі, У дарогу з сабою Мяшэчкаў з зямлёю Не бралі. Што ім жменька зямлі той?** (А. Куляшоў).

Фігуры выдзялення з'яўляюцца канструктыўнымі схемамі прадстаўлення зместу; пры іх пасрэдніцтве факусіруюцца ці падкрэсліваюцца пэўныя семантычныя кампаненты. Прыкладам фігуры выдзялення можа служыць *фігура азначэння*. Азначэнне адносіцца да фігур выдзялення, таму што існуе канструктыўная схема яго пабудовы [1, с. 209]. З пункту гледжання рыторыкі азначэнне разумеецца не столькі ў лагічным, колькі ў ідэнтыфікацыйна-ўстановачым плане. У сацыяльнай рэальнасці асоба павінна пэўным чынам вызначыцца, напрыклад, паводле перакананняў. Таму да фігур выдзялення належаць іменныя “ідэнтыфікатары” на “-іст”, тыпу *фаталіст, авантурыст, шавініст* і да т.п. Уласна азначэннямі з'яўляюцца прыметнікі, якія вызначаюць прадметы і асоб паводле іх ідэнтыфікацыі з пэўным грамадскім інстытутам, напрыклад, фірмай (*матальскі кажуюшок, кракаўская сантэхніка*), партыяй (*камуністычны, дэмакратычны*), дзяржавай (*расійскі, амерыканскі*) і г.д.

Перфарматыўным маўленчым актам, які належыць да пафаснага арсенала, з'яўляецца заклік. Будучы маўленчым дзеяннем, заклік можа быць рэгламентаваны законам, г.зн. мець юрыдычныя наступствы,

напр.: *заклік да тэрарызму, заклік да байкоту выбараў, заклік да экстрэмісцкай дзейнасці* і г.д. Як адзінкі прагматыкі маўлення, заклікі адрозніваюцца ад рэфлексійных зоваў. У водзыве выяўляюцца пачуцці: *адазвацца* “аднесціся спачувальна да чаго-н.; адказаць якім-н. пачуццём на што-н.” *Адазвацца на заклік. Адазвацца на просьбу. Сэрца яго /Мікалая/ адазвалася радасным стукам* (У. Дамашэвіч) [2, т. 1, с. 113]. Так, народныя песні з іх спрадвечным рэфлексійным “ой” – мастацкія водзывы на шматлікія выявы жыцця (“*Ой, ляцелі гусі з броду...*”; “*Ой, у лузе каліна стаяла...*”; “*Ой, у зялёным садочку...*” і да т.п.).

У гістарычнай перспектыве пафасны зарад заклікаў (клічаў) праяўляецца як прадпісанне да актыўнай дзейнасці – барацьбы ці яднання: *У горадзе крычаць: пралетары ўсіх краін, яднайцеся! Выходзіць, клічуць яднацца. А ты кажаш, пралетары згуртаваныя* (А. Асіпенка). Адкрыты пафас барацьбы гучыць у паэзіі, прысвечанай абуджэнню свядомасці беларускага народа: *Вызваль дух свой, рабскі люд!* (А. Гарун); *На сход, на ўсенародны, Грозны, бурны сход Ідзі, аграблены, закованы народ!* <...> *Адай на суд свае ўсе Крыўды, слёзы, кроў* (Я. Купала). *Над зямлею паплыву новы, радасны кліч: “Бедакі ўсяго свету, злучайцеся! Распаліце ў душы слова вольнага зніч; Ад смяротнага сну абуджайцеся!* (А. Дудар); *Гары ж, агонь Кастрычніка, гары! Свой промень зыркні раздувай. Няхай ён ззяе з краю ў край! Хто спіць да гэтае пары – Уставай!* (Ц. Гартны). Заклікі абуджаюць грамадства да змагання і нацыянальнага будаўніцтва: *Хай званы зазвоняць з жарам, Хай музыка ў струны ўдара! Гэй, паўстань, народ!* (Я. Купала).

Заклікі як фігуры маўлення найбольш ярка выражаюць імкненне абудзіць народыя масы, згуртаваць іх, зрабіць сацыяльна актыўнымі. Імператывы *Паўстань!* з’яўляецца найбольш частотным у беларускай пафасна-грамадзянскай лірыцы: *Паўстань, народ!.. З крыві і слёз кліч гэты... Цябе чакае маці-Беларусь!* (Я. Купала); *Паўстань, народ! Прачніся, беларусе! Зірні на Бацькаўшчыну, на сябе! Зірні, як вораг хату і зямлю раструсіў, Як твой навала злыдняў скарб грабе! Паўстань і глянь, як ззяюць скрозь вагнішчы, Як носяцца ўсяветных змен вяхры, Як на старога быту папалішчы Цвет заўвітае новае зары! Паўстань, народ!* (Я. Купала); *Паўстань жва оружна за нівы, хаты, За зліты кроў і потам шкур <...> Арлы мо ззінуць, але арляты Збудуюць моцны краіне мур* (К. Чорны). *Узбуджаны натоўп даволі лёгка ўспрымае максімалісцкія лозунгі менішасці: “Зямлю – сялянам, заводы рабочым, мір – салдатам!”* (А. Асіпенка). *Сталін толькі падтрымаў спрадвечныя спадзяванні народа, даўшы лозунг: ліквідуем кулацтва як клас!* (А. Асіпенка). *Марк залпам выпіў бакал і з усяе сілы кінуў яго на падлогу. Бакал разбіўся на зіхатлівыя кавалачкі”, “Смерць адступнікам і адшчэпенцам!”* <...> *Ягоныя словы патанулі ў громе духавога аркестра* (А. Асіпенка).

Пафасна валентным з’яўляецца маўленчы акт праклёну – “крайняе і беспаваротнае асуджэнне са злавесным прадраканнем, пажаданнем” [2, т. 4, с. 394]. “Адзінкі гэтага жанру, – сцвярджае З. Бадзевіч, – на жаль, не сталі аб’ектам даследавання сучасных даследчыкаў-лінгвістаў, фалькларыстаў і збіральнікаў, паколькі не ўвайшлі нават у шматтомнае выданне “Беларуская народная творчасць”. Між тым яны прадстаўляюць выдатныя ўзоры мастацкага валодання словам, прыклады дасканалай арганізацыі тэксту ў поўнай адпаведнасці з прагматыкай выказвання” [4, с. 126]. Праклёны з’яўляюцца важным элементам нематэрыяльнай культурнай спадчыны беларусаў, раскрываюць іх маральныя і культурныя каштоўнасці і ідэалы. “Звычайна кожны ўчынак аднаго чалавека, што робіць шкоду другому, – заўважыў у свой час Кандрат Крапіва, – выклікае кленічы: *Каб табе ў грудзях рабіла, Каб табе зарвала ды залажыла, Каб цябе ўзяло ды не адпусціла*” [5, с. 67]. Праклёны належаць дыялектнаму прастамоўю. Вясквы побыт, відаць, цяжка сёння ўявіць без дадзенага віду выслоўяў: *жонка кляне п’янага або гультаяватага мужа, гаспадыня – гаспадарку, суседка – суседку і г.д.: Каб ты сонца бачыла толькі, як тая свіння асмаленая* (в. Святычы, 2016 г., 19 ліп.); “*А каб у цябе пчолы не раіліся, куры не нясліся, збожжа не расло і ўсё ў яму пайшло*” (в. Яцкаўшчына, 2016 г., 22 ліпеня) [6, с. 30].

З пункту гледжання фармальнай арганізацыі кленічаў, выяўляецца асоба, якой накіраваны праклён, дзеянне, якім чынам павінна адбыцца пажаданне, суб’ект (утваральнік) дзеяння, а таксама часціца як актуалізатар эмацыянальна-экспрэсіўнага адцення выказвання, напр.: *Вочы яе /ігуменні/, поўныя агіды, глядзелі ў вочы камісару, твар стаў проста шэрым – сталёвага колеру, а голас задрыжаў ад напругі і нянавісці. – Табе ж, вырадак д’ябальскі, – праклён на стагоддзе стагоддзяў! Табе і роду твайму! Будзь пракляты ты мною, як пракляты Госпадам, хай святло Божэе... Камісар не даў дагавырыць* (В. Гапееў). – *А нашто ён табе? Падсвінка не далі, дык па грошы прыпёрся? Каб твой дзіцёнак ля вады хадзіў, а напіцца не мог. Каб праз твае рэбры козы сена цягалі... – О, пуд гразі прывалок! Не мог боты зняць. Каб табе ногі паадсыхалі! Самагонкі шукаць? Каб ты ўжо напіўся, ды і засіліўся... Каб ты пайшоў і не вярнуўся...* (Л. Галубовіч).

Маўленчыя акты, як правіла, не адбываюцца без звароту – несумненна пафасна валентнай фігуры маўлення і, адначасова, прагматычнага апэратара, напр.: *А чаго, беларус, ты маўчыш?! І табе годзе, братку, драмаць: Калі можна гукаць – ты маўчыш, Каб пасля не прыйшлося шкадаваць...* (М. Чарот). – *Шапоўныя грамадзяне, члены саўгаснай гаспадаркі “Гігант”, якая створана па ўказанні партыі на прадмет хутэйшага ўступлення ў светлае будучае – камунізм* (А. Асіпенка); *Пралетары ўсіх краін, яднайцеся!* (надпіс на гербе СССР).

Зваротак выступае рэгулюючым аператарам сацыяльнай іерархіі. Ім вызначаецца сацыяльны статус асобы ў афіцыйных абставінах і дыстанцыя зносін, напр.: *Таварышы, давайце прыступім да справы, дзеля якой, уласна кажучы, мы і сабраліся тут* (Я. Колас); *Калегі! Усе мы ведаем магчымасці нашай “слаўнай” айчыннай медыцыны* (У. Ліпскі); *Грамадзяне калгаснікі! П’янства – нікчэмная рэч!* (Л. Прокша); *Грамадзяне, калі ласка, падрыхтуйце білеты для кантролю* (Л. Прокша). – *Таварышы! Да вас прыйшлі шэфы! – нягучна, але бадзёрым голасам абвясціла сястра, не дадаўшы да першага слова “раненыя”, і мне гэта спадабалася, бо ўсоды ў імпіталях толькі і чулі “таварышы раненыя” ды “таварышы раненыя”...* Сястра не хацела лініі раз напамінаць салдатам пра іх калецтва (К. Каліна).

Агентуўнае імя ў зваротце выражае дынаміку памкнення да рэалізацыі пэўнага акта: – *Дай мне!* – устаў з падаконніка Дубадзел. *Яшчэ да таго, як Барыс даў згоду, Дубадзел рушыў да стала прэзідыума. Момант стаяў моўчкі, сярод нацятай цішыні. Выцягнуў шыю, ускінуў галаву, раішчы, адважны.* – *Гражданае, а таксама гражданкі сяла Глінішча! І асабліва – калхознікі, якія ўчора разабралі сваю маемасць і тым самым выйшлі з калхоза “Рассвет”!* – *Голас яго быў поўны настойлівасці і закліку* (І. Мележ). У кастрычніку 1986 г. быў надрукаваны зварот ЦК КПСС “Воінам-інтэрнацыяналістам, якія вяртаюцца з Дэмакратычнай Рэспублікі Афганістан”: *Штодзённа рызыкуючы жыццём, вы, байцы-інтэрнацыяналісты, выратавалі тысячы афганскіх дзяцей, старых і жанчын ад крывавай расправы наёмных забойцаў і тэрарыстаў, далі магчымасць дзецям хадзіць у школу, сялянам збіраць ураджай, рабочым працаваць ля станка (“Звязда”).*

Звароткі па прычыне сваёй камунікатыўнай накіраванасці ўжываюцца разам з фігурамі закліку і з’яўляюцца інстытуцыянальнымі носьбітамі пафасу маўлення. Ім супрацьпастаўляюцца апелятывы, у якіх увасабляецца этас, прадстаўлены сістэмай устойлівых формул і выразаў, а таксама мноствам сітуацыйных маўленчых паказчыкаў, што ствараюць этыкетную рамку (норму) зносін. Аднак неабходна адрозніваць феномен апелятыўнасці (адрасатнасці) ад накіраванасці (рус. *обращённость*).

Апеляцыя – не зварот, а этычны “падыход” да адрасата. Рэфлексіўныя вербальныя апелятывы выступаюць інструментам рэгулявання асабистых адносін і выяўлення пачуццяў чалавека ў размове. – *Насця! Настачка! Настуля!.. Сюды-тка бяжы!.. Ды хутчэй!* (В. Зуёнак). *Што мне рабіць? Вярнуцца, родная мая, што мне рабіць?* (М. Зарэцкі); *Дзякуй на добрым слове, Лявонка* (А. Петрашкевіч); *Пойдзем яшчэ ў ваду, Павёлка?* (У. Караткевіч); – *Што, золата маё ненагляднае, пракалася мяне, ненавісніка?* (Я. Купала); – *Яўхімка, зяцёк мой даражэнькі, – завіхалася каля маладога мачыха* (І. Мележ).

Апелятыў – прадукт мастацкай творчасці, напрыклад: *І даўно ўжо трэ было гэтак сказаць, мая ты кветачка майская* (І. Купала); *Мая ты птушачка без крылаў, пайшла б на вуліцу, у сад* (Г. Марчук). *Ну, ну, петушок! Не гарачыся, паспееш з козамі на торг* (І. Купала). Апеляцыя – крыніца эмпатыі да адрасата: “*А як жа ты жывеш, Арсенька?*”, – спытала Галя, і ў яе голасе, і ў гэтым змяняльна-ласкальным “*Арсенька*” мне пачуліся дабрыва і спагаднасць да людзей, адвеку ўласцівыя працавітай беларускай сялянцы (В. Марціновіч); “*Праходзь, Ігарочак, праходзь, гаротненькі, – шкадуе яго нейкая спагадлівая цётка, – хіба ж мы не людзі, не разумеем*” (Г. Кісялёў). Апеляцыя ў адрозненне ад зваротку арыентавана на імперсанальнага Другога і, па сутнасці, не мае інстытуцыянальнага статусу.

Да фігур азначэння належаць ідэнтыфікацыйныя азначэнні. У гістарычным плане значны ўплыў на фарміраванне ідэалагізаванага слоўніка беларускай мовы зрабіў падзел свету на дзве антаганістычныя сістэмы – сацыялістычную і капіталістычную. Прынцып “сваё – чужое” выразна выяўляецца ў дыхатаміі паняццяў *сацыялістычнае – несацыялістычнае, пралетарскае – непралетарскае, савецкае – несавецкае* і г.д. Азначэнне *пралетарскае* ўкараняецца як асноўны крытэрыў пры стаўленні да ўсіх прадметаў і з’яў рэчаіснасці, напр.: – *Цвёрдасці ў цябе мало!* – сказаў з напрокам Міканор. – *Ніякай пралетарскай стойкасці* (І. Мележ); – *У мяне, Маруся, жылістая пралетарская нянавісць крывавай стрэмкай сядзіць...*; – *Я цябе ў першыя шарэнгі настаўлю, і павядзеш ты маладыя параткі на пралетарскай дарозе...*; – *Краіне патрэбны пралетарскія кадры. Кадры, Сяня, рашаюць усё* (А. Асіпенка). “*Не магу маўчаць!*” Ад болю за нашу светлую справу, якой бацькі нашы аддалі маладосць і пралетарскую кроў (А. Асіпенка); – *А контррэвалюцыя – я табе з усёй пралетарскай праматой заяўляю – была грознай сілай на ўсіх гістарычных этапах сацыялістычнай рэвалюцыі* (А. Асіпенка). *Глеб Кротаў выпіў штрафную зухавата, па-маладзецку крэкнуў і па-пралетарску панюхаў скрынку хлеба* (А. Асіпенка).

Тэрмінам новай сацыялістычнай рэчаіснасці стаў прыметнік *савецкі*. У яго пафасна-ідэалагізаваным змесце знаходзіцца адгалосак міф аб перавазе, “лепшасці” ўсяго савецкага, напр.: *савецкая культура, савецкая мараль, савецкі патрыятызм, савецкі быт, савецкая навука, савецкая моладзь, савецкія жанчыны, савецкі лад жыцця, савецкая сям’я (народаў)* і інш. *Калі сцісне дачасна імглой, ты скажы: хоць пагаслі зарніцы, ды над нашай савецкай зямлёй будзе вечна зіхцець Мілавіца...* (Ул. Дубоўка).

Выключную прагматычную значнасць у сацыялістычнай рэчаіснасці меў прыметнік *ленінскі*. Устойлівы характар набылі выразы *ленінскі стыль работы, ленінская нацыянальная палітыка, ленінскія нормы партыйнага жыцця* і інш. Сублімацыйны змест мае прыметнік *ленінскі* ў тагачасных прыказках і прымаўках, напр.: *Ад ленінскай навукі мацнеюць розум і рукі. Ленінскі завет перааробляе ўвесь свет. Ленінская праўда святлей за сонца. Ленінскі завет ведае і малы і дзед і інш.* (БНПП).

Класава-прагматычную канатацыю мелі прыметнікі *бальшавіцкі, камсамольскі, сталінскі, марксісцкі, калгасны*; напр.: – *З камсамольскім прывітаннем і з пажаданнем хутчэй прыехаць у Мінск* (П. Трус); – *Бальшавіцкае вітанне савецкай уладзе і яе доблеснаму прадстаўніку таварышу Удоеву...* (А. Асіпенка); *Мы зьбярэм у гэтым годзе небывалы ўраджай. Для ўборкі маем жнейкі, маем сталінскі камбайн* (У. Ліпскі); – *Я кулю ў лоб пушчу, але ад нашай марксісцкай мэты не адступлюся* (А. Асіпенка); *Мы калгасным ураджаем усіх ворагаў пужаем* (Прымаўка).

Узвышэнне сацыялістычнага адбывалася шляхам нагнавання класавай варожасці да ўсяго іншага, у першую чаргу да таго, што непасрэдна звязана з капіталістычным укладам жыцця. Са знакам “мінус” праходзіла, як правіла, усё, што не мела дачынення да сацыялістычнага ладу, напр.: *буржуазная ідэалогія, буржуазная мараль, буржуазны нацыяналізм, буржуазная прэса, буржуазная дэмакратыя, буржуазная культура* і інш. Пагардлівы змест меў прыметнік *кулацкі*, напр.: – *Але ж у яго ідэалогія кулацкая*, – *усё яшчэ абураўся Алесь* (У. Шахавец). Але адзін і той жа прыметнік можа атрымаць цалкам супрацьлеглую канатацыю ў залежнасці ад таго, хто яго асэнсоўвае, параўн.: – *Дак от, кажу: добры чалавек! Добры, абыходлівы!.. Словам, парцейны!.. От і ўсё!*; *“Еты бацьку роднага ўтопіць, калі трэба, за савецкую ўласць! К этаму і не падыходзь блізка, не прасіяся на літасць! Парцейны ўвесь, да нітачкі! Зразу відно!”* – *падумаў Сцяпан, калі вайсковец [Зубрыч] пайшоў позіркам па другіх* (І. Мележ).

Фігурай азначэння з’яўляцца міёзіс – “фігура маўлення, якая заключаецца ў заведамым прымяненні ступені ці ўласцівасці чаго-небудзь” [7, с. 226]. Гэтая фігура экспрэсіўнага маўлення адрозніваецца ад літоты – тропы, звязанага з вербальнай суб’ектыўна-рэфлексійнай імпрэсіяй, што выяўляецца ў дэміну-тыўных дэрыватах. Для выражэння памяншальнасці ў беларускай мове існуе разгорнутая сістэма суфіксаў, якія пераходзяць ад значэння аб’ектыўнай памяншальнасці да выражэння шматлікіх гіпакарыстычных адценняў, якія фактычна не падаюцца класіфікацыі. Суб’ектыўная рэфлексія “маленькі – міленькі” – звычайная моўная з’ява, напр.: *Бязмежная жэласць да яе пранізала сэрца. – Няпраўда, няпраўда. Ты ж тая маленькая Волечка* (У. Дубоўка).

У выніку ідэалагізацыі жыццёвай рэальнасці феномен ласкавасці набывае ідэалагічна-класавы змест: – *Ласкавасць, Маруся, катэгорыя класавая*, – *павучальна сказаў тата* (А. Асіпенка). Меліяра-тыўная рэфлексія дэміну-тыўнасці змяняецца на пэярэтыўную эмоцыю, калі памяншальнасць становіцца падставай міёзісу. У інстытуцыянальнай рэальнасці сэнс “малы” набывае цалкам супрацьлеглае сатырычна-пагардлівае азначнае значэнне. Маласць ў такіх выпадках асэнсоўваецца як дробнасць, якая асацыіруецца з сацыяльнай нязначнасцю – нясталасцю, няспеласцю і г.д. – *Думаеш, клоп малы, ужо ў цябе ёсць нейкая недатыкальнасць асобы!* (А. Федарэнка); – *Ты яшчэ, кузака малая, слабы надто* (Н. Карпюк); параўн.: *Ён [Апейка] успомніў палескі жарцік, не раз чуты дома: “А за Гомелем людзі е?”* – *“Е. Толькі дробненькія”* (І. Мележ).

Пагардлівы змест набываюць у маўленні дэскрыптывы, якія сведчаць аб сацыяльнай нясталасці асобы: *З тыдзень абіваў парогі розных майстэрняў, фабрык і заводаў, гатовы пайсці на любую работу, але паглядзяць на мяне – і адмаўляюць. Жаўтароты* (І. Гурскі); *Хлопцы, дзяўчаты, што згрудзіліся ля вазоў – жаўтаротая, зялёная моладзь* (І. Навуменка); – *Прэч! Наз-зад, галапузья чэрці*, – *зашыпеў на хлапчукоў страўнік і пагразіў шабляй* (В. Хомчанка); *Ханскі сын, ичанюк жаўтавухі. Прыязджаў; <...> Убачыў... Адняў...* (У. Караткевіч); – *Малако матчына на губах не абсохла. Ай, блазnota!* (І. Гурскі); – *Давай, давай! Малакасос!.. Не згубіся. Цягнецца, што цяля.* (І. Пташнікаў); – *Смаркачы яшчэ з носа цякуць, а збіраюцца свет перайначыць...* (Я. Колас); *Мала ты ведаеш, зелень ты*, – *па-бацькоўску прамовіў Гардзеі* (І. Мележ); – *Разганю я вашу кампанію, жаніхі смаркатыя* (А. Асіпенка); *Рабінка <...> холадна, амаль варожа зірнуў на Мішу. – Малы ты яшчэ, сысунок ты яшчэ, каб гаварыць мне такія гаворкі* (М. Паслядовіч) [2, т. 5, с. 435].

На працягу стагоддзяў людзі, што належалі да ніжэйшых класаў, называлі сябе здрабнёнымі імёнамі. Гэтая традыцыя назіраецца ў справядстве Старажытнай Русі: *уніжальна іменавалі сябе прасіцелі ў чалавічых, паны – халопаў: Холопь твой Замятница Субуровь <...> Иванец, Богданко Сабуровь, Данилець и Данилко Сабуровь; даль есми ему паробка Титца <...> дивочьку Ульяницу Зеленовкову <...> Матренку Ивашкову жену да съ ее Васильцомъ <...> да третью сиротину Исаяца Зеновкова и сына...* «Правіла ўжываць імёны людзей, якія стаялі на ніжэйшай ступені сацыяльнай лесвіцы, з уніжальным суфіксам, – адзначае А.М. Палякова, – было да такой ступені абавязковым, што нават антрапонімы нярускіх, іншамоўных народаў – татар, башкір, калмыкаў і інш. – запісваліся ў рускіх дакументах таксама з суфіксам -к(а): *Татарин Исекайка Батырев тамгу свою приложил; Башкирец Досайка Иткиняев допрашиван; Черемисин Токпайка Актыбаев лисицу гонял*» [8, с. 56].

Фігура міёзісу выражаецца не толькі лексічна, але і з дапамогай марфалагічных сродкаў, якімі прыносіцца ў маўленне сатырычны пафас, “замешаны” на эмоцыі пагарды і здэкліваасці – злога высмейвання, кпіну. Пры дапамозе дэміну-тыўных суфіксаў рэфэрэнты пераводзяцца з плана мностваў у аспект велічынь. Напрыклад, слова *штука* з’яўляецца падліковым назоўнікам, суфікс -к-а надае гэтаму назоўніку памяншальнае значэнне, якое суправаджаецца эмоцыяй пагарды, напр.: – Глушак еты, Яўхім, – *штучка*: – *прамовіў унураны ў свае думкі Дубадзел. “Штучка” прыказаў так, што Башлыкоў зірнуў пільна. – Выкіне*

яшчэ. *Пабачыце* (І. Мележ). На такі ж узор атрымліваюць пагардлівую канатацыю словы *тып і суб'ект*, напр.: *Перада мною стаяў не страшна запушчаны Іван Дулька, а зусім мала на яго падобны чысценькі, прылізаны, як бы намазаны алеем, прыгладжаны тыпчык* (К. Кірэнка).

Пагардлівае значэнне ўласціва дэмінітывам, якія выражаюць маральную ацэнку, напр.: *Напэўна, і сірату з дзетдома гэтая лярвачка не прыняла б, каб усынавіць – нашто ёй клопат лішні* (А. Карпюк); *Усміхаецца нармальнай жаночай усмешкаю – ладная фіфачка, далібог* (Г. Далідовіч); – *Я ж сапраўды побач з ёю – звычайная мяшчаначка* (М. Герчык). – *Ах, праведнік. Падцілачку сабе знайшоў...* (У. Міхно); *Сцяпан Мікалаевіч пахітаў галавой: маўляў, слабочок ты, Сіма* (А. Асіпенка); *Як і кожны раз, калі ўпіхалі новага чалавека, падскочыў нахабна нізкарослік...* (Г. Далідовіч).

Пафас сацыяльнай пагарды ўласцівы вытворным, якія маюць дачыненне да сферы палітыкі, г.зн. звязаны з інстытуцыянальнай рэальнасцю. Паказальным у гэтых адносінах з'яўляецца ўжыванне дэмінітыўнай формы ад слова *дух* – *душок*, напр.: *Душок нядобры! – прамовіў ён /Башлыкоў/ значна... Позірк, якім навёў да Глушака, да Дубадзела, казаў, як гэта важна: “душок”* (Мележ). *Нейкі гнюсны душок распаўсюджаецца па краіне, пранікае ва ўсе шчыліны* (ЛіМ). – *А прадукт тваёй галавы гоніць брак з буржуазным душком* (А. Асіпенка); – *Сяло ў вас заможнае, контррэвалюцыйнага душку хапае. І, вядома, контррэвалюцыйнай прапаганды* (І. Мележ). Прыведзеныя намінацыі выражаюць эмацыянальна-ідэалагічную ацэнку з уласцівым ёй сатырычным пафасам.

Ужыванне пэярэтыўных дэмінітываў у гістарычным кантэксце звязваецца з выражэннем пафасу класавай нянавісці да прадстаўнікоў пэўных сацыяльных груп і класаў: – *Дражніць будуюць... Там адны буржуйчыкі вучацца* (А. Асіпенка). – *Каровы нядоеныя і някормленыя равуць, верашчаць свінні, а навяўленыя калгаснічкі нашы чацвёрты дзень гуляюць* (А. Асіпенка). *Адных “контрыкаў” – налева, другіх, бытавікоў, – направа* (Г. Далідовіч); – *Слабец афіцэрск, – сказаў Каварскі, – але перакуем і загартуем...* (А. Асіпенка); – *А ты не больна страшчай, камісарык, – вызверыўся афіцэр* (С. Грахоўскі); *Умінскіх інстытутах энайшліся аслепленыя, страціўшыя класавае чуццё інтэлігенцікі...* (Асіпенка). *“Змылачак ты фюрэрскі”, – усміхнуўся ў думках* (Я. Брыль). *Сказала: “Толькі не з гэтым фрыцыкам”* (К. Каліна); – *Сярод немчыкаў е такія хлопцы, што хоць ты іх у зводныя бяры, – азваўся Максім Ус. – Самі гэтага каменданціка на растанцовым крыжы разануць* (С. Грахоўскі). Дэмінітыўны суфікс прыніжае прафесійную годнасць, напр.: – *А гэты шафярок... Ён тыдзень назад атрымаў правы, які ў яго вопыт...* (М. Герчык).

Сярод дэмінітыўных суфіксаў, якія ўжываюцца ў вытворных з адчужальным значэннем, найбольшай экспрэсіяй валодае суфікс *-еньк*. Будучы прадуктыўным у сферы выражэння суб'ектыўна-аб'ектнай эмпатыі, гэты суфікс выяўляе не меншую прадуктыўнасць у адчужальна-пафаснай функцыі, прыносячы ў выказанне здэкліва-пагардлівую канатацыю, напр.: – *Далёка твайму Барысу да яго [Івана]. Гэты шанавец не будзе, сам любіць, каб яго шанавалі. А як жа! Рос у мамачкі адзіненькі ды любіменькі* (Л. Гаўрылькін) (параўн.: *мамчын сыноч 'збалаваны, распешчаны хлапчук, малады чалавек'* – [2, т. 5, с. 432]; – *Ну і дурны ты, – выпаліў Сценка і пайшоў, кінуўшы напаследак: Свяценькая душа* (А. Асіпенка); *Апейка глядзеў на здаровы, загарэлы твар, на гладкія чырвоныя шчокі і тоўстыя губы, якія, мабыць, любілі смачненькае, і думаў: “Хітры, разумны. Ліс...”* (І. Мележ) і *нейкі немчык, дохленькі, дробненькі, паўтара метра з шапкай* (М. Герчык).

Спецыфічнае прагматычнае адценне прыўносіцца ў выказанне формамі множнага ліку назоўнікаў, утворанымі ад дэмінітываў, напр.: – *Без разгаворчыкаў таксама нельга, – сказаў ён [Дубадзел] павучальна, значна. “Разгаворчыкі”, – вымавіў з насмешкай* (І. Мележ); – *Не ведаю вашых настройчыкаў, а я настроены працаваць як трэба; – А не нашы настройчыкі пакіньце пры сабе* (С. Грахоўскі); – *Нельга ісці на паваду! Нельга патакаць усякім настройчыкам! Весці за сабой – вось што трэба!* (І. Мележ); – *Ведай, як мы жывем, як ваюем. Гэта табе не па тратуарчыках хадзіць* (І. Шамякін); – *Гэты, пэўна, дэкрэцікаў бальшавіцкіх навёз* (С. Грахоўскі).

Пры ўжыванні эмацыянальных дэмінітыўных форм нярэдка сустракаюцца выпадкі эмацыянальнага дапасавання – прыметнік, як і назоўнік, ужываецца ў памяншальнай форме; напр.: *Завязалася гамонка. Граптам адзін немчык, гэтка дробненькі, пусценькі і рудзенькі, як абмалочаны жытнёвы каласок, зірнуў на мае баявыя медалі ды пытае: “Дзе, пан, пух-пух і бах-бах?”* (М. Капыловіч); – *Смерць не люблю такіх, што беленькія ручкі баяцца запэцкаць у чорнай варожай крыві* (А. Асіпенка); *Побач з ёю сыноч – даволі тоўсценькі, мاردасценькі* (М. Герчык).

Аб'ектыўнай падставай фігуры міёзісу з'яўляецца семантыка недастатковасці. Ёй супрацьпастаўляецца рэфлексійны сэнс інтэнсіянальных кантэкстаў “недахопу”, параўн.: *не дастаткова і не хапае*. Значэнне недастатковасці перадаецца ў беларускай мове таксама прыставачным спосабам. Утвораная са злучэння адмоўнай часціцы *не* і прыстаўкі *да*, прыстаўка *неда-* надае дзеясловам і вытворным ад іх словам значэнне незавершанасці; напр.: *недарабіць, недакончыць, недаразвіты, недаспелы* і інш. У прагматычных кантэкстах гэтае значэнне інтэрпрэтуецца адмоўна. Сама па сабе мэта, як і іншыя суб'ектыўныя інтэнцыі, арыентавана на закончанасць і вынік.

Экспрэсіўныя вытворныя з прыстаўкай *неда-* выкарыстоўваюцца з мэтай абразіць асобу, прынізіць яе вартасць; напр.: – Ну і **недатумак ты**, Сімка (А. Асіпенка); *Маладзіца хіхікнула ўслед і да Лабановіча даляцелі словы: – Гэта мужчына: ад бабы ўцёк... Неданосак! Стоптаны лапаць!* (Я. Колас). Адмоўнае значэнне маюць словы *недавучка* (*недавук*) ‘чалавек, які не завяршыў адукацыі, вучобы, абучэння’. [Таня]: – *У твайёй Веры залатыя рукі. На ёй зараз уся майстэрня трымаецца. А я толькі **недавучка**. Нічога толкам не ўмею* (М. Машара) [2, т. 3, с. 358]; *недавьярак* ‘бязлітасны, жорсткі чалавек, ліхадзей’. [Ласяне] *яшчэ з тыдзень хадзіла. А потым і яго не стала. Таксама забілі, **недавьяркі*** (М. Ермаловіч) [2, т. 3, с. 358], *недалуга* ‘няспрытны, няўмелы чалавек; недарэка, няўклода’. – *Чаго поркаешся? От, **недалуга**, – гукнула Марфа знізу. – Хутчэй.* (М. Савіцкі) [2, т. 3, с. 358]; *недаростак* ‘той, хто не дасягнуў інтэлектуальнай сталасці’. Літаратурныя недаросткі. [2, т. 3, с. 362]; *недарэка, неданосак, недатопак* і інш. Рэзка адмоўны прагматычны змест уласцівы вытворным з прыстаўкай *неда-*, якія абазначаюць рэшткі чаго-небудзь; напр.: **Недабіткі фашысцкай аховы адыходзяць пад напорам сілы** (Я. Брыль); *Слухайце вы, **недабіткі пыхлівыя**. Вось мой рахунак, Бязмерная крыўды цана...* (К. Кірэенка).

У гістарычным кантэксце вытворныя з прыстаўкай *неда-* ўжываюцца для выражэння пафасна-ідэалагізаваных ацэнак, напр.: – *Зразумей мяне хоць і палітычна няспелым розумам, што я ў лютай нянавісці скрыгачу зубамі, калі бачу сытых, укормленых, **недарэзаных класавых тыпаў** на фоне бескультурнасці дзяцей і юнакоў* (А. Асіпенка); – *Можжа дваранін? – Дваранін без можжа. Ты яшчэ скажы, што я **буржуй недарэзаны*** (В. Хомчанка); *Псіхалогію спаўнення **нацыянальных недапекаў** да злачыннасці добра апісаў А. Адамовіч у апавесці “Карнікі”; Караў нашых супляменнікаў Бог у час акупацыі не так нацыянальным нігілізмам, як **нацыянальнай недапечанасцю*** (У. Калеснік); параўн.: // *недапечаны* ‘прыдуркаваты’ *Недапечаны хлопец* [2, т. 3, с. 361].

Такім чынам, фігура міёзісу як заведамае прымяненне выкарыстоўваецца ў прагматычных кантэктах у актах эмацыянальна-ацэначнай ідэнтыфікацыі і ў сувязі з прэпазіцыянальнай функцыяй. Сатырычна-пафасная канатацыя дэмінітуўных вытворных тлумачыцца іх сувяззю з прэпазіцыянальнай функцыяй. Такая сувязь адсутнічае ў выпадках суб’ектыўнай рэфлексіі, у якой ставіцца акцэнт на падабенства, і памяншальныя формы маюць выключна меліяратыўную канатацыю.

Як фігура азначэння трактуюцца афарызм. Пафасна маркіраваныя прамовы звычайна афарыстычныя. Уласціваць афарыстычнасці прадугледжвае дакладнасць, сцісласць, лаканічнасць і лапідарнасць маўлення. У сучаснай беларускай мове сталі гістарызмамі шматлікія афарызмы сацыялістычнай рэальнасці: **Сацыялізм – не задача, а светлае будучае працоўнага народа і пралетарская фармацыя, да твайго ведама. І будаваць яго будзе рабочы клас у змычцы з бяднейшым сялянствам па сваіх законах, якія будуць пісацца ў ходзе самога будаўніцтва. Гэта буржуазія выдумвала розныя законы, каб трымаць народ у цемры і невуцтве. Мы свае задачы будзем рашаць проста: хто не з намі, той наш вораг, і мы вымецем нязгодных з намі пралетарскай мятлой** (А. Асіпенка). – *Запомні раз і назаўсёды, каб я больш ніколі не напамінаў табе: бога няма, – сярдзіта сказаў настаўнік. – Яго выдумалі папы і эксплуатаатарскія класы. **Рэлігія – опіум народа**. Запомні і паўтары: **рэлігія – опіум народа*** (А. Асіпенка). – *Вуй, вуй, ві пачувайце, пра што ён пітаецца! Нада! Хто пітае нада? **Камсамол – верны сын партыі!*** (А. Асіпенка). *І Ленін патрабаваў ад сваіх эмсараў жорсткасці, і каму як не яму належыць афарызм, што **рэвалюцыю не робяць у белых пальчатках*** (А. Асіпенка). – *У класавай барацьбе літасці няма, – хмурна сказаў Сцяпан Мікалаевіч. – **А калі лес сякуць – трэскі ляцяць. – Якія трэскі? Людзі! – крыкнуў Серафім Іванавіч*** (А. Асіпенка). – *А прыгадай кідкі лозунг: **кадры раішаюць усё!** А лепшыя кадры метадычна знішчаліся* (А. Асіпенка). ***Кадры – аснова ўсяму**. Башлыкоў заўсёды надаваў асаблівае значэнне кадрам* (І. Мележ).

Інстытуцыянальныя дыскурсы цяжка ўявіць без уласцівай ім **фразеалогіі**: *Потым глянуў на Апейку, паведамлі аптымістычна: – Сказаў: **голавы здымуць!*** (І. Мележ). *Перы за ўсё – вывады пра сябе, пра нашу дзейнасць. Трэба адкрыта паглядзець, **назваць рэчы сваімі імёнамі*** (І. Мележ). – *Цяпер шмат хто з тваіх прыстойных зняў маску, каб **раскачваць савецкую лодку**. Ды не выйдзе ў іх. Не выйдзе! У нас была і будзе адна партыя, **і ніякіх гваздзёў!** А хто супраць, хай саступіць з дарогі. Нас шмат...* (А. Асіпенка).

Пэўная колькасць фразеалагічных адзінак перайшла ў грамадска-палітычнае маўленне з мовы ваенных: *узяць на прыцэл, браць агонь на сябе, разведка боем, цяжкая артылерыя, вяртацца ў строй, біць адбой, адзіным фронтам, падстаўляць пад удар, трапіць у цэль, браць (узяць) на ўзбраенне, біць трывогу, перайсці ў наступленне, міна запаволенага дзеяння і пад. Пры фразеалагізацыі ваенных тэрмінаадзінак назіраецца двайная актуалізацыя – выкарыстанне словазлучэння як у прамым, так і ў пераносным значэнні. Такім чынам, у кантэксце рэалізуюцца абодва значэнні фраземы. Напрыклад, фразеалагізм *браць (узяць) на ўзбраенне* выкарыстоўваецца і з літаральна ваенным тэрміналагічным значэннем як ‘забеспячэнне арміі зброяй’, так і з *браць на ўзбраенне* ‘дамаўляцца аб аснашчэнні войска зброяй’ і *браць на ўзбраенне* ‘дзейсна выкарыстоўваць, прымяняць у сваёй практыцы, дзейнасці’ [2, т.1, с. 404–405].*

Заклучэнне. Саслоўе як сацыяльная група не з’яўляецца грамадскім інстытутам – не мае інстытуцыянальных прыкмет і ўласцівасцей класа. Адносіны паміж рознымі саслоўямі выяўляюцца ў этычным

феномене чужасці (“сваё-чужое”). Між тым, ідэалагізацыя жыццёвых стасункаў прыводзіць да нехарактэрных для этычна-рэфлексіўных элементаў мовы семантычных зрухаў. Яны набываюць неўласцівы ім дыскурсіўны змест і становяцца выразнікамі пафасу. Назвы людзей паводле саслоўнай прыналежнасці часцей становяцца выразнікамі сатырычнага пафасу. Палітызацыя жыцця прыўносіць у этычныя назвы рэвалюцыйны пафас, якім суправаджаецца стан сацыяльнага напружання, міжнацыянальныя канфлікты і крызісныя з’явы. Як вынік, неантаганістычныя па сутнасці супярэчнасці становяцца антаганістычнымі і маюць адкрыты выхад у практыку вуснага і пісьмовага маўлення.

ЛІТАРАТУРА

1. Волков, А.А. Курс русской риторики / А.А. Волков. – М. : Издательство храма св. муч. Татианы, 2001. – 480 с.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. – Мінск : “БелСЭ” імя П. Броўкі, 1977–1984. – Т. 1. – 1977. – 608 с. ; Т. 2. – 1978. – 768 с. ; Т. 3. – 1979. – 672 с. ; Т. 4. – 1980. – 768 с. ; Т. 5, кн. 1. – 1983. – 663 с. ; Т. 5, кн. 2. – 1984. – 608 с.
3. Аннушкин, В.И. Риторика. Вводный курс : учеб. пособие / В.И. Аннушкин. – М. : Флинта, 2006. – 292 с.
4. Бадзевіч, З.І. Каб ты доўга жыў... Праклёны ў творах Якуба Коласа / З.І. Бадзевіч // Мова – літаратура – культура : VII Міжнар. навук. канф., прысвечаная 130-годдзю з дня нараджэння Я. Купалы і Я. Коласа, 27–28 верасня 2012 г., Мінск, БДУ : зб. навук. арт. / [пад агульн. рэд. Т.І. Шамякінай]. – Мінск : Бел. дзярж. ун-т, 2012. – С. 126–130.
5. Крапіва, К. Збор твораў : у 5 т. / К. Крапіва. – Мінск : Маст. літ., 1974–1976. – Т. 5 : Нарысы, артыкулы, пераклады. – 1976. – 447 с.
6. Солахаў, А.В. Рытмічна-гукавая і вобразна-выяўленчая арганізацыя беларускіх праклёнаў / А.В. Солахаў, В.А. Ждановіч // Текст. Язык. Человек : сб. науч. тр. : в 2 ч. ; редкол.: С.Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь : МГПУ им. И.П. Шамякина, 2017. – Ч. 2. – С. 28–32.
7. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 608 с.
8. Полякова, Е.Н. Из истории русских имен и фамилий. Книга для учащихся / Е.Н. Полякова. – М. : Просвещение, 1975. – 160 с.

Паступіў 22.04.2020

PATHOS STRATEGIC ARSENAL: FIGURES AND ACTS OF SPEECH

T. IGNATYUK

The article explores the means of expression and the effective manifestation of the individual as a social unit that create the strategic arsenal of the pathos category. Particular attention is given to the pragmatically marked figures of speech, speech acts and phraseology that are part of the strategic arsenal of the pathos category. Dialogues and isolation figures are delineated and analyzed. The first include appeals, slogans, appeals, curses. Definition figures include identity definitions, myosis, pathetically labeled aphoristics and phraseology. Examples of speech figures are given in order to demonstrate their pragmatic significance of his speech and to argue that the pathos of speech is tightly connected to the social status and the identity identification of the speaker.

Keywords: social contradictions, pathos, figures of dialogism, figures of isolation, identity.

РЕЦЕНЗИИ

Наумова, А.В. Феномен культурного пограничья в творчестве Иво Андрича / А.В. Наумова ; под науч. ред. И.А. Чароты. – Минск : РИВШ, 2018. – 246 с.

Появление в Беларуси первого монографического исследования, посвященного творчеству Иво Андрича, – отрадный факт. Иво Андрич, несомненно, один из великих писателей XX в., о котором стоит знать и стоит говорить в курсах лекций по зарубежной литературе. К сожалению, в ее истории ему, как правило, уделяется незаслуженно мало места.

Проблема пограничья меня самого интересует давно в самых разных аспектах – начиная от проблемы раздробленности Германии, когда все 300 государств представляли собой сплошное «пограничье», включавшее в себя и Сербскую Лужицу, часть которой принадлежала Пруссии (с ее четким протестантизмом), а другая часть находилась в Саксонии, где сравнительно мирно сосуществовали католики, протестанты и пиетисты. Для Беларуси проблема пограничья – в истории и современности – одна из важнейших. В этом плане балканское пограничье заслуживает пристального внимания как аналогичная по многим признакам модель. Именно Иво Андрич в своем литературном творчестве наиболее полно и глубоко осуществил осмысление этой модели, преломленное через историю и настоящее, через фольклор и литературу, а также через мироощущение всех субъектов балканского пограничья.

Монография Анны Владимировны Наумовой «Феномен культурного пограничья в творчестве Иво Андрича» обладает большой степенью новизны. Прделанная исследовательская работа убедительно показывает своеобразие и уникальность феномена пограничья в творчестве Иво Андрича. Впервые в отечественном литературоведении разработана общая методология рассмотрения пограничных явлений в литературе. Она включает три обязательных элемента: анализ рецепции, убедительно отражающий специфику и комплексный характер рассматриваемой проблемы (глава 1); интерпретацию феномена пограничья как «вещи в себе», вне контекста, исходя из него самого (глава 2); и, наконец, выявление отношения, связи исследуемого феномена со средой в рамках сравнительно-исторического анализа (глава 3). Новыми являются предложенные А.В. Наумовой по отношению к творчеству Андрича терминологические определения – «странники культуры», коллективный психологизм, «модель мира пограничья». Стоит отметить, что именно с помощью этих понятий исследовательница смогла оригинально и убедительно объяснить своеобразие феномена пограничья, который, как она справедливо отмечает, «пронизывает» все уровни андричевского текста. А.В. Наумова изучила фольклорные и мифологические элементы исторической прозы Иво Андрича, представляющие собой архетипическую объективизацию памяти о прошлом в сознании жителей Боснии. Важно, что, исходя из цели своего исследования, она рассматривает их в динамике, во взаимодействии. Таким образом, на примере разночтений в восприятии прошлого представителями разных этнокультурных групп демонстрируется столкновение субъектов пограничья и раскрывается сущность феномена пограничья в творчестве Андрича.

Многие исследователи отмечали специфическое использование категории времени в прозе Иво Андрича, спорили о его линейности или цикличности. А.В. Наумова нашла свой, новаторский, путь в изучении хронотопа произведений Андрича в связи с воплощением феномена пограничья в его структуре. Она предлагает рассматривать структуру хронотопа его произведений как систему границ, воплощенных писателем с разной степенью конкретности и абстрактности. Это границы между историческими эпохами, цивилизационными комплексами, между частями города, берегами реки, идеологическими противниками, воюющими сторонами и т.д.

А.В. Наумова, очевидно, изучила огромное количество научных источников, посвященных творчеству И. Андрича, и выбрала те из них, которые непосредственно касаются феномена пограничья в его творчестве. Кроме того, этот раздел сам по себе имеет большую научную значимость, так как представляет собой не фактический материал и «летопись» андричеведческих исследований, а весьма удачную попытку анализа рецепции этнокультурной проблематики Иво Андрича в республиках бывшей Югославии, а также Беларуси, России и Украине. Уже здесь диссертантка приходит к интересным наблюдениям и выводам, связанным с расхождениями в рецепции исторической прозы Иво Андрича в России – с одной стороны, в Беларуси и Украине – с другой. Она дискутирует, полемизирует с точкой зрения андричеведов из восточнославянских стран, предлагает собственный взгляд на обсуждаемые проблемы.

Весьма вероятно, что Анна Владимировна в будущем продолжит исследования на смежные темы, что, несомненно, стоит поддержать, имея в виду значимость проблематики пограничья для литератур восточнославянских и балканских стран. Автор, обосновывая актуальность исследования и целесообразность отдельных исследовательских задач, всегда учитывает применимость используемой методологии не только для анализа творчества Иво Андрича, выбранного в качестве предмета исследования, но и для рассмотрения феноменов пограничья в литературе в целом.

Замечания по монографии я хочу сформулировать не столько как недостатки, сколько как пожелания для дальнейшего всестороннего исследования творчества этого большого писателя.

1. Проблема пограничья в творчестве И. Андрича, заявленная в названии книги, разработана, на мой взгляд, безукоризненно. Отработав в Институте славяноведения РАН более 20 лет и приняв участие в обсуждении многих коллективных трудов и монографий в разных отделах, я давно заинтересовался творчеством И. Андрича, но только после прочтения книги А.В. Наумовой по-настоящему понял проблему пограничья как действительно важнейшую общечеловеческую проблему, которая всю жизнь не отпускала

сербского писателя и заставляла его снова и снова к ней возвращаться. И все же раздел «Отражение национального своеобразия через фольклор и мифологию» [1, с. 81–86] хотелось бы увидеть в более развернутом виде, в том числе и потому, что национальное своеобразие немислимо без национального фольклора и мифологии, и они представлены на Балканах в избытке, в том числе и в творчестве И. Андрича.

2. Второе пожелание связано с первым и является в какой-то степени его конкретизацией. В том же разделе «Отражение национального своеобразия через фольклор и мифологию» неоднократно повторяется понятие «демифологизация» и приводятся яркие примеры, убедительно доказывающие, что демифологизация распространенных мифологических сюжетов и образов действительно занимала существенное место в мировоззрении и художественной палитре И. Андрича. Но всё же хотелось бы увидеть более подробное разъяснение того, каким образом этот писатель, прекрасно знавший и любивший с детства фольклор и мифологию сербов и боснийцев (и не только их), мог решиться на подобную демифологизацию, нередко граничившую с насмешкой и даже осмеянием. Сыграло ли здесь роль его обширное европейское образование, приверженность к усвоенному в Западной Европе просветительскому пренебрежению к средневековым языческим и религиозным предрассудкам? Или что-то другое, больше связанное с различной трактовкой одних и тех же сюжетов и мифов в различных этнических и религиозных группах?

3. «Пограничность в прозе Андрича представлена тремя типами конфликта: общенсторическим, социальным и ситуативно-сюжетным» – таков один из выводов монографии. Кажется, что он в чем-то неполон. Попробуем в этом разобраться.

В качестве эпиграфа для развития этой мысли почти идеально подходят строки С.А. Есенина, написанные в 1924 г.:

...С того и мучаюсь, что не пойму –
Куда несет нас рок событий.
Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии... [2, с.122].

С.А. Есенин, находясь внутри непонятого и трагически воспринимаемого им социума, за два года до смерти начинает отчетливо осознавать, что он не сможет понять и принять этот социум «лицом к лицу», т.е. в «малом времени», поскольку сам социум находится в брожении, и судить о нем можно будет только в «большом времени», которое намного превышает продолжительность отдельно взятой человеческой жизни.

Тот факт, что А.В. Наумова так глубоко погрузилась в югославские источники, в разногласия многочисленных андричеведов по отдельным проблемам творчества писателя, что оказалась «лицом к лицу» с самими югославами (и не только с югославами) в «малом времени», а попытки вести дискуссии с отдельными точками зрения натываются на такие противоречия с самими текстами И. Андрича, что волей-неволей вынуждают искать другие подходы и другие точки опоры. И прежде всего остается незамеченным то, что великий писатель вел гораздо более крупную игру со всей европейской культурой, хотя и использовал в этой литературной игре югославянский материал. Вряд ли стоит напоминать, в каких городах и в каких университетах И. Андрич учился, какими языками он владел, какую дипломатическую карьеру он сделал, в том числе будучи многие годы – вплоть до начала Второй мировой войны – в Берлине в качестве чрезвычайного представителя югославского правительства. Как правило, исследователи забывают о том, какую сложнейшую эволюцию пришлось пережить И. Андричу за 83 года своей жизни и как поразному воплощалась эта эволюция в его творчестве. Все эти факты сами по себе известны, но до сих пор недостаточно исследованы в своих литературных последствиях.

Остановимся более подробно на одном непросто, но зато весьма показательном примере – небольшой повести «Времена Аники». Интрига скрыта уже в самом названии, несомненно связанном с широко распространенным сюжетом об Анике-воине. Но как и чем связанном? Для этого нужно проследить историю этого сюжета и заглавного персонажа. Он широко известен и изучен, представлен в России (но не только в России) огромным количеством духовных, светских, фольклорных, лубочных и авторских текстов. В конце XV в. на русский язык был переведен немецкий нравоучительный диалог «Спор жизни со смертью». Характерный для средневековой христианской литературы сюжет в XV–XVI вв. стал обрастать многочисленными национальными вариантами. В немецкой литературе это и фастнахтшпиль (*Fastnachtspiel Nic. Mercatoris*), и даже популярная народная песня, по жанру близкая к древним язычески-мифологическим и обрядовым песням, вроде «Спора зимы и лета». Оригинал для первоначального русского перевода, по-видимому, послужил текст, напечатанный в Германии и перевезенный в Новгород любекским типографом Бартоломеем Готаном [3, с. 23–24, 26–32, 407–409; 4, с. 292–294].

Но литературное освоение внешне незамысловатого сюжета постепенно привело к его «беллетризации» в XVI в., к внесению в него своеобразного развлекательно-рыцарского элемента: некий богатырь, не знающий поражений, возомнил, что никого нет на свете, кто мог бы одолеть его. Тут-то и «приде к нему смерть, образ имея страшен, а обличие имея человеческо», узрев которую «храбрый той воин утратился велми» [5, с. 292–294]. Постепенно выяснилось, что сюжет об Анике-воине оказался необыкновенно живучим, он продолжал волновать народную фантазию еще и в XIX в., вовлекая в свою орбиту творческих людей из различных прослоек общества, включая и профессиональных поэтов (сошло лишь на Н.А. Некрасова, который в поэме «Кому на Руси жить хорошо» написал: «Эх вы, Аники-воины! / Со стариками, с бабами / Вам только воевать!»). Но и филологи-ученые тоже не отставали: во второй половине

XIX в. за обработку и осмысление сюжетного материала взялся А.Н. Веселовский, а наряду с ним и целая когорта серьезных ученых, посвящавших этой проблематике не только большие статьи, но и целые монографии. Трудно допустить, что Иво Андрич, интересовавшийся, образно говоря, всем на свете, об этом не знал. Его повесть «Времена Аники» и «Аника-воин» не просто перекликаются именами главных героев (у Андрича – героиня). Только стоит напомнить, что среди многочисленных сюжетов об Анике-воине есть и «свирепые» варианты, в которых Аника-воин выступает как страшный, безжалостный разбойник, не знавший поражений и уничтожавший всё на своем пути, – не щадивший ни стариков, ни детей, сокрушавший и сжигавший всё живое и оставлявший за собой только пепел, – до тех пор, пока он не встретился со Смертью или (по другой версии) не попытался поднять тягу земную – ту самую, которую не смог поднять даже сам Святогор при встрече с Микулой Селяниновичем, по этой версии Аника-воин не выдержал позора и скончался на месте. В этом контексте название «Времена Аники» приобретает поистине символический смысл.

Не стоит забывать, что Иво Андрич подолгу учился, жил и работал в разных государствах и разных городах Западной Европы. Во всех странах и городах, где ему приходилось учиться, жить и работать, его интересовало буквально всё: политика, экономика, особенности культуры, национальный менталитет, язык, литература и т.д. Возьмем, к примеру, Вену, столицу Австро-Венгрии, затем Австрии, где он учился в университете, позднее – работал. Можно ли себе представить, что Иво Андрич, постоянно бывая в Вене, где жил и работал основоположник психоанализа Зигмунд Фрейд, не интересовался его книгами и его учением? Это представить невозможно, тем более, что от самого Фрейда и его учеников (например, Ф. Виттельса, автора книги «Сексуальный голод», 1908) произошли одни из самых известных и захвативших надолго, вплоть до нашего времени, опознавательных символов культуры XX в. – эрос и танатос.

Но пора возвращаться к нашим Аникам. Во многих произведениях И. Андрича бросается в глаза необыкновенная жестокость героев, прорастающая на сексуальной почве и связанная с этой жестокостью ненависть к женщинам – словно бы это именно они, женщины, виноваты в том, что мужчины никак не могут насытить свой «сексуальный голод». Ладно, если бы это были только отдельные маньяки. Но как расценивать такую, например, сцену из новеллы «Мустафа мадьяр», где безумие охватывает уже целый отряд из 15 человек (повествование ведется от лица главного героя, командира отряда): «Мустафа ехал с конным отрядом. Преследуя противника, отряд решил заночевать в имении, брошенном хозяевами. Конники собирались уже ложиться спать, когда обнаружили спрятавшихся за шкафами четырех мальчиков. Это были беленькие, аккуратно подстриженные, хорошо одетые барские дети. В отряде было пятнадцать человек, почти все из Анатолии. Они набросились на мальчиков и всю ночь передавали их, полумертвых от ужаса и боли, от одного к другому. Когда рассвело, дети, опухшие, посиневшие, не в силах были стоять на ногах. В это время налетел сильный отряд русских, и турки бежали, не успев даже прирезать детей. И вот теперь он видит их перед собой, всех четверых. Слышит топот русской конницы. Хочет вскочить на коня, но путается в стремени, они выскальзывают, и конь рвется из рук» [6, с. 36–37]. Подобным образом дело обстоит и в рассказе «Путь Али Держелеза», где герой буквально изнывает от «сексуального голода», то есть готов гоняться за каждой мелькнувшей юбкой: «Затем Держелез невольно бросил взгляд на угловое окно. При виде этого окна, закрытого, бездушного и загадочного, как взгляд женщины или человеческого сердце, в душе его с новой силой поднялись утихшие было гнев и боль. В безумном желании убить или оскорбить кого-нибудь протянул он свою волосатую руку в сторону окна, потрясая кулаком и посылая проклятие: – Сука ты, сука! – Голос был глухим от злости» [6, с. 22]; «Держелез, глядя на нее, растроганно и беспомощно разводил руками. Его пленили молодость, красота и даже пестрые шаровары, что развеялись как знамя, сливаясь с верхушками сосен и ясного неба. Тоска его будто искала выхода в безудержном веселье. Лишь на мгновение в душе вспыхнули боль и стыд: так скоро отречься от своей недавней тоски и гневного решения никогда не приближаться к женщине! Даже к кошке! Даже к кошке!..» [6, с. 25].

Подобные цитаты из разных рассказов и повестей можно приводить достаточно долго. Но повесть «Времена Аники» намного перекрывает все сюжеты, подобные вышеупомянутым. Здесь в безумие «сексуального голода», словно перед лицом смерти, впадают все без разбора: богатые и бедные, государственные чиновники и монахи, юноши и седые старцы. И всё во имя того, чтобы приблизиться к красавице, хотя бы дотронуться до нее или даже просто поговорить о ней с такими же бедолагами. Но всем дирижируют женщины (не только Аника, в повести упоминаются и другие женщины), они буквально натравливают героев друг на друга, и героини, словно в полусне, убивают своих соперников, но наводку (указание или даже приказ, высказанный мимоходом), дают именно женщины, особенно усердствует Аника, которая поначалу стремится испытать пределы своей власти над мужчинами. Пределов этих, кажется, и вовсе нет.

4. Не слишком ли подобные произведения напоминают карикатуру? Не гиперболу, не преувеличение, а именно карикатуру, пародию, очевидное желание что-то высмеять. Но как же тогда сербы, хорваты, боснийцы, турки, христиане, католики и исламисты все эти насмешки выдерживали и даже с удовольствием читали? Это отдельный вопрос, не будем на него отвлекаться. Но, с другой стороны, в истории литературы в разные века постоянно встречаются так называемые «роковые» женщины, от которых мужские персонажи не могут оторваться ни при каких обстоятельствах – от Елены Прекрасной до Манон Леско и Грушеньки Светловой. Подобных примеров можно легко набрать десятки, и это только подтверждает, что роковая женщины – не плод фантазии одного И. Андрича. Но проблему «сексуального голода» и «сексуальной революции» это никак не упраздняет. Скорее уж наоборот.

Как это ни прискорбно, но получается, что современное андричеведение всё еще не может закончить споры в «малом времени» и пока не хочет понять, что Иво Андрич в это «малое время» никак не укладывается, что он очень рано начал прозревать «большое время», и сегодня совершенно очевидно, что с «большим временем» он прекрасно справился. Моя важная гипотеза в данной рецензии состоит в том, что повесть И. Андрича «Времена Аники» представляет собой изящную пародию на погрязшую в непоправимых грехах западную цивилизацию, которая накануне ею же развязанных мировых войн и страшных катастроф XX в. не придумала ничего лучшего, как прикрыться фиговым листком «сексуального голода» – лучшего (то есть еще более примитивного) отвлекающего маневра эта цивилизация придумать не смогла. «Времена Аники» именно на это и намекают. Но намекают поначалу настолько «деликатно», в масштабах «большого времени», которое, как я уже отмечал выше, еще отнюдь не закончилось, и теперь уже не закончится – вплоть до новой всемирной катастрофы. Если принять эту гипотезу, то всё укладывается в достаточно ясную систему, отчего недостатки современного андричеведения проступают еще отчетливее.

5. В юности Иво Андрич называл себя боснийским католиком (его отец был боснийским католиком и пытался привить соответствующее мировоззрение сыну). Позднее Андрич предпочитал называть себя сербом. Но ведь и сербы были разные, и о своем вероисповедании писатель распространяться не любил. В молодости Андрич принадлежал к революционной террористической организации молодых анархистов, за что и пострадал и сидел в тюрьме в 1914 г., так как один из членов этой террористической организации убил наследного австрийского принца, что явилось формальной причиной начала Первой мировой войны, хотя сама война назревала уже давно. Отразился ли этот факт на творчестве писателя и каким образом? Безусловно отразился, как отразилось и всё, что он видел в разных странах в сфере культуры. В произведениях Андрича, если попытаться расположить их хронологически, можно отчетливо увидеть, насколько внимательно он изучал европейские духовные и литературные движения и веяния. В его творчестве обнаруживается вся палитра литературных течений: грубый натурализм, импрессионизм, экспрессионизм, новая вещественность и, наконец, магический реализм. Все это он пережил, и все это нашло отражение в его творчестве, хотя порой и столь причудливых соединениях и сочетаниях, что все это может присутствовать в одном и том же произведении. Уже отсюда вытекает целый ряд исследовательских задач: Андрич и натурализм, Андрич и экспрессионизм, Андрич и магический реализм и так далее.

Мне, к сожалению, не попадались исследования, где творчество Андрича рассматривалось бы в подобном ракурсе. Как мне кажется, такие исследования могли внести некоторую ясность и в трактовку повести «Времена Аники», поскольку способствовали бы более глубокому пониманию поэтики этого произведения, в котором писатель совершает скачок из «малого времени» в «большое время». Ранние стихотворные сборники Андрича явно экспрессионистичны, а такие произведения как «Мост на Дрине» и «Проклятый двор» (и некоторые другие) свидетельствуют о внимательном изучении писателем произведений немецких (и не только немецких) магических реалистов [7].

Кроме того, вряд ли можно всерьёз писать об особенностях поэтики писателя, не вникая по-настоящему в его биографию и в периодизацию его творчества. Приемлемую периодизацию можно найти в предисловии Меши Селимовича к русскому изданию «Избранного» И. Андрича. М. Селимович выделяет в творчестве Андрича четыре периода, но в характеристике литературного содержания этих периодов постоянно сбивается, потому что исходит из политических, идеологических и других внелитературных критериев, то есть не переходит границы «малого времени» [6, с. 5–13].

Аспект, выбранный для рассмотрения А.В. Наумовой, чрезвычайно актуален. Сформулированные выше «еретические» тезисы относятся не только к рецензируемой монографии, но и к современному андричеведению в целом. А в заключение следует еще раз подтвердить общую высокую оценку книги А.В. Наумовой как целенаправленного научного исследования, которое, как и всякое подлинно научное исследование, закрывая определенную проблему, открывает простор для новых разысканий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наумова, А.В. Феномен культурного пограничья в творчестве Иво Андрича / А.В. Наумова ; под науч. ред. И.А. Чароты. – Минск: РИВШ, 2018. – 246 с.
2. Есенин, С.А. Полное собр. соч. : в 7 т. / С.А. Есенин ; ИМЛИ РАН. – М. : Наука; Голос, 1995–2005. – Т. 2 : Стихотворения (Маленькие поэмы) / подгот. текста и коммент. С.И. Субботина. – 1997. – 464 с.
3. Deutsche Volkslieder = Немецкие народные песни. На немецком и русском языках / сост. А.А. Гугнина ; предисл. Б.И. Пуришева ; коммент. Т. Анищук. – М. : Радуга, 1983. – 480 с.
4. История русской литературы: в 10 т. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1945–1956. – Т. 2, ч. 1 : Литература 1220–1580 гг. – 1945. – 532 с.
5. Изборник : сб. произв. лит-ры Древней Руси / сост. Д.С. Лихачев, Л.А. Дмитриев. – М. : Худож. лит., 1969. – 800 с.
6. Андрич, И. Повести и рассказы / И. Андрич ; пер. с сербскохорватского, сост. Г. Попова. – М.: Радуга, 1983. – 496 с.
7. Гугнин, А.А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века (Феномен и некоторые пути его осмысления) / А.А. Гугнин. – М. : Институт славяноведения РАН, 1998. – 120 с.

*д-р филол. наук, проф. А.А. ГУГНИН
(Полоцкий государственный университет)*

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Виноходов Д.О.</i> Штрихи к биографии Яна Барщевского: «дубина народной войны»	2
<i>Иоскевич М.М.</i> Бинарная оппозиция «свой – чужой» как средство внедрения социального мифа в белорусских романах о коллективизации	13
<i>Лаппо М.С.</i> Вобразы Сярэднявечча і Рэнэсансу ў рамане У. Караткевіча «Хрыстос прыязмліўся ў Гародні»	19
<i>Губская О.Н.</i> Факт и образ в военной прозе С. Алексиевич (на примере книги «У войны не женское лицо»)	24
<i>Аляшкевич Т.А.</i> Інтэртэкстуальныя элементы ў творчасці Э. Акуліна	30
<i>Лушневская Е.В.</i> Специфика эпического сознания в «Песни о Хильдебранде», «Вальтарии» и «Песни о Нибелунгах»	35
<i>Папакуль Я.А.</i> Сродкі мастацкай выразнасці ў эдычнай паэме “Прароцтва вёльвы”	41
<i>Благодерова Е.И.</i> Мотив трудолюбия в произведениях Г. Торо и Н. Готорна	45
<i>Трацяк З.І.</i> Ступень даследавання амерыканскай літаратуры пра Першую сусветную вайну ў сучасным літаратуразнаўстве	51
<i>Vitacolonna L.</i> Light and Nothing. An Analysis of Hemingway’s <i>A Clean, Well-Lighted Place</i>	58
<i>Кузнецик Е.В.</i> Образ семьи в романе Г. Грасса «Траектория краба»	62
<i>Альшиевская А.С.</i> Разновидности антропоморфных образов-персонажей в художественной литературе	67

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Бетенья Е.П.</i> К истории вопроса о формализации сопоставительно-типологического описания языков	76
<i>Казимирова О.В., Найденко-Пайгерт М.Р.</i> Вербальные приемы манипулятивного воздействия в текстах выступлений британских политических лидеров	81
<i>Иванов А.Э.</i> Кооперативная стратегия искренности и ее актуализация в разговорных диалогах англоязычного и русскоязычного дискурса	87
<i>Наседкина Н.И.</i> Коммуникативное табуирование в речевом взаимодействии участников интернет-сообществ	94
<i>Шийка С.В.</i> Мотивы выбора древнерусских княжеских личных названий на исторической территории белорусско-украинского пограничья	100
<i>Петрачкова И.М.</i> Отражение стилистики постмодернизма в онимическом пространстве комедий О. Богаева	106
<i>Рыжкович А.Ч.</i> Союзобразующий потенциал темпоральных предложных сочетаний с базовыми компонентами время / час в русском и белорусском языках	114
<i>Кузьменко Н.В.</i> Меронимы современного английского языка в свете теории грамматикализации	121
<i>Козлова Т.А.</i> Коннотация в структуре лексического значения наименования моральных качеств	128
<i>Логвинова И.В.</i> Словообразовательные суффиксы имен прилагательных в тексте романа Р. Шнайдера <i>Schlafes Bruder</i>	132
<i>Ігнаціук Т.М.</i> Стратэгічны арсенал пафасу: фігуры і акты маўлення	137

РЕЦЕНЗИИ

<i>Наумова, А.В.</i> Феномен культурного пограничья в творчестве Иво Андрича / А.В. Наумова ; под науч. ред. И.А. Чароты. – Минск : РИВШ, 2018. – 246 с. (<i>Гугнин А.А.</i>)	144
---	-----